FOR THE PEOPLE

THE AMERICAN MUSEUM
OF
NATURAL HISTORY
BY GIFT OF
PROF. J. A. ALLEN

Б. М. ЖИТКОВЪ и С. А БУТУРЛИНЪ.

МАТЕРІАЛЫ

B. M. Jitkow & S. A. Buturlin

Materials for Avifauna.

Empire of Simbirsk.

St. Petersburg, 1906.

Extract from Vol. XLI, Mem. National Geography,
Imperial Russian Geographical Society.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1906

Б. М. ЖИТКОВЪ и С. А БУТУРЛИНЪ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ОРНИТОФАУНЫ

СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Отдѣльный оттискъ изъ т. XLI „Записокъ по общей географіи“
И. Р. Географическаго Общества.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1906

07 29033

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стран.
Введеніе.	. . . . .	I— II
Глава I.	Орографическое описаніе Симбирской губерніи . .	1— 27
Глава II.	*Colymbidae* и *Podicipedidae*.	28— 43
Глава III.	*Charadriidae*.	44— 86
Глава IV.	*Gruidae Otididae* и *Rallidae*.	87—121
Глава V.	О строѣ перелетныхъ птицъ.	122—139
Глава VI.	*Tetraonidae*.	140—162
Глава VII.	О токахъ тетеревовъ. О перелетахъ куропатокъ въ юго-восточной Россіи	163—192
Глава VIII.	Голуби, цапли и́ аисты.	193—204
Глава IX.	*Anatidae*.	205—232
Глава X.	*Falconidae* и *Strigidae*.	233—275

ВВЕДЕНІЕ.

Настоящая работа представляетъ собою сводку наблюденій надъ фауною птицъ Симбирской губерніи, сдѣланныхъ обоими авторами за довольно продолжительный періодъ послѣднихъ пятнадцати лѣтъ въ теченіе неоднократныхъ, но въ общемъ, къ сожалѣнію, непродолжительныхъ наѣздовъ въ предѣлы описываемой мѣстности. Болѣе подробно имѣли мы возможность изучать Ардатовскій, Алатырскій, Карсунскій и Курмышскій уѣзды и отчасти лишь другія мѣстности губерніи и ближайшіе уѣзды Нижегородской и Пензенской губерній. Самая южная часть Симбирской губерніи не была нами посѣщаема. Законченная теперь первая часть нашихъ наблюденій заключаетъ описаніе группъ *Pygopodes*, *Longipennes*, *Limicolae*, *Alectorides*, *Gallinae*, *Columbae*, *Lamellirostres*, *Herodiones* и *Rapaces*.

Многія лица оказали намъ свое содѣйствіе указаніями по вопросамъ о распространеніи отдѣльныхъ видовъ птицъ, присылкою шкурокъ и т. под. Особенно благодарны мы А. Т. Евреинову, собравшему для насъ интересную коллекцію птицъ въ окрестностяхъ Симбирска, и графу Г. И. Рибопьеру, который любезно разрѣшилъ намъ коллектировать въ лѣсахъ и поймѣ своего обширнаго Промзинскаго имѣнья.

Такъ какъ между окончаніемъ этой части нашей работы и началомъ ея печатанія, по различнымъ причинамъ, прошло около четырехъ лѣтъ, то мы, не измѣняя текста, внесли нѣкоторыя дополненія, помѣстивъ ихъ въ примѣчаніяхъ.

8-го ноября 1904 года.

ГЛАВА I.

Орографическое описаніе Симбирской губерніи и общій взглядъ на ея фауну. Западная половина губерніи и сосѣдніе уѣзды Нижегородской и Пензенской губерній. Сѣверный степной районъ и его станціи. Южный степной районъ. Долина и пойма рѣки Алатыря. Флора и фауна поймы. Восточная половина губерніи и долина Волги. Правобережье Суры, поймы Суры и Барыша и ихъ фауна. Измѣненія въ орнитофаунѣ бассейна Суры подъ вліяніемъ засухъ 90-хъ годовъ.

Составъ орнитофауны отдѣльныхъ мѣстностей въ Симбирской губерніи, какъ и всюду, стоитъ прежде всего въ самой тѣсной зависимости отъ станціи. Сплошные лѣса, хвойные или лиственные, небольшія, отдѣльно стоящія рощи степныхъ пространствъ, рѣчныя долины съ ихъ тучными лугами и обиліемъ текучихъ и стоячихъ водъ, однообразныя распаханныя поля — всѣ эти станціи характеризуются опредѣленной фауной птицъ. По отношенію къ разнообразію станцій Симбирская губернія, особенно ея западная и центральныя части, нами по преимуществу изслѣдованныя, находится въ весьма благопріятномъ положеніи. Долина текущей съ Ю. на С. рѣки Суры вмѣстѣ съ обширной лѣсной областью, занимающей правобережье Суры и извѣстной подъ названіемъ Сурской дачи [1]), раздѣляютъ губернію на восточный и западный степные районы, изъ которыхъ первый (уѣзды Буинскій, Симбирскій, сѣверо-западная часть Карсунскаго и Сызранскій) по составу своей фауны вообще носятъ нѣсколько болѣе

[1]) О лѣсахъ Сурской дачи см. М. Рузскаго, Орнит. набл. въ Симбирской губ. (Прил. къ прот. Каз. Общ. Ест., № 142).

рѣзко выраженный степной характеръ [1]). Что касается до западной половины губерніи, — въ составѣ уѣздовъ западной части Курмышскаго, Ардатовскаго, Алатырскаго и уѣздовъ сосѣднихъ губерній —Саранскаго, Лукояновскаго, Сергачскаго, Княгининскаго, Васильсурскаго,—то эта часть области представляетъ собою обширный степной районъ, весь, конечно, распаханный, съ волнистой, изрѣзанной многочисленными оврагами поверхностью и немногими островными лѣсами, распространенными къ тому же въ болѣе южной части области.

Этотъ западный районъ перерѣзывается съ запада на востокъ впадающей слѣва въ Суру рѣкою Алатыремъ, по лѣвому берегу которой тянется довольно широкая полоса частью хвойныхъ, частью лиственныхъ лѣсовъ, доходящихъ около устья Алатыря до лѣсовъ праваго берега Суры и представляющихъ собою узкій полуостровъ тайги [2]), вдающійся отъ таежной области Засурья въ западную степную область, раздѣляя эту послѣднюю на сѣверный и южный степной районы.

Первый изъ нихъ, обнимающій части Ардатовскаго и Курмышскаго уѣздовъ и юго-восточные уѣзды Нижегородской губерніи, на всемъ пространствѣ своемъ представляетъ собою однообразное распаханное поле. Районъ этотъ ограниченъ съ сѣвера рѣкой Волгой, за которою начинается типичная таежная область, обнимающая Макарьевскій и Семеновскій уѣзды Нижегородской губерніи, рѣзко отличающіеся по составу фауны и флоры отъ перечисленныхъ нами выше юго-восточныхъ уѣздовъ Нижегородской губерніи, являющихся какъ въ орографическомъ, такъ и въ фаунистическомъ и флористическомъ

---

[1]) См. Б. Житковъ. Матеріалы по фаунѣ млекопитающихъ Симбирской губ., стр. 26. (Дневникъ Зоологич. отд. Общ. Люб. Ест., т. II, № 8).

[2]) См. объ этомъ: Г. И. Танфильевъ. Предѣлы лѣсовъ на югѣ Россіи. Петербургъ 1894 (съ картою лѣсовъ) и Фито-Географическія области Европейской Россіи (съ картою областей). Тр. Им. В. Э. Общ. 1897 г.

отношеніяхъ непосредственнымъ продолженіемъ западнаго степного района Симбирской губерніи.

Эти однообразныя распаханныя степныя пространства на всемъ протяженіи своемъ характеризуются фауной, свойственной хлѣбнымъ полямъ сѣверныхъ частей степной области. Изъ млекопитающихъ болѣе типичными являются хомякъ (*Cricetus frumentarius* Pall.), полевая мышь (*Mus agrarius* Pall.), русакъ (*Lepus europaeus* Pall.) и нѣсколько рѣже встрѣчающіеся суслики (*Spermophilus guttatus* pall.), тушканчики (*Alactaga saliens* Gm.) и кроты (*Talpa europaea* L.). Изъ птицъ для открытыхъ частей этой полосы болѣе типичны гнѣздящіяся: *Alauda arvensis*, *Saxicola oenante*, *Anthus campestris*, *Circus cyaneus*, *C. macrurus*, *Coturnix coturnix* и кочующія дрофы (*Otis tarda*).

Однообразіе этихъ распаханныхъ полей прерывается оазисами съ совсѣмъ иною фауною, свойственною станціямъ различнаго характера, изъ которыхъ должны быть отмѣчены: 1) небольшія лиственныя рощи, разбросанныя въ различныхъ мѣстахъ по открытымъ полямъ описываемаго района; 2) сохранившіеся въ очень немногихъ мѣстахъ, обыкновенно ничтожные по размѣрамъ, участки дѣвственныхъ ковыльныхъ степей (напр., Кочетовская степь близъ с. Теплаго Стана Курмышскаго уѣзда); 3) поймы менѣе и болѣе значительныхъ рѣчекъ, перерѣзывающихъ районъ, съ болѣе значительною артеріей — рѣкой Пьяной — во главѣ; 4) полевыя травянистыя болота, не слишкомъ рѣдкія въ описываемой области, но во многихъ мѣстахъ вовсе пересохшія въ послѣднее время или же совершенно высыхающія уже въ началѣ лѣта; 5) болѣе или менѣе значительные водоемы въ видѣ степныхъ прудовъ или болѣе крупныхъ озеръ (напр., озера близъ села Чамбилей Курмышскаго уѣзда). Эти лѣсные, травянистые или обильные водою оазисы привлекаютъ къ себѣ соотвѣтствующее животное населеніе, состоящее изъ тѣхъ формъ, жизнь которыхъ тѣсно связана съ лѣсомъ или водою.

Для лиственныхъ рощъ области лѣваго берега Суры характерно обычное лѣсное населеніе, за исключеніемъ формъ, наиболѣе типичныхъ для тайги. Вмѣстѣ съ отсутствіемъ куницы, бѣлки, лося и медвѣдя, здѣсь вовсе нѣтъ соекъ, сорокъ, глухарей, рябчиковъ и въ качествѣ правильно гнѣздящейся птицы также и вальдшнепа. Тетерева встрѣчаются здѣсь спорадически, обыкновенно гнѣздясь въ какой-нибудь болѣе значительной рощѣ въ теченіе года-двухъ и потомъ снова изъ нея исчезая. Постоянно держатся они въ большихъ по размѣрамъ участкахъ смѣшаннаго лѣса въ долинѣ Пьяны. Изъ другихъ формъ лѣсныхъ птицъ болѣе обыкновенными здѣсь являются сарычи, дятлы (особенно *Picus major*), кукушки, поползни, дрозды, иволги, различные вьюрки (особенно обыкновененъ *Fringilla coelebs*), славки, соловьи, нѣкоторыя совы и др. Довольно многочисленны въ этой части Поволжья очень маленькія рощицы обыкновенно старыхъ и высокихъ деревьевъ — чаще всего дубовъ,—представляющія собою остатки вырубленныхъ болѣе значительныхъ площадей лѣса. Такіе возвышающіеся въ открытой степи островки высокихъ деревьевъ въ качествѣ удобнаго мѣста гнѣздованія привлекаютъ нѣкоторыя формы, въ особенности гнѣздящихся многочисленными колоніями грачей (*Corvus frugilegus*) и кобчиковъ (*Cerchneis vespertinus*). Если высокоствольные дубы, какъ это часто бываетъ, сопровождаетъ подбѣгъ изъ осинъ и различныхъ кустарниковъ,—рощица населена разнообразными пѣвчими птицами. Въ противномъ случаѣ она является пріютомъ лишь немногихъ гнѣздящихся видовъ (рядомъ съ грачами и кобчиками, въ толщѣ ихъ гнѣздъ, обыкновенно селится полевой воробей (*Passer montanus*); на сосѣднихъ незанятыхъ деревьяхъ иногда *Corvus cornix* и *Tinnunculus tinnunculus*).

Немногіе сохранившіеся до настоящаго времени участки ковыльныхъ степей этого района содержатъ обыкновенно полевую фауну. Если степь перерѣзана сырыми балками, часто содержащими ручьи, мѣстами кочкарники съ осоками, чеме-

рикой (*Veratrum*) и т. под., то обычнымъ на такихъ мѣстахъ бываетъ гнѣздованіе чибисовъ (*Vanellus vanellus*); въ упомянутой мною Кочетовской степи ежегодно токуютъ дупеля. Обыкновенны въ такихъ мѣстахъ также перепелъ и коростель. Въ началѣ лѣта здѣсь охотно пасутся и лежатъ среди дня дрофы; очень рѣдко залетающіе въ эту мѣстность стрепета также держатся временно на такихъ степныхъ участкахъ. Во время пролета это—довольно обычныя мѣста остановки журавлей и многочисленныхъ стай турухтановъ.

Травянистыя кочкарныя болота открытыхъ полей, въ особенности въ томъ случаѣ, если они заключаютъ въ своемъ районѣ еще отдѣльные стоячіе водоемы, характеризуются въ общемъ фауной, близкою къ фаунѣ рѣчныхъ поймъ. *Scolopax major*, *Sc. gallinago*, представители рода *Totanus*, *Crex crex*, *Porzana porzana*, *Anas boschas*, *A. crecca*, *A. circia*, *A. acuta*, *Circus aeruginosus*, *Motacilla flava*—являются здѣсь болѣе или менѣе обыкновенными. Изъ этихъ формъ нѣкоторыя утки — именно *A. boschas* и *A. crecca* — нерѣдки и въ рощахъ, гдѣ существуютъ хотя мелкія и временныя болота, равно какъ и на степныхъ прудахъ и озерахъ. Эти послѣднія, привлекая въ качествѣ гнѣздящихся формъ утокъ, камышевыхъ луней, нѣкоторыхъ куликовъ и т. д., играютъ особенно значительную роль, какъ пункты остановки перелетныхъ птицъ весною и осенью. Около такихъ озеръ пристаютъ многочисленныя стада различныхъ нырковыхъ утокъ, журавли, турухтаны, и на болѣе продолжительное время останавливаются осенью такія бродячія формы, какъ *Tringa subarquata*, *Tringa minuta*, *Phalaropus lobatus* и др.

Что касается до поемныхъ долинъ рѣчекъ, перерѣзывающихъ въ различныхъ направленіяхъ степной районъ, ограниченный лѣвымъ берегомъ рѣки Суры, то наиболѣе типичною поймою среди нихъ обладаетъ довольно значительная по длинѣ теченія, ширинѣ и глубинѣ рѣка Пьяна. Къ долинѣ этой рѣки примѣнимо почти во всемъ, что касается различныхъ

водоемовъ, уремъ, луговой флоры и фауны, тѣ замѣчанія, которыя мы сдѣлаемъ ниже относительно поймы рѣки Алатыря. Нужно замѣтить лишь, что между тѣмъ какъ пойма Алатыря ограничена лѣсами, имѣющими частью характеръ тайги, кладущей, конечно, свой отпечатокъ и на самую луговую долину рѣки, значительно меньшіе по размѣрамъ своимъ лѣса, окаймляющіе пойму Пьяны, по фаунѣ своей стоятъ ближе къ описаннымъ нами выше небольшимъ лиственнымъ рощамъ западнаго степного района.

Что касается до рѣчекъ меньшаго размѣра, какъ Киша, Мѣдянка и др., то нужно прежде всего замѣтить, что большинство ихъ находится въ настоящее время въ періодѣ все большаго и большаго усыханія, отзывающагося, конечно, очень рѣзко на составѣ фауны сопровождающихъ ихъ теченіе поемныхъ луговъ, раньше мѣстами обильныхъ болотами, теперь сухихъ. Въ зависимости отъ этого изъ ихъ долинъ почти всюду исчезли или встрѣчаются лишь спорадически такія формы, какъ *Scolopax major*, *Sc. gallinago*, *Anas crecca*, многіе кулики и др. Болѣе неприхотливыя курочки (*Porzana porzana*) находятъ еще мѣстами условія гнѣздованія здѣсь для себя благопріятными. Попадаются также по теченію этихъ рѣчекъ *Totanus glareola* и *T. hypoleucos*, изъ которыхъ второй въ довольно замѣтномъ числѣ населяетъ также степные съ глинистыми обнаженными берегами овраги, по дну которыхъ бѣгутъ ручьи.

Степной районъ, лежащій къ югу отъ теченія рѣки Алатыря и сопровождающей его лѣвобережье лѣсной области, и состоящій изъ частей Ардатовскаго, Алатырскаго, Лукояновскаго и Саранскаго уѣздовъ, въ общихъ чертахъ чрезвычайно походитъ на только что описанную нами сѣверную часть западнаго степного района. Мѣстами лишь эти открытыя поля прерываются сравнительно болѣе значительными, нежели въ лежащихъ къ сѣверу отъ Алатыря степяхъ, лѣсными участками; таковы, напр., удѣльныя лѣсныя дачи близъ

селъ Мачкасъ и Сырятина Ардатовскаго уѣзда. Въ эти лѣса заходятъ иногда медвѣди, гнѣздятся въ значительномъ числѣ тетерева и вальдшнепы и не слишкомъ давно гнѣздились еще глухари, исчезнувшіе здѣсь лишь въ послѣдніе двадцать лѣтъ. Въ нѣсколько меньшемъ по пространству участкѣ лѣсовъ близъ селъ Турдаковъ и Парапей глухари держались еще въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ.

Небольшія рѣки этого района, впадающія въ Алатырь,—Нуя, Инсаръ, Рудня; и въ Суру,—Большая и Малая Сарки, Чеберчинка, Штырма — въ общемъ богаче водой, чѣмъ упомянутыя мною рѣчки сѣвернаго района; болѣе обильныя водою въ видѣ болотъ и стоячихъ водоемовъ поймы ихъ заключаютъ и болѣе богатую сравнительно фауну плавающихъ и болотныхъ птицъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что эти рѣчки только мѣстами, а не по всему своему теченію, образуютъ поймы, мѣстами же широкіе увалы пахотныхъ полей какъ бы сдвигаются и стѣсняютъ ихъ теченіе.

Перейдемъ теперь къ долинѣ рѣки Алатыря [1]). Довольно значительная рѣка эта, начинаясь въ лѣсахъ Ардатовскаго уѣзда Нижегородской губерніи, течетъ на востокъ, перерѣзывая Лукояновскій уѣздъ Нижегородской и Ардатовскій и Алатырскій уѣзды Симбирской губерніи, и впадаетъ слѣва въ рѣку Суру около города Алатыря. Очень глубокая мѣстами, рѣка перегорожена плотинами многихъ расположенныхъ по ея теченію водяныхъ мельницъ, поддерживающихъ на значительной высотѣ ея воду. Поэтому Алатырь въ общемъ богатъ водою и даже въ концѣ лѣта не представляетъ картины того мелководья — съуженныхъ плёсовъ, обширныхъ отмелей и т. под.,—которое такъ характерно для всего теченія Суры.

На бо́льшей части протяженія Алатыря правый берегъ рѣки крутъ и возвышенъ; лѣвый берегъ, напротивъ, пред-

[1]) Подробнѣе о долинѣ Алатыря и фаунѣ позвоночныхъ, населяющихъ долину, см. Б. Житковъ. Очерки природы средняго Поволжья. Пойма рѣки Алатыря. Естествознаніе и Географія, 1900, Ноябрь.

ставляетъ собою мѣстами довольно широкую наносную долину, понимаемую полой водой и покрытую тучными лугами. Эта пойма очень обильна стоячими водами, — озерами, мелкими лужами, образованными застаивающеюся въ котловинахъ весенней водой, и старицами, образовавшимися вслѣдствіе отступанія русла рѣки отъ наносной долины въ сторону крутого праваго берега, лѣтомъ подрываемаго слабо вслѣдствіе тихаго теченія запруженной рѣки, но въ половодье мѣстами очень сильно. Многіе изъ бассейновъ поймы — озеръ и старицъ — являются проточными, или будучи соединены истоками съ Алатыремъ, или представляя собою такъ называемыя „рѣчныя озера“, — входя въ составъ теченія какой-нибудь маленькой рѣчки, пересѣкающей луга и впадающей въ озеро, чтобы выйти снова изъ другого конца его и впасть въ Алатырь.

Большинство стоячихъ водоемовъ поймы Алатыря богаты водной растительностью, которая въ нѣкоторыхъ озерахъ и старицахъ развивается съ такой силой, что вызываетъ довольно быстрое заболачиванье отдѣльныхъ частей старицы или озера. Мелкія остающіяся отъ водополья лужи, пересыхающія обыкновенно уже въ началѣ лѣта, въ маѣ бываютъ совершенно покрыты растущими и по берегамъ, и въ водѣ калужницами (*Caltha palustris*) и окружены по сырымъ берегамъ другими желто-цвѣтущими лютиковыми растеніями (*Trollius europaeus*, виды *Ranunculus* и др.); въ болѣе постоянныхъ водоемахъ, не слишкомъ глубокихъ, обыкновенны — однѣ формы у береговъ, другія и на болѣе значительной глубинѣ — *Typha*, *Scirpus*, *Rumex maritimus*, *Ceratophyllum*, многіе виды *Potamogeton*, *Acorus*, *Hydrocharis*, *Sparganium*, виды *Juncus* и др. Болѣе глубокія озера обыкновенно чисты посрединѣ, и на значительную глубину въ такихъ водоемахъ забираются только кувшинки (*Nymphaea*, *Nuphar*). На нѣкоторыхъ старицахъ и озерахъ различные злаки, осоки и камыши прибрежной зоны, ложась осенью въ воду, обра-

зуютъ сплошныя толщи изъ стеблей крупныхъ растеній, по которымъ можно ходить надъ глубиною въ 2—3 аршина. Мало-по-малу перегнивающіе стебли этихъ растеній заболачиваютъ прибрежныя части водоемовъ, образуя у нихъ новые берега въ видѣ напитаннаго водою топкаго торфообразнаго слоя.

Въ чертѣ поймы средняго теченія Алатыря намъ извѣстно только одно типичное моховое болото близъ с. Лунги Ардатовскаго уѣзда. Оно представляетъ собою довольно значительный по величинѣ водоемъ, заросшій сверху сплошнымъ моховымъ покровомъ, который въ центральныхъ частяхъ болота еще настолько слабъ, что сильно колеблется подъ тяжестью человѣка. Отъ поемныхъ луговъ долины болото это отдѣлено узкой полосой глухой ольховой уремы, съ другой же стороны непосредственно прилегаетъ къ высокому песчаному обрыву, поросшему высокоствольнымъ сосновымъ лѣсомъ и ограничивающему пойму. Болото расположено въ линіи нѣсколькихъ длинныхъ старицъ, которыя тянутся параллельно теченію Алатыря вдоль упомянутаго песчанаго склона. По краямъ (а мѣстами, гдѣ моховой покровъ толще и крѣпче, и въ серединѣ) болото заросло густою чащей невысокихъ корявыхъ березокъ.

Травянистыми (осоковыми) болотами пойма Алатыря довольно богата. На болѣе мокрыхъ мѣстахъ ихъ кочковатой поверхности въ растительномъ покровѣ преобладаютъ виды рода *Carex*, болѣе сухимъ мѣстамъ свойственна обычная луговая флора. Очень часто отдѣльные участки такихъ болотъ зарастаютъ непроницаемыми чащами ивовыхъ кустовъ и тростниковъ (*Phragmites communis*). Иногда растительный составъ такихъ „крѣпей“, какъ называютъ подобныя заросли охотники, сложнѣе: къ ивамъ примѣшивается береза, ольха, рябина, различныя крупныя осоки, кипреи и др. высокія травянистыя растенія, образующія сплошныя зеленыя чащи. Не рѣдки въ чертѣ такихъ болотъ небольшіе стоячіе водоемы,

заросшіе сверху водяными растеніями, образовавшими переплетающимися частями своими сплошной дернообразный покровъ, который иногда такъ крѣпокъ, что по нему можно ходить, и на поверхности его вырастаютъ ивы, рогозы (*Typha*) и т. под. Большинство травянистыхъ болотъ богаты водою только съ весны, лѣтомъ же обыкновенно пересыхаютъ. Недостатокъ воды — пересыханіе ключей, рѣчекъ, болотъ и озеръ, пониженіе почвенныхъ водъ вообще — сдѣлались особенно замѣтными въ долинѣ Алатыря въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, отчасти вслѣдствіе засухъ начала девяностыхъ годовъ, отчасти по причинѣ искусственнаго осушенія въ поймѣ нѣкоторыхъ болотъ, являвшихся какъ бы запасными резервуарами влаги, служившей для орошенія значительной площади поемныхъ луговъ.

Въ числѣ характерныхъ для поймы Алатыря, какъ и другихъ поймъ средняго Поволжья, образованій, вліяющихъ до извѣстной степени на составъ и богатство фауны рѣчныхъ долинъ, должны быть упомянуты находящіяся въ чертѣ поемныхъ луговъ ольховыя рощи (уремы)—ольховники или „елхи“, какъ называетъ ихъ народъ на Алатырѣ и Сурѣ. Эти ольховники вытягиваются иногда по протекающимъ поймою ручьямъ или ключамъ, обрастая ихъ топкіе берега; иногда же покрываютъ мокрыя низины съ почвой, состоящей изъ топкаго торфянаго перегноя. Въ чащѣ этихъ ольховниковъ всегда обильны небольшія заросшія озера, являющіяся любимымъ мѣстомъ гнѣздованія различныхъ утокъ и нѣкоторыхъ пастушковыхъ птицъ (лысухи, камышницы). Многія изъ такихъ ольховыхъ уремъ по Алатырю въ настоящее время вырублены и высушены, что повлекло за собою значительный вредъ для окружающей мѣстности.

Уничтоживъ запасные резервуары влаги, которыми служили непроницаемыя для солнечныхъ лучей и обильныя почвенными водами ольховыя уремы, осушка, стремившаяся къ увеличенію площади луговъ, не достигла и этой цѣли, такъ

какъ на жирной и сырой торфяниковой почвѣ, расчищенной изъ-подъ ольховниковъ, съ величайшей силой развиваются жесткія осоки и другіе бурьяны, не имѣющіе хозяйственнаго значенія.

Какъ уже выше было сказано, долина Алатыря съ одной стороны (по правому берегу рѣки) граничитъ съ открытыми полями, протянувшимися далеко къ югу, съ другой—съ полосой сплошныхъ, частью хвойныхъ, частью лиственныхъ лѣсовъ съ таежной фауной. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ разнообразіемъ станцій въ чертѣ самой поемной долины, частью луговой, мѣстами распаханной, обильной различными водами и болотами, дѣлаютъ орнитофауну поймы Алатыря весьма богатой и интересной во многихъ отношеніяхъ. Въ чертѣ самыхъ поемныхъ луговъ являются, во-первыхъ, вовсе не рѣдкими виды, свойственные лѣсу: такъ, въ частности лѣтомъ въ болотистыхъ уремахъ поймы очень охотно держатся лоси, а тетерева даже выводятъ въ чертѣ луговъ и держатся здѣсь съ выводками до сѣнокоса, не говоря уже о постоянномъ пребываніи здѣсь кормящихся линялыхъ косачей (*Tetrao tetrix* ♂). Въ то же время воды долины, равно какъ глухія болота, затопленныя уремы и т. под., привлекаютъ сюда множество водяныхъ и болотныхъ птицъ, изъ которыхъ первое мѣсто принадлежитъ уткамъ (особенно *A. boschas*, *A. crecca* и *A. circia*) и куликамъ (*Scolopax gallinago*, *Sc. major*, *Totanus glareola*, *T. ocrophus*, *T. hypoleucos* и др.). Столь же обыкновенны въ лугахъ также перепела, коростели, курочки (*Porzana porzana*), а осенью на лугахъ, въ бурьянахъ и по распаханнымъ участкамъ также куропатки. Дрофы, несмотря на близость открытыхъ степей, всегда избѣгаютъ полей, непосредственно прилегающихъ къ долинѣ Алатыря, а слѣдовательно и къ сосѣдней съ ней лѣсной области. Густыя заросли ивняковъ и тростниковъ поймы даютъ пріютъ многочисленнымъ воробьинымъ птицамъ, между которыми мы считаемъ небезъинтереснымъ отмѣтить въ качествѣ формы, гнѣз-

дящейся въ ивнякахъ, щеляхъ, обрывахъ береговъ и т. под., полевого воробья (*Passer montanus*), къ которому осенью большими бродящими по ивнякамъ стаями присоединяется также *Passer domesticus*, гнѣздованія котораго въ чертѣ поймы намъ наблюдать не приходилось. Изъ формъ, поселяющихся на самыхъ поемныхъ лугахъ, наиболѣе многочисленной является *Motacilla flava*. Довольно обыкновенны здѣсь также *Lanius collurio*, *Emberiza aureola*, *Chloris chloris*, виды славокъ, камышевокъ и др.

Обиліе воробьиныхъ и водяныхъ птицъ привлекаетъ въ районъ поемныхъ луговъ многочисленныхъ хищниковъ, число которыхъ особенно значительно во время пролета. Наиболѣе частой изъ гнѣздящихся въ лугахъ формъ является, несомнѣнно, камышевый лунь (*Circus aeruginosus*), котораго послѣ подъема на крылья молодыхъ на нѣкоторыхъ травянистыхъ болотахъ можно бываетъ видѣть въ числѣ десятковъ экземпляровъ. Въ то же время въ чертѣ луговъ постоянно охотятся виды, гнѣздящіеся по опушкамъ или внутренности лѣсной области, граничащей съ поймой. Сарычъ, беркутъ, оба вида ястребовъ, пустельга, кобчикъ—здѣсь обыкновенны. Болотная сова (*Asio accipitrinus*) врядъ ли уступаетъ въ числѣ на болотахъ поймы Алатыря камышевому луню.

Обширная лѣсная область, протянувшаяся вдоль лѣваго берега Алатыря, частью состоитъ изъ болѣе бѣдныхъ по своей фаунѣ однообразныхъ пространствъ свѣтлаго высокоствольнаго сосноваго бора или темныхъ растущихъ по низкимъ падямъ дубовыхъ лѣсовъ, частью же изъ участковъ смѣшаннаго лѣса, болѣе богатыхъ по составу своей орнитофауны. Въ нѣкоторыхъ частяхъ этихъ лѣсовъ есть моховыя болота, и многіе участки этой лѣсной области какъ общимъ видомъ своимъ, такъ и своеобразной пустынностью напоминаютъ типичную сѣверно-русскую тайгу. Они характеризуются въ общемъ смѣшанной фауной съ большимъ, однако, количествомъ видовъ, свойственныхъ тайгѣ. Изъ млекопитающихъ здѣсь обыкно-

венны: лось, медвѣдь, куница и бѣлка; изъ птицъ—глухарь, рябчикъ, вальдшнепъ (въ качествѣ гнѣздящейся птицы), лѣсныя синицы (*Parus ater*, *P. major*, *Poecile borealis*) и—правда очень рѣдкія здѣсь, однако встрѣченныя нами формы—черный дятелъ (*Picus martius*) и орѣховка (*Nucifraga caryocatactes*). Болѣе свѣтлыя части опушекъ и лиственныхъ лѣсовъ населены формами, свойственными вообще островнымъ лѣсамъ описываемаго района.

Не останавливаясь здѣсь болѣе подробно на описаніи западной половины изслѣдованной нами мѣстности, перейдемъ къ восточной части губерніи, лежащей по правую сторону Суры и по пространству приблизительно вчетверо большую только что описаннаго западнаго района. Наши личныя наблюденія въ этой части губерніи почти не касаются сѣверной части Буинскаго уѣзда и южныхъ уѣздовъ—Сызранскаго и Сенгилеевскаго, а распространялись на Симбирскій и Карсунскій уѣзды, небольшую югозападную часть Буинскаго и юго-восточную половину Алатырскаго. Только эту довольно широкую полосу между Волгой и Сурой мы и будемъ имѣть въ виду, говоря о восточномъ районѣ губерніи. Центральную часть этой полосы, приблизительно между Копылами на сѣверѣ и Аксаковымъ на югѣ, Тагаемъ на востокѣ и Приклонихой на западѣ, занимаетъ довольно возвышенная площадь, являющаяся водораздѣломъ между Приволжскимъ и Присурскимъ скатами описываемой полосы. Здѣсь, въ до сихъ поръ сохранившихся, преимущественно лиственныхъ лѣсахъ, покрывающихъ этотъ водораздѣлъ, берутъ свое начало рѣчки Бирючь, Сельга (на картахъ „Сельдь"), притоки Гущи: Березовка, Вязовка и др. рѣчки, несущія свои воды въ восточномъ направленіи въ р. Свіягу, и рѣчки Красная Якла, Урень, Майна, впадающія въ притокъ Суры,—Барышъ.

Въ лѣсахъ этого водораздѣла такія таежныя формы, какъ куница, лось, рябчикъ, глухарь, вальдшнепъ (на гнѣздованьѣ), желна (*Picus martius*) и др. до сихъ поръ обыкновенны.

Самая крупная изъ берущихъ здѣсь начало рѣчекъ—Сельга — имѣетъ въ длину около 60 верстъ; полноводье ея даже и въ сухіе годы поддерживается множествомъ расположенныхъ по ея теченію мельницъ. Впадая въ Свіягу подъ самымъ почти Симбирскомъ, Сельга протекаетъ по средней и восточной частямъ Симбирскаго уѣзда, носящимъ характеръ степи, конечно, уже распаханной, разливается весною довольно широко, и поемные луга и болота ея, а также и многочисленные пруды, заключаютъ богатую фауну болотныхъ и водоплавающихъ птицъ. Во многихъ мѣстахъ на Сельгѣ сохранились даже небольшіе остатки ивовыхъ и ольховыхъ уремъ (по мѣстному, „талы“ и „елѣшникъ“). Особенно богата бываетъ орнитофауна Сельги ранней весной: когда поймы болѣе крупныхъ рѣкъ, какъ Свіяга, еще залиты водой, Сельга уже частью вошла въ берега, и на оставшихся лужахъ, озеркахъ и мочажинахъ останавливаются пролетныя утки, разные кулики, а когда пробьется трава — что также бываетъ рано на этихъ рано обсыхающихъ поймахъ—здѣсь показываются въ значительномъ числѣ перепела и коростели. Осенью же, наоборотъ, пойма Сельги является сравнительно сильнѣе пересохшей, чѣмъ болѣе обширныя поймы (напр., Свіяги), и пропорціонально бѣднѣе животною жизнью. Все это относится, разумѣется, не только къ Сельгѣ, но и къ другимъ упомянутымъ рѣчкамъ приволжскаго склона.

Самая восточная часть этого восточнаго приволжскаго склона орошается р. Свіягой, текущей почти параллельно Волгѣ и очень близко отъ нея (у Симбирска долины ихъ раздѣляются переваломъ немного болѣе версты шириною), но въ противоположную сторону, съ Ю. на С. Теченіе ея очень медленно, на ней много крупныхъ мельницъ, что и поддерживаетъ ея кажущееся полноводіе. Долина Свіяги положительно бѣдна—въ описываемой части ея теченія—древесной растительностью, и по обилію гнѣздящихся видовъ и особей свойственныхъ рѣчнымъ долинамъ птицъ она уступаетъ Сурѣ

и Барышу; во время пролета, особенно весенняго, эта сравнительная бѣдность незамѣтна, что прямо объясняется близкимъ сосѣдствомъ такого важнаго пролетнаго пути, какъ Волга.

Что касается Волги, то эта рѣка касается лишь границы Симбирской губерніи и почти на всемъ протяженіи описываемой полосы входитъ въ составъ губерніи лишь правымъ нагорнымъ своимъ берегомъ; луговой же берегъ съ его обширными лабиринтами озеръ, старицъ, протоковъ (т. наз. „воложки"), болотъ, песчаныхъ отмелей и разнообразныхъ уремъ,—то низкорослыхъ тальниковъ и ольховниковъ, то высокоствольныхъ осокоревыхъ,—принадлежитъ уже Самарской губерніи, кромѣ небольшого куска противъ самаго города Симбирска.

Орнитофауна Волжской долины не является характеристичной собственно для Симбирской губерніи, и къ тому же довольно хорошо уже изучена, и наши наблюденія касались ея сравнительно мало, тѣмъ болѣе, что наше личное знакомство съ волжской долиной ограничивается главнымъ образомъ періодами не гнѣздованія, а пролета. Включеніе въ нашъ систематическій списокъ такихъ птицъ, какъ гагары и многія чайки (*Larus*), и является показателемъ вліянія волжскаго пролетнаго пути на орнитофауну губерніи. Само правое побережье Волги въ предѣлахъ Симбирской губерніи носитъ степной характеръ, но мѣстами вдоль высокаго берега сохранились небольшіе лѣсочки („кòлки"), гдѣ еще въ концѣ восьмидесятыхъ и началѣ девяностыхъ годовъ подъ самымъ почти Симбирскомъ держались тетерева.

Переходя къ западному, присурскому склону описываемой нами полосы между Волгой и Сурой, мы должны замѣтить, что этотъ районъ въ нѣсколькихъ отношеніяхъ является наиболѣе интереснымъ: во-первыхъ, это—самая центральная часть Симбирской губерніи; во вторыхъ, по условіямъ орошенія и растительности,—наиболѣе разнообразная и по этимъ

двумъ причинамъ наиболѣе типичная для всей губерніи; въ третьихъ, здѣсь проходитъ самая крупная рѣка губерніи, Сура, съ ея пролетнымъ путемъ. Въ этой мѣстности восточной половины (равно какъ въ описанной выше полосѣ губерніи на западъ отъ Суры) наши наблюденія были наиболѣе продолжительны и систематичны и касались и періодовъ гнѣздованья и пролета, равно какъ и зимняго времени.

Этотъ склонъ занимаетъ почти весь Карсунскій уѣздъ, самую западную часть Симбирскаго, юго-западную оконечность Буинскаго и почти цѣлую четверть (юго-восточную) Алатырскаго. Западную границу его составляетъ Сура, въ этой части своего теченія не принимающая сколько нибудь замѣтныхъ притоковъ справа, кромѣ Барыша, бассейнъ котораго и занимаетъ описываемый районъ.

Барышъ собираетъ свои воды при помощи цѣлаго ряда мелкихъ притоковъ (изъ которыхъ болѣе значительнымъ является Карсунка), съ обширной, до сихъ поръ покрытой сосновыми и частью лиственными лѣсами, площади южной половины Карсунскаго уѣзда. Изъ таежныхъ формъ здѣсь еще сохранились рябчикъ, сойка, черный дятелъ, глухарь, куница и въ значительномъ числѣ встрѣчается—лось. Далѣе Барышъ протекаетъ по средней и сѣверной части Карсунскаго уѣзда, носящей то почти совсѣмъ степной характеръ, то покрытой болѣе или менѣе значительными островами лиственныхъ (частью дубовыхъ) лѣсовъ. Здѣсь справа впадаетъ въ Барышъ довольно значительная рѣчка Урень, верховья которой отстоятъ недалеко отъ верховьевъ Сельги. Долина Уреня, текущаго съ В. на З., обратно направленію Сельги, похожа на долину послѣдней, но рѣчка меньше, и въ поймѣ ея, мѣстами широкой, больше поемныхъ луговъ и мочажинъ и меньше озеръ и древесныхъ зарослей. У границы Карсунскаго и Буинскаго уѣздовъ Барышъ справа, изъ предѣловъ степной части Буинскаго уѣзда, принимаетъ крупнѣйшій свой притокъ, быструю Яклу, и въ нижнемъ своемъ

теченіи, въ предѣлахъ Алатырскаго уѣзда, прорѣзываетъ послѣдніе, южные отпрыски того значительнаго участка типичной тайги, который носитъ названіе Сурской дачи.

Общее протяженіе Барыша не достигаетъ двухсотъ верстъ, но это—рѣка весьма быстрая и полноводная, широко разливающаяся весной въ среднемъ и въ нижнемъ своемъ теченіи и по спадѣ водъ оставляющая свою широкую, мѣстами до 2 верстъ, пойму хорошо орошенной, съ множествомъ озеръ, осоковыхъ болотъ, и съ густыми, порой трудно доступными, зарослями тростниковъ, и ольховой и ивовой уремой, гдѣ гнѣздятся даже такія скрытныя формы, какъ пастушокъ (*Rallus aquaticus*).

Нижнее теченіе Барыша, какъ сказано выше, отрѣзываетъ отъ обширнаго треугольника Сурской дачи южный его уголъ, пространствомъ около 9—10 тысячъ десятинъ бора. Мы не можемъ подтвердить слова проф. М. Н. Богданова, будто Барышъ здѣсь является южной границей ели, такъ какъ ель, хотя и спорадично, отдѣльными деревьями и группами (до нѣсколькихъ десятинъ) деревьевъ, идетъ и къ югу отъ Барыша такъ далеко, какъ далеко опускается этотъ отрѣзокъ тайги, т. е. до параллели Промзина (54^0 20^0 с. ш.). Эти южныя части Сурской дачи состоятъ все же преимущественно изъ сосноваго бора, но не сплошного, такъ какъ пески расположены здѣсь болѣе или менѣе узкими грядами („гривами"), иногда болѣе или менѣе прямолинейными, иногда замкнутыми. Низкія мѣста между гривами, смотря по глубинѣ своей и по формѣ окружающихъ гривъ, являются или озерами, очень рѣдко сколько нибудь глубокими и обыкновенно поросшими камышемъ и иными растеніями, или же образуютъ настоящія моховыя болота. Нерѣдко здѣсь встрѣчаются травянистыя болота, часто съ довольно толстымъ слоемъ торфа. Чаще же всего эти низины покрыты густыми зарослями чернолѣсья, причемъ береза во много разъ превосходитъ численностью всѣ остальныя породы, покрывая иногда сплошь много

десятковъ и даже сотни десятинъ. На болѣе сырыхъ мѣстахъ густо разростаются разные виды ивъ, на болѣе же сухихъ можно встрѣтить и цѣлыя „гривы“ осинника, равно какъ липу, дубъ, неклепъ и вязъ. Въ общемъ площадь бора образуетъ террасу, лежащую выше заливной долины Суры, но ниже полей и островныхъ лѣсовъ, такъ что вешнія воды и ливни скатываются съ полей въ боръ и тутъ надолго задерживаются въ котловинахъ, медленно пробираясь въ пойму Суры ручейками и рѣчками, теченіе коихъ сопровождается полосами чернолѣсья. Какое огромное количество чернозема сносятъ эти воды съ полей, можно судить по слѣдующему примѣру. На одной изъ сравнительно сухихъ низинъ, въ предѣлахъ весеннихъ разливовъ небольшого овражка, въ нестаромъ чернолѣсьѣ росла крупная сосна. Будучи срубленной, она оказалась возрастомъ около 240—250 лѣтъ. Одинъ изъ авторовъ этой работы, желая уяснить себѣ, въ какой почвѣ находятся ея корни, рѣшилъ вырыть пень изъ земли. При этомъ оказалось, что сосна росла на пескѣ, но затѣмъ стволъ ея на 20 футовъ поднимался въ сплошномъ наносѣ черноземнаго ила, что даетъ около одного дюйма въ годъ на поднятіе почвы этой низины.

Что касается очертанія поверхности страны къ югу и юго-западу отъ южныхъ частей Сурской дачи, т.-е. въ сѣверной части Карсунскаго и западной Симбирскаго уѣздовъ, то это—ряды пологихъ увaловъ, тянущихся чаще всего въ С.-В. — Ю.-З. направленіи. Обыкновенно юго-восточный склонъ ихъ бываетъ пологъ, въ 3—6 разъ положе С.-З. склона, но это—не общее правило.

Западной границей описываемой теперь части губерніи служитъ Сура, одна изъ красивѣйшихъ рѣкъ средней Россіи. Въ этой части своего теченія Сура является уже значительной по ширинѣ и глубинѣ судоходной рѣкой. Общее направленіе ея въ предѣлахъ Карсунскаго уѣзда—съ Ю.-З. на С.-В., а затѣмъ она широкой дугой поворачиваетъ на С. и—

уже въ Алатырскомъ уѣздѣ—С.-С.-З., но теченіе ея извилисто до крайности и—по причинѣ легкости, съ которой быстрыя ея воды размываютъ песчаные берега—причудливыя петли и колѣна ея весьма измѣнчивы. На большей части протяженія правый берегъ Суры (въ описываемыхъ предѣлахъ) является низменнымъ, луговымъ, лѣвый же нагорнымъ, образованнымъ довольно высокими, крутыми мѣловыми холмами, мѣстами поросшими на вершинахъ довольно обширными островами лиственныхъ рощъ или иногда сосны. Заливная долина или пойма Суры чрезвычайно широка, и въ полую воду рѣка разливается во многихъ мѣстахъ до 5—6 верстъ въ ширину. Когда спадетъ вода, то все это обширное пространство является настоящимъ лабиринтомъ самыхъ разнообразныхъ по величинѣ, глубинѣ и характеру водоемовъ. Не мало остается здѣсь грядъ чистаго бѣлаго песка, перемежающагося съ полосами высохшаго ила и поросшаго обычною здѣсь *Tussilago farfara*; на такихъ гривахъ любятъ держаться песочники (*Aegialitis dubia*), а также и русаки (*Lepus europaeus* Pall.). Тамъ, гдѣ эти гряды сильно волнисты,—между ними остаются лужи, иногда довольно глубокія и непересыхающія, чистой воды, охотно посѣщаемыя улитами (*T. glottis*, *T. hypoleucos*) и чирками. Не мало остается и гораздо болѣе обширныхъ, но мелкихъ, съ ровнымъ дномъ, водоемовъ, густо зарастающихъ высокими травами; многіе ихъ нихъ за лѣто пересыхаютъ, оставаясь лишь сырыми мочажинами, гдѣ осенью бываютъ „высыпки“ бекасовъ, дупелей и двигающихся къ югу молодыхъ турухтановъ. Нерѣдко подобные мелкіе травянистые водоемы покрыты рѣдкими, но крупными кочками съ кустиками тальника и изрѣдка ольхи.

Въ поймѣ Суры очень много озеръ, величиною отъ нѣсколькихъ саженей до нѣсколькихъ верстъ въ длину. Имѣющія въ длину около $1^1/_2$—2 верстъ, при 30—80 саженяхъ въ ширину,—не рѣдки, но иныя доходятъ и до 7 верстъ въ длину. Большинство этихъ длинныхъ озеръ имѣетъ типичную для нихъ

подковообразную форму, такъ что концы двухверстнаго озера иногда отстоятъ одинъ отъ другого всего на какихъ нибудь 15—20 саженей. Обыкновенно эти сходящіеся концы находятся также очень близко отъ рѣки, что и показываетъ сразу на истинную природу этихъ озеръ: это—старицы, части рѣчного русла, оставшіяся въ сторонѣ, по причинѣ отступанія русла рѣки или прорыва воды по прямому направленію черезъ хорду крутого колѣна или излучины рѣки. Крупныя изъ этихъ озеръ служатъ мѣстомъ гнѣздованія не только для благородныхъ, но и нырковыхъ утокъ (*Fuligula nyroca* Güld. и *Fuligula fuligula* L.), а прибрежныя заросли ихъ скрываютъ гнѣзда малой выпи (*Ardetta minuta* L.). Далѣе, теченіе Суры разнообразится многочисленными тихими заводями (по-волжски, „затонъ"),—частями рѣки, отдѣленными отъ быстро текущаго русла ея отмелями, которыя на Сурѣ многочисленны и весьма велики. Обыкновенно часть отмели, обращенная къ руслу, — голый песокъ, обращенная же къ стоячей водѣ (заводи)—съ примѣсью ила и покрыта скудной травянистой растительностью и зарослями невысокихъ, но очень густыхъ ивъ, а склонъ берега затона также боярышникомъ, шиповникомъ, ежевикой и пр. Эти отмели — настоящее царство крачекъ и куликовъ; особенно многочисленны *Sterna fluviatilis* Naum., *Aegialitis dubia* Scop., *Totanus hypoleucos* L. и *Haematopus ostralegus* L. Въ іюлѣ и августѣ къ нимъ присоединяются *Vanellus vanellus* L., *Pavoncella pugnax* L. и другіе виды. Наконецъ, по поймѣ пробирается не мало ключей и ручьевъ, иногда достигающихъ рѣки, чаще разливающихся топкими болотами.

Поверхность этой заливной обширной террасы—не вполнѣ ровная, такъ что есть пункты, недоступные вешней водѣ. На одномъ изъ такихъ холмовъ, отдѣленномъ четырехверстнымъ пространствомъ заливныхъ луговъ и Сурой отъ обширнаго зарѣчнаго лѣса, съ одной стороны, и полосой сплошного бора верстъ въ 5 шириной отъ пахотныхъ полей,

съ противоположной стороны, намъ приходилось изъ года въ годъ находить почти сплошной покровъ ковыля.

Почти $^4/_5$ всего пространства Сурской поймы покрыты зарослями. Здѣсь есть и цѣлыя рощи осинника и дубняка, но только на болѣе высокихъ мѣстахъ террасы. Значительно большее пространство занимаютъ ольховыя заросли, затопленныя водой. Если, какъ это нерѣдко бываетъ, къ крупной ольхѣ присоединяются ивы и тростники и камыши, то подобная заросль становится почти недоступнымъ убѣжищемъ для болотныхъ куръ (*Gallinula chloropus* L.), выводковъ утокъ и линяющихъ селезней. Въ болѣе сухихъ мѣстахъ къ ольхѣ часто присоединяется ежевика, хмель, шиповникъ, черная смородина, и въ этихъ непролазныхъ зарослях встрѣчаются иногда выводки тетеревовъ и даже глухарей. Озера обыкновенно окружены кольцомъ дубняка или ольхи, неклена—довольно крупныхъ нерѣдко размѣровъ,—а у самой воды—густыми сплетеніями ивъ, не особенно крупныхъ, но такъ нависшихъ надъ водою и даже въ самой водѣ перепутывающихся своими корнями и сучьями, что промышленники и рыболовы въ такихъ мѣстахъ вынуждены прорубать къ водѣ особые „подходы“.

Однимъ изъ наиболѣе привлекательныхъ для натуралиста-орнитолога пунктовъ въ долинѣ Суры являются обширныя Заросли (употребляется, какъ собственное имя) при сліяніи Барыша съ Сурой, верстахъ въ 12 отъ Промзина, и центръ этихъ зарослей – озеро Суходолъ. Здѣсь, въ какихъ нибудь двухъ верстахъ отъ огромнаго села Барышской Слободы, ежегодно держатся и выводятся дикіе гуси (*Anser anser* L.). Все, что сказано выше о поймѣ Суры и Барыша, относится, конечно, и къ этому мѣсту соединенія этихъ поймъ, съ тою лишь разницею, что здѣсь почва значительно болѣе волниста, поэтому гораздо больше незаливаемыхъ полой водой гривъ и бугровъ и вообще сухихъ площадокъ, а потому къ вышеупомянутымъ древеснымъ породамъ поймъ присоединяются еще

огромные вязы, липы и клены. У самаго устья Барыша есть большая мельница, и запруженная полноводная рѣка, разлившись по лѣсистымъ суходоламъ поймы, образовала то обширное озеро, которое и названо „Суходоломъ“. Въ сущности это не озеро, а запутанная цѣпь озеръ, заводей и протоковъ, протянувшихся верстъ на 6 въ длину и $2^1/_2$—3 въ ширину. Здѣсь есть и довольно большія пространства почти чистой воды съ открытыми берегами и 3—4-саженной глубиной — любимыя мѣста нырковыхъ утокъ, и мелкія большія пространства, сплошь покрытыя водяною растительностью; озера съ замѣтнымъ теченіемъ рѣчной воды, протоки, по которымъ сквозь вѣтви, упавшіе стволы и тростникъ съ трудомъ протискивается рыбачій ботникъ; много заросшихъ тальникомъ и деревьями острововъ и, наконецъ, большія пространства залитыхъ водою ольховниковъ и таловъ. Нужно многолѣтнее знакомство съ Суходоломъ и хорошую память мѣстности, чтобы пробираться въ этомъ лабиринтѣ въ лодкѣ; пѣшкомъ же, съ берега, большинство этихъ уголковъ вовсе недоступны. Водоплавающія и иныя птицы чувствуютъ здѣсь себя въ безопасности и гнѣздятся во множествѣ. Лысухи и камышницы, разные виды благородныхъ и нырковыхъ утокъ, поганки, гуси, журавли, сѣрыя цапли и оба вида выпей, камышевый лунь, скопа, — всѣ эти формы здѣсь нерѣдки. Изъ млекопитающихъ обыкновенны выхухоли и водяныя полевки (*Arvicola amphibius*), и часто заходятъ лоси, для которыхъ никакія озера или топи не являются препятствіемъ. Въ поймѣ нижняго Барыша и кромѣ Суходола не мало глухихъ мѣстъ. Два участка этой поймы до сихъ поръ носятъ имя „Большой“ и „Малой Бобрихи“, какъ память о жившихъ здѣсь, по всему вѣроятію, прежде животныхъ. Къ осени утки собираются сюда тысячными стадами.

Разнообразіе жизненныхъ условій въ только что описанныхъ частяхъ Симбирской губерніи ведетъ и къ крайнему

разнообразію здѣшней фауны. Изъ млекопитающихъ рядомъ съ типичными для тайги видами держатся здѣсь земляные зайцы (*Alactaga saliens* Gmel.) и суслики (*Spermophilus guttatus* Temm.). Здѣсь гнѣздятся вальдшнепы, сойки, желны, рябчики (и въ бору, и въ большихъ островахъ чернолѣсья). Выводки ихъ, а также глухарей, приходится встрѣчать въ какой нибудь верстѣ отъ выводковъ дикаго гуся или бѣлоглазаго нырка, а осенью, когда глухари вылетаютъ по утрамъ на прилегающую къ бору озимь, эту таежную птицу можно порою увидѣть на одной десятинѣ съ дрофой. Въ періодъ пролета появляются здѣсь многочисленные сѣверные виды, какъ морская и хохлатая чернь (*F. marila* L. и *F. fuligula* L.) (послѣдняя и гнѣздится здѣсь), морской, чернозобый и кривоносый песочники (*Tringa maritima* Brünn., *T. alpina* L. и *T. subarquata* Güld.) и даже плосконосый плавунчикъ (*Phalaropus fulicarius* L.), какъ исключительно рѣдкая, залетная птица, и не слишкомъ рѣдки въ то же время такія формы, какъ сизоворонка (*Coracias garrula* L.), голубой зимородокъ (*Alcedo ispida* L.) и удодъ (*Upupa epops* L.), здѣсь гнѣздящіеся.

Для полноты этого краткаго очерка изученной нами мѣстности мы считаемъ небезынтереснымъ сказать вкратцѣ о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя произошли въ составѣ орнитофауны описываемаго района въ послѣднее десятилѣтіе.

Въ восьмидесятыхъ годахъ описываемая нами мѣстность была хорошо орошена не только въ поемной полосѣ рѣчныхъ долинъ и въ полосѣ покрытыхъ борами песковъ, но и въ болѣе высокой полевой черноземной полосѣ: подпочвенная вода стояла высоко, небольшія даже складки мѣстности, смотря по характеру своему, или давали начало ручейкамъ и рѣчкамъ, или же образовывали небольшіе мочежинки и ключи, окруженные болотцами („ржавцы“). Вода ключей и болотъ открыто или подъ землею пробиралась въ полосу боровъ и

тамъ образовала, вмѣстѣ съ дождевой и снѣговой водой, цѣлую сѣть мелкихъ озеръ и моховыхъ болотъ и протоковъ, а отъ этого и нижняя терраса рѣчной долины, даже въ годы низкаго половодья, была хорошо орошена. Въ зависимости отъ этого фауна водяныхъ и болотныхъ птицъ (т.-е. по преимуществу промысловыхъ) по количеству особей была несравненно болѣе богата, сравнительно съ тѣмъ, какова она въ настоящее время. Особенно многочисленны были утки, которыя выводились какъ въ поймахъ, такъ и на полевыхъ и лѣсныхъ озерахъ и болотахъ. Встрѣчались главнымъ образомъ оба вида чирковъ и кряква, рѣже широконоски. Шилохвость и особенно свіязь составляли ничтожное меньшинство.

Еще обильнѣе были представители отряда куликовъ. Многочисленны были дупеля, еще многочисленнѣе бекасы, черныши (*Tot. ocrophus* L.), пиголицы, которые повсюду гнѣздились во множествѣ, да и не гнѣздящіеся здѣсь виды—*Tringa minuta* Leisl., *Phalaropus lobatus* L. и особенно *Pavoncella pugnax* L.—были обыкновеннѣе во время пролета и показывались раньше осенью.

Въ 1890 и 1891 годахъ засухи разразились съ такой силой, что характеръ мѣстности въ бассейнѣ Суры, какъ и въ другихъ мѣстахъ Симбирской губерніи, въ теченіе 2—3 лѣтъ рѣзко измѣнился. Не только поемные луга и болота пересохли, но изсякли ключи, ручьи и даже колодцы. Побуждаемые нуждою крестьяне воспользовались сухостью прежде непроходимыхъ лѣтомъ мѣстъ, повырубили заросли и кустарники по „ржавцамъ“ и „головамъ“ ключей и рѣчекъ и пускали въ эти сырыя заросли скотъ, всѣмъ этимъ усиливая и увѣковѣчивая временное дѣйствіе засухи. Даже и настоящіе, крупные лѣса всюду усиленно рубились на покрытіе убытковъ отъ неурожаевъ. Такимъ образомъ, бо́льшая часть источниковъ оказалась уничтоженной, вѣроятно — навсегда. Да и оставшіеся, хотя и сильно ослабленные, ручьи и рѣчки были

во многихъ мѣстахъ отведены, и русла ихъ прочищены, и мокрыя мѣста поймъ осушены канавами съ цѣлью недостатокъ урожая пополнить увеличеніемъ площади покосовъ и пашни, — пріемъ и съ чисто хозяйственно-денежной точки зрѣнія по меньшей мѣрѣ не цѣлесообразный. Сура обмелѣла настолько, что дала въ городѣ Алатырѣ возможность развиться новому промыслу,—добычѣ изъ ея русла значительныхъ количествъ чернаго дуба,—и въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ не затопляла весною своей долины. Рѣдкіе лѣтніе ливни не помогали дѣлу, такъ какъ вода скатывалась съ сухой, твердой земли въ овраги, сильно размывая ихъ, но не увлажняя сухой почвы. Въ результатѣ даже поймы Суры и другихъ рѣкъ во многихъ частяхъ были обращены либо въ пашни, либо въ плохой выгонъ, и во всякомъ случаѣ въ сухую землю. Въ итогѣ произошло не только рѣзкое уменьшеніе числа всѣхъ птицъ вообще, но и измѣненіе состава орнитофауны. Ранѣе весьма малочисленная сѣрая куропатка стала почти всюду въ Симбирской губерніи очень обыкновенной; въ то же время дупеля изъ долинъ Суры, Барыша, Алатыря и ихъ притоковъ исчезли почти совсѣмъ, за отсутствіемъ удобныхъ для нихъ мѣстъ, и даже болѣе неприхотливые бекасъ, чибисъ, фифи (*T. glareola*) и чернышъ очень сильно уменьшились въ числѣ.

Пролетныя формы — *Tringa subarquata* Güld., *T. minuta* Leisl. и *Phalaropus lobatus* L.—стали появляться въ долинахъ Суры и Алатыря, равно какъ на водоемахъ степныхъ частей губерніи, значительно рѣже прежняго. Ранніе лѣтніе залеты молодыхъ турухтановъ, прежде очень обычные здѣсь, также прекратились, что, быть можетъ, произошло оттого, что южная граница гнѣздовой области, по крайней мѣрѣ отдѣльныхъ паръ турухтановъ, проходившая сравнительно близко отъ центральныхъ частей Симбирской губерніи, гдѣ либо въ южной части Казанской губерніи или въ сѣверной части бассейна Суры, теперь, подъ вліяніемъ засухъ, отодвинулась къ сѣверу.

Еще интереснѣе повліяла перемѣна въ орошеніи описываемой мѣстности на утокъ. Въ періодъ засухъ мелкія лужи и озера пропали, сохранились лишь крупные водоемы, да и тѣ въ большинствѣ случаевъ настолько понизили свой уровень, что отступили отъ своихъ крѣпкихъ, заросшихъ береговъ къ центральнымъ частямъ занимаемыхъ ими котловинъ, обратившись въ болѣе доступныя для людей и скота и болѣе чистыя свѣтлыя озера. Вмѣстѣ съ этимъ въ составѣ фауны водяныхъ птицъ въ долинѣ Суры количество нырковыхъ утокъ, если только не абсолютно, то во всякомъ случаѣ относительно другихъ родовъ утокъ значительно возросло. Количество чирковъ и широконосокъ сильно уменьшилось, а число кряквъ, уменьшившееся абсолютно, осталось почти безъ перемѣны относительно площади водъ и другихъ видовъ рода *Anas*.

Но неожиданнѣе и интереснѣе всего показалось намъ наступившее съ 1894—95 годовъ медленное, а въ 1896—1898 годахъ болѣе быстрое увеличеніе и относительнаго, и абсолютнаго количества шилохвостки (*Anas acuta* L.), прежде положительно немногочисленной, скорѣе даже рѣдкой на гнѣздовьѣ въ бассейнѣ Суры.

Весенній разливъ Суры въ 1899 г. былъ давно небывалымъ по высотѣ и продолжительности стоянія воды, къ тому же лѣто настало сравнительно прохладное и сырое, и въ орошеніи поймы и характерѣ растительности и орнитофауны ея явилась весьма замѣтная перемѣна въ сторону порядка вещей, существовавшаго въ восьмидесятыхъ годахъ. Лѣтній уровень большихъ озеръ сталъ выше, возобновились очень многія изъ мелкихъ озеръ и болотъ. Фауна Сурской долины стала замѣтно богаче куликами. Въ этомъ году были замѣчены нами на Сурѣ: щеголь (*Totanus fuscus* L.), чернозобикъ (*Tringa alpina* L.) и даже ранѣе невиданная здѣсь мордунка (*Terekia cinerea* Güld.), попадавшаяся и въ 1900 году и, повидимому, расширяющая къ югу свою гнѣздовую область.

Число благородныхъ утокъ, а между ними особенно чирковъ, значительно возрасло; число шилохвостокъ уменьшилось сравнительно съ предшествующими 1895—1898 годами.

Въ долинѣ Волги климатическія колебанія на фаунѣ долины отражались много слабѣе [1]).

---

[1]) Въ послѣдніе годы (1901—1904) въ долинахъ Суры и другихъ рѣкъ Симбирской губерніи уровень текучихъ и стоячихъ водъ въ общемъ продолжалъ прогрессивно понижаться, и количество водоплавающихъ и голенастыхъ птицъ — въ особенности въ долинахъ меньшихъ рѣкъ — замѣтно уменьшалось. Особенно бросалось въ глаза уменьшеніе количества мѣстныхъ птицъ лѣтомъ богатаго водой 1904-го года. Большую роль въ этомъ крайне быстро прогрессирующемъ исчезаніи птицъ играетъ возрастающее годъ отъ года количество насущагося въ поймахъ скота, вытаптывающаго крѣпи, мокрыя заросли, окраины озеръ и т. д.

ГЛАВА II.

Систематическій списокъ встрѣчающихся въ Симбирской губерніи представителей семействъ *Colymbidae* и *Podicipedidae*. Списокъ видовъ, принадлежащихъ къ семейству *Laridae*. Біологическія наблюденія.

Fam. **Colymbidae.**

Colymbus arcticus L.

Colymbus arcticus. Э. Эверсманнъ. Ест. исторія Оренб. края, III, стр. 618. М. Богдановъ. Птицы и звѣри черноземной полосы Поволжья, стр. 158. М. Мензбиръ. Птицы Россіи, I, стр. 36.

Мы встрѣчали чернозобую гагару лишь на Волгѣ, во время пролета, изрѣдка на весеннемъ, въ началѣ мая, и чаще въ концѣ сентября. По другимъ рѣчнымъ долинамъ, а также въ качествѣ гнѣздящейся птицы, видъ этотъ нами въ предѣлахъ Симбирской губерніи не найденъ. Нельзя не замѣтить, однако, что въ такой находкѣ не было бы ничего неожиданнаго. Не говоря уже о томъ, что чернозобая гагара найдена М. Д. Рузскимъ („Матер. къ изуч. пт. Казанск. губ.“, стр. 39) гнѣздящейся въ Лаишевскомъ, Спасскомъ и на границѣ Царевококшайскаго и Козьмодемьянскаго уѣздовъ Казанской губ.,—эта же птица ежегодно гнѣздится и въ Нижегородской губ., на границѣ Арзамасскаго, Горбатовскаго и Нижегородскаго уѣздовъ, на лѣсныхъ озерахъ долины р. Сережи. Подробное сообщеніе объ этомъ гнѣздованіи было напечатано на страницахъ „Псовой и Ружейной Охоты“ въ 1897 г. и вкратцѣ въ „Охотничьей Газетѣ“ въ 1898 г.

г. Азіатомъ (г. Бронскій), а чучело одной изъ добытыхъ тамъ гагаръ фигурировало на Всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ Новгородѣ.

Colymbus imber Gunn.

Colymbus septentrionalis. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Ор. кр., III, стр. 620. М. Богдановъ. Пт. и зв. черн. пол. Пов., стр. 158. М. Мензбиръ. Птицы Россіи, I, стр. 43.

Краснозобую гагару мы тоже замѣчали исключительно на Волгѣ на осеннемъ пролетѣ, въ началѣ октября и концѣ сентября, въ небольшомъ числѣ.

Fam. **Podicipedidae.**

Podiceps cristatus L.

Podiceps cristatus. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 609. М. Богдановъ. Пт. и зв. черн. пол. Пов., стр. 13. М. Мензбиръ. Птицы Россіи, I, стр. 5.

Хохлатая чомга лишь очень рѣдко гнѣздится въ долинѣ Суры на большихъ, преимущественно чистыхъ озерахъ Сурской поймы. Время отъ времени—и не слишкомъ рѣдко—приходится встрѣчать одиночныхъ птицъ уже въ первой половинѣ іюля. Слова М. Богданова, что чомга—довольно обыкновенна всюду на стоячихъ водахъ Поволжья, вѣроятно, относятся ко времени осенняго и весенняго пролета.

Одному изъ авторовъ настоящей статьи пришлось въ началѣ августа 1889 г. поднять чомгу съ разлива небольшого ручейка, текущаго въ полевомъ оврагѣ, по крайней мѣрѣ верстахъ въ 5-ти отъ Суры, между селами Бѣлымъ Ключемъ и Промзинымъ.

Весенній пролетъ птицъ этого вида идетъ во время самаго половодья и сейчасъ же послѣ спада водъ, и тогда чомги

попадаются не только по Волгѣ и Сурѣ, но и въ долинахъ меньшихъ рѣкъ, напр. по Алатырю.

Podiceps griseigena Bodd.

Podiceps subcristatus Jacq. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Ор. кр., III, стр. 611. *Podiceps rubricollis* Lath. М. Богдановъ. Пт. и зв. черн. пол. Пов., стр. 158. *Podiceps griseigena*. М. Рузскій. Орнит. набл. въ Симбирской губ. (Приложеніе къ протоколамъ засѣданій Общ. Естествоисп. при Императ. Казанскомъ Универс., № 142, стр. 13). М. Мензбиръ. Птицы Россіи, I, стр. 13.

М. Богдановъ прослѣдилъ красношейную поганку на сѣверѣ лишь до Сызрани, но одинъ изъ авторовъ настоящей статьи лѣтъ 7 тому назадъ въ началѣ августа убилъ самку этого вида въ предѣлахъ Ардатовскаго уѣзда, на довольно большой и глухой старицѣ въ поймѣ рѣки Алатыря. Конечно, это еще не можетъ служить доказательствомъ гнѣздованія здѣсь этого вида, однако и для пролета время было раннее. М. Рузскій также встрѣчалъ лѣтомъ (точно даты не указаны) въ 1893 г. эту птицу въ долинѣ Суры, въ посѣщенной имъ сѣверной половинѣ губерніи.

Podiceps nigricollis C. L. Brehm.

Podiceps auritus. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Ор. кр., III, стр. 614. М. Богдановъ. Пт. и зв. черн. пол., Пов. стр. 157. *Podiceps nigricollis*. М. Рузскій. Орн. набл. въ Симб. губ., стр. 13. М. Мензбиръ. Птицы Россіи, I, стр. 21.

Черношейная поганка въ долинѣ Суры обыкновеннѣе остальныхъ своихъ сородичей, хотя все же не можетъ быть названа многочисленной. Здѣсь она гнѣздится на многихъ глухихъ, хотя бы и небольшихъ, озеркахъ, заросшихъ по краямъ тростникомъ и камышомъ и окруженныхъ ольховыми зарослями и талами. Отдѣльные взрослые экземпляры съ конца іюня нерѣдко залетаютъ даже на чистые удаленные отъ поймъ пруды въ поляхъ.

Podiceps auritus L.

Podiceps cornutus. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Ор. кр., III, стр. 613 М. Богдановъ. Пт. и зв. черн. пол. Пов., стр. 158. *Podiceps auritus* L. М. Мензбиръ. Птицы Россіи, I, стр. 17.

Рогатая поганка въ описываемой мѣстности встрѣчается несравненно рѣже своихъ родственниковъ.

Въ восточной половинѣ губерніи и на Сурѣ мы изрѣдка встрѣчали ее, и то лишь на пролетѣ, не ранѣе конца августа. Но въ долинѣ рѣки Алатыря, близъ села Лунгинскаго Майдана, на очень небольшомъ, но глухомъ заросшемъ тальниками озеркѣ, одинъ изъ авторовъ этой работы убилъ въ половинѣ іюня самца и самку этого вида, которые, весьма вѣроятно, гнѣздились здѣсь.

Показаніе М. Богданова, что этотъ видъ обыкновенепъ въ Симбирской губ., можетъ быть отнесено лишь ко времени пролета. Съ другой стороны М. Д. Рузскій вовсе не упоминаетъ этой птицы, относя всѣхъ малыхъ поганокъ, встрѣченныхъ имъ во время поѣздки 1893 г., къ предшествующему виду. Несомнѣнно, что черношейная поганка въ Симбирской губ. несравненно многочисленнѣе рогатой, но къ показанію М. Д. Рузскаго въ этомъ именно случаѣ слѣдуетъ отнестись съ осторожностью, такъ какъ въ работѣ своей объ орнитофаунѣ Казанской губ., изданной въ этотъ же самый годъ (годъ поѣздки по Симбирской губерніи) (Матер. къ изучен. птицъ Казан. губ., 1893 г., стр. 38), уважаемый авторъ, повидимому, смѣшиваетъ синонимы этихъ двухъ видовъ, приводя подъ заголовкомъ *Podiceps auritus* (Linn) — причемъ дѣлается ссылка на „Птицъ Россіи“ М. А. Мензбира, I, стр. 4 и 17—въ качествѣ синонимовъ *P. auritus* Briss. Эверсманна и Богданова; подъ заголовкомъ же *P. nigricollis* (C. L. Brehm.)—причемъ дѣлается опять соотвѣтствующая ссылка на трудъ М. А. Мензбира—въ качествѣ синонима приводится: *P. cornutus* Lath. Богданова.

Fam. Laridae.

Larus ridibundus L.

Larus ridibundus. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Ор. кр., III, стр. 563. М. Богдановъ. Пт. и зв. черн. пол. Пов., стр. 155. М. Рузскій. Орн. набл. въ Симб. г., стр. 13. М. Мензбиръ. Пт. Росс., I, стр. 152.

Черноголовая чайка въ весьма большомъ числѣ гнѣздится по островамъ, отмелямъ и затопамъ Волги, нерѣдко вмѣстѣ съ крачками (*Sterna fluviatilis* Naum.), прилетая обыкновенно во второй половинѣ марта и первой апрѣля. Видъ этотъ довольно обыкновененъ по самому нижнему теченію Суры, но выше Алатыря по Сурѣ эта птица нами не замѣчена ни разу. Въ то же время на озерахъ нижняго теченія Барыша намъ не разъ—хотя и не ежегодно—приходилось видѣть и даже добывать черноголовыхъ чаекъ, обыкновенно попадавшихся поодиночкѣ. Такъ какъ птицы эти бывали не въ полномъ взросломъ нарядѣ, а въ годоваломъ (пестрая голова), то можно предположить, что это были холостые экземпляры. Попадались онѣ лѣтомъ, въ теченіе всего іюля, иногда еще въ іюнѣ [1]). По Алатырю и Пьянѣ чайка эта не замѣчена ни разу, не только лѣтомъ, но и во время пролета.

Larus cachinnans Pall.

Larus cachinnans Pall. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Ор. кр., III, стр. 569. М. Богдановъ Пт. и зв. черн. пол. Пов., стр. 153. М. Мензбиръ. Пт. Росс., I, стр. 125.

Хохотунья довольно обыкновенна въ долинѣ Волги и Свіяги на весеннемъ и осеннемъ пролетѣ, во второй половинѣ марта и первой апрѣля весной, въ сентябрѣ и первой половинѣ октября осенью. Изрѣдка попадалась она намъ и

[1]) Въ 1904 г. мною получены съ Суры (Барышская Слобода) молодыя птицы въ первомъ перѣ. Одна отъ 1-го іюля. *С. Б.*

лѣтомъ, исключительно на Волгѣ, но гнѣздится ли здѣсь этотъ видъ,—мы не можемъ рѣшить [1]).

Larus canus L.

Larus canus L. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Ор. кр., III, стр. 570. М. Богдановъ. Пт. и зв. чер. пол. Пов., стр. 153. М. Мензбиръ. Пт. Росс., стр. 136.

Сизая чайка попадалась намъ только на Волгѣ [2]), гдѣ она обыкновенна на осеннемъ и весеннемъ пролетѣ, въ теченіе апрѣля, а также въ сентябрѣ и началѣ октября. Лѣтомъ встрѣчается на Волгѣ рѣдко, хотя и не рѣже хохотуньи. [3]).

---

[1]) *L. argentatus*. Не имѣя въ рукахъ симбирскихъ экземпляровъ, не можемъ утверждать, что всѣ и наши и цитированныя наблюденія относятся исключительно къ хохотуньѣ (а не къ серебристой чайкѣ также, хотя бы въ небольшой части), какъ это принимается М. А. Мензбиромъ. Распространеніе этихъ двухъ птицъ извѣстно гораздо хуже, чѣмъ можно полагать. Я лично имѣлъ въ рукахъ несомнѣнныхъ *L. argentatus* съ Каспія (зимн.), а также нашелъ, коллектируя на Эстляндскомъ побережьѣ вмѣстѣ съ г. Дрессеромъ, гнѣздованіе здѣсь *L. cachinnans* и собралъ шкурки и яйца. Каспійскія зимовки прямо говорятъ, что Эверсманнъ и Богдановъ были правы, причисляя *L. argentatus* къ птицамъ Поволжья, и что исключеніе этого вида сдѣлано слишкомъ поспѣшно. *С. Б.*

[2]) Въ началѣ апрѣля 1902 года я видѣлъ въ степи Курмышскаго уѣзда на большой лужѣ, образовавшейся отъ таянія снѣга, нѣсколько крупныхъ чаекъ, которыя, по всему вѣроятію, принадлежали къ этому виду. Мѣсто встрѣчи лежитъ верстахъ въ 25 отъ Суры. *Б. Ж.*

[3]) Объ этомъ видѣ проф. М. А. Мензбиръ говоритъ (Пт. Росс., I, стр. 140), что сибирскія особи крупнѣе и темнѣе западно-европейскихъ, и даетъ для особей изъ Евр. Россіи длину крыла 14 дюймовъ. Тачановскій же („Faune Ornith. Sib. Or.“, p. 1019, 1033, 1035), въ качествѣ отличительнаго признака этихъ двухъ формъ (*Larus canus* L. и *L. canus niveus* Pall.), даетъ длину крыла для *L. canus*—отъ 335 до 380 mm. ($13^1/_4$—15 дм.), а для *L. niveus*—отъ 370 до 397 mm. (14,6—15,65 дм.). Врядъ ли этому различію можно придавать значеніе: во-первыхъ, малую форму Никольскій, аббатъ Давидъ и другіе изслѣдователи находили и на крайнемъ востокѣ Азіи; во-вторыхъ, по нашимъ измѣреніямъ, не только на Волгѣ, но и въ Западной Россіи (Лифляндія) значительная часть взрослыхъ ♂♂, по длинѣ крыла, находятся въ предѣлахъ измѣреній обѣихъ формъ. Добавимъ, что у нѣкоторыхъ экземпляровъ намъ не приходилось видѣть на третьемъ маховомъ перѣ бѣлаго предвершиннаго пятна, о коемъ упоминаютъ авторы. У другихъ экземпляровъ пятно это развито крайне слабо.

Larus glaucus O. Fabr.

Larus glaucus Brünn. Эверсманнъ. Ест. ист. Ор. кр. III,, стр. 561. М. Богдановъ. Пт. и зв. черн. пол. Пов., стр. 153. М. Мензбиръ. Пт. Росс., I, стр. 107.

Э. Эверсманнъ говоритъ, что не вполнѣ взрослыя (неполовозрѣлыя) полярныя чайки попадаются на средней и нижней Волгѣ все лѣто, а М. Богдановъ наблюдалъ эту чайку на Волгѣ, въ предѣлахъ Казанской губ., осенью, по одиночкѣ. М. А. Мензбиръ сомнѣвается въ справедливости этихъ показаній, говоря, что *L. glaucus* вовсе не рѣчная птица. Однако, по свидѣтельству М. Д. Рузскаго (Матер. къ изученію птицъ Казанск. губ., стр. 44), въ Зоологическомъ музеѣ Казанскаго Университета находится одинъ экземпляръ этой птицы изъ окрестностей г. Казани. Намъ лично полярная чайка на Волгѣ не попадалась, но одинъ изъ авторовъ настоящей статьи наблюдалъ однажды, повидимому, этотъ видъ на пескахъ праваго берега Суры повыше устья Барыша при слѣдующихъ обстоятельствахъ [1]).

„17 іюля 1899 года мнѣ пришлось наблюдать двухъ еще болѣе рѣдкихъ птицъ. Рано утромъ я бродилъ между озерами открытой части Сурской поймы, противъ села Барышской Слободы. . Утро было ясное, солнечное, и я уже направлялся (часу въ десятомъ) обратно къ палаткѣ, когда увидалъ летѣвшую оть Суры пару чаекъ. Это были крупныя чайки. Летѣли онѣ какъ-то неторопливо и нешироко (въ смыслѣ амплитуды размаха), размахивая своими крыльями (такъ что полетъ ихъ еще менѣе походилъ на полетъ крачекъ, чѣмъ у другихъ извѣстныхъ мнѣ чаекъ, какъ-то: *L. ridibundus* L., *L. cachinnans* Pall., *L. canus* L., *L. fuscus* L. и *L. argentatus* Gm.) Пролетѣли онѣ невысоко, можетъ быть, въ 15—20 шагахъ надъ землей, даже менѣе, шагахъ

[1]) „Псовая и Ружейная Охота“ 1899/900 г., № 10. С. Бутурлинъ: „Интересныя находки“.

въ 40 отъ меня. На мой выстрѣлъ № 10 англійской дроби онѣ не обратили никакого вниманія и направились къ устью Барыша. Часа два я искалъ ихъ, но болѣе не нашелъ. Я разглядѣлъ ихъ очень хорошо, тѣмъ болѣе, что стоялъ въ это время на вершинѣ небольшого песчанаго увала или дюны. Обѣ чайки показались мнѣ совершенно бѣлыми, ни слѣда чернаго или бураго цвѣта не было ни на маховыхъ перьяхъ, ни на головѣ, ни на хвостѣ (ни голубовато-сѣраго оттѣнка на плечахъ, хотя я видѣлъ ихъ близко, при яркомъ свѣтѣ). Хвостъ былъ нисколько не вырѣзанный, скорѣе слегка закругленный. Мнѣ кажется, что это могли быть лишь *L. glaucus* въ лѣтнемъ сильно выцвѣтшемъ молодомъ нарядѣ, предшествующемъ полному взрослому“ [1]).

Sterna minuta L.

Sterna minuta L. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Ор. кр., III, стр. 579. М. Богдановъ. Пт. и зв. черн. пол. Пов., стр. 155. М. Рузскій. Орн. набл. въ Симб. губ., стр. 13. М. Мензбиръ. Пт. Росс., I, стр. 198.

Малая крачка не рѣдка, хотя и значительно малочисленнѣе остальныхъ крачекъ (кромѣ бѣлокрылой), во всей восточной половинѣ губерніи, особенно на Волгѣ, Сурѣ и Барышѣ. Колоній ея мы не находили, а гнѣздится она обыкновенно по песчанымъ островамъ и отмелямъ рѣкъ вмѣстѣ съ *St. fluviatilis* Naum., примѣшиваясь въ небольшомъ числѣ къ ея колоніямъ, и рѣже на болѣе или менѣе большихъ озерахъ поймъ, одиночными парами или въ колоніяхъ черной крачки.

Въ долинѣ Алатыря и вообще въ западной половинѣ губерніи нами не замѣчена.

---

[1]) Въ этомъ нарядѣ птица была описана, какъ *L. hutchinsii* Richards,— „Fauna Boreal. Amer.“, II, стр. 419, прим. (1831 г.). (См. Sawnders „Gaviae“ въ Catal. Brit. Mus., v. XXV (1896), стр. 293).

Судя по словамъ М. Н. Богданова (l. c., стр. 154.), что онъ наблюдалъ малую чайку (*Larus minutus* Pall.) на средней Волгѣ, форма эта, вѣроятно, попадалась ему и въ предѣлахъ Симбирской губ.; нами она здѣсь не была замѣчена.

Sterna fluviatilis Naum.

Sterna hirundo L. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Ор. кр., III, стр. 578. М. Богдановъ. Пт. и зв. черн. пол. Пов., стр. 155. М. Рузскій. Орн. набл. въ Симб. губ., стр. 13. М. Мензбиръ. Пт. Росс., I, стр. 182.

Рѣчная мартышка гнѣздится въ весьма большомъ числѣ по долинамъ большихъ и среднихъ рѣкъ Симбирской губерніи, но маленькихъ рѣчекъ избѣгаетъ, даже на Барышѣ встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ на Сурѣ. Это, конечно, объясняется привычкой птицы гнѣздиться преимущественно на болѣе или менѣе значительныхъ песчаныхъ островахъ и отмеляхъ, гдѣ онѣ селятся колоніями, иногда довольно значительными. Въ то же время рѣчныя мартышки гнѣздятся и на болѣе или менѣе чистыхъ, мало заросшихъ рѣчныхъ затонахъ и заводяхъ, равно какъ и на не очень маленькихъ озерахъ, однако въ гораздо меньшемъ числѣ, чѣмъ по рѣкамъ.

Прилетаютъ рѣчныя мартышки поздно, не ранѣе начала мая, и въ концѣ этого мѣсяца и началѣ слѣдующаго кладки бываютъ полныя. Днемъ птицы довольно мало времени удѣляютъ насиживанію, вѣроятно, въ разсчетѣ на солнечную теплоту. Дѣйствительно, при нашемъ слишкомъ часто безоблачномъ небѣ солнце и нагрѣтый его лучами прибрежный песокъ даютъ, даже въ началѣ іюня и концѣ мая, весьма значительный запасъ теплоты. Въ поискахъ за пищей—особенно въ періодъ выкармливанія птенцовъ, т.-е. приблизительно съ половины іюня,—рѣчныя мартышки удаляются иногда довольно далеко отъ гнѣздъ и при томъ не только по рѣкѣ, но иногда и на мелкія озерки поймъ и даже на травянистыя болота съ мелкими лужицами и ключами. Такіе залеты производятся птицами по одиночкѣ или парами, и чаще всего мы ихъ замѣчали около времени заката, что представляется намъ довольно интереснымъ, такъ какъ рѣчныя мартышки (какъ и всѣ птицы этого отряда) вполнѣ дневныя птицы.

Мѣстъ, избранныхъ для своего гнѣздовья, рѣчныя крачки

придерживаются въ общемъ довольно постоянно, но иногда покидаютъ ихъ и безъ всякой видимой причины. Въ этомъ отношеніи довольно поучительна исторія распространенія *Sterna fluviatilis* въ долинѣ Алатыря. Около 20 лѣтъ тому назадъ нѣсколько колоній крачекъ этого вида еще гнѣздились по „пескамъ“ (песчанымъ плоскимъ берегамъ) въ среднемъ теченіи этой рѣки, въ предѣлахъ Ардатовскаго уѣзда, между селами Майданомъ и Каласевымъ. Отдѣльныя колоніи были довольно многочисленны, и на указанномъ плёсѣ рѣки, равно какъ и выше и ниже по Алатырю, крачки эти, охотившіяся на самой рѣкѣ и на ближайшихъ къ рѣкѣ чистыхъ озерахъ, попадались на глаза всюду; трудно было пробыть 5—10 минутъ на берегу рѣки и не увидать нѣсколькихъ птицъ или не услышать ихъ скрипящаго крика. Лѣтъ 15 тому назадъ началось постепенное, но довольно быстрое, исчезаніе крачекъ на Алатырѣ, и въ теченіе ряда послѣднихъ лѣтъ намъ не удавалось уже наблюдать ихъ здѣсь вовсе—ни гнѣздящимися, ни даже залетными.

Очень трудно подыскать, хотя какое-нибудь, объясненіе тому обстоятельству, что крачки покинули во всѣхъ отношеніяхъ, казалось бы, благопріятныя для ихъ гнѣздованья мѣста по Алатырю. Въ данномъ случаѣ не можетъ быть никакой рѣчи ни о преслѣдованіи, ни о недостаткѣ пищи, ни о какомъ либо иномъ обстоятельствѣ, прямо неблагопріятномъ для жизни этой формы. Въ данномъ случаѣ произошло даже не уменьшеніе числа особей даннаго вида—что является болѣе обыкновеннымъ и наблюдалось нами для многихъ другихъ вовсе не преслѣдуемыхъ человѣкомъ формъ—а полное исчезновеніе формы изъ извѣстнаго района. Еще разъ повторяемъ, что за послѣднія 10—12 лѣтъ мы на протяженіи средняго теченія Алатыря не видѣли ни одного экземпляра *Sterna fluviatilis*. Между тѣмъ окружающія условія, поскольку мы можемъ судить о томъ, остались тѣми же. Только часть поемныхъ луговъ распахана, но условія жизни крачекъ

таковы, что это обстоятельство, казалось бы, не могло повліять столь неблагопріятно на распространіе и гнѣздованіе ихъ по берегамъ рѣки.

На Сурѣ уже во второй половинѣ іюля *Sterna fluviatilis* начинаетъ покидать мѣста гнѣздовья, собираясь предварительно въ большія кочующія стаи, а въ началѣ августа начинается отлетъ. Пролетъ идетъ въ теченіе большей части этого мѣсяца.

Hydrochelidon leucoptera Schinz.

Sterna fissipes Pall. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Ор. кр., III, стр. 585. *Hydrochelidon leucoptera* (Boie) Meissn. et Sch. М. Богдановъ. Пт. и зв. черн. пол. Пов., стр. 150. М. Рузскій. Орнит. набл. въ Симбир. губ., стр. 13. М. Мензбиръ. Пт. Росс., I, стр. 169.

Бѣлокрылая мартышка нѣсколько разъ была нами замѣчена въ долинѣ Алатыря, но всегда отдѣльными особями въ стаяхъ черныхъ крачекъ (*H. nigra* L.). Въ 1900 году въ первый разъ въ долинѣ Алатыря, близъ деревни Анютиной, Ардатовскаго уѣзда, найдена небольшая колонія бѣлокрылыхъ крачекъ, ранѣе здѣсь не гнѣздившихся. Колонія состояла всего изъ 8—10 особей, причемъ птицы держались въ близкомъ сосѣдствѣ и частью даже вмѣстѣ съ черными крачками, которыя гнѣздились тутъ же двумя колоніями на двухъ заросшихъ озерахъ. Однако, между тѣмъ какъ черныя крачки летали и охотились надъ поверхностью заселенныхъ ими озеръ, бѣлокрылыя летали надъ сосѣднимъ мокрымъ, покрытымъ травою кочкарникомъ, причемъ только изрѣдка отдѣльныя особи присоединялись къ круживщейся надъ озерами стаѣ черныхъ мартышекъ. Гнѣздъ ихъ найти не удалось.

Желудки четырехъ убитыхъ экземпляровъ (3 самки и 1 самецъ, убиты въ половинѣ іюня) оказались набитыми личинками стрекозъ (*Libellulidae*) и остатками хитина взрослыхъ насѣкомыхъ. Убитыя особи были въ брачномъ нарядѣ, лишь

у одной самки появились уже пестрины на головѣ. Testiculi самца были еще хорошо развиты.

Въ долинѣ Суры выше города Алатыря, а также по долинамъ Барыша съ притоками и Пьяны, эта птица ни разу не была нами замѣчена.

Hydrocheliedon nigra L.

Sterna nigra Briss. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Ор. кр., III, стр. 584. *Hydrochelidon nigra* (Boie) Briss., М. Богдановъ. Пт. и зв. черн. пол. Пов. стр. 155. М. Рузскій. Орн. набл. въ Симб. г., стр. 13. М. Мензбиръ Пт. Росс., I, стр. 172.

Черная мартышка гнѣздится повсюду въ Симбирской губ. и повсюду многочисленнѣе рѣчной.

Прилетаютъ эти крачки не ранѣе начала мая и выбираютъ для гнѣздовья иныя станціи, чѣмъ рѣчныя мартышки, а именно, тихія, заросшія по краямъ водяными растеніями заводи рѣкъ, равно какъ озера и озерки рѣчныхъ долинъ, заросшія камышемъ и кугой, окруженныя кустарниками и неглубокія. Иногда этотъ видъ гнѣздится даже и на мокрыхъ кочкарникахъ не только поймъ, но и водораздѣловъ. Вообще говоря, черная мартышка гнѣздится колоніями, но нерѣдко (чаще чѣмъ у *St. fluviatilis* Naum.) можно встрѣтить (повидимому, въ зависимости отъ величины озерка) и одиночно гнѣздящіяся пары или 2—3 пары вмѣстѣ. Время вывода дѣтей довольно продолжительно. Въ концѣ первой трети іюля обыкновенно можно встрѣчать массу вполнѣ уже оперившихся молодыхъ, прекрасно летающихъ и не уступающихъ почти взрослымъ по размѣрамъ, и въ то же время находить свѣжія яйца (въ такомъ состояніи колонія найдена, напр., 10 іюля 1899 года на озерѣ „Грязнуха“, въ поймѣ Суры противъ с. Барышской слободы). Проф. М. А. Мензбиръ (l. c., стр. 175) говоритъ, основываясь, повидимому, на наблюденіяхъ Н. А. Зарудnаго (Орн. фаун. Оренб. кр. 1888 г., стр. 321), что у *H. nigra* гнѣзда чаще всего устраиваются

плавучія; для Симбирской губ. мы не можемъ этого подтвердить, такъ какъ чаще находили гнѣзда этихъ птицъ на кочкахъ близъ берега, на „коблахъ“ (большія кочки, образованныя корнями ольхи или лозника) и т. п.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы замѣчали, что въ іюлѣ мѣсяцѣ, послѣ того, какъ птенцы поднялись на крылья (что бываетъ обыкновенно въ концѣ іюня), черныя мартышки не ночуютъ на мѣстахъ гнѣздовья, а удаляются въ близлежащія (иногда версты за 2—3) крѣпкія мѣста (въ родѣ зарослей въ устьяхъ Барыша); когда разсвѣтетъ утромъ, то стайки этихъ птицъ съ громкими криками быстро разлетаются по поймѣ изъ своего убѣжища въ разныя стороны, къ озеркамъ и болотамъ, служившимъ имъ мѣстами гнѣздовья, и здѣсь проводятъ день въ поискахъ за пищей.

Черныя мартышки—птицы не боязливыя, а въ тотъ періодъ, когда у нихъ яйца и молодые птенцы, онѣ обыкновенно вьются надъ человѣкомъ очень близко. Однако, въ колоніяхъ всегда есть не мало особей болѣе осторожныхъ, въ присутствіи человѣка всегда держащихся на большой высотѣ. Насколько мы могли замѣтить, это бываютъ обыкновенно не вполнѣ взрослыя, годовалыя особи (съ бѣлымъ брюхомъ). Это обстоятельство даетъ почву для предположенія, что онѣ не выводятъ дѣтей.

Въ описываемой мѣстности въ концѣ первой половины іюня огромное большинство черныхъ мартышекъ не показываетъ еще признаковъ линьки. Въ началѣ іюля еще нерѣдко попадаются экземпляры, не начавшіе линять, по большинство птицъ начинаетъ линять именно съ половины іюня и въ началѣ іюля имѣютъ на уздечкахъ, на лбу и вокругъ глазъ смѣшанное, бѣлое съ темнымъ, оперенье, а у самыхъ угловъ рта и на подбородкѣ чисто бѣлое. На брюхѣ, задней сторонѣ и бокахъ тоже пробиваются кое-гдѣ бѣлыя перья, а на горлѣ и зобѣ они образуютъ поперечную полосатость. Около 15—20 іюля уже весь лобъ и передняя часть темени, уздечки, щеки, про-

странство вокругъ глазъ, подбородокъ и горло—чисто-бѣлыя, на зобѣ и груди лишь бѣлыя поперечныя полоски, образованныя не пробивающимися новыми бѣлыми перьями, а бѣлыми концами темныхъ перьевъ (перекраска?).

По нашимъ наблюденіямъ, у взрослыхъ птицъ стержни большихъ маховыхъ перьевъ бываютъ бѣлаго цвѣта, у птицъ же въ первомъ перѣ—темныя,—признакъ, который, кажется, не былъ указанъ.

Обыкновенно съ конца іюля или начала августа наши птицы начинаютъ пропадать изъ мѣстъ своихъ гнѣздовій.

Выше, говоря о распространеніи *Sterna fluviatilis*, мы указывали на интересный фактъ полнаго исчезновенія этого вида изъ области средняго теченія рѣки Алатыря. Что касается до черныхъ крачекъ, то въ поймѣ по среднему теченію Алатыря онѣ и въ настоящее время еще довольно многочисленны. Но лицу, слѣдящему изъ года въ годъ за гнѣздованіемъ колоній *H. nigra* въ этой мѣстности, неминуемо придется прійти къ заключенію, что, во-первыхъ, число отдѣльныхъ колоній, гнѣздившихся здѣсь на озерахъ, стало меньше, и, во-вторыхъ, что многія изъ этихъ колоній стали несравненно малочисленнѣе. Такимъ образомъ, общее число особей *H. nigra* въ долинѣ Алатыря за послѣднія 10—15 лѣтъ сильно уменьшилось [1]).

Въ то же время въ жизни колоній черныхъ крачекъ нами замѣченъ еще слѣдующій фактъ. Судя по тому, что на озерахъ, занятыхъ колоніей крачекъ, всѣ особи, составляющія такую колонію, появляются весною сразу, есть основаніе предполагать, что крачки, составляющія колонію, держатся вмѣстѣ въ теченіе зимовки и вмѣстѣ, одной стаей, возвращаются на прежнее гнѣздовье. Одни и тѣ же озера изъ года въ годъ заняты крачками,

[1]) За послѣдніе три года колоніями черныхъ крачекъ въ долинѣ средняго теченія Алатыря покинуто нѣсколько озеръ, ранѣе ими населенныхъ. Количество птицъ этого вида, гнѣздящихся въ поймѣ Алатыря, за послѣдніе годы безусловно сильно уменьшается. *Б. Ж.*

причемъ часто изъ двухъ, повидимому, одинаковыхъ во всѣхъ отношеніяхъ водоемовъ, лежащихъ рядомъ, одинъ изъ года въ годъ населенъ многочисленной колоніей мартышекъ, на другомъ же не гнѣздится ни одной пары. Такимъ образомъ, колоніи, вѣроятно, твердо придерживаются однихъ и тѣхъ же мѣстъ гнѣздовья.

Таковъ обычный порядокъ; но для отдѣльныхъ водоемовъ, населенныхъ черными крачками, намъ приходилось наблюдать слѣдующее. Озеро, въ продолженіи многихъ лѣтъ бывшее населеннымъ мартышками, вдругъ въ одно лѣто оказывается пустымъ. На немъ не увидишь ни одной птицы— иногда годъ, иногда два, три. Потомъ появляются обыкновенно крачки въ небольшомъ количествѣ — двѣ, три пары. Число ихъ, однако, съ каждымъ годомъ растетъ, и по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ озеро снова оказывается населеннымъ многочисленнымъ обществомъ.

Трудно, конечно, сказать навѣрное, въ чемъ тутъ дѣло. По всему вѣроятію, прежняя колонія не возвращается на излюбленный водоемъ, или переселившись вслѣдствіе какихъ-нибудь причинъ въ другое мѣсто или же погибнувъ отъ какой-нибудь катастрофы во времы перелета или зимовки. Въ то же время, такъ какъ озеро, нѣкогда занятое этой колоніей, представляетъ, очевидно, извѣстныя удобства для жизни черныхъ крачекъ, оно не долго остается пустымъ. Его занимаютъ сперва отдѣльныя пары птицъ, почему либо отбившіяся отъ колоній и отыскивающія себѣ новое мѣсто гнѣздовья. Пары эти черезъ годъ возвращаются на избранное мѣсто уже въ сопровожденіи приплода. Общество растетъ постепенно въ числѣ, и скоро водоемъ оказывается населеннымъ цѣлой колоніей крачекъ.

Отдѣльныя особи или пары *H. nigra* отлетаютъ иногда довольно далеко отъ обычныхъ мѣстъ гнѣздовій — водоемовъ рѣчныхъ поймъ. Намъ изрѣдка приходилось въ теченіе всего

лѣта наблюдать залетныхъ черныхъ крачекъ въ степяхъ Курмышскаго уѣзда, на прудахъ, въ селахъ и деревняхъ.

Замѣчено нами нѣкоторое уменьшеніе количества черныхъ крачекъ и въ долинѣ р. Барыша. Здѣсь въ восьмидесятыхъ годахъ надъ нѣкоторыми излюбленными озерами (особенно тѣми, гдѣ производится мочка конопли) по цѣлымъ днямъ носились такія стаи черныхъ крачекъ, что напоминали издали „толкущихся“ надъ лужами комаровъ [1]).

[1]) *Steganopodes.* По словамъ М. Н. Богданова (l. c., стр. 156), большой бакланъ (*Phalacrocorax carbo* L.) ежегодно нормально гнѣздится на Волгѣ до Самарской луки, а въ небольшомъ числѣ иногда попадается и до Казанской губерніи. Тотъ же изслѣдователь говоритъ (l. c., стр. 157), что кудрявая баба (*Pelecanus crispus* Bruch.) не рѣдка на Волгѣ до Самары или даже Ставрополя, а иногда гнѣздится и въ предѣлахъ Казанской губ. Нами эти птицы въ Симбирской губерніи не найдены.

ГЛАВА III.

Систематическій списокъ встрѣчающихся въ Симбирской губерніи куликовъ (семейство *Charadriidae*). Распространеніе представителей этой группы и біологическія наблюденія.

Fam. Charadriidae.

Scolopax rusticola L.

Scolopax rusticola L. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 441. М. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 137. М. Рузскій. Орнит. набл. въ Симбирской губ., стр. 4 и 11. Мензбиръ. Пт. Россіи, I, стр. 201.

Вальдшнепъ, въ качествѣ гнѣздящейся птицы, встрѣчается въ Симбирской губерніи всюду, гдѣ есть значительныя площади лѣса, и гнѣздится, какъ кажется, одинаково охотно и въ бору, и въ участкáхъ сплошного чернолѣсья, равно какъ въ чернолѣсьѣ, обильно покрывающемъ низины и болотистыя мѣста боровъ, и въ зарослях рѣчныхъ поймъ. Особенно многочисленны вальдшнепы въ лѣсной области—въ смѣшанныхъ лѣсахъ долины Алатыря и въ Сурскихъ лѣсахъ. Но и въ степныхъ мѣстностяхъ, тамъ, гдѣ участки лиственныхъ лѣсовъ болѣе значительны, вальдшнепы гнѣздятся въ достаточномъ количествѣ. Такъ, они очень обыкновенны въ нѣкоторыхъ лиственныхъ лѣсахъ юго-западной части Ардатовскаго уѣзда. Но къ сѣверу отъ долины Алатыря, въ западной части Курмышскаго уѣзда, гдѣ участки уцѣлѣвшихъ еще до настоящаго времени лѣсовъ очень невелики (обыкновенно не болѣе 100—200 десятинъ). вальдшнепы держатся только во время

весенняго и осенняго пролета. Тяги въ этихъ рощахъ также не бываетъ.

Тяга начинается довольно скоро послѣ пролета; но еще раньше начала правильной тяги намъ приходилось раза два наблюдать, повидимому, спариванье вальдшнеповъ, которому предшествовала погоня самца за самкой, причемъ обѣ птицы свистѣли, какъ на тягѣ, но хорканья вовсе не было слышно. Такія воздушныя игры происходили на лѣсныхъ полянахъ, довольно раннимъ вечеромъ (вскорѣ послѣ захода солнца) въ началѣ апрѣля, когда въ лѣсу было еще много снѣга, въ тихіе, теплые и пасмурные вечера.

Тяга бываетъ хороша въ долинѣ Алатыря, въ лѣсахъ по Сурѣ и въ болѣе значительныхъ лиственныхъ дачахъ въ юго-западной части Ардатовскаго уѣзда. Въ степяхъ Курмышскаго уѣзда, въ лиственныхъ рощахъ,—какъ мы уже говорили выше,—тяги не бываетъ. Какъ исключеніе, мы наблюдали въ срединѣ мая 1897-го года два вечера подъ рядъ тянущаго вальдшнепа въ открытой степи Курмышскаго уѣзда въ паркѣ, занимающемъ пространство въ 10 десятинъ.

Въ лѣсахъ описываемой мѣстности тяга въ общемъ оканчивается не позже средины іюня. Отдѣльныя особи тянутъ часто и значительно позднѣе. Вотъ, напримѣръ, данныя о тягѣ въ 1889 году въ долинѣ Суры, почерпнутыя изъ дневника одного изъ авторовъ этой работы. „Тяга было вполнѣ закончилась къ 10-му іюня, и послѣ этого числа, проводя не разъ вечера и часть ночи въ чернолѣсьѣ, я вальдшнеповъ не видалъ. Погода стояла довольно холодная. Затѣмъ стало теплѣе и яснѣе, и мнѣ передали, что 24 іюня видѣли двухъ тянущихъ вальдшнеповъ. Вечеромъ 25-го числа я видѣлъ уже самъ четырехъ, но попалъ въ лѣсъ уже послѣ начала тяги. 26-го числа я наблюдалъ тягу съ ея начала, минутъ черезъ 15—20 послѣ заката. Тяга была оживленная, и я видѣлъ 6 штукъ, не считая тѣхъ, которыхъ лишь слышалъ. 27-го іюня я видѣлъ уже только двухъ, а съ утра 28-го числа по-

года стала очень вѣтряной и облачной, и тяга вторично и окончательно прекратилась въ мѣстѣ моего наблюденія—близъ Промзина. Но въ другой части Симбирской губ. прекратившаяся было тяга снова наблюдалась—именно 28-го іюня, а затѣмъ 7 іюля г. Нейковымъ" (см. № 23 „Охотничьей Газеты" за 1890 г.).

Въ долинѣ Алатыря самый поздній случай тяги наблюдался 4-го іюля (1891 года). Черезъ лѣсной порубъ, за часъ до заката солнца, протянули 2 вальдшнепа, въ небольшомъ разстояніи одинъ за другимъ. Оба хоркали. День былъ ясный и очень жаркій.

Высиживаетъ вальдшнепъ въ самыхъ различныхъ мѣстахъ. Мы должны упомянуть здѣсь, что однажды нами найдено гнѣздо въ хвойномъ лѣсу, на сухомъ бугрѣ, покрытомъ сосновыми иглами. Гнѣздо представляло собою едва замѣтную ямку въ боровой почвѣ; въ этой ямкѣ лежали яйца; гнѣздо помѣщалось совсѣмъ открыто, и высиживавшая самка была защищена только своей окраской, такъ хорошо гармонировавшей съ цвѣтомъ сухихъ сосновыхъ иглъ, покрывавшихъ почву, что подойдя на три шага къ гнѣзду и точно зная его мѣсто, едва удавалось разсмотрѣть прижавшуюся къ землѣ птицу. Самка сидѣла на яйцахъ очень крѣпко и подпускала къ себѣ на разстояніе 2 аршинъ.

Къ нашему крайнему сожалѣнію, намъ не удалось прослѣдить выводъ и дальнѣйшую судьбу птенцовъ. Черезъ недѣлю послѣ начала наблюденій какой-то четвероногій хищникъ задавилъ и съѣлъ самку и поѣлъ яйца. Гнѣздо опустѣло.

Лѣтомъ часто приходится видѣть вечерніе вылеты вальдшнеповъ на порубки, выгоны для скота близъ лѣса или разливы лѣсныхъ ручейковъ, въ поискахъ за пищей. Они летятъ при этомъ обыкновенно молча. Но и при такихъ лѣтнихъ вылетахъ изрѣдка приходится слышать, что они подаютъ голосъ, именно испускаютъ что-то вродѣ свиста, какъ тотъ, что на тягѣ слѣдуетъ за „хорканьемъ".

Время вывода птенцовъ и подъемъ ихъ на крылья очень различны. Не летающихъ молодыхъ мы находили и въ началѣ іюля, но не имѣемъ въ своихъ наблюденіяхъ прямыхъ указаній на то, что это—второй выводъ птенцовъ, а не только вторая кладка яицъ. Самцовъ при выводкахъ мы не встрѣчали.

Иногда съ послѣдней трети августа, чаще съ первой трети, а порою и съ половины сентября, начинается осенній пролетъ вальдшнеповъ, которые тогда въ большомъ числѣ попадаются и въ поймахъ, и въ борахъ, а потомъ и въ садахъ. Очень любятъ они также обширные капустники, близъ Симбирска, больше похожіе на поля, чѣмъ на огороды. Отдѣльныя — и не всегда малочисленныя — особи остаются у насъ до октябрьскихъ порошъ

Scolopax major Gmel.

Scolopax major L.'Gm. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 443. М. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 138. М. Рузскій. Орнит. набл. въ Симбирской губ., стр. 13 и 14. М. Мензбиръ. Пт. Россіи, I, стр. 212.

Дупель въ Симбирской губерніи пролетаетъ весною долинами рѣкъ въ большомъ числѣ въ серединѣ и второй половинѣ апрѣля. Въ раннія весны въ долинѣ Алатыря отдѣльныя особи замѣчены даже ранѣе 10-го апрѣля.

Еще въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ дупель гнѣздился повсюду въ удобныхъ мѣстахъ Симбирской губ. въ огромномъ количествѣ,—въ лѣсныхъ трущобахъ или въ крѣпкихъ болотахъ. Съ разгара озимаго жнитва, около 10—15-го іюля, начинался вылетъ дупелей въ открытыя болота рѣчныхъ поймъ, потные луга и мочажины въ поляхъ. Отдѣльные экземпляры попадались уже съ первыхъ чиселъ іюля, но настоящія высыпки появлялись во второй половинѣ этого мѣсяца.

Кромѣ болотъ рѣчныхъ поймъ, дупеля держались въ очень большомъ количествѣ на торфяныхъ болотахъ среди хлѣбныхъ

полей. Такъ, количествомъ дупелей славились болота, протянувшіяся черезъ Ардатовскій уѣздъ вдоль подножія мѣловой гряды, идущей между станціями Атяшево и Чамзинка Московско-Казанской ж. дор. и дальше черезъ село Маресево въ предѣлы Саранскаго уѣзда Пензенской губерніи. Богатыя дупелями болота были также въ различныхъ мѣстахъ степной части Курмышскаго уѣзда.

Въ настоящее время количество дупелей, гнѣздящихся въ Симбирской губ., сравнительно ничтожно, и исчезаніе ихъ вызвано засухами начала девяностыхъ годовъ.

Въ 1890 г. дупелей было довольно еще много, но осень была очень сухая, а въ 1891 г. разразилась засуха столь сильная, что любимыя дупелями потные луга и не особенно мокрыя болота высохли,—и мѣстныхъ дупелей почти не было, да и пролетныхъ осенью появилось лишь ничтожное количество. Въ 1892 году засуха была въ Симбирской губ. почти столь же интенсивная, много болотъ, ключей и мочажинъ пропало вовсе, и съ тѣхъ поръ мѣстныхъ, гнѣздящихся дупелей въ восточной половинѣ (на востокъ отъ Суры) губерніи мы наблюдали лишь въ ничтожномъ количествѣ. Только за самые послѣдніе годы въ нѣсколько большемъ количествѣ дупеля появились въ окрестностяхъ Симбирска въ долинахъ Волги и Свіяги.

Не лучше обстояло дѣло и къ западу отъ Суры. Вышеупомянутыя торфяныя болота Ардатовскго уѣзда, равно какъ и степныя болота Курмышскаго уѣзда, почти совершенно опустѣли. Во время лѣтнихъ высыпокъ—въ теченіе іюля—здѣсь появлялись только одиночные дупеля, и такъ продолжалось всѣ послѣднія 12 лѣтъ, несмотря на то, что въ дождливые годы болота эти были мокры и имѣли тотъ же самый видъ, какъ и до засухи 91-го и 92-го годовъ. Въ долинахъ Суры (въ районѣ Курмышскаго уѣзда) и Алатыря дупелей показывалось немногимъ больше.

Въ поймѣ Алатыря въ настоящее время въ сколько ни-

будь значительномъ количествѣ мѣстовые дупеля появляются на открытыхъ болотахъ во время весеннихъ, сопутствующихъ токамъ, высыпокъ, обыкновенно между 10 и 25 мая, когда поемные луга покроются уже довольно высокой травой. Держатся дупеля въ это время на потныхъ лугахъ и кочкарникахъ въ теченіе приблизительно двухъ недѣль. Въ это время, но въ меньшемъ количествѣ, появляются дупеля и въ степной части Курмышскаго уѣзда. Интересно отмѣтить, что здѣсь весеннія высыпки (очень, впрочемъ, малочисленныя) бываютъ ежегодно въ совершенно сухой Кочетовской степи, представляющей собою уцѣлѣвшій участокъ дѣвственной ковыльной степи. Дупелей приходится поднимать здѣсь изъ куртинокъ едва подросшей чемерики — иногда съ совершенно ровныхъ и сухихъ мѣстъ, иногда съ потнаго мѣстечка вблизи родничка или ручейка въ балкѣ. Около 20 лѣтъ тому назадъ, по словамъ мѣстныхъ охотниковъ, эти высыпки въ степи были очень многочисленны, и кромѣ того дупеля высыпали въ болѣе потныя мѣста степи и лѣтомъ—въ іюлѣ. Въ настоящее время лѣтнія высыпки здѣсь вовсе прекратились. Однако, несомнѣнно, что дупеля гнѣздятся въ этой части Курмышскаго уѣзда — вѣроятно спорадично, по удобнымъ мѣстечкамъ, — такъ какъ отдѣльные рѣдкіе дупеля появляются временами въ іюлѣ около родниковъ, на маленькихъ мочежинахъ полей и т. под. Въ 1900 году въ началѣ августа дупель былъ убитъ даже въ частой дубовой поросли лѣсного поруба, на совершенно сухомъ мѣстѣ.

На болотахъ въ поймѣ Алатыря дупеля въ іюлѣ появляются въ послѣдніе годы одиночными экземплярами. Такъ же малочисленны они и на полевыхъ болотахъ Ардатовскаго уѣзда. Судя по тому, что дупелей на открытыхъ болотахъ въ половинѣ мая показывается больше, является вѣроятнымъ, что и число гнѣздящихся особей въ долинѣ Алатыря больше, чѣмъ то можно предполагать, судя по числу дупелей, высыпающихъ въ іюлѣ. Вѣроятно, вслѣдствіе относительной сухости (сравни-

тельно съ прежнимъ ихъ состояніемъ) болотъ значительное число дупелей не вылетаетъ изъ крѣпей на открытыя мѣста, придерживаясь незначительныхъ полянокъ вблизи крѣпей, въ кустахъ, гдѣ почва влажнѣе и т. под. Предполагать такъ заставляютъ еще 1) то обстоятельство, что въ послѣдніе годы, по нашимъ наблюденіямъ, особенно часто приходится во второй половинѣ іюля поднимать одиночныхъ дупелей въ крѣпяхъ и по берегамъ травянистыхъ пересыхающихъ озеръ; и 2) то, что количество дупелей, которыхъ приходится заставать на болотахъ поймъ на утренней зарѣ, всегда замѣтно превышаетъ число особей, находящихся на болотѣ днемъ. Очевидно, многія птицы посѣщаютъ болото только во время росы, раннимъ утромъ, и на день снова удаляются въ заросли.

Іюльскія высыпки въ долинахъ рѣкъ всегда начинаются относительно ранѣе, чѣмъ на торфяныхъ болотахъ въ поляхъ. На кочковатыхъ травяныхъ болотахъ въ поймѣ Алатыря первые дупеля появляются обыкновенно 3—5 іюля, на вышеупомянутыхъ же полевыхъ болотахъ Ардатовскаго уѣзда обыкновенно не раньше 8—10-го того же мѣсяца.

Между 5 и 10 августа начинаютъ показываться уже пролетные дупеля, коихъ число въ послѣдніе годы также очень незначительно. Мѣстовые дупеля задерживаются въ долинѣ Алатыря до 10-го сентября и долѣе. Отдѣльныя же особи (мѣстовые или пролетные—рѣшить трудно) попадаются и гораздо позже. Такъ, въ 1887 году послѣдній очень жирный и вполнѣ здоровый дупель было убитъ на Свіягѣ близъ Симбирска 4-го октября, когда уже не разъ по утрамъ ледъ на болотахъ и лужахъ достигалъ толщины $^1/_8$ дюйма.

Всякому охотнику извѣстенъ низкій, прямой, сравнительно медленный и тяжелый полетъ дупеля, взлетающаго съ характернымъ шелестомъ крыльевъ и нерѣдко глухо и тихо покрякивающаго; но сильно напуганный дупель иногда улетаетъ далеко и летитъ чрезвычайно быстро съ шумомъ разрѣзая

воздухъ и поднимаясь довольно высоко. Если болото не особенно обширно (какъ, напр., котловинныя торфянистыя болота близъ селъ Сыреси и Паранеи Ардатовскаго уѣзда), то напуганный такимъ образомъ дупель нерѣдко улетаетъ на время и въ сухой по почвѣ своей (въ данной мѣстности лиственный) лѣсъ. Еще чаще согнанные съ болота дупеля садятся въ хлѣба.

Днемъ дупель — сонная, неподвижная, лѣнивая птица, однако кормится иногда и днемъ, такъ какъ и среди дня случается поднимать и убивать дупеля съ невполнѣ еще проглоченнымъ дождевымъ червемъ. Между пролетными дупелями попадаются, однако, порою такіе мастера и любители побѣгать, что съ собакою ихъ лишь немного легче бываетъ поднять на крылья, чѣмъ коростеля.

Къ закату солнца дупель оживляется, а когда станетъ уже темно, то добровольно поднимается на крылья — что такъ неохотно дѣлаетъ при свѣтѣ дня — и вылетаетъ на разбитую скотомъ сырую землю, на мелкія лужи, открытую грязцу, гдѣ бѣгаетъ, разыскивая кормъ, дерется съ куличками и вообще держитъ себя очень живо.

Въ августѣ иногда приходится поднимать дупелей на жнивѣ или просахъ, часто далеко отъ ближняго болота. Въ послѣднемъ случаѣ зобъ ихъ бываетъ набитъ зернами проса.

Scolopax gallinago L.

Scolopax gallinago L. Эверсманнъ. Ест. ист. Ор. кр., III, стр. 446. М. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 138. М. Рузскій. Орнит. набл. въ Симбирской губ., стр. 4, 11, 13 и 14. М. Мензбиръ. Птицы Россіи, I, стр. 217.

Менѣе прихотливый во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ дупель, бекасъ и въ настоящее время гнѣздится всюду въ Симбирской губерніи въ весьма значительномъ, хотя съ начала 90-ыхъ гг. все же въ уменьшившемся числѣ, причемъ весной начинаетъ появляться въ нѣкоторые годы уже съ послѣдней

трети или даже съ половины марта, по погодѣ, а во второй трети іюня молодежь частью уже поднимается на крылья.

Мѣста гнѣздованія бекасовъ въ общемъ довольно разнообразны. Въ наибольшемъ числѣ—цѣлыми колоніями на небольшомъ сравнительно пространствѣ — мы наблюдали ихъ гнѣздящимися въ вырубленныхъ ольховыхъ зарослях, частью затопленныхъ водою и заросшихъ мѣстами тростникомъ и тальниками, въ поймѣ рѣки Алатыря. Гнѣзда бекасовъ здѣсь лежали иногда совершенно открыто, частью на курняхъ, оставшихся изъ подъ вырубленныхъ ольхъ, частью между этими курнями, по берегамъ грязныхъ и топкихъ лужъ. Въ серединѣ іюня въ этихъ мѣстахъ были еще не оконченныя кладки и хорошо уже летавшіе молодые бекасы. Другимъ обычнымъ мѣстомъ гнѣздовья въ долинѣ Алатыря служитъ довольно большое моховое, поросшее чахлыми березками, болото, расположенное на краю поймы и бора, близъ села Лунги.

И во время пролета, и въ теченіе лѣта бекасы въ описываемой мѣстности болѣе обыкновенны въ рѣчныхъ долинахъ. Въ торфяныхъ болотахъ Ардатовскаго уѣзда они попадаются рѣже и всегда были несравненно малочисленнѣе дупелей (въ настоящее время, впрочемъ, вслѣдствіе почти полнаго исчезновенія на этихъ болотахъ дупелей, бекаса, пожалуй, здѣсь можно увидѣть и чаще, чѣмъ дупеля). Въ степной части Курмышскаго уѣзда въ теченіе всего лѣта попадаются одиночные бекасы у ключей и ручьевъ въ балкахъ, на небольшихъ болотцахъ и т. под. Многочисленны бекасы также на нѣкоторыхъ большихъ моховыхъ болотахъ, лежащихъ въ предѣлахъ Сурской дачи.

По привычкамъ своимъ и образу жизни, бекасъ, какъ и дупель,—сумеречная птица. Среди дня онъ спитъ, но когда солнце склонится къ западу и замѣтно спадетъ дневной жаръ, бекасъ иногда поднимается изъ своего дневного убѣжища и высоко, съ крикомъ, пролетаетъ нѣсколько разъ надъ своимъ

болотомъ. На крикъ къ нему поднимается обыкновенно три-четыре и до десятка товарищей; и они вмѣстѣ летятъ на болѣе удобныя для корма мѣста: разливы ручейковъ, грязные берега лужъ и озерокъ, выбитые скотомъ луга. Тутъ бекасъ кормится до и нѣкоторое время послѣ заката, иногда нѣсколько разъ перемѣнивъ одно мѣсто на другое, и тутъ же, часовъ въ 10—11 ночи, засыпаетъ, втянувъ голову въ плечи и поставивъ клювъ наклонно кверху. Тоже самое повторяется—но, конечно, въ обратномъ порядкѣ—и утромъ, и часто можно видѣть, уже въ 8—9 часовъ утра, стайку бекасовъ, штукъ до 12, носящуюся надъ поймой иногда съ крикомъ, иногда молча, но всегда высоко, аршинахъ въ 70—80 надъ землею, и потомъ опускающуюся куда-нибудь въ сырые кусты на дневку.

Временами бекасъ кормится и днемъ, бѣгая въ это время, какъ куликъ, по тинѣ и берегамъ лужъ и озеръ, иногда даже на довольно открытыхъ мѣстахъ. Совершенно, какъ кулики, ведутъ себя часто также весной пролетныя стайки бекасовъ, останавливающіяся на кормежку на тинистыхъ берегахъ озеръ и рѣчныхъ разливовъ.

Съ послѣднихъ чиселъ іюля мѣсяца мѣстовые бекасы въ долинахъ Барыша, Суры и Алатыря начинаютъ постепенно исчезать, а на мѣсто ихъ съ первой трети августа начинаютъ уже появляться пролетные, весьма легко отличаемые опытнымъ глазомъ отъ гнѣздящихся здѣсь по массѣ мелкихъ, но весьма замѣтныхъ признаковъ въ выборѣ мѣстъ кормежекъ и дневного отдыха, отношенію къ преслѣдованью и т. под. На отдѣльныхъ болотахъ намъ приходилось убѣдиться въ томъ, что иногда между исчезаніемъ съ болота послѣднихъ мѣстныхъ бекасовъ и появленіемъ первыхъ пролетныхъ проходитъ отъ 2 до 4 и даже 6 и болѣе (въ поймѣ Алатыря это, въ среднемъ, обыкновенно числа приблизительно между 5 и 15 августа) „мертвыхъ“ дней, когда на болотѣ вовсе нѣтъ бекасовъ. Вновь появляющіяся послѣ этого особи держатся до поздней осени, обыкновенно до ок-

тября. Для охотника, посѣщающаго часто опредѣленное болото, по всѣмъ пріемамъ появившихся экземпляровъ ясно, что это не мѣстовыя, а прилетѣвшія птицы. Не напуганныя преслѣдованіемъ и стрѣльбой, онѣ гораздо менѣе осторожны, попадаясь притомъ на всѣхъ удобныхъ мѣстахъ данной части поймы, у мѣстныхъ же есть всегда извѣстныя симпатіи и антипатіи въ выборѣ мѣстъ дневного отдыха; спугнутые съ одного мѣста, эти бекасы не летятъ въ извѣстныя, привычныя имъ крѣпи, какъ это дѣлаютъ обыкновенно мѣстовые, а перемѣщаются, какъ попало, съ одной мочежины на другую. Однимъ словомъ, по многимъ мелкимъ, но вполнѣ реальнымъ признакамъ, наблюдатель невольно приходитъ къ убѣжденію, что это—не мѣстовыя, а прилетѣвшія птицы. Конечно, смѣну уже пролетныхъ бекасовъ однихъ другими наблюдать труднѣе, но нужно думать, конечно, что прилетѣвшіе бекасы не остаются два мѣсяца въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, а постепенно передвигаются къ югу, замѣняясь болѣе сѣверно гнѣздящимися особями.

Это явленіе, какъ намъ кажется, указываетъ на то, что болѣе сѣверно гнѣздящіеся бекасы трогаются на южныя зимнія квартиры нѣсколько позднѣе и никоимъ образомъ не раньше гнѣздящихся болѣе южно; и если болѣе южныя русскія болота все же въ общемъ позднѣе лишаются осенью своего населенія, то это происходитъ только по той причинѣ, что сѣверно гнѣздящіеся бекасы при своемъ осеннемъ пролетѣ очень долго задерживаются на болѣе южныхъ болотахъ, уже покинутыхъ своими коренными обитателями. Отъ такого положенія вещей всего одинъ шагъ остается, чтобы перейти къ явленію, не разъ наблюдавшемуся (различными орнитологами), когда птицы опредѣленнаго вида изъ данной мѣстности улетаютъ на зиму на югъ, а другія особи этого же вида, гнѣздящіяся гораздо сѣвернѣе, именно въ эту мѣстность являются, чтобы провести здѣсь зиму. А это обстоятельство прямо указываетъ на извѣстную натянутость

того положенія орнитологіи, по которому, вообще говоря, чѣмъ сѣвернѣе гнѣздится птица, тѣмъ далѣе на югъ она отлетаетъ [1]). Добавимъ здѣсь, что сходныя съ нашими наблюденія были сдѣланы П. П. Сушкинымъ [2]) надъ полосатой гагарой (*Colymbus arcticus* L.) и В. Тачановскимъ [3]) надъ чибисомъ (*Vanellus vanellus* L.). Приводя эти наблюденія, мы, конечно, не хотимъ сказать этимъ, что вышеупомянутый законъ не оправдывается во многихъ и даже въ большей части случаевъ [4]).

Возвращаясь къ весеннему и лѣтнему образу жизни бекаса, мы должны въ нѣсколькихъ словахъ коснуться токованья бекасовъ. Токованье самцовъ въ іюнѣ, особенно въ первой его половинѣ, бываетъ еще очень оживленно, что находится въ полномъ соотвѣтствіи съ поздними кладками. Въ вышеупомянутыхъ ольховыхъ порубяхъ въ долинѣ Алатыря въ половинѣ и въ 20-хъ числахъ іюня токующихъ самцовъ приходилось видѣть очень часто, равно какъ и часто случалось слышать призывный крикъ самки, на который самецъ камнемъ бросается съ высоты.

Самцы токуютъ на различной высотѣ, чаще всего на высотѣ 25—30 саженъ. Какъ кажется, рано весной, въ разгаръ тока, они поднимаются выше и чаще бросаются внизъ, производя извѣстный характерный звукъ. Во время токованья бекасъ обыкновенно и падаетъ, и поднимается не спирально, а широкими дугами, такъ что линіи нѣсколькихъ послѣдовательныхъ паденій и подъемовъ образуютъ одинъ большой кругъ.

Усиленная линька происходитъ у бекасовъ въ Симбир-

---

[1]) См. Ч. Диксонъ. „Перелетъ птицъ“. 1895 г., стр. 39. М. Мензбиръ. l. c., стр. LXXXVIII. Canon Tristram, „Ibis“. 1865 г., p. 77 (cf. Newton. „Dictionary Birds“, p. 557).

[2]) П. Сушкинъ. „Птицы Уфимской губ.“, стр. 6.

[3]) М. Мензбиръ, l. c., стр. 369.

[4]) Объ этомъ явленіи см. также: С. Бутурлинъ. „О перелетахъ птицъ“. Псовая и Ружейная охота. 1897, кн. I, стр. 73—76.

ской губ. въ теченіе іюля, такъ что въ половинѣ іюля на Сурѣ и Барышѣ у нѣкоторыхъ экземпляровъ на обоихъ крыльяхъ намъ приходилось находить въ общемъ лишь 9 первостепенныхъ маховъ и 10 рулевыхъ. Но и въ это время множество линяющихъ бекасовъ приходится заставать далеко не въ крѣпяхъ, а, напр., по открытымъ, поросшимъ только травою берегамъ поемныхъ озеръ или въ сырыхъ болотахъ.

Зибомъ въ своей монографіи [1]) даетъ слѣдующіе отличительные признаки европейскаго бекаса отъ сѣверо-американскаго (*Scol. wilsoni* Temm.), отмѣчая, впрочемъ, ихъ непостоянство: 1) *Sc. gallinago* имѣетъ 14 рулевыхъ, а не 16 (послѣдняго числа мы, дѣйствительно, не замѣчали у нашихъ бекасовъ [2]). 2) Крайніе рули шириною 0,4 дм. (у *S. wilsoni* 0,3) и съ 3-мя, а не съ 5-ю поперечными темными полосами; ширину мы находили около 0,4—0,5 дм.; что же касается поперечныхъ темныхъ полосъ, то изъ 12-ти убитыхъ на Сурѣ въ іюлѣ 1899 г. бекасовъ, мы отмѣтили этотъ признакъ у 8-ми, причемъ у двухъ было, дѣйствительно, 3 полосы, у двухъ—четыре, у двухъ—пять, у одного—шесть полосъ и у одного вовсе не было полосъ, кромѣ, пожалуй, одной, очень слабо выраженной близъ вершины, а темная окраска была распредѣлена весьма равномѣрно. 3) Грудь у *S. gallinago* не въ поперечныхъ, а въ продольныхъ пестринахъ; изъ тѣхъ же 8-ми экземпляровъ только 2 имѣли продольныя пестрины, а 6 — поперечныя. 4) Клювъ длиною отъ 3 до 2,5 дм., а у *Sc. wilsoni* отъ 2,7 до 2,3 дм. Наши 12 экз. имѣли клювы (culmen) отъ 64 до 73 мм., причемъ 69 мм. и болѣе имѣли лишь 5 экз., а 7 имѣли длину клюва въ предѣлахъ, даваемыхъ для обѣихъ формъ; нужно замѣтить также, что у куликовъ величина клюва очень сильно варьируетъ, мѣняясь съ возрастомъ. 5) Подмышечныя

[1]) H. Seebohm. Geographical Distribution of the Charadriidae, стр. 487.

[2]) Но Н. Зарудный въ „Дополн. къ орн.-ф. Оренб. кр.“, стр. 299, отмѣчаетъ и такіе случаи.

бѣлыя, а не съ темными поперечными полосами, — но изъ 12-ти просмотрѣнныхъ нами экз. всего *одинъ* имѣлъ бѣлыя подмышечныя, десять имѣли ихъ съ широкими (около 3 мм.) и рѣзкими темными полосами, иногда до десяти числомъ. Наконецъ, одинъ имѣлъ лѣвыя подмышечныя довольно рѣзко поперечно-полосатыя, а правыя почти чисто-бѣлыя, съ незначительными и немногими бурыми крапинками близъ основанія и вершины.

Ни одинъ изъ 8-ми описанныхъ экземпляровъ не соединялъ въ себѣ всѣхъ признаковъ, даваемыхъ Зибомомъ для *Sc. gallinago*, но два соединяли всѣ признаки, даваемые имъ для *Sc. wilsoni* Temm., кромѣ ширины и числа рулей, насколько можно было убѣдиться въ этомъ послѣднемъ признакѣ на линяющихъ экземплярахъ [1]).

Scolopax gallinula L.

Scolopax gallinula L. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 447. М. Богдановъ Пт. и зв. Поволжья, стр. 139. Мензбиръ. Пт. Россіи, I, стр. 225.

Д. П. Филатовъ сообщилъ намъ слѣдующее интересное наблюденіе. 12-го іюля 1903 года убиты имъ на большомъ и очень глухомъ моховомъ белотѣ, лежащемъ близъ чувашскаго села Алгашей въ предѣлахъ Сурской дачи, верстахъ въ 12 отъ Суры (Курмышскій уѣздъ), 2 гаршнепа, одинъ старый, другой молодой, едва поднявшійся на крылья. Фактъ этотъ дѣлаетъ несомнѣннымъ спорадическое гнѣздованіе гаршнепа въ районѣ лѣсного Засурья.

Въ долинахъ Суры и Алатыря намъ—хотя очень рѣдко—приходилось встрѣчать гаршнеповъ въ первой половинѣ августа, а въ 1900 году одинъ гаршнепъ убитъ въ долинѣ Алатыря, близъ деревни Анютиной, на довольно чистомъ

[1]) Объ интересномъ вопросѣ о полигамизмѣ бекасовъ см. С. Бутурлинъ, „Кулики Россійской Имперіи“, вып. I, 1902 г., стр. 64—66.

осоковомъ болотѣ 25-го іюля. Возможно, что эти исключительно рано появляющіеся гаршнепы тоже не ранніе пролетные, а мѣстовые, гнѣздящіеся въ глухихъ болотахъ Сурскихъ лѣсовъ или въ непроходимыхъ крѣпяхъ рѣчныхъ долинъ Симбирской и сосѣдней Казанской губерній. М. Д. Рузскій [1]) упоминаетъ о гнѣздованіи гаршнеповъ въ долинѣ Камы, въ предѣлахъ Казанской губерніи.

Весенній и осенній пролеты въ предѣлахъ изученной нами мѣстности идутъ—первый въ зависимости отъ погоды отъ начала апрѣля до начала мая, второй же въ теченіе сентября. Обыкновенно первые пролетные гаршнепы появляются въ началѣ сентября, валовой же пролетъ идетъ въ теченіе второй половины сентября. Отдѣльныя пролетныя особи остаются у насъ гораздо дольше бекасовъ—до снѣга и замерзанія водъ.

Въ сентябрѣ гаршнепъ бываетъ очень многочисленъ въ долинахъ Волги и Свіяги, въ поймѣ же Суры и Барыша встрѣчается сравнительно въ болѣе умѣренномъ количествѣ. Въ поймѣ Алатыря гаршнепы появляются въ значительномъ числѣ въ теченіе и весенняго, и осенняго пролета. Они останавливаются во время пролета одинаково охотно и на моховикахъ, и на чистыхъ осоковыхъ болотахъ, на глухихъ топяхъ и по заросшимъ берегамъ озеръ. Отдѣльныя особи попадаются также далеко отъ рѣчныхъ долинъ, въ поляхъ, по грязямъ въ балкахъ, у ключей и степныхъ прудовъ и т. под.

Гаршнепъ въ общемъ очень молчаливъ, и едва-ли многимъ приходилось слышать голосъ этой птички. Поэтому мы считаемъ интереснымъ привести здѣсь нѣкоторыя наблюденія, касающіяся крика гаршнепа. Вотъ случай, записанный въ свое время С. А. Бутурлинымъ:

„21 сентября 1895 года, около 10 часовъ очень тихаго и теплаго, почти весенняго, туманнаго утра, я подкрадывался

[1]) М. Рузскій. Мат. по изуч. птицъ Казанской губ., стр. 75.

къ небольшой артели пырковыхъ утокъ и тихонько проходилъ черезъ мелкій конецъ длиннаго, открытаго озера близъ Суры, нѣсколько выше устья Барыша. Я шелъ по мокрому обнаженному илу съ перепутанными на немъ корнями камыша и другихъ травъ, устремивъ все вниманіе на сравнительно рѣдкій у насъ видъ утокъ, а потому и не обратилъ вниманія на вырвавшагося шагахъ въ пяти передо мной бекаса, улетѣвшаго съ характернымъ для этой птицы крикомъ. Нѣсколько шаговъ далѣе я поднялъ второго, также съ крикомъ пересѣвшаго у меня на глазахъ. Только убивъ одну изъ утокъ, я отнесся сознательнѣе къ ранѣе воспринятому впечатлѣнію, подумавъ, что по величинѣ своей и характерному острому изгибу крыльевъ на лету поднятыя мною птицы должны быть гаршнепами. И дѣйствительно, я сейчасъ же нашелъ вторую пересѣвшую птицу, опять крикнувшую при подъемѣ, убилъ ее, — и это былъ гаршнепъ. Крикъ этихъ гаршнеповъ былъ совершенно похожъ на крикъ летящаго бекаса и близко, мнѣ кажется, подходилъ къ слогамъ „кшии, кшии“, но голосъ гаршнепа значительно тише, чѣмъ у бекаса, далеко не столь рѣзокъ и звонокъ, а, наоборотъ, какъ то мягче и глуше, и, кажется, ниже и похриплѣе. Все же сходство таково, что при очень тихой погодѣ и близкомъ разстояніи, при весьма напряженномъ слухѣ и отвлеченномъ вниманіи, я принялъ было за бекасиный—крикъ гаршнеповъ, коихъ не ждалъ тутъ встрѣтить“ [1]).

Въ общемъ намъ нѣсколько разъ приходилось слышать голосъ гаршнепа, причемъ можно было убѣдиться, что голосъ его какъ-то неустойчивъ: раза два приходилось слышать такой же крикъ, какъ только что описанный, т. е. весьма

---

[1]) Наблюденіе это, сдѣланное въ Симбирской губ., было мною сообщено въ „Охотничьей Газетѣ“ 1895 г., № 40 и вызвало сходное сообщеніе г. Михайлова въ № 43 ibid. Очень интересныя наблюденія надъ голосомъ гаршнепа были сообщены въ № 1 (ibid.) г. Шершеневичемъ. С. Бутурлинъ.

похожій на крикъ взлетающаго бекаса. Однажды (въ концѣ сентября) гаршнепъ, поднятый днемъ, въ довольно холодную погоду, полетѣлъ съ негромкимъ покрякиваніемъ или кряхтѣньемъ, чрезвычайно похожимъ на дупелиное, но только понѣжнѣе и выше, а въ то же время и послышнѣе. Наконецъ, одинъ, поднятый приблизительно въ то же время, но уже послѣ заката (темно, однако, не было), взлетѣлъ съ крикомъ, совершенно бекасинымъ, но, взявъ двѣ-три ноты, свелъ этотъ громкій и пронзительный крикъ на гораздо болѣе тихіе и глухіе хрипящіе звуки, какъ будто средніе между бекасинымъ крикомъ и кряканьемъ дупеля, однако ближе къ послѣднему [1]).

Гаршнепъ по природѣ своей довольно неподвиженъ и неохотно бѣгаетъ. Однако намъ неоднократно приходилось наблюдать, что гаршнепъ, поднятый съ какого либо мѣста и перемѣстившійся, вскорѣ опять оказывался на старомъ мѣстѣ, куда перелетѣть незамѣтно не могъ, или же отходилъ довольно далеко въ сторону отъ того мѣста, на которое опустился. Однажды съ помощію бинокля одному изъ авторовъ этой работы даже удалось видѣть, какъ гаршнепъ, только что поднятый у самаго берега большого озера и пересѣвшій на берегу, шагахъ въ двухстахъ отъ наблюдателя, затѣмъ быстро, какъ мышь, бѣжалъ по песку и камешкамъ, вдоль самой воды, подъ нависшей надъ водой травою,—обратно на прежнее мѣсто. Интересно отмѣтить тотъ фактъ, что даже осенью — и въ концѣ августа, и даже въ октябрѣ — намъ иногда приходилось поднимать гаршнеповъ парами, причемъ пары эти держатся вмѣстѣ довольно крѣпко: иногда и улетаютъ въ одну сторону, но во всякомъ случаѣ — если, спугнувъ, не убить ихъ — оба вскорѣ окажутся опять вмѣстѣ. Къ сожалѣнію, мы не вскрывали въ свое время этихъ экземпляровъ и поэтому въ настоящее время не можемъ сообщить ничего объ ихъ полѣ.

[1]) Эти наблюденія сдѣланы мною не въ Поволжьѣ, а въ Лифляндіи. С. Б.

Tringa minuta Leisl.

Tringa minuta Leisl. Э. Эверсманъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 434. М. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 136. Мензбиръ. Пт. Россіи, I, стр. 234.

Tringa temminckii Leisl.

Tringa temminckii Leisl. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 436. М. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 136. М. Мензбиръ. Пт. Россіи, I, 239.

Малый куличекъ и куличекъ-воробей въ предѣлахъ изученной мѣстности замѣчены нами только во время пролета, какъ въ районѣ рѣчныхъ долинъ, такъ и въ степяхъ, на прудахъ и озерахъ. *Tringa minuta* въ общемъ бываетъ въ гораздо большемъ числѣ. Часто представители того и другого вида встрѣчаются въ одной и той же стаѣ. На Сурѣ и ея притокахъ ни на весеннемъ, ни на осеннемъ пролетѣ кулички эти никогда не встрѣчаются въ такомъ значительномъ числѣ, какъ на Волгѣ, гдѣ, очевидно, проходитъ главный путь ихъ пролета [1]). Однако и по берегамъ Суры въ ея среднемъ теченіи приходилось встрѣчать намъ многочисленныя стаи *Tr. minuta*, иногда въ 40—50 штукъ и больше.

Въ долинахъ Суры, Барыша и Алатыря весною станички *Tr. minuta* появляются со второй четверти апрѣля, но въ очень небольшомъ числѣ. Затѣмъ эти кулички начинаютъ попадаться небольшими стайками въ 7—15 штукъ, а иногда и гораздо болѣе многочисленными, начиная съ первыхъ чиселъ августа, а изрѣдка даже и съ половины іюля. Въ теченіе осенняго пролета они въ общемъ гораздо многочисленнѣе, чѣмъ во время весенняго, и въ это время не рѣдки и на грязяхъ и прудахъ въ открытыхъ степяхъ, далеко отъ рѣчныхъ долинъ. Стайки этихъ куличковъ обыкновенно держатся по берегамъ мелкихъ озерокъ поймъ и по лужамъ съ гряз-

[1]) См. у Рузскаго. Мат. къ изуч. птицъ Казан. губ., стр. 74.

ными берегами, рѣже — по отмелямъ и песчанымъ берегамъ рѣкъ. Члены стаи держатся тѣсно и дружно вмѣстѣ. Довѣрчивы эти кулички чрезвычайно.

Изрѣдка представители одного изъ этихъ двухъ видовъ попадаются въ предѣлахъ Симбирской губ. и раннимъ лѣтомъ. Такъ, одинокій куличекъ, принадлежащій къ какому-то изъ этихъ видовъ (вѣроятно, *Tr. minuta*), замѣченъ на Сурѣ 8-го іюня.

Tringa subarquata Güld.

Tringa subarquata Güld. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III. стр. 430. М. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 136. М. Мензбиръ. Пт. Россіи, I. стр. 255.

Краснозобикъ замѣченъ нами въ качествѣ пролетной птицы на степныхъ прудахъ въ Курмышскомъ уѣздѣ, равно какъ въ поймахъ Суры и Алатыря, притомъ исключительно осенью— около половины августа. Правильно пролетъ, однако, здѣсь не идетъ, такъ какъ *Tr. subarquata* встрѣчается здѣсь очень рѣдко, одиночными экземплярами, часто въ стайкахъ кулич-ковъ-воробьевъ (*Tr. minuta*) или поплавковъ (*Ph. lobatus*). Къ намъ залетаютъ и молодыя птицы въ первомъ перѣ, и взрослыя, почти перелинявшія въ зимнее перо.

Въ долинѣ Суры 2 экземпляра *Tr. subarquata* были добыты при слѣдующихъ условіяхъ: въ первой трети августа въ Сурской поймѣ, близъ села Промзина, держались двѣ стайки пролетныхъ куличковъ—одна штукъ въ 30 *Tr. minuta* и другая штукъ въ 15 *Ph. lobatus*,—которыя иногда держались на смежныхъ лужахъ, иногда даже на одной очень близко, но не смѣшиваясь. Изъ обѣихъ стай было убито по нѣсколько птицъ, причемъ среди убитыхъ *Tr. minuta* оказался одинъ молодой краснозобикъ въ первомъ перѣ, а среди поплавковъ— одинъ старый краснозобикъ, почти перелинявшій въ зимнее перо. Замѣчательно, что эти двѣ птицы одного вида не держались вмѣстѣ, а каждая летала съ куличками другого вида.

Tringa alpina L.

Tringa cinclus L. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 432. *Tr. variabilis* Bechst. М. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 136. *T. alpina* L. Мензбиръ. Пт. Россіи, I, стр. 247.

Правильнаго пролета чернозобика въ долинѣ Суры, повидимому, не происходитъ, но залетныя стайки этихъ куличковъ появляются изрѣдка въ долинахъ Суры и Алатыря не только въ началѣ осени, но (хотя послѣднее, какъ большая рѣдкость) и въ началѣ и срединѣ лѣта. Въ коллекціи нашей находятся 2 экземпляра (♂ и ♀), убитые въ поймѣ Суры повыше устья Барыша (противъ с. Барышской Слободы) въ началѣ августа 1899 года. Обѣ птицы еще въ брачномъ нарядѣ.

Перечисленными четырьмя видами исчерпываются представители рода *Tringa*, которыхъ мы наблюдали въ предѣлахъ изученной нами части Поволжья. Родъ *Tringa* не насчитываетъ ни одного вида, который несомнѣнно гнѣздился бы въ среднемъ Поволжьѣ, хотя лѣтніе залеты *Tr. temminckii*, *Tr. minuta* и *Tr. alpina* въ предѣлы Казанской и Симбирской губерній дѣлаютъ возможнымъ предположеніе, что формы эти, быть можетъ, и гнѣздуютъ гдѣ-нибудь на Волгѣ или нижнемъ теченіи Камы. Какъ извѣстно, случаи спорадическаго гнѣзднванія *T. minuta* и *T. alpina* наблюдались въ Оренбургскомъ краѣ.

Кромѣ перечисленныхъ выше формъ, появляются во время пролета на Волгѣ, а слѣдовательно пролетаютъ и въ предѣлахъ Симбирской губерніи, виды *Calidris alba* Pall. и *Tringa canutus* L. [1]), изъ которыхъ второй замѣченъ М. Д. Рузскимъ также на Сурѣ. *Limicola platyrhyncha* Temm. отмѣченъ въ качествѣ лѣтней залетной птицы подъ Казанью и Сызранью М. Н. Богдановымъ. *Strepsilas interpres* Lin. обыченъ

[1]) См. Рузскаго. Мат. къ изуч. птицъ Казанской губ., стр. 72.

во время пролета на Волгѣ. Къ этому списку мы должны прибавить еще одинъ видъ — *Tringa maritima* Brünn. — на основаніи записи въ дневникахъ С. А. Бутурлина, причемъ птица не была точно опредѣлена, но записаны ея признаки, позволяющіе прійти къ опредѣленному заключенію при рѣшеніи вопроса о томъ, къ какому виду она принадлежала. Вотъ это наблюденіе:

„11 іюля 1887 г. среди дня въ поймѣ р. Барыша близъ с. Усть-Уреня, почти у большой дороги, стоя на ровномъ мѣстѣ близъ небольшого озерка, я услыхалъ довольно громкій и пріятный посвистъ незнакомаго мнѣ кулика, а затѣмъ увидалъ его летѣвшаго шагахъ въ 40 надъ землей; когда онъ былъ надо мною, я убилъ его, и въ моемъ дневникѣ онъ отмѣченъ такъ: „куликъ немного поменьше черныша *[Tot. ochropus]*, грудь въ пестринкахъ, какъ у дрозда, ноги желтыя“. Послѣдній признакъ указываетъ на то, что это былъ *Tr. maritima*. Другихъ встрѣчъ съ этимъ куликомъ въ предѣлахъ Симбирской губ. мы не имѣли, но еще Палласу[1]) были извѣстны залеты его въ Поволжье.

Limosa limosa L.

Limosa aegocephala Lin. Эверсманнъ, Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 412. *Limosa melanura* (Briss.) L. М. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 134. Рузскій. Орнит. набл. въ Симб. губ., стр. 9 и 13. Мензбиръ. Пт. Россіи, I, стр. 263.

Во всей изученной нами мѣстности веретенникъ не найденъ нами гнѣздящимся. Въ долинѣ Алатыря и вообще въ Ардатовскомъ уѣздѣ, равно какъ въ Курмышскомъ и сосѣднихъ степныхъ уѣздахъ, куликъ этотъ не встрѣченъ нами ни разу, въ поймѣ же Суры мы не замѣчали его ранѣе конца

[1]) *Pallas.* „Zoogr.“, II, p. 190. Высказанное недавно предположеніе (Мензбиръ. „Ох. и Пром. пт.“ I, стр. 213), что этотъ „*Tringa arquatella*“ можетъ быть краснозобикомъ, противорѣчитъ діагнозу „remigibus secundariis quibusdam albis.“

іюня, когда изрѣдка веретенникъ начинаетъ попадаться стайками въ 6—10 штукъ. Въ августѣ пролетныя особи появляются въ долинѣ Волги.

Въ показаніяхъ прежнихъ авторовъ о распространеніи этого вида въ области средняго Поволжья есть существенныя противорѣчія. М. Н. Богдановъ говоритъ вполнѣ опредѣленно: „Въ черноземныхъ степяхъ Симбирской и Саратовской губ. это обыкновенная птица по степнымъ болотцамъ". Эверсманъ же о распространеніи *L. melanura* замѣчаетъ: „...въ особенности онъ обыкновененъ въ травянистыхъ степяхъ Оренбургской губерніи . . . но рѣдко встрѣчается въ Казанской губерніи и вообще по средней Волгѣ". . . Рѣдкость веретенниковъ въ этихъ частяхъ Поволжья подтверждается и наблюденіями М. Д. Рузскаго въ Казанской губерніи (Мат. къ изученію птицъ Казанской губ., стр. 69). Для Симбирской губ. Рузскій въ то же время отмѣчаетъ этотъ видъ спорадично гнѣздящимся въ сурскомъ районѣ (къ западу отъ Суры) по заливнымъ долинамъ рѣкъ („Орнит. набл.", стр. 9).

Pavoncella pugnax L.

Machetes pugnax L. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III. стр. 419. М. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья. стр. 135. *Totanus pugnax* Briss. Мензбиръ. Пт. Россіи, I. 275.

Во время весенняго и осенняго пролета турухтанъ появляется въ весьма значительномъ числѣ на всѣхъ подходящихъ болотахъ Симбирской губерніи, какъ по рѣчнымъ долинамъ, такъ и на торфяниковыхъ болотахъ открытыхъ полей. Въ особенно большомъ количествѣ намъ неоднократно приходилось наблюдать пролетныхъ турухтановъ въ степяхъ Курмышскаго уѣзда и на болотахъ по рѣкѣ Инзрѣ, въ Саранскомъ уѣздѣ Пензенской губерніи.

Гнѣздящихся турухтановъ въ предѣлахъ Симбирской губ.

или сосѣднихъ уѣздовъ намъ не удалось найти нигдѣ; но въ то же время намъ приходилось не разъ наблюдать въ поймахъ Суры и Алатыря очень раннее появленіе отдѣльныхъ особей *P. pugnax*, и особей именно молодыхъ, что позволяетъ предполагать, что турухтаны гнѣздятся спорадично гдѣ-нибудь вблизи границъ изученнаго нами района, быть можетъ, въ низовьяхъ Суры,—предположеніе тѣмъ болѣе возможное, что Богдановымъ турухтанъ отмѣченъ гнѣздящимся въ долинѣ Камы, съ одной, и въ Калмыцкой степи, съ другой стороны.

Не ежегодно, но все же очень часто, турухтаны показываются въ поймѣ Суры, начиная съ 16—17, изрѣдка даже съ 11-го іюня, на Алатырѣ же были замѣчены съ послѣднихъ чиселъ этого мѣсяца. Они попадаются въ это время по одиночкѣ, въ сырыхъ, но открытыхъ травянистыхъ болотахъ или по опушкамъ заросшихъ кустарникомъ сырыхъ кочкарниковъ, причемъ буквально поражаютъ своей довѣрчивостью, расхаживая нерѣдко совершенно на виду шагахъ въ 15—20 отъ человѣка и не пытаясь спрятаться въ травѣ. Они хорошо выдерживаютъ стойку собаки, поднимаются близко отъ нея и всегда молча, летятъ прямо и невысоко надъ землею и перемѣщаются очень недалеко. Все это заставляетъ предполагать, что это не кочующіе холостяки или бродячіе самцы, а скорѣе молодыя птицы вывода настоящаго года. Собственно кочующіе турухтаны изъ болѣе сѣверныхъ мѣстъ появляются въ Симбирской губ. — и это появленіе можно, пожалуй, считать началомъ осенняго пролета — не ранѣе половины іюля. Одинъ разъ только наблюдали мы небольшую стайку самцовъ частью въ весеннемъ еще нарядѣ на степномъ озерѣ на границахъ Курмышскаго и Сергачскаго уѣздовъ 29-го іюня. Эти особи ведутъ себя совершенно иначе, держатся обыкновенно по нѣсколько штукъ вмѣстѣ по берегамъ открытыхъ озеръ, иногда же и по одиночкѣ въ стаяхъ пиголицъ (*Vanellus vanellus*), и во всякомъ случаѣ бываютъ очень осторожны и поднимаются далеко отъ человѣка. Въ это время ихъ попадается сравни-

тельно очень немного. Числа съ 8—12 августа стайки пролетныхъ турухтановъ, отъ 10 до 30 штукъ, появляются уже въ большомъ числѣ. Онѣ держатся по берегамъ открытыхъ озеръ и отмелямъ рѣкъ, равно какъ и по торфянымъ болотамъ полей. Послѣ заката стайки эти выказываютъ усиленную дѣятельность, съ тихимъ писком перелетая съ мѣста на мѣсто въ поискахъ мелкой воды и иловатыхъ береговъ, причемъ далеко не такъ осторожны, какъ днемъ, когда ихъ тоже приходится иногда видѣть перелетающими съ мѣста на мѣсто. Стайки эти, уменьшаясь въ числѣ, держатся по поймамъ приблизительно до половины сентября.

Упомянутые выше іюньскіе экземпляры, нами наблюдавшіеся, всѣ были мелки ростомъ и безъ всякихъ признаковъ брачнаго наряда. Это также до извѣстной степени подтверждаетъ наше предположеніе, что это были молодыя птицы, такъ какъ слѣды брачнаго наряда держатся у турухтановъ очень долго. Въ нашей коллекціи находятся два самца съ ясными слѣдами воротника, убитые въ долинѣ Суры 25-го и 28-го августа (1899 года) [1]).

Кромѣ стаекъ пролетныхъ турухтановъ, держащихся по открытымъ мѣстамъ стайно, и довольно осторожныхъ, нерѣдко, начиная съ первыхъ чиселъ августа и даже съ конца іюля, на торфяныхъ болотахъ Ардатовскаго и Саранскаго уѣздовъ и на болотахъ и сырыхъ лугахъ поймъ Суры и Барыша и др. рѣкъ появляются довольно многочисленныя „высыпки“ молодыхъ турухтановъ. Они по одиночкѣ прячутся въ травѣ, выдерживаютъ стойку собаки, перемѣщаются недалеко и вообще по манерѣ держаться похожи на іюньскихъ турухтановъ. Голоса также вовсе не подаютъ.

[1]) Необходимо упомянуть и о томъ, что, по моимъ наблюденіямъ въ дельтѣ Сѣверной Двины и на о-вѣ Колгуевѣ въ 1900 и 1902 гг., начинающихъ летать молодыхъ турухтановъ можно находить на сѣверѣ только съ середины іюля и до начала августа включительно,—и это одно исключаетъ возможность считать іюньскіе симбирскіе экземпляры за пролетныхъ съ дальняго сѣвера. С. Б.

Во время валового осенняго пролета турухтаны иногда появляются и громадными стаями, штукъ по 100 и болѣе. Такія стаи, останавливавшіяся на отдыхъ на лугахъ у степныхъ прудовъ, мы наблюдали въ Курмышскомъ уѣздѣ въ послѣднихъ числахъ августа 1900 года. Эти пролетныя стаи останавливались на отдыхъ на лугахъ передъ вечеромъ, оставались на землѣ очень недолго (1/2—1 часъ) и еще до наступленія темноты снимались и улетали къ югу.

Разница въ ростѣ и молодыхъ, и старыхъ турухтановъ очень велика. Въ одной и той же стайкѣ держатся иногда особи отъ 9,9 до 12,6 дм. длины, съ крыломъ отъ 5,6 до 7,4 дм.; болѣе крупныя особи — исключительно самцы, хотя бы и молодые.

Не разъ наблюдая весенній пролетъ турухтановъ въ Симбирской и Пензенской губерніяхъ, мы ни разу не видали смѣшанныхъ стай,—состоящихъ изъ особей того и другого пола, что такъ обычно бываетъ осенью. Немногочисленныя (обыкновенно 10—15 птицъ) пролетныя стайки, которыя случалось намъ наблюдать, оказывались состоящими или изъ однихъ самцовъ съ великолѣпными воротниками, которые придаютъ птицѣ и въ воздухѣ и на землѣ очень оригинальный видъ, или изъ однѣхъ самокъ. Въ останавливающихся на лугахъ или берегахъ разливовъ пролетныхъ станицахъ самцовъ отдѣльныя птицы обыкновенно дерутся, причемъ драка часто начинается немедленно послѣ того, какъ стая опустится на землю. Къ этимъ боямъ пролетныхъ турухтановъ и ихъ значенію мы ниже будемъ еще имѣть случай вернуться.

Totanus hypoleucos L.

Actitis hypoleucus Linn. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 403. М. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 133. М. Рузскій. Орнит. набл. въ Симбирской губ., стр. 11 и 13. *Totanus hypoleucus* L. Мензбиръ. Пт. Россіи, I, стр. 282.

Перевозчикъ гнѣздится всюду въ губерніи и всюду обыкновенень. хотя въ общемъ все же предпочитаетъ текучія воды

и въ частности небольшія рѣчки, какъ степныя, такъ и лѣсныя. Въ степяхъ онъ обыкновененъ по оврагамъ, по дну которыхъ текутъ маленькіе ручьи. Нигдѣ, однако, не держится этотъ видъ въ очень большомъ количествѣ, въ какомъ, напримѣръ, можно встрѣтить его на лѣсныхъ рѣчкахъ Сѣверной Россіи.

Какъ кажется, перевозчикъ знакомъ съ водой больше другихъ улитовъ. Правда, безъ особой нужды онъ не идетъ въ воду; но раненый, очень часто спасается съ берега на поверхность ближайшаго бассейна, причемъ проявляетъ умѣнье хорошо плавать, а при нуждѣ и нырять.

Totanus ocrophus L.

Totanus ochropus Linn. Эверсманнъ. Ест. ист. Ор. кр., III, стр. 394. М. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 133. М. Рузскій. Орн. набл. въ Симбир. губ., стр. 4. 11, 14. Мензбиръ. Пт. Росс., I, стр. 291.

Вмѣстѣ съ *T. hypoleucos* черныш является наиболѣе обыкновеннымъ куликомъ въ Симбирской губерніи. Гнѣздящимся мы наблюдали его исключительно въ лѣсной области и только на водоемахъ, окруженныхъ лѣсомъ или лежащихъ вблизи лѣса, уремы и т. п. Гнѣзда намъ не пришлось найти ни разу, но отводящихъ самокъ мы наблюдали въ различныхъ мѣстахъ изученной области и въ частности нѣсколько разъ въ лѣсахъ по Алатырю на маленькихъ лѣсныхъ озеркахъ, окруженныхъ высокоствольнымъ лѣсомъ. Отводя отъ гнѣзда, самка съ крикомъ перелетаетъ съ одного конца озерка на другое, садясь на сучья стоящихъ у воды деревьевъ, иногда довольно высоко (2 — 3 сажени) надъ землею.

Въ степяхъ Курмышскаго и Ардатовскаго уѣзда, равно и сосѣднихъ уѣздовъ, намъ не приходилось видѣть отводящихъ самокъ, но черныши встрѣчаются и здѣсь всюду и въ теченіе всего лѣта,—на прудахъ, степныхъ озерахъ, на текущихъ по оврагамъ ручьяхъ вмѣстѣ съ *T. hypoleucos* и дру-

гихъ подходящихъ мѣстахъ, часто далеко отъ ближайшаго лѣса. Вѣроятно, они гнѣздятся мѣстами и въ открытыхъ поляхъ на прудахъ или лужахъ, обрастающихъ тальникомъ.

Несомнѣнно, что выводки чернышей разбиваются очень рано, такъ какъ за исключеніемъ времени пролета ихъ вовсе не приходится видѣть стайками. Ведя одиночный образъ жизни, чернышъ обыкновенно жаркое время дня проводитъ гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ, а на закатѣ вылетаетъ кормиться на грязцу и берега мелкихъ озерокъ и луговъ. При этомъ случается, что онъ вступаетъ въ драки, сопровождаемыя отчаяннымъ крикомъ, съ прилетающими туда же чирками, стараясь, хотя обыкновенно безуспѣшно, не пустить ихъ на занятое мѣсто, какъ мы наблюдали въ долинѣ Суры.

Мы уже говорили выше, что лично намъ не удалось видѣть ни одного гнѣзда черныша. Н. А. Зворыкинъ, весьма наблюдательный охотникъ, сообщилъ намъ, что въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ Тверской губерніи онъ нашелъ однажды гнѣздо черныша. Оно находилось недалеко отъ небольшой рѣчки, въ лѣсистой мѣстности, и было весьма грубо устроено на землѣ около стараго пенька.

Приводимъ въ заключеніе размѣры молодого черныша, добытаго 7 іюля 1899 г., сравнительно съ размѣрами стараго экземпляра, убитаго 15 іюля 1899 г.,—оба близъ Барышской слободы (въ миллим.):

	juv.	ad.
Длина отъ конца клюва до конца хвоста. . .	232—	257
Длина клюва (culmen).	32—	37
Сложенное крыло	143—	149
Плюсна	30—	34
Длина безъ клюва (отъ лба).	200—	220

Въ долинѣ Алатыря и Суры мы и во время осенняго, и во время весенняго пролета наблюдали лишь малочисленныя стайки пролетныхъ чернышей—обыкновенно въ 4—8 штукъ.

Въ удобныхъ мѣстахъ Сурской Поймы черныши гнѣздятся почти колоніально, иногда 5—6 паръ на небольшомъ озеркѣ.

Totanus glareola L.

Totanus glareola Linn. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 395. М. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья. Рузскій. Орнит. набл. въ Симбир. губ., стр. 4, 13 и 14. Мензбиръ. Пт. Россіи, I, стр. 295.

Травничокъ всюду въ Симбирской губерніи встрѣчается рѣже черныша. Гнѣздованья его мы здѣсь не наблюдали, но въ рѣчныхъ долинахъ небольшія стайки его (вѣроятно, поднявшіеся на крылья выводки) появляются обыкновенно съ десятыхъ чиселъ іюля, иногда и немного ранѣе. Внѣ области рѣчныхъ поймъ онъ намъ не попадался, но въ тоже время видъ этотъ не привязанъ исключительно къ долинамъ болѣе значительныхъ рѣкъ, и держится и на маленькихъ степныхъ рѣчкахъ, если послѣднія текутъ среди поемныхъ луговъ, изобилующихъ кочковатыми болотами. Въ лѣсистой долинѣ Алатыря видъ этотъ очень нерѣдокъ и держится обыкновенно на грязяхъ и топкихъ мѣстахъ луговыхъ болотъ въ чертѣ поемныхъ луговъ. На оврагахъ и прудахъ, гдѣ обычно можно увидѣть черныша, намъ никогда не приходилось видѣть *T. glareola*. Куличокъ этотъ вообще не любитъ открытыхъ мѣстъ, — песковъ, чистыхъ тинистыхъ береговъ и т. п., и, кормясь на болотахъ, обыкновенно держится скрытымъ въ травѣ и кочкахъ; при этомъ по многимъ манерамъ своимъ и по полету онъ приближается отчасти къ бекасамъ, занимая какъ-бы промежуточное мѣсто между ними и остальными улитами.

Totanus stagnatilis Bechst.

Totanus stagnatilis Bechst. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 400. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 132. Мензбиръ. Пт. Россіи, I, стр. 298.

Мы находили — въ общемъ рѣдко — поручейника гнѣздящимся въ поймѣ Алатыря (въ Ардатовскомъ уѣздѣ) на довольно

глухихъ, обильныхъ кустами, травянистыхъ болотахъ, а одинъ разъ на берегу небольшого озера съ открытыми не заросшими кустами луговыми берегами. Въ одномъ случаѣ въ половинѣ іюня молодые еще не летали. Самецъ и самка поручейника при птенцахъ отводятъ отъ гнѣзда съ величайшимъ самоотверженіемъ, кружась иногда на разстояніи нѣсколькихъ саженъ отъ человѣка и собаки.

Послѣ подъема молодыхъ на крылья куликъ этотъ попадается также далеко не часто—въ поймахъ Суры и Алатыря—поодиночкѣ или маленькими стайками. Внѣ рѣчныхъ долинъ мы его не встрѣчали.

Totanus glottis L.

Totanus glottis Lin. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III. стр. 401. М. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 131. Рузскій. Орнит. набл. въ Симбир. губ., стр. 13. Мензбиръ. Пт. Россіи, I, стр. 301.

Этотъ видъ не найденъ нами гнѣздящимся, но съ конца іюня или съ начала іюля—смотря по году — улиты попадаются по берегамъ открытыхъ озеръ Сурской и Барышской поймъ, равно какъ и въ долинѣ Алатыря, стайками по 3—4 штуки, хотя въ общемъ и не въ большомъ числѣ. Залетаютъ эти кулики также на пруды и озера степной части Курмышскаго уѣзда. Они бываютъ весьма осторожны, поднимаясь очень далеко отъ человѣка и предупреждая пиголицъ, турухтановъ и другихъ птицъ, кормящихся по краямъ озеръ, объ опасности своимъ громкимъ характернымъ крикомъ. Иногда станички держатся одиноко, иногда же присоединяются къ стаямъ чибисовъ, которыхъ они превосходятъ своею осторожностью. Къ этимъ же стаямъ присоединяются иногда и бродячіе турухтаны. Стайки улитовъ держатся вмѣстѣ и притомъ иногда одну и ту же, по всѣмъ признакамъ, стайку приходится находить на томъ же озерѣ въ теченіе одной-двухъ и болѣе недѣль. Не указываетъ ли это на то,

что эти стайки—не случайное скопище холостыхъ особей или бродячихъ самцовъ, а выбравшіеся изъ крѣпкихъ болотъ выводки? Въ такомъ случаѣ является весьма вѣроятнымъ, что *T. glottis* гнѣздится—хотя, несомнѣнно, весьма рѣдко—гдѣнибудь въ предѣлахъ Симбирской губ. или вблизи ея границъ. Напомнимъ, что М. Д. Рузскій нашелъ этого улита гнѣздящимся въ Свіяжскомъ уѣздѣ Казанской губерніи [1]).

Totanus maculatus Tunst.

Totanus fuscus Briss. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 398. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 132. Мензбиръ. Птицы Россіи, I, стр. 308.

Щеголь попадался намъ исключительно въ поймѣ Суры и только на осеннемъ пролетѣ, одиночными экземплярами, въ концѣ іюля и двухъ первыхъ третяхъ августа, но рѣдко и далеко не каждый годъ. Въ 1899 г. одинъ экземпляръ щеголя въ брачномъ перѣ держался на озерахъ открытой части Сурской поймы близъ села Промзина въ серединѣ іюля. Въ долинахъ другихъ рѣкъ Симбирской губерніи (за исключеніемъ Волги) щеголь, повидимому, не появляется и во время пролета,—развѣ исключительно рѣдко.

Totanus totanus L.

Totanus calidris Linn. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 396. М. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 132. Рузскій. Орнит. набл. въ Симбир. губ., стр. 13. Мензбиръ. Пт. Россіи, I, стр. 306.

Травникъ найденъ нами гнѣздящимся исключительно въ долинѣ Суры, гдѣ мы изрѣдка встрѣчали выводки съ плохо летающими молодыми въ началѣ второй трети іюня. На другихъ рѣкахъ западной и сѣверной частей Симбирской губ., равно какъ и на степныхъ болотахъ, мы не встрѣчали не

---

[1]) Рузскій. „Мат. къ изуч. пт. Каз. губ.“, стр. 52.

только гнѣздящихся, но даже и пролетныхъ особей. Богдановъ, какъ извѣстно, считалъ красноножку формой, очень обыкновенной въ Симбирской губ. Въ настоящее время во всякомъ случаѣ куликъ этотъ встрѣчается очень рѣдко.

Terekia cinerea Güld.

Limosa cinerea Güld. Эверсманнъ. Ест. ист. Ор. кр., III, стр. 416. *Simorhynchus cinerea* (K. et Bl.) Güld. Богдановъ, Пт. и зв. Поволжья, стр. 134. *Totanus terekius* Lath. Мензбиръ. Птицы Россіи, I, стр. 286.

Распространеніе мордунки въ Симбирской губерніи представляется въ многихъ отношеніяхъ интереснымъ. Эта птица встрѣчается въ предѣлахъ средняго Поволжья въ общемъ очень рѣдко и во время пролета. На гнѣздованіе же этого вида здѣсь имѣются лишь довольно неопредѣленныя въ общемъ указанія Эверсманна и Богданова, причемъ первый приводитъ его для всей Волги отъ Каспія до Казанской губерніи, второй же—для Нижегородской губ. („29 Іюня 64 г. убиты старый и молодой лётный въ лугахъ около села Чернорѣчья“...), отмѣчая въ то же время отсутствіе *T. cinerea* въ долинахъ правыхъ притоковъ Волги. М. Д. Рузскій не нашелъ на гнѣздовьѣ мордунки въ Казанской губерніи и приводитъ ее лишь въ качествѣ пролетной формы.

Въ Симбирской губерніи мы наблюдали гнѣздованіе мордунки въ двухъ мѣстахъ—и тамъ, и тутъ въ ограниченномъ числѣ паръ: въ поймѣ Алатыря близъ деревни Михайловки Ардатовскаго уѣзда и на Сурѣ близъ с. Промзина. Въ долинѣ Алатыря нѣсколько паръ мордунокъ гнѣздится ежегодно въ продолженіе уже болѣе 15 лѣтъ. Любимымъ мѣстомъ ихъ пребыванія являются три небольшія озерка, лежащія среди луговъ лѣвобережья; два изъ этихъ озеръ сильно заросли кустами, третье имѣетъ берега, покрытые лишь осокой, и на этомъ-то третьемъ водоемѣ и гнѣздится ежегодно то одна, то 2—3 пары мордунокъ. Въ послѣдніе годы мы замѣчали

гнѣздящіяся пары мордунокъ и на другихъ водоемахъ, расположенныхъ въ 1—2 верстахъ отъ вышеупомянутыхъ озеръ. Въ 1899 году было особенно много гнѣздящихся мордунокъ въ описываемомъ районѣ поймы — въ общемъ, вѣроятно, не менѣе десяти паръ, а, быть можетъ, и больше. Въ другихъ частяхъ поймы Алатыря мы не замѣчали этой формы ни лѣтомъ, ни во время пролета; вѣроятно, ихъ и на самомъ дѣлѣ нѣтъ здѣсь, такъ какъ куличка этого трудно не замѣтить тамъ, гдѣ онъ водится, вслѣдствіе его звонкаго и очень характернаго крика.

На упомянутыхъ выше озерахъ мы и весной, и въ гнѣздовой періодъ наблюдали мордунокъ неоднократно. Это—живыя, очень подвижныя птички, быстро бѣгающія по прибрежной тинѣ, часто садящіяся на луга или пашню и довольно далеко отъ воды и охотно перелетающія съ мѣста на мѣсто, даже когда онѣ ничѣмъ не были потревожены. Съ прилета, въ началѣ гнѣздованія, кулички кричатъ очень часто, и кромѣ того—повидимому, только самцы—любятъ предаваться иногда воздушнымъ играмъ, поднимаясь на воздухъ по косой линіи, трепеща нѣсколько мгновеній крыльями на одномъ мѣстѣ и затѣмъ спускаясь снова по такой же косой линіи на землю, уже не шевеля крыльями,—въ общемъ очень похоже на то, какъ это иногда дѣлаютъ жаворонки. Находить гнѣздъ или пуховыхъ птенцовъ намъ не удавалось. Во второй половинѣ іюня молодые обыкновенно поднимаются на крылья, а въ концѣ іюня или въ самомъ началѣ іюля мордунки обыкновенно исчезаютъ изъ долины Алатыря. Позже десятаго іюля намъ не случалось здѣсь ихъ видѣть; осенняго пролета на Алатырѣ мы также не наблюдали. Оригинальная, сравнительно съ другими куликами, манера мордунокъ отводить отъ гнѣзда правильно описана П. П. Сушкинымъ [1]).

Другимъ мѣстомъ, гдѣ намъ въ послѣднее время удалось

---

[1]) Сушкинъ. Птицы Уфимской губерніи, 1897, стр. 26.

наблюдать мордунокъ, является долина рѣки Суры близъ устья Барыша. Мы полагаемъ, что до 1898 или 99 года мордунки вовсе не встрѣчались въ изученныхъ нами частяхъ бассейна Суры, развѣ только на весеннемъ пролетѣ. Но и весной никогда не приходилось намъ здѣсь слышать характерный крикъ этого куличка.

Въ первой половинѣ мая 1899 года въ поймѣ Суры близъ устья Барыша добыто 2 экземпляра мордунокъ (♀ и ♂) — въ разные дни и въ различныхъ мѣстахъ, причемъ это были особи, державшіяся по-одиночкѣ. Въ той же части поймы Суры 7-го іюля того же 1899 года убитъ третій экземпляръ — взрослая самка въ довольно изношенномъ перѣ. Мѣстность, въ которой держался этотъ послѣдній экземпляръ, такова: широкая, низменная, песчаная терраса, частью заливаемая Сурой и съ востока ограниченная боромъ. Прилегающая къ бору часть террасы одѣта густыми зарослями чернолѣсья, ближайшая же къ Сурѣ часть покрыта голымъ пескомъ, поросшимъ мѣстами мать-мачехой. По всей террасѣ разбросаны въ большомъ количествѣ озера и лужи отъ болѣе значительныхъ — до $1^1/_2$ верстъ длиною — до самыхъ мелкихъ. Многіе изъ этихъ водоемовъ довольно глубоки. Болѣе мелкія частью пересыхающія и обнажающія свое илистое дно озера и привлекаютъ большое количество куликовъ различныхъ породъ; на одномъ изъ такихъ водоемовъ, окруженномъ рѣдкими кустиками, и убитъ отмѣченный выше экземпляръ *Ter. cinerea*.

Мы не можемъ сказать навѣрное, являлись ли добытыя нами въ описанной части Суры экземпляры мордунокъ залетными, или же видъ этотъ гнѣздится и здѣсь, что̀ кажется намъ весьма вѣроятнымъ. Будущія наблюденія наши, вѣроятно, позволятъ намъ выяснить этотъ вопросъ [1]).

[1]) Уже послѣ окончанія рукописи этой работы нами были получены изъ тѣхъ же мѣстъ Сурской поймы (между Промзинымъ и устьемъ Барыша) другіе экземпляры мородунокъ, почему можно предположить, что видъ

На всемъ остальномъ пространствѣ изученной нами мѣстности *Terekia cinerea* не былъ нами встрѣченъ. Нигдѣ не видали мы этого вида на осеннемъ пролетѣ. На весеннемъ пролетѣ въ долинѣ Алатыря намъ встрѣчались, какъ кажется, также не пролетныя особи, а лишь прилетныя, такъ какъ мы видѣли ихъ лишь въ тѣхъ мѣстахъ поймы, гдѣ позже наблюдали гнѣздящіяся пары.

Значительное увеличеніе въ два послѣдніе года количества гнѣздящихся паръ мордунокъ въ долинѣ Алатыря, равно какъ появленіе ихъ въ долинѣ Суры, дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что *T. cinerea* въ общемъ расширяетъ область своего гнѣздовья, распространяясь на югъ и на западъ къ центральной Россіи. Напомнимъ, что аналогичныя наблюденія надъ гнѣздованіемъ мордунки сдѣланы Сабанѣевымъ въ Пермской губерніи. На стр. 135-ой своей работы „Позвоночныя средняго Урала“ онъ говоритъ: (мордунка) „также... движется по долинамъ рѣкъ на югъ, но движеніе это, помимо того обстоятельства, что выражено яснѣе (чѣмъ у *Ph. hyperboreus*), идетъ не съ сѣвера, а съ сѣверо-востока, такъ что его слѣдуетъ считать за сибирскій видъ, все болѣе и болѣе... проникающій въ Европу“. Въ послѣднее время *Terekia cinerea* найденъ гнѣздящимся также въ Рязанской губерніи покойнымъ М. М. Хомяковымъ.

Phalaropus lobatus L.

Phalaropus cinereus Briss. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 406. *Phalaropus ruficollis* (Briss) Pall. М. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 134. *Phalaropus hyperboreus* L. Мензбиръ. Птицы Россіи, I, стр. 313.

Малый поплавокъ не гнѣздится въ Симбирской губерніи, но попадается во время пролета по всѣмъ поймамъ, а также

этотъ здѣсь основался прочно. Ежегодно, за послѣднее время, мордунки продолжаютъ гнѣздиться и въ долинѣ Алатыря на тѣхъ же озерахъ, гдѣ держались и ранѣе.

и по прудамъ и озерамъ полей описываемой мѣстности. Стайки этихъ птичекъ, штукъ въ 8—20 и болѣе, начинаютъ появляться иногда даже съ конца первой трети іюля, но чаще съ начала августа. Онѣ держатся по небольшимъ открытымъ озеркамъ и даже лужамъ, часто вмѣстѣ со стайками куличковъ-воробьевъ (*Tr. minuta* и *Tr. temminckii*), и походятъ на послѣднихъ своей живостью и довѣрчивостью. Стайки эти попадаются въ поймахъ приблизительно до конца августа.

Phalaropus fulicarius L.

Phalaropus rufescens Briss. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 409. *Phalaropus fulicarius* L. Мензбиръ. Пт. Росс., I, стр. 318.

Какъ исключительная рѣдкость, цѣлая стайка плосконосыхъ поплавковъ наблюдалась въ первой трети августа 1888 года въ сѣверо-восточной части Карсунскаго уѣзда, въ долинѣ рѣки Барыша, недалеко отъ впаденія въ него рѣки Майны. Эта стайка пробыла тамъ только одинъ день, была замѣчена ежедневно охотившимся тамъ Н. М. Булдаковымъ, который и добылъ нѣсколько штукъ. Какъ охотникъ, онъ хорошо зналъ обыкновенныхъ круглоносыхъ поплавковъ, и добытыя имъ птицы сразу обратили на себя его вниманіе своей бо̀льшей величиной и особенно своимъ расширеннымъ клювомъ. По образному выраженію г. Булдакова, клювъ этихъ поплавковъ былъ похожъ, если смотрѣть на него сверху, нѣсколько на утиный. Это, конечно, утрировано, но одного этого признака — рѣзко бросающагося въ глаза расширенія клюва въ двухъ послѣднихъ его третяхъ—достаточно, чтобы признать этихъ поплавковъ за *Ph. fulicarius* L. Лично птичекъ, мы, впрочемъ, не видали [1]).

О періодическихъ залетахъ этого кругополярнаго вида въ

[1]) См. С. Бутурлинъ. Къ распространенію плосконосаго плавунчика. Псов. и руж. охота. 1897, № 24.

предѣлы Поволжья говорилъ еще Эверсманнъ, хотя и не вполнѣ опредѣленно (...„изрѣдка только онъ залетаетъ въ *сѣверныя* и восточныя мѣста нашей фауны". Эверсманнъ, l. c., III, стр. 410). Констатированное Н. А. Заруднымъ гнѣздованіе плосконосаго плавунчика въ Оренбургскомъ краѣ дѣлаетъ еще болѣе возможными подобные залеты.

Numenius arquata L.

Numenius arquata Lin. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 451. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 140. *Numenius arquatus* L. Мензбиръ. Пт. Россіи, I, стр. 321.

Numenius phaeopus L.

Numenius phaeopus Lin. Эверсманнъ. Ест. ист. Ор. кр., III. стр. 453. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 140. Рузскій. Орн. набл. въ Симб. г., стр. 13. Мензбиръ. Пт. Россіи, I, стр. 327.

Намъ нѣсколько разъ приходилось наблюдать пролетныхъ большихъ кроншнеповъ *(N. arquata)* въ лѣсистой долинѣ Алатыря, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ границъ поймы, въ началѣ апрѣля. Небольшія (изъ 6 — 10 особей) пролетныя станицы этихъ птицъ останавливались на отдыхъ и кормежку на вспаханныхъ поляхъ, обыкновенно на пару.

На возможность спорадичнаго гнѣзднванія одного или обоихъ упомянутыхъ видовъ кроншнепа гдѣ-нибудь въ предѣлахъ Симбирской губерніи указываютъ случаи появленія кроншнеповъ въ разное время лѣта въ долинахъ Суры и Алатыря. На Алатырѣ кроншнепа появлялись около средины іюля; въ поймѣ Суры въ началѣ іюня и началѣ іюля. Ни одна изъ залетавшихъ сюда птицъ не была нами добыта [1]), и мы не можемъ рѣшить навѣрное, принадлежали ли эти залетныя формы къ виду *N. arquata* или *N. phaeopus*. М. Д. Рузскій

[1]) Впослѣдствіи мною была здѣсь на Сурѣ добыта самка *N. arquata* 17 апрѣля. С. Б.

(Орнит. набл., стр. 13), повидимому, считаетъ *N. phaeopus* гнѣздящимся въ болотахъ долины Суры. Онъ же нашелъ (Мат. къ изуч. птицъ Каз. губ., стр. 57—59) оба вида гнѣздящимися въ предѣлахъ Казанской губерніи по Волгѣ и Камѣ.

Haematopus ostralegus L.

Haematopus ostralegus L. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 130. Мензбиръ, Пт. Россіи, I, стр. 331.

Сорочай гнѣздится на большинствѣ отмелей средняго теченія Суры, отнюдь не избѣгая частей рѣки, протекающихъ по сплошнымъ лѣсамъ. Въ теченіе второй половины іюня молодые поднимаются на крылья, и кулики-сороки начинаютъ пропадать съ Суры, причемъ никогда не собираются въ стаи. Не только въ августѣ, но и въ послѣдней трети іюля этой птицы намъ уже не случалось видѣть въ бассейнѣ Суры. Молодые куличата чрезвычайно искусно прячутся въ лозникѣ и лопухахъ, покрывающихъ мѣстами песчаныя отмели Суры, а въ критическихъ случаяхъ спасаются, даже уплывая подъ поверхностью воды [1]). Въ то время, какъ молодые еще

[1]) Какъ иллюстрацію того, какимъ образомъ иногда молодые кулики-сороки пускаютъ въ ходъ свою способность нырять, привожу слѣдующій случай. 20-го Іюня 1893 года я съ братомъ и мѣстнымъ промышленникомъ Чистиковымъ охотился на Сурѣ, противъ с. Полянокъ. Я шелъ по правому берегу рѣки, не вдоль русла ея а вдоль узкой и длинной заводи, отдѣляющей отъ берега большую отмель. Берегъ, вдоль котораго я шелъ, представляетъ собою низенькій, саженъ въ полторы, голый обрывъ, отстоящій отъ воды (въ тѣ годы вода была низкая) аршинъ на 8—10. Эти же 8—10 аршинъ—почти голый песокъ, только у самой воды кое гдѣ покрытый небольшими куртинками довольно густой и высокой травы. Отмель съ этой обращенной къ правому берегу стороны покрыта кустиками и лопухами. Братъ мой шелъ по высокому берегу впереди меня, а одна изъ собакъ была послана на отмель, откуда и подняла молодого, неувѣренно еще летающаго кулика-сороку. Куликъ пролетѣлъ отъ конца отмели саженъ сорокъ впередъ и сѣлъ на песокъ праваго берега. Оттуда его подняла другая собака, и онъ полетѣлъ назадъ, вдоль берега, прямо на меня. Когда куликъ былъ отъ меня въ разстояніи 20—25 шаговъ, то сѣлъ, вѣроятно,

не летаютъ, старики тщательно охраняютъ ихъ и вьются надъ охотникомъ, забравшимся на отмель, вылетая ему навстрѣчу. Чуткость ихъ слуха въ этомъ отношеніи удивительна; иногда они встрѣчаютъ человѣка по меньшей мѣрѣ за 200 саженъ до отмели, на которой гнѣздятся, даже и тогда, когда по условіямъ мѣстности не могли видѣть его приближеніе. Затѣмъ они подолгу вьются надъ человѣкомъ широкими кругами, не подлетая однако на разстояніе выстрѣла.

На Волгѣ, какъ извѣстно, сорочан не составляютъ рѣдкости. Но за предѣлами береговъ Волги и Суры, на другихъ рѣкахъ Симбирской губерніи (за исключеніемъ развѣ Свіяги, гдѣ пару этихъ птицъ видѣлъ М. Д. Рузскій), сорочай не встрѣчается. На притокахъ Суры они не встрѣчены нами ни разу.

Какъ уже справедливо замѣтилъ М. Д. Рузскій (Мат. къ изуч. птицъ Казан. губ., стр. 57), сопоставляя картину современнаго распространенія *H. ostralegus* въ среднемъ Поволжьѣ съ фактами, приводимыми Богдановымъ, неминуемо приходишь къ заключенію, что область распространенія здѣсь сорочая, равно какъ и число гнѣздящихся птицъ, за послѣднія десятилѣтія значительно сократились [1]).

увидѣвъ меня, въ куртинку травы около 1½ арш. шириной и около 1 сажени длиной, расположенную у самаго края воды и нѣсколькими десятками футовъ голаго песка отдѣленную отъ другихъ такихъ же куртинъ. Мы всѣ трое видѣли это съ трехъ разныхъ сторонъ (Чистиковъ былъ шагахъ въ 150 впереди), но когда я и братъ бросились къ травѣ (у меня была надежда поймать куличка живымъ), то его и слѣдовъ не оказалось, несмотря на самые тщательные поиски 3-хъ людей и 2-хъ собакъ, какъ въ этой куртинкѣ, которую я всю перерылъ и вырвалъ руками, такъ и въ ея окрестностяхъ. Уйти куда-либо по берегу куликъ изъ этой куртинки не могъ, это и я, и братъ увидали бы сразу, да и на пескѣ слѣды остаются и отъ зуйковъ, не только отъ такого крупнаго кулика. Съ полчаса бились мы тамъ,—такъ поразило насъ это исчезновеніе, и только послѣ я догадался, что куликъ попросту нырнулъ и подъ водою перебрался черезъ сравнительно мелкую и узкую (не шире 20 шаговъ) заводь и выбрался, не замѣтный подъ листьями лопуха, снова на отмель.

С. Бутурлинъ.

[1]) Около 15 лѣтъ тому назадъ въ началѣ іюля я застрѣлилъ тиркушку

Vanellus vanellus. L.

Charadrius vanellus Lin. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 368. *Vanellus cristatus* (Briss.) M. et W. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 128. Рузскій. Орнит. набл. въ Симб. губ., стр. 10 и 13. Мензбиръ. Птицы Россіи, I, стр. 365.

Чибисы въ очень большомъ числѣ гнѣздятся рѣшительно повсюду въ Симбирской губ. Они появляются весною во второй половинѣ марта. Гнѣзда и яйца ихъ намъ приходилось находить не только въ кочкарникахъ или сырыхъ лугахъ, но и на совершенно обнаженныхъ въ это время (вторая половина апрѣля) паровыхъ пашняхъ. Въ половинѣ іюня молодые по большей части поднимаются на крылья, но очень нерѣдко нелетные попадаются и почти мѣсяцемъ позже. Подросшіе выводки соединяются въ стайки, кочующія сначала по окрестностямъ мѣстъ ихъ гнѣздовья, а затѣмъ все болѣе и болѣе сбивающіяся къ крупнымъ рѣчкамъ и рѣкамъ, гдѣ такимъ образомъ и соединяются въ болѣе крупныя стаи.

Послѣдняго чибиса, одиночнаго, по словамъ охотника, одинъ изъ авторовъ видѣлъ убитымъ около Симбирска 15 октября, когда уже дня 4 стояли морозы, доходившіе по утрамъ до -6^0, а въ этотъ день до -7^0 R, и второй день порошилъ снѣжокъ.

Пиголица отличается отъ большинства нашихъ куликовъ тѣмъ, что она совершенно не ночная, даже не сумеречная птица. Дѣятельность ея продолжается весь день, но на закатѣ солнца — очень рано, еще до наступленія темноты, — она успокоивается и засыпаетъ гдѣ-либо на землѣ. Даже въ іюлѣ,

---

въ Аркатовскомъ уѣздѣ въ долинѣ Алатыря, на пахотномъ полѣ, вблизи опушки лѣса и верстахъ въ трехъ отъ поймы. Птица была одинока. Экземпляръ этотъ не былъ опредѣленъ точно и не сохранился. По всему вѣроятію, конечно, это была *Glareola melanoptera* Nordm. Другихъ случаевъ залета тиркушекъ въ предѣлы описываемой мѣстности мы не знаемъ.

Б. Житковъ.

когда бо́льшую часть дня чибисы проводятъ не въ болотахъ, а на сухихъ лугахъ и выгонахъ поймъ, для сна все же они предпочитаютъ собраться гдѣ-либо около воды, грязи или въ низменномъ сыромъ мѣстѣ. Съ наступленіемъ темноты при соблюденіи тишины легко подойти къ спящимъ чибисамъ. Если даже легкій шумъ разбудитъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и они начнутъ переходить съ мѣста на мѣсто и пищать или покрикивать, то все же они не увидятъ человѣка и даже послѣ выстрѣла не перелетаютъ далеко. Суточный ходъ жизни чибисовъ является полною противоположностью съ жизнью и дѣятельностью улитовъ (*Totanus*), оживляющеюся при закатѣ солнца и продолжающеюся долго въ ночной темнотѣ. Въ іюлѣ или августѣ, громкіе крики улитовъ, особенно черныша (*T. ocrophus*) и бѣлаго улита (*T. glottis*), раздаются въ поймѣ всю ночь. Даже и песочники выказываютъ оживленную, хотя, по особенностямъ своего голоса, и не столь шумную дѣятельность; но голосъ пиголицы услышишь изрѣдка,—отрывистый и сейчасъ же смолкающій,—очевидно, во снѣ что-либо потревожило птицу, немедленно вновь засыпающую [1]).

[1]) Половыя различія пиголицъ (кромѣ неопредѣленныхъ указаній на нѣкоторую короткость клюва и большую яркость опереніа самца) опредѣленно указаны лишь въ 1904 г. извѣстнымъ художникомъ-орнитологомъ Фрогокомъ (Bull. Brit. Orn. Cl., v. XIV, № CV, p. 62), замѣтившимъ, что у самца развернутое крыло имѣетъ ясно булавообразную форму вслѣдствіе рѣзкаго удлиненія внутреннихъ первостепенныхъ маховъ. Именно, у ♂ формула крыла $3 > 2 = 4 > 5 > 6 > 7 = 1 > 8$... и 7-ой махъ имѣетъ около $1^1/_4$ дюйм. ширины; у ♀ $2 = 3 > 4 = 1 > 5 > 6 > 7 > 8$... и 7-е маховое имѣетъ лишь 1 дм. ширины.

Судя по нашему матеріалу, эта характеристика въ общемъ вѣрна, хотя въ Симбирской губ. нерѣдки экземпляры и ♂, и ♀ съ еще болѣе круглымъ крыломъ, но во всякомъ случаѣ у ♂ 1-е маховое короче, а у ♀ длиннѣе 6-го.

С. Б.

Aegialitis dubia Scop.

Charadrius curonicus Beseke. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 382. *Aegialites curonicus* (Boie) Beseke. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 130. *Charadrius fluviatilis.* Рузскій. Орнит. набл. въ Симбирской губ., стр. 13. *Charadrius minor* M. et W. Мензбиръ. Пт. Россіи, I, стр. 378.

Малый зуекъ въ довольно значительномъ числѣ гнѣздится по отмелямъ и плоскимъ песчанымъ берегамъ болѣе крупныхъ рѣкъ Симбирской губерніи. Изрѣдка мы находили его гнѣздящимся и не на самыхъ берегахъ рѣки, а внутри поемныхъ луговъ (напр. въ поймѣ Алатыря), но и здѣсь исключительно близъ береговъ озеръ, на песчаныхъ буграхъ, окаймленныхъ тальниковыми кустами и поросшими мать-мачехой и другими характерными для затопляемыхъ прибрежныхъ песковъ травами. Внѣ такихъ станцій зуекъ этотъ не гнѣздится. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ мы находили по двѣ и по три пары зуйковъ гнѣздившимися вмѣстѣ.

Въ концѣ іюня и началѣ іюля мы заставали молодыхъ уже летающими. Въ долинѣ Алатыря зуйки въ концѣ іюля обыкновенно уже исчезаютъ съ рѣки [1]).

Близкій по образу жизни къ малому зуйку *Aegialitis hiaticula* L., встрѣчающійся, хотя и не часто, по словамъ Эверсманна и Богданова, въ предѣлахъ Симбирской губерніи, и о гнѣздованіи котораго на Волгѣ близъ Симбирска намъ приходилось также слышать отъ мѣстныхъ охотниковъ, лично нами на рѣкахъ Симбирской губерніи не встрѣченъ.

---

[1]) Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ количество гнѣздящихся въ долинѣ средняго теченія Алатыря зуйковъ очень сильно уменьшилось. Въ послѣднія 5—6 лѣтъ мнѣ приходилось встрѣчать здѣсь лишь изрѣдка одиночныя гнѣздящіяся пары. *В. Ж.*

Charadrius pluvialis L.

Charadrius pluvialis Leisl. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 374. Мензбиръ. Пт. Россіи, I, стр. 396. *Charadrius auratus* Sukow. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 129.

Сивка [1]) не разъ встрѣчалась намъ во время весенняго пролета большими стаями въ степныхъ мѣстахъ Ардатовскаго и Курмышскаго уѣздовъ, къ сѣверу отъ лѣсовъ долины Алатыря. Птицу эту знаютъ также охотники Карсунскаго уѣзда и вообще восточной половины губерніи, гдѣ также годами она появляется.

Въ степяхъ Ардатовскаго и Курмышскаго уѣздовъ эти ржанки появляются очень большими стаями, обыкновенно между 1-мъ и 10-мъ мая, но не всякій годъ. Обыкновенно за годами, въ которые видъ этотъ появляется въ Симбирскихъ степяхъ въ большомъ количествѣ стай, слѣдуютъ годы, когда вовсе не видно ржанокъ.

Пролетныя стаи этихъ птицъ останавливаются на отдыхъ и кормежку на непродолжительное время и предпочтительно на озимяхъ. Стаи эти (очень большія — иногда въ сотню и болѣе птицъ) часто подолгу кружатся — „играютъ“, какъ говоритъ народъ, — на большой высотѣ надъ тѣми мѣстами, на которыя собираются опуститься, оглашая воздухъ своимъ мелодичнымъ свистомъ. Опустившись на озими или паровое поле, птицы сейчасъ же начинаютъ клевать, быстро перебѣгая съ мѣста на мѣсто и находясь все время въ движеніи.

Между отдѣльными птицами, составляющими пролетную стаю, существуетъ, повидимому, довольно тѣсная связь, выражающаяся въ томъ, что стая обыкновенно довольно продолжительное время кружится на одномъ мѣстѣ, не улетая прочь, если одна или нѣсколько птицъ изъ стаи, будучи

[1]) Охотники Симбирской губерніи называютъ эту ржанку не „сивкой“, а „сѣвкой“ (отъ словъ „сѣять“, „посѣвъ“), означая этимъ или время появленія пролетныхъ птицъ, или привязанность ихъ къ засѣяннымъ озимымъ полямъ.

убиты или ранены, не взлетятъ вмѣстѣ съ остальными и останутся на землѣ.

То обстоятельство, что стада пролетныхъ сивокъ годами появляются въ Симбирской губ. въ значительномъ числѣ, годами же ихъ не видно вовсе, быть можетъ, объясняется условіями перелета ржанокъ. Виды сивокъ вообще перелетаютъ (по крайней мѣрѣ черезъ среднюю полосу Россіи) быстро и дружно, дѣлая лишь очень немного остановокъ на своемъ громадномъ пути до тундръ палеарктической области. Мѣста же ихъ остановокъ, конечно, стоятъ въ зависимости отъ условій перелета: состоянія погоды, направленія и силы вѣтра, помогающаго или препятствующаго перелету, и т. под. Такимъ образомъ, при данныхъ условіяхъ перелета ржанки, пролетая къ сѣверу напр. правобережьемъ Волги, минуютъ тѣ мѣстности, на которыхъ кормились въ предыдущемъ году, и останавливаются на отдыхъ значительно южнѣе или сѣвернѣе[1])[2]).

[1]) Ч. Диксонъ, какъ намъ кажется, нѣсколько преувеличиваетъ быстроту перелета ржанокъ. „Черноголовая ржанка (*Eudromias morinellus*),— говоритъ онъ на стр. 71 своей книги „Перелетъ птицъ“ (Спб. 1895), — выводится въ европейскихъ и азіатскихъ арктическихъ тундрахъ, а зимуетъ въ Африкѣ сѣвернѣе экватора. Весенній перелетъ ея совершается поздно и быстро, и такъ какъ этой птицы почти (?) не видно въ промежуточныхъ мѣстностяхъ въ это время года,... то приходится заключить, что этотъ огромный перелетъ въ 2000 миль совершается безъ отдыха отъ заката до восхода солнца“.

Прежде всего, разстояніе отъ мѣста зимовокъ глупой сивки до мѣстъ ея гнѣздовья нужно считать приблизительно не въ 2000 англ. миль, т.-е. не въ $3^1/_2$ тысячи верстъ, а въ 6 тысячъ верстъ и даже болѣе. По такому разсчету эта ржанка, долетая на мѣста гнѣздовій въ теченіе одной ночи, должна была бы дѣлать 600—700 верстъ въ часъ. Кромѣ того, въ Россіи *E. morinellus* во время пролета останавливается на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря и была замѣчена также въ нѣкоторыхъ частяхъ Поволжья. Не подлежитъ сомнѣнію, однако, рѣдкость остановокъ въ Восточной Россіи этого вида, равно какъ и другихъ видовъ сивокъ, на что согласно указываютъ наблюденія М. Н. Богданова („Пт. и зв. Поволжья“, стр. 129), П. П. Сушкина („Птицы Уфимской губ.“, стр. 36—38), М. Д. Рузскаго („Мат. къ изуч. птицъ Казанской губ.“, стр. 78—79) и нашн.

[2]) М. Н. Богдановъ упоминаетъ объ извѣстныхъ ему случаяхъ залета въ предѣлы Симбирской губерніи южныхъ формъ—*Recurvirostra avocetta* L. и *Hipsibates himantopus* L. Мы не встрѣчали этихъ птицъ и не слыхали о случаяхъ ихъ залета и отъ мѣстныхъ охотниковъ.

ГЛАВА IV.

Списокъ встрѣчающихся въ предѣлахъ Симбирской губерніи видовъ журавлей *(Gruidae)*, дрофъ *(Otididae)* и пастушковъ (*Rallidae*) и біологическія наблюденія надъ различными представителями этихъ семействъ. Варіететы сѣраго журавля (*Grus grus*). О распространеніи и кочевкахъ дрофъ (*Otis tarda*).

Fam. **Gruidae.**

Grus grus L.

Grus cinerea Bechst. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. края, ч. III, стр. 479—482. М. Богдановъ. Птицы и звѣри черноземной полосы Поволжья, стр. 143. М. Мензбиръ. Птицы Россіи, т. I, стр. 416—421. *Grus communis* и *Grus cinerea* М. Рузскій. Орнитологическія наблюденія въ Симбирской губерніи, стр. 4, 11 и 14.

Еще E. Blyth въ своей монографіи журавлей [1]) („Natural History of the Cranes", 1881, p. 59) отличилъ восточную форму журавля отъ западно-европейской, подъ именемъ var. *orientalis*, и указалъ слѣдующія отличія ея: менѣе широкая и менѣе яркая полоса красной голой кожи на темени, болѣе темный, буроватый окрасъ, удлиненные третьестепенные махи приблизительно одноцвѣтны съ остальнымъ опереніемъ, имѣя только черные кончики, тогда какъ у западной формы эти махи черны. Затѣмъ R. B. Sharpe [2]) раздѣлилъ эти формы въ качествѣ самостоятельныхъ видовъ, причемъ о типичной

---

[1]) Первоначально въ „The Field" 1873 г.

[2]) „Catalogue of Birds etc." 1904, v. XXIII. p.p. 250—253.

говоритъ, что она темнаго пепельно-сѣраго цвѣта съ самыми внутренними изъ второстепенныхъ маховъ аспидно-сѣраго цвѣта съ черными вершинами, населяетъ большую часть Европы и зимуетъ въ Африкѣ, но какъ далеко распространяется на востокъ,—опредѣлить не берется. Восточная форма, *Grus lilfordi* Sharpe, блѣднѣе, перломутрово-сѣраго общаго окраса, внутренніе второстепенные махи свѣтло-пепельно сѣраго цвѣта вмѣсто темнаго аспидно-сѣраго. Живетъ въ Восточной Сибири, зимуя въ бассейнѣ Янъ-цзы-цзяна, и, повидимому, распространяется на западъ въ Туркестанъ и бассейнъ Оби, зимуя въ сѣверо-западной Индіи [1]). Въ позднѣйшей работѣ [2]) Шарпъ повторяетъ то же самое, прибавляя, что, не смотря на мнѣніе Blaauw и другихъ, не признающихъ самостоятельности этихъ формъ, такъ какъ *G. lilfordi* попадается и въ Западной Европѣ, онъ отнюдь не убѣдился въ ихъ тождествѣ.

Blaauw [3]) не признаетъ постояннаго различія западныхъ и восточныхъ журавлей, приписывая индивидуальнымъ колебаніямъ упоминаемыя и имъ различія и въ общей окраскѣ тѣла, и особенно въ окраскѣ третьестепенныхъ маховъ, которые, по его словамъ, или свѣтло-сѣры съ черной вершиной, или темно-сѣры съ черной вершиной, или же, наконецъ, — но рѣже,—совершенно однообразнаго аспидно-чернаго цвѣта.

Бланфордъ [4]), описывая индійскихъ журавлей словами: „общее опереніе пепельно-сѣрое съ черными концами третьестепенныхъ маховъ“ и упоминая мнѣніе Блайта и

[1]) Къ восточному же виду Шарпъ относитъ молодую птицу, добытую др. Финшемъ на Оби въ З. Сибири. Слѣдуетъ отмѣтить, что подробное описаніе Шарпа (l. c., p. 252 и 253) (приводимое у насъ въ текстѣ) не сходится съ его же таблицей діагнозовъ (ibid., p. 250). согласно коей у *G. grus* L. украшающія перья темно-пепельно-сѣраго, одноцвѣтнаго съ общей окраской птицы, цвѣта, а у *G. lilfordi* Sharpe — приближающагося къ бѣлому, блѣднѣе общаго окраса.

[2]) „A Hand-Book to the Birds of Great Britain“, v. III, 1896, p. 111—112.

[3]) Blaauw. „Monograph of the Cranes“, Leiden, 1897, p. 2.

[4]) Blanford. „Fauna of British India etc.“ Birds, vol. IV, 1898, p. 186.

Шарпа, сомнѣвается, чтобы отличія восточныхъ и западныхъ особей были постоянны, и прибавляетъ, что ему извѣстно, что и самъ Шарпъ теперь отказался отъ взгляда на восточныхъ особей, какъ на особый видъ. Однако въ послѣдней, еще не оконченной работѣ Шарпа [1]) *Grus lilfordi* приводится безъ всякихъ оговорокъ.

Изъ сопоставленія этихъ описаній можно, намъ кажется, заключить, что двѣ расы сѣраго журавля отличаются главнымъ образомъ цвѣтомъ третьестепенныхъ маховъ, и что нѣкоторая географическая обособленность этихъ расъ во всякомъ случаѣ замѣчается; но извѣстныя данныя все же не даютъ еще права выдѣлять восточную расу въ качествѣ самостоятельнаго вида, и пока она можетъ претендовать, самое большее, на провизорное признаніе въ качествѣ разновидности.

Что же касается неустановленной пока географической границы между двумя расами сѣрыхъ журавлей, то наши наблюденія въ Симбирской губерніи даютъ намъ основаніе утверждать, что эта граница проходитъ не въ Западной Сибири и даже не въ Восточной Россіи, такъ какъ по нашему мнѣнію симбирскіе журавли принадлежатъ къ восточному варіэтету, — *G. lilfordi* Sharpe. Намъ многократно приходилось наблюдать и весною, и осенью журавлей въ долинахъ Волги, Барыша и Суры нерѣдко въ бинокль и на небольшихъ разстояніяхъ, и не разъ случалось добывать этихъ птицъ. И всегда опереніе ихъ (повторяемъ: весною или осенью) имѣло цвѣтъ свѣтло- пепельно сѣрый, слегка даже голубоватаго оттѣнка, а украшающіе третьестепенные махи ихъ были всегда ничуть не темнѣе общаго окраса, — только съ черноватыми кончиками. Къ сожалѣнію, въ коллекціи нашей сохраненъ лишь одинъ экземпляръ журавля, именно годовалая самка въ весеннемъ перѣ изъ западной части губерніи [2]). Общій

[1]) Sharpe. „Nomenclator Avium etc.“, vol. I, 1900, p. 176.

[2]) Добыта Б. М. Житковымъ 10 мая 1900 года въ долинѣ Алатыря.

цвѣтъ ея также очень свѣтлый пепельно-сѣрый, съ очень еще замѣтными глинистыми или грязно-молочно-охристыми краями перьевъ, которыя такъ развиты въ передней и центральной частяхъ спины, переднихъ плечевыхъ и мелкихъ кроющихъ крыла, что почти закрываютъ здѣсь сѣрый цвѣтъ. На головѣ нѣтъ краснаго голаго пятна; удлиненные третьестепенные махи разсучены и вообще развиты не особенно сильно, основной ихъ цвѣтъ тотъ же блѣдно-пепельно-сѣрый, какъ всей верхней части тѣла, даже нѣсколько свѣтлѣе цвѣта поясницы, надхвостья и рулей, и только кончики этихъ маховъ черно-буры на протяженіи 1 — 2 дюймовъ, причемъ вдоль стержня пера этотъ темный цвѣтъ нѣсколько продолженъ къ его основанію (еще на 1 — 2 дюйма, узкой полоской). Длинныя верхнія кроющія этихъ украшающихъ перьевъ также свѣтло-сѣры съ черными кончиками, но съ тою разницею, что этотъ цвѣтъ (черный или чернобурый) занимаетъ и всю вершинную половину (или $^2/_3$) *внутреннихъ* опахалъ [1]). Какой либо примѣси темно-сѣраго или аспиднаго цвѣта на третьестепенныхъ махахъ вовсе нѣтъ, а потому эта самка, вполнѣ сходная съ другими бывшими у насъ въ рукахъ симбирскими журавлями, подходитъ къ описаніямъ var. *lilfordi*. Глинистые же края мелкихъ перьевъ — признакъ неполнаго возраста, пропадающій лишь ко второй осени [2]).

Нужно замѣтить, что Blyth и Sharpe придаютъ діагностическое значеніе болѣе или менѣе темному окрасу всего оперенія (хотя и вполнѣ противорѣчатъ одинъ другому въ вопросѣ о томъ, какая изъ двухъ географическихъ расъ темнѣе), тогда какъ это — признакъ крайне измѣняющійся по

[1]) На настоящихъ второстепенныхъ махахъ, т. е. махахъ предплечья, и ихъ кроющихъ чернобурый цвѣтъ занимаетъ вершинныя части внѣшнихъ опахалъ.

[2]) Сейчасъ въ моей коллекціи есть еще 3 экз. изъ долины Суры: ♂♂ отъ 24 апрѣля и 10 мая и ♀ отъ 9 іюля, и у всѣхъ украшающія перья пепельно-сѣры, отнюдь не темнѣе общаго тона окраски.

С. Бутурлинъ.

времени года. Свѣтло-сѣрая общая окраска журавля, на разстояніи принимающая даже какъ бы голубоватый оттѣнокъ, свойственна птицамъ весенняго пролета и осенью,—въ августѣ и сентябрѣ; во время же гнѣздованія, въ маѣ и іюнѣ, журавли—и самцы, и самки—имѣютъ замѣтно отличный общій тонъ окраски, *гораздо* болѣе темный, и притомъ не сѣрый, а съ бурымъ оттѣнкомъ, замѣтно болѣе темнымъ и болѣе бурымъ, чѣмъ свѣтло-глинистый оттѣнокъ невзрослыхъ птицъ. Очевидно, что этотъ буроватый нарядъ дѣлаетъ птицу гораздо менѣе замѣтной на гнѣздѣ [1]). Уже къ половинѣ іюля отъ этого буроватаго оттѣнка остаются лишь слѣды.

Сѣрый журавль принадлежитъ къ числу довольно обыкновенныхъ гнѣздящихся птицъ Симбирской губерніи. На широтѣ г. Симбирска, въ долинѣ Волги и Свіяги, журавли начинаютъ появляться весной въ послѣднихъ числахъ марта и началѣ апрѣля, причемъ никогда не держатся въ такихъ огромныхъ стаяхъ, какъ осенью, и быстро разбиваются на маленькія стайки, въ 4—6 штукъ, а затѣмъ и на пары.

Гнѣзда свои, насколько мы могли замѣтить въ описываемой мѣстности, журавли никогда не устраиваютъ въ полѣ или въ степи, а всегда среди глухихъ болотъ, преимущественно лежащихъ въ лѣсахъ. Сосновые боры, тянущіеся вдоль средняго теченія Суры по грядамъ („гривамъ“) песковъ, изобилуютъ низменными, болотистыми котловинами, нерѣдко занимающими пространство во много десятковъ десятинъ, и не мало журавлиныхъ паръ гнѣздится на этихъ болотахъ, но болѣе одной пары на одномъ даже и большомъ болотѣ обык-

---

[1]) А. Бремъ въ „Жизни животныхъ“ приводитъ слова Гомейера, наблюдавшаго, какъ журавль во время гнѣздовья съ помощью клюва вымазывалъ всѣ свои перья жидкимъ иломъ, который при высыханіи прочно пристаетъ къ перьямъ, придавъ имъ бурый цвѣтъ. У насъ нѣтъ, къ сожалѣнію, данныхъ для сужденія объ исключительности или, наоборотъ, обычности такого факта, но майскіе экз. замѣтны по буроватому оттѣнку сѣраго цвѣта верха, у іюльскихъ же пробившіяся свѣжія перья спины и плечъ сразу отличаются свѣтлымъ и чистымъ сѣрымъ цвѣтомъ.

новенно не держится. На нѣкоторыхъ изъ такихъ болотъ журавли гнѣздятся много лѣтъ подрядъ на одномъ и томъ же, повидимому, мѣстѣ, но выводитъ ли въ этомъ случаѣ дѣтей все одна и та же пара,—рѣшить, конечно, не представляется возможности.

Въ сырыхъ, непролазныхъ зарослях Сурской и Барышской поймъ, равно какъ и въ поймахъ рѣкъ Пьяны и Алатыря, также гнѣздятся журавли. Въ поймѣ Алатыря мѣстомъ гнѣздовья служатъ чаще всего глухія ольховыя заросли (по мѣстному, „елхи“), растущія по топкимъ болотамъ и окруженныя болѣе сухими поемными, заросшими кустами, лугами, куда охотно выходятъ пастись еще не летающіе птенцы, при первой опасности старающіеся скрыться въ глушь болота. Въ общемъ, однако, лѣсныя болота предпочитаются журавлями, что можно объяснить бо́льшимъ спокойствіемъ: лѣтомъ въ поймѣ и настоящіе рыбаки, и рыбаки-любители изъ юной деревенской молодежи, и охотники (деревенскіе охотники — почти исключительно утятники), и покосы, и скотина, — все это производитъ шумъ и причиняетъ безпокойство, непріятное для такой осторожной птицы, какъ журавль. Во время высиживанія яицъ журавли рѣдко попадаются на глаза, и наткнуться на журавлиное гнѣздо довольно трудно, какъ потому, что оно хорошо скрыто, такъ и потому, что самецъ, находящійся при высиживающей самкѣ, при приближеніи человѣка осторожно прокрадывается далеко прочь отъ гнѣзда и тамъ уже поднимается на крылья. Самка сидитъ на гнѣздѣ очень крѣпко и взлетаетъ лишь при приближеніи къ ней на 15—20 шаговъ. Съ первыхъ чиселъ іюня, когда выводятся изъ яицъ молодые, журавли гораздо чаще начинаютъ удаляться отъ гнѣзда и попадаться въ поляхъ или открытыхъ частяхъ поймъ, или на лѣсныхъ полянахъ, равно какъ въ порубахъ и мелочахъ, гдѣ кормятся обыкновенно по-парно, самецъ и самка, но иногда и двѣ-три пары вмѣстѣ. Выводки остаются въ лѣсныхъ болотахъ или зарослях поймъ,

хотя иногда и кочуютъ въ узкихъ предѣлахъ и выходятъ по зорямъ на близъ лежащія открытыя мѣста — луга, лѣсныя поляны и мелоча, — но довольно долгое время эти кочевки происходятъ лишь въ окрестностяхъ гнѣзда, причемъ выводки не удаляются отъ него, примѣрно, далѣе $1^1/_2$—2 верстъ.

Тѣмъ не менѣе все это время, т.-е. весь іюнь мѣсяцъ, а иногда и съ конца мая, старики проводятъ нѣсколько часовъ въ серединѣ каждаго дня въ поискахъ за кормомъ на лѣсныхъ полянахъ, открытыхъ лугахъ и даже въ поляхъ, иногда въ 3—5 верстахъ отъ гнѣзда; они избѣгаютъ въ это время нежатой озими, но посѣщаютъ часто зеленые яровые посѣвы.

Когда, иногда въ началѣ, иногда во второй трети іюля, поля закипятъ жизнью и движеніемъ вслѣдствіе жнитва озими, журавли гораздо рѣже появляются на яровыхъ хлѣбахъ, а сдаются больше къ поймамъ, хотя и на лѣсныхъ болотахъ попадаются до самаго конца іюля очень часто. Тѣмъ временемъ вполнѣ выростаютъ молодые журавлята, и семьи начинаютъ предпринимать болѣе далекія кочевки, нерѣдко въ хлѣба. Въ концѣ іюля или началѣ августа отдѣльные выводки начинаютъ собираться въ стаи до 6, 10 и даже 30 и болѣе штукъ, и стаи эти, обыкновенно уже съ первыхъ чиселъ августа, начинаютъ кормиться преимущественно въ яровыхъ поляхъ, особенно на полосахъ проса и гороха, которыя долго еще остаются неубранными. Тамъ же журавли нерѣдко проводятъ и ночь, если ихъ не тревожатъ, часто же улетаютъ на ночь въ сосѣднія съ полями поймы, причемъ этими суточными кочевками захватываютъ иногда довольно большое пространство, въ 10, 12 и болѣе верстъ, такъ что эти кочующія стаи легко принять за появленіе перелетныхъ птицъ. Любопытно, что связь особей въ этихъ кочующихъ стаяхъ, доходящихъ до 20-30 особей, бываетъ не особенно прочна: часто приходится замѣчать, что такая стая очень дружно держится въ полѣ, но, прилетая на ночевку въ пойму, раз-

бивается на стайки въ 3-4, иногда 5 штукъ, очевидно, на выводки (съ присоединеніемъ къ нимъ, вѣроятно, порой и холостыхъ птицъ); съ восходомъ солнца эти мелкія стайки поднимаются и, перекликаясь, летятъ въ поля, соединяясь снова въ одну большую стаю. Съ половины или съ послѣдней трети августа число журавлей начинаетъ замѣтно увеличиваться, очевидно, отъ прибыванія уже настоящихъ пролетныхъ стай, а съ конца августа начинается отлетъ журавлей, и къ половинѣ сентября они начинаютъ замѣтно пропадать. Впрочемъ, иногда случается видѣть очень сильный пролетъ даже и во второй половинѣ сентября.

Въ открытыхъ степныхъ пространствахъ Курмышскаго уѣзда, а также далѣе къ сѣверу, въ Васильсурскомъ и Сергачскомъ уѣздахъ Нижегородской губерніи, журавли уже приблизительно съ половины августа появляются огромными стаями, иногда штукъ до двухсотъ, постоянно переформировывающимися, какъ будто вся стая состоитъ изъ отдѣльныхъ небольшихъ группъ, различныхъ по количеству особей, но чаще всего отъ 3 до 6-7 штукъ; эти группы то сливаются въ болѣе обширныя стаи, то разбиваются снова,—какъ покажется имъ удобнѣе. Подобныя же стаи лѣтъ 15 назадъ встрѣчались въ половинѣ августа и въ поймѣ Алатыря, но послѣ въ такомъ числѣ уже не попадались. Такія же и даже, пожалуй, еще болѣе многочисленныя стаи встрѣчаются и въ Саранскомъ уѣздѣ Пензенской губ., держась на поляхъ, чаще всего на не убранныхъ еще горохахъ и просахъ, причемъ сильно ихъ вытаптываютъ. Повидимому, и эти огромныя стаи являются лишь скопищемъ кочующихъ выводковъ, постепенно формирующихся въ прочныя отлетныя стаи; настоящія же пролетныя станицы сѣверныхъ журавлей летятъ въ этихъ мѣстахъ около 10—15 сентября [1]).

[1]) Осенью 1886 года одинъ достойный довѣрія крестьянинъ-охотникъ говорилъ мнѣ, что въ концѣ іюля того же года онъ видѣлъ 3 „журавлей“ съ ярко-красными носами, пролетѣвшихъ не особенно высоко надъ нимъ

Otis tarda L.

Otis tarda Linn. Э. Эверсманнъ Ест. ист. Оренб. кр., стр. 358—361. М. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 126—127. М. Рузскій. Орнит. табл., стр. 9 и 14. М. Мензбиръ, Пт. Росс., стр. 441—448.

Прежде чѣмъ говорить о распространеніи дудаковъ въ Симбирской губерніи, необходимо въ нѣсколькихъ словахъ напомнить имѣющіяся по этому предмету литературныя данныя. Эверсманнъ о распространеніи дрофъ въ Поволжьѣ говоритъ: „на сѣверѣ попадается до 54° с. ш., до Казанской же губерніи *не долетаетъ*“.

Казанская и Симбирская губерніи, ближайшія къ Казани, гдѣ жилъ профессоръ Эверсманнъ, нужно думать, были особенно хорошо извѣстно ему въ фаунистическомъ отношеніи; въ то же время дрофа не такая птица, которую легко просмотрѣть, и потому не подлежитъ, конечно, сомнѣнію тотъ фактъ, что въ сороковыхъ годахъ кочевки дрофъ къ сѣверу не простирались въ Поволжьѣ сѣвернѣе 54 параллели (Сенгилей—Рузаевка).

М. Богдановъ. (l. c., стр. 127) о дрофѣ говоритъ, что дудакъ встрѣчается по черноземнымъ степямъ въ Саратовской и Симбирской губерніяхъ. Пока степи эти были не тронуты, предѣлами ихъ ограничивалась область распространенія дудака. Потомъ участки цѣлизны распахали, и степныя формы разсѣялись. Этимъ фактомъ Богдановъ объясняетъ разселе-

---

и опустившихся въ верстѣ отъ него на гороховое поле, между селами Бѣлымъ Ключемъ и Степановкою (верстъ 13 восточнѣе Промзина); но пока онъ бѣгалъ домой за ружьемъ и вернулся назадъ, на что ушло часа $1^1/_2$, птицы уже улетѣли, вѣроятно, спугнутыя кѣмъ-либо изъ проѣзжавшихъ или работавшихъ крестьянъ. Въ Симбирской губ. съ большею вѣроятностію можно было бы ожидать залета бѣлаго журавля или стерха (*Grus leucogeranus* Pall.), чѣмъ аиста (*Ciconia ciconia* L.), но краснаго клюва не имѣетъ ни одинъ изъ представителей журавлинаго семейства, да и по величинѣ ярко-красный клювъ аиста скорѣе можетъ броситься въ глаза наблюдателю. С. Бутурлинъ.

ніе дудаковъ въ области боровъ третичнаго бассейна, гдѣ ихъ не было вовсе 15—20 лѣтъ ранѣе. Появленіе дудаковъ замѣчено Богдановымъ и на сѣверѣ за предѣлами черноземной степи, даже въ уѣздахъ Тетюшскомъ и Свіяжскомъ. „Прошлаго года (1870), говоритъ М. Н. Богдановъ, нѣсколько дудаковъ видѣли недалеко отъ Свіяжска, гдѣ птицу эту знали лишь немногіе, и то по слухамъ“. Въ своемъ описаніи распространенія дудаковъ въ Симбирской губерніи Богдановъ ни однимъ словомъ не указываетъ опредѣленно на ихъ гнѣздованіе въ предѣлахъ губерніи, хотя, повидимому, подразумѣваетъ, что видъ этотъ гнѣздится мѣстами на всемъ пространствѣ губерніи.

М. Д. Рузскій говоритъ уже болѣе опредѣленно о гнѣздованіи дрофъ въ Симбирской („Орнит. набл.“, стр. 9: „одни виды пріурочиваются къ полямъ, на которыхъ и гнѣздуютъ, напр. дрофы“...) и Казанской губерніяхъ, гдѣ онъ отмѣчаетъ нѣсколько случаевъ спорадическаго гнѣздованія въ Цивильскомъ и Свіяжскомъ уѣздахъ. („Мат. къ изуч. птицъ Казанской губ.“, стр. 79). На случаи эти нужно смотрѣть, конечно, какъ на исключеніе. Относительно прежняго распространенія дрофъ Рузскій полагаетъ, что видъ этотъ нормально гдѣздился раньше въ Казанской губерніи (въ ея нѣкогда степныхъ районахъ, неизмѣненныхъ земледѣльческой культурой); въ настоящее же время дрофы, оттѣсненныя культурой, гнѣздятся лишь южнѣе 54^0 с. ш. (граница, указанная Эверсманномъ) и послѣ вывода птенцовъ начинаютъ кочевать къ сѣверу, причемъ область ихъ кочевокъ ограничена областью ихъ прежняго распространенія. „Такимъ образомъ указанное явленіе періодическихъ странствованій дрофъ никоимъ образомъ не есть результатъ расчистки лѣсовъ, какъ думалъ М. Н. Богдановъ, и разсѣянія формъ степи. Вслѣдствіе распашки степей типичные представители не разсѣялись, а просто отступили. Но по причинѣ все болѣе наступавшаго при этомъ суженіи области недостатка въ кормѣ,

они принуждены тотчасъ по окончаніи періода гнѣздованія кочевать къ сѣверу въ предѣлахъ пространства, прежде всецѣло принадлежавшаго данному виду. Затѣмъ нѣкоторыя отдѣльныя пары пролетаютъ сюда весной, остаются на лѣто и выводятъ дѣтей".

Мы должны прежде всего отмѣтить одно небезъинтересное обстоятельство, говорящее въ пользу болѣе согласующагося, по нашему мнѣнію, съ фактами взгляда М. Д. Рузскаго. Дѣло въ томъ, что къ сѣверу отъ боровъ долины Алатыря—въ сѣверной части Ардатовскаго, западной Курмышскаго и Сергачскомъ уѣздахъ—дрофы, какъ это въ свое время было намъ сообщено нѣкоторыми изъ мѣстныхъ старожиловъ-охотниковъ, появились въ первый разъ въ началѣ 50-хъ годовъ. Въ этихъ мѣстахъ народъ не зналъ даже названія этихъ птицъ. Если мы появленіе кочующихъ дрофъ въ этихъ мѣстахъ сопоставимъ съ отмѣченными М. Н. Богдановымъ первыми случаями залета дрофъ въ районъ Свіяжска (въ концѣ 60-хъ годовъ) и съ указаніями Эверсманна на 54-ю параллель, какъ на границу кочевокъ (а не обычнаго гнѣзданія только, какъ думалъ М. Д. Рузскій) дрофъ въ концѣ 40-хъ годовъ, то увидимъ, что область, занятая кочующими (а параллельно съ этимъ и спорадически гнѣздящимися дрофами) постепенно расширялась по направленію къ сѣверу Такимъ образомъ, движеніе дрофъ шло постепенно съ юга. Вопросъ о томъ, чѣмъ было вызвано это передвиженіе, остается, конечно, открытымъ. Объяснять его недостаткомъ въ кормѣ, какъ дѣлаетъ это Рузскій, кажется намъ затруднительнымъ. Развѣ легко представить себѣ, что наличному количеству дрофъ, хотя бы и въ томъ числѣ, въ какомъ встрѣчались онѣ 100 лѣтъ тому назадъ, могло не хватать корма на пространствѣ тогдашнихъ южно-русскихъ степей? Въ настоящее время кочующія лѣтнія и осеннія стайки дрофъ — обычное явленіе въ уѣздахъ Курмышскомъ, Серагачскомъ, Княгининскомъ и Васильсурскомъ до Волги.

Теперь мы не имѣемъ уже прямыхъ доказательствъ другого предположенія М. Д. Рузскаго, — что дрофа являлась нѣкогда обычною гнѣздящеюся птицею на всемъ пространствѣ Симбирской и Казанской губерній. Предположеніе это, однако, является весьма вѣроятнымъ въ виду прежняго степного характера западной части Курмышскаго уѣзда и юго-восточныхъ уѣздовъ Нижегородской губерніи, равно какъ юго-восточной части Симбирской губерніи.

Относительно области лѣтнихъ кочевокъ дрофъ въ настоящее время мы должны замѣтить слѣдующее. Западная часть Симбирской губерніи, къ югу отъ лѣсовъ долины Алатыря, носитъ еще замѣтно лѣсистый характеръ съ обиліемъ широкихъ поемныхъ долинъ, и дрофа въ этой мѣстности (среднее теченіе Суры, уѣзды Карсунскій, Алатырскій и часть Ардатовскаго), хотя лѣтомъ и осенью не рѣдка, безусловно не гнѣздится. Не гнѣздится дрофа также въ сѣверной части Ардатовскаго уѣзда, Саранскомъ уѣздѣ Пензенской губ., Курмышскомъ и южныхъ уѣздахъ Нижегородской губ., равно какъ, насколько это удалось намъ выяснить, и въ остальной, къ западу отъ Суры лежащей, части Пензенской губерніи. Иными словами, дрофа является исключительно лѣтней кочевой птицей во всей области, лежащей къ западу отъ участка тайги, извѣстнаго подъ названіемъ Сурской дачи.

Что касается до области къ востоку отъ Сурскихъ лѣсовъ, то здѣсь случаи спорадическаго гнѣздованія отмѣчены, какъ мы указали выше, даже для самыхъ сѣверныхъ частей этого района,—Цивильскаго и Свіяжскаго уѣздовъ. Спорадическое гнѣздованіе дудаковъ возможно, конечно, тѣмъ болѣе въ южной части восточной половины Симбирской губерніи, кромѣ лѣсистыхъ частей Карсунскаго и Симбирскаго уѣздовъ. Но правильнаго гнѣздованія нѣтъ и въ юго-восточной части губерніи.

Случаи спорадическаго гнѣздованія дрофъ въ восточной части Симбирской губерніи указываютъ на болѣе типичный

степной характеръ уѣздовъ, лежащихъ къ востоку отъ Сурской дачи. На то же указываетъ присутствіе въ юго-восточныхъ уѣздахъ стрепета (см. М. Н. Богдановъ, l. c., стр. 127), котораго нѣтъ въ западной половинѣ губерніи. Указанные факты распространенія степныхъ птицъ находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ данными относительно распространенія типичныхъ степныхъ формъ млекопитающихъ (суслика, байбака, *Georychus talpinus* [1]).

О кочевкахъ дрофъ въ предѣлахъ изученныхъ нами частей Симбирской и сосѣднихъ губерній мы можемъ сообщить слѣдующее.

Въ западной части Симбирскаго уѣзда и прилегающей юго-западной части Буинскаго,—мѣстности, носящей открытый характеръ, дрофы попадаются въ теченіе всего лѣта ежегодно, по 2—3 и до 6 штукъ сразу, чаще всего на паровыхъ поляхъ, а также и на яровомъ хлѣбѣ. Въ Карсунскомъ и Алатырскомъ уѣздахъ, въ частяхъ, лежащихъ между рѣками Уренемъ, Барышомъ и Сурой, дрофы не попадаются постоянно, а только втеченіе всего лѣта время отъ времени залетаютъ сюда, однако далеко не часто, такъ что иногда и цѣлый годъ въ этой мѣстности ихъ не приходится видѣть. Чаще эти залеты случаются въ концѣ іюля, въ августѣ и особенно въ сентябрѣ, а также и въ началѣ октября. Осенью чаще онѣ держатся по жнивамъ или на молодой озими. Въ Ардатовскомъ уѣздѣ и въ частяхъ Алатырскаго, западнѣе р. Суры и южнѣе р. Алатыря, гдѣ мѣстность болѣе ровная и открытая, дрофы попадаются гораздо чаще и гораздо болѣе многочисленными стадами, особенно съ начала іюля, но и здѣсь онѣ ведутъ кочевую жизнь, то держатся нѣкоторое время на одномъ сравнительно небольшомъ участкѣ, то безъ

[1]) См. Б. Житковъ. „Матерьялы по фаунѣ млекопитающихъ Симбирской губерніи“ (Дневникъ Зоологич. Отд. Общ. Люб. Ест. Т. II, № 8), стр. 10, 13, 26).

видимыхъ причинъ исчезаютъ оттуда. Никакой правильности въ лѣтнихъ кочевкахъ дрофъ подмѣтить не удается.

Къ сѣверу отъ долины Алатыря, въ Ардатовскомъ, Курмышскомъ (западной его части) и въ юго-восточныхъ уѣздахъ Нижегородской губерніи, дрофы появляются также ежегодно, то въ большемъ, то въ меньшемъ количествѣ, чаще стайками отъ 4 до 12 штукъ, изрѣдка, какъ было, напримѣръ, въ Курмышскомъ уѣздѣ въ 1897 году, стаями до 50—80 штукъ. Иногда приходится видѣть и одиночныхъ дрофъ. Въ Курмышскомъ уѣздѣ онѣ держатся очень охотно (особенно въ самомъ началѣ лѣта) на участкѣ ковыльной степи (Кочетовская степь) близъ села Теплаго Стана. Самое раннее появленіе дрофъ въ изученной мѣстности наблюдалось нами въ Курмышскомъ уѣздѣ (въ концѣ мая), самое позднее пребываніе въ Саранскомъ уѣздѣ (начало декабря). Въ послѣднемъ случаѣ небольшая стайка дрофъ нѣсколько недѣль держалась по глубокому снѣгу, питаясь, какъ кажется, обнажающимися мѣстами изъ подъ снѣга озимями. Въ половинѣ декабря птицы исчезли. Это была какъ будто неудавшаяся попытка дрофъ перезимовать.

Какъ вездѣ, кочующія въ Симбирской губерніи дрофы отличаются большою сторожкостью и осмотрительностью. Стаи избѣгаютъ близости лѣса и никогда или почти никогда не пасутся вблизи овраговъ и другихъ естественныхъ прикрытій. Для спокойствія имъ необходимъ широкій кругозоръ во всѣ стороны. Однако птицы эти, держась обычно на парахъ или жнивахъ, въ то же время не избѣгаютъ здѣсь и полей съ неубранными копнами хлѣба и даже—въ жаркіе дни—охотно ложатся въ тѣни хлѣбныхъ суслоповъ [1]).

---

[1]) То же самое мнѣ приходилось наблюдать и въ Новосильскомъ уѣздѣ Тульской губерніи. С. Бутурлинъ.

Otis tetrax L.

O. tetrax. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 361. М. Богдановъ. Пт. и зв. Пов., стр. 147. Мензбиръ. Птицы Россіи, I, стр. 434.

Въ изученныхъ нами частяхъ губерніи стрепетъ не встрѣчается, и мы сомнѣваемся даже, чтобы онъ въ настоящее время гнѣздился даже спорадически и въ юго-восточной половинѣ губерніи. М. Н. Богдановъ довольно глухо говоритъ о стрепетѣ: „*идетъ* (въ очень небольшомъ числѣ) до Буинскаго уѣзда".

Мы должны отмѣтить здѣсь только два извѣстные намъ, со словъ мѣстныхъ охотниковъ, случая залета стрепетовъ въ Курмышскій уѣздъ, въ вышеупомянутую Кочетовскую степь, являющуюся здѣсь единственнымъ сохранившимся участкомъ дѣвственной ковыльной степи.

Fulica atra L.

Fulica atra L. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., стр. 503—504. М. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 145. М. Рузскій. Орнит. набл. въ Симб. губ., стр. 13. М. Мензбиръ. Пт. Россіи, стр. 449—452.

Поймы Суры и Барыша,—рѣкъ, очень широко разливающихся весною,—богаты и маленькими, и крупными озерами различной глубины, иногда лежащими открыто, иногда же густо окруженными лѣсною порослью и обыкновенно густо заросшими по краямъ тростниками, камышомъ, желтыми и бѣлыми кувшинками и другими растеніями. Во многихъ мѣстахъ эти рѣки, особенно Сура, образуютъ большія и тихія заводи (по-волжски „затонъ"), также часто поросшія растеніями. Тѣмъ страннѣе, что при такомъ обиліи удобныхъ мѣстъ лысуха гнѣздится здѣсь сравнительно въ очень небольшомъ числѣ. Въ поймѣ рѣки Алатыря лысуха—рѣдкая гнѣздящаяся птица; встрѣчается она также на рѣкѣ Пьянѣ и, повидимому, въ долинахъ всѣхъ, имѣющихъ поймы, рѣкъ гу-

берніи. Малочисленность лысухи отнюдь не можетъ быть только кажущейся, вслѣдствіе ея скрытнаго образа жизни, такъ какъ по меньшей мѣрѣ столь же, а пожалуй и болѣе ная, осторожная и скрытная камышница (*Gallinula chloropus* L.) встрѣчается въ поймахъ Суры и Барыша несравненно чаще. Является не невозможнымъ предположеніе, что эти два явленія (рѣдкость лысухи и сравнительная многочисленность камышницы) могутъ находиться между собою въ причинной связи: при крайней близости этихъ птицъ по образу жизни, по выбору пищи и станцій, одна изъ нихъ можетъ въ данной мѣстности распространяться на счетъ другой. Мы должны отмѣтить здѣсь соотвѣтствующее наблюденіе С. Т. Аксакова [1]). Въ изученныхъ имъ частяхъ Оренбургскаго края замѣчается въ сущности аналогичное, но обратное отношеніе: лысухи тамъ водятся во множествѣ, такъ что было бы, по словамъ Аксакова, даже странно подойти къ какому-либо пруду и не увидать двигающихся по нему въ разныхъ направленіяхъ лысухъ, за то камышница является, по его же словамъ, „дорогой, завидной, рѣдкой дичью“.

Мы должны, однако, отмѣтить въ то же время, что, напримѣръ, въ долинѣ Алатыря одинаково рѣдки и та, и другая форма. Здѣсь—въ поймѣ Алатыря—лысухи селятся по преимуществу на очень глухихъ озерахъ, окруженныхъ тальниковой порослью или лежащихъ внутри уже упомянутыхъ выше ольховыхъ зарослей. Очень маленькихъ водныхъ бассейновъ видъ этотъ, какъ кажется, избѣгаетъ.

---

[1]) „Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи“ съ примѣчаніями К. Ф. Рулье. 1886 г., стр. 102 и 174.

Rallus aquaticus L.

Rallus aquaticus Linn. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., стр. 491—492. М. Богдановъ. Пт. и зв. Пов., стр. 145. М. Рузскій. Орнит. набл., стр. 13. М. Мензбиръ. Пт. Росс., стр. 474—477. Бутурлинъ. Синопт. таблицы охотн. пт. Росс. имп." 1901, стр. 75.

Литературныя данныя относительно гнѣздованія пастушка въ области средняго Поволжья довольно неопредѣленны. Эверсманнъ (l. c., III, стр. 492) говоритъ о немъ: „Водяной пастушокъ обитаетъ въ болотахъ и топкихъ мѣстахъ, такъ густо обросшихъ тростникомъ, водяными растеніями, тальникомъ, березникомъ и др. кустарниками, что только съ трудомъ человѣкъ можетъ пробраться туда. По этой причинѣ и еще отъ того, что пастушокъ при приближающейся опасности не вылетаетъ, а спасается скорымъ бѣгомъ въ чащѣ водяныхъ растеній, мы видимъ его очень рѣдко, но онъ дѣйствительно водится въ разныхъ мѣстахъ нашего края". М. Н. Богдановъ не нашелъ пастушка въ среднемъ Поволжьѣ, хотя и внесъ его въ списокъ птицъ этой мѣстности, основываясь на данныхъ Эверсмана. М. Рузскій, не нашедшій *R. aquaticus* въ Казанской губерніи, встрѣчалъ въ то же время этотъ видъ въ 1893 году въ долинѣ рѣки Суры въ Симбирской губерніи, причемъ не помѣщаетъ его въ число рѣдкихъ птицъ; къ сожалѣнію, въ статьѣ Рузскаго нѣтъ вовсе точныхъ указаній на время и условія нахожденія пастушка на Сурѣ.

По нашимъ наблюденіямъ въ предѣлахъ Симбирской губерніи пастушокъ встрѣчается рѣдко. Выводки этого вида были найдены всего два раза въ непролазныхъ, топкихъ зарослях ольхи и лозняка, окаймляющихъ глухія озера поймы рѣки Барыша въ его нижнемъ теченіи, въ предѣлахъ Карсунскаго уѣзда, одинъ разъ между селами Киватью и Усть-Уренемъ въ самомъ концѣ іюня, а другой разъ между Усть-Уренемъ и Волдиватскимъ въ началѣ второй трети іюля. Тамъ же, близъ Волдиватскаго, былъ убитъ старый пасту-

шокъ 8/IV 1889 г. Въ поймахъ Суры, Алатыря и Пьяны и вообще въ сѣверо-западной части губерніи видъ этотъ не замѣченъ нами ни разу. Можетъ быть, описанные случаи гнѣздованія являются лишь случайностью; однако нельзя не замѣтить, что такую осторожную, живущую въ глухихъ болотахъ птицу очень легко просмотрѣть.

О періодическихъ явленіяхъ въ жизни этой птицы мы не можемъ сообщить ничего существеннаго, замѣтимъ только, что при обѣихъ встрѣчахъ птенцы были еще совсѣмъ маленькіе, черные, и весьма бойко бѣгали.

Crex crex L.

Crex pratensis Bechst. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., стр. 493—494. М. Богдановъ. Пт. и зв. Пов., стр. 143—144. М. Рузскій, Орнит. набл., стр. 4, 5, 11 и 13. М. Мензбиръ. Пт. Росс., стр. 461—465. Мѣстное названіе: „дергачъ“, рѣже „дергунъ“.

Дергачъ гнѣздится въ Симбирской губерніи повсюду и притомъ, особенно въ рѣчныхъ долинахъ, въ огромномъ числѣ, въ нѣсколько разъ превосходя по численности своей всѣхъ остальныхъ пастушковъ, вмѣстѣ взятыхъ. У Симбирска дергачъ появляется иногда весною въ послѣдней трети, рѣдко около половины апрѣля, а въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца уже приходится иногда слышать его обычный, скрипящій крикъ или „дёрганье“. Но обыкновенно валовой пролетъ коростелей идетъ въ концѣ апрѣля или первой четверти мая. Пролетъ идетъ ночью и, вѣроятно, очень невысоко надъ землей, такъ какъ дергачи не только залетаютъ иногда при этомъ въ небольшіе городскіе сады, которыхъ много въ Симбирскѣ, но ихъ приходится иногда встрѣчать утромъ даже на бульварѣ, идущемъ по срединѣ центральной (Большой Саратовской) улицы г. Симбирска, и трудно предположить, чтобы они забѣжали туда изъ луговъ. Во время валового пролета пойма Волги еще покрыта водой, но меньшія рѣки, напр. Свіяга или ея притокъ Сельга, раньше входятъ въ берега, и коро-

стели держатся главнымъ образомъ въ ихъ поймахъ, преимущественно въ густыхъ кустарникахъ, хотя нерѣдко попадаются и на почти чистыхъ лугахъ съ рѣдкими кустиками.

Любопытно отмѣтить, что во время этихъ весеннихъ валовыхъ пролетовъ дергачи иногда держатся по-парно: если у одного куста или въ одномъ мѣстѣ поднимешь одного, то тутъ же окажется и второй, но не больше; это, конечно, не объясняется удобствомъ мѣста, потому что 20 — 30 шаговъ въ любую сторону находимъ еще пару, затѣмъ еще и еще. Иногда на пространствѣ небольшого сравнительно луга приходится поднимать отъ 20 до 40 штукъ, и добрая половина изъ нихъ сидитъ по-парно. Нужно замѣтить, что пары эти, будучи спугнуты, разлетаются въ большинствѣ случаевъ въ разныя стороны, а вовсе не стараются держаться вмѣстѣ. Поднимать въ это время коростелей, если они сидятъ не въ сплошныхъ зарослях, очень нетрудно,—очевидно, по причинѣ недостатка густой травы, гдѣ они могли бы прятаться. Остается прибавить, что эти пролетные коростели не подаютъ, насколько мы могли замѣтить, голоса, кричатъ же только мѣстныя, прилетныя, а не пролетныя птицы. Прилетѣвшій коростель-самецъ для своего скрипучаго призывнаго крика облюбовываетъ часто одно какое-нибудь небольшое мѣстечко, котораго и придерживается, избравъ его весной, упорно, иногда въ теченіе чуть не всего лѣта, издавая свой крикъ именно на этомъ мѣстѣ [1]).

Когда прилетъ оканчивается, то дергачи оказываются положительно повсюду. Бо́льшая часть ихъ гнѣздится въ сырыхъ лугахъ съ зарослями ольхи и разныхъ кустарниковъ, однако очень многіе гнѣздятся и въ чистыхъ травянистыхъ лугахъ, и на лѣсныхъ опушкахъ, въ порубахъ и мелочахъ,

[1]) Проф. М. А. Мензбиръ (l. c., стр. 464) говоритъ, что часто самецъ коростель кричитъ нѣсколько дней на одномъ мѣстѣ, затѣмъ переходитъ въ другое, такъ что на первомъ мѣстѣ его не слышно. М. А. Мензбиръ объясняетъ это поисками за самкой. Вѣроятно, такъ бываетъ въ мѣстахъ сравнительно болѣе бѣдныхъ коростелями. С. Б.

иногда лежащихъ далеко въ глубинѣ лѣса, на большихъ лѣсныхъ полянахъ и даже въ не очень сырыхъ кочкарникахъ. Въ хлѣбныхъ поляхъ, и прямо въ хлѣбѣ, и на межахъ, заростихъ полынью, конскимъ щавелемъ и иными травами, приходится также нерѣдко находить гнѣзда коростелей. Въ гнѣздахъ находится обыкновенно 9 или 10 яицъ, бо́льшаго числа мы не видали. Время вывода молодыхъ очень разнообразно. Мы находили пуховыхъ цыплятъ, начиная съ половины іюня, но не очень рѣдко приходилось и въ началѣ іюля находить гнѣзда съ яйцами, далеко не готовыми еще къ немедленному выводу. Мы затрудняемся приписать эти случаи вторичной кладкѣ, такъ какъ обыкновенно число яицъ бываетъ при этомъ полное, т.-е. 8—10 штукъ.

Все это время, т.-е. вторую половину мая и весь іюнь, и днемъ, а особенно по зорямъ и ночью, воздухъ буквально бываетъ наполненъ скрипучими, громкими голосами дергачей-самцовъ, призывающихъ къ себѣ самокъ. До чего усердно кричитъ иногда дергачъ, видно изъ слѣдующаго наблюденія, сдѣланнаго и записаннаго С. А. Бутурлинымъ. „Въ началѣ іюня поздно вечеромъ, проходя лугами, я услыхалъ недалеко отъ себя крикъ коростеля, на который обратилъ вниманіе потому, что крикъ раздавался съ одного и того же пункта,— очевидно, дергачъ не перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто и даже не поворачивался въ разныя стороны, какъ часто бываетъ,— и притомъ очень регулярно, безъ перерывовъ. Онъ уже крикнулъ, быть можетъ, разъ 30 или 40, когда я подошелъ поближе и сталъ считать. Съ того же самаго пункта, всего въ нѣсколькихъ (10 — 15) аршинахъ отъ человѣка, съ тою же силою и не пріостанавливаясь ни на секунду, съ равномѣрностію автомата, продолжалъ дергачъ кричать. Я сосчиталъ до 230-ти, т.-е. 115 двойныхъ ударовъ, наконецъ, занятіе это прискучило, и я пошелъ прочь, а вслѣдъ за мной безъ перерыва несся все тотъ же задорный крикъ“.

Что дергачъ дѣйствительно весьма увлекается своимъ

брачнымъ крикомъ, видно и изъ того, что при небольшой осторожности почти ко всякому дергачу можно подойти подъ звуки его пѣсни почти вплоть, не потревоживъ его. Обыкновенно все-таки не увидишь при этомъ птицы, а только замѣтишь потомъ, какъ зашевелится и заволнуется густая трава поёмнаго луга отъ быстраго бѣга коростеля, точно отъ ползущей змѣи. Если же желательно поднять коростеля на крылья, то нужно, подойдя совсѣмъ близко, стремглавъ съ шумомъ броситься на то мѣсто, гдѣ онъ кричитъ, лучше всего во время крика, и тогда испуганная птица часто взлетаетъ. Но нуженъ опытъ, чтобы не ошибиться: коростель кричитъ такъ громко, что съ непривычки кажется, что птица находится подъ ногами, когда на дѣлѣ до нея остается еще нѣсколько шаговъ. Впрочемъ коростель вообще охотнѣе поднимается на крылья, чѣмъ погонышъ (*Porzana porzana* L.), но только, какъ и эта послѣдняя птица, ночью или на зарѣ; среди дня же, и особенно въ кустахъ, почти всякій коростель предпочитаетъ упорно бѣгать, а нѣкоторыя особи ни за что не желаютъ взлетать даже и въ чистомъ полѣ. Несравненно охотнѣе взлетаютъ коростели осенью.

Въ іюлѣ крикъ коростелей становится слышенъ все рѣже и рѣже, а съ половины этого мѣсяца и вовсе прекращается. Послѣ вывода дѣтей значительная часть коростелей перебирается изъ зарослей частью въ чистые луга, а еще болѣе въ хлѣбныя поля, особенно яровыя. Какъ только птенцы подростутъ и оперятся, выводки разбиваются. Приблизительно со второй четверти августа число коростелей въ лугахъ и зарослях поймъ снова начинаетъ замѣтно увеличиваться, что, конечно, объясняется жнитвомъ яровыхъ хлѣбовъ, вытѣсняющимъ дергачей снова изъ полей, а отчасти, быть можетъ, и начинающимся пролетомъ или кочевками къ югу болѣе сѣверныхъ особей. Во второй половинѣ августа и началѣ сентября коростелей бываетъ особенно много,—очевидно, въ

это время происходитъ валовой пролетъ. Къ концу же сентября дергачи пропадаютъ вовсе.

Мы уже говорили выше, что дергачъ бѣгаетъ замѣчательно ловко и проворно. Когда онъ считаетъ себя въ полной безопасности, то на ходу нерѣдко держитъ себя не такъ, какъ большинство птицъ, у которыхъ длинная ось туловища болѣе или менѣе параллельна землѣ, а выпрямляется совершенно вертикально, подобно стоящей на сушѣ гагаркѣ (*Uria*), что, однако, не мѣшаетъ дергачу бѣжать довольно быстро въ такой—казалось бы—неудобной позѣ. Но стоитъ ему заслышать при этомъ какой нибудь подозрительный шумъ, какъ онъ сейчасъ же склонитъ туловище параллельно землѣ, какъ то весь съёжится и побѣжитъ еще гораздо быстрѣе. Столь похожій на дергача тѣлосложеніемъ погонышъ никогда, насколько мы могли замѣтить, не ходитъ въ такой позѣ.

Кромѣ своего всѣмъ извѣстнаго брачнаго крика, издаваемаго самцами, дергачи имѣютъ еще совершенно иной голосъ, именно—громкій и сравнительно продолжительный трещащій крикъ, чрезвычайно похожій на стрекотаніе сороки, но нѣсколько протяжнѣе. Этотъ крикъ издаетъ дергачъ, когда считаетъ себя въ неизбѣжной опасности: его приходится иногда слышать, когда собака схватываетъ подстрѣленную птицу. Трудно рѣшить, выражаетъ ли этотъ крикъ собственный ужасъ или же является попыткой испугать нападающаго. Случается, однако, иногда, что молодая и неопытная лягавая собака, бываетъ настолько удивлена или испугана этимъ неожиданнымъ и рѣзкимъ крикомъ, что не возьметъ раненаго коростеля. С. Т. Аксаковъ говоритъ [1]), что этимъ своимъ крикомъ, который Аксаковъ сравниваетъ съ огрызаніемъ хорька, дергачъ нерѣдко пугаетъ и нападающаго на него ястреба; если молодой ястребъ въ первый же разъ при нападеніи на коростеля будетъ такъ испуганъ этимъ крикомъ, что не возьметъ птицы, то уже никогда болѣе не будетъ брать дергачей.

[1]) С. Аксаковъ, loc. cit., стр. 239.

Въ опасности коростель пускаетъ въ ходъ и иное весьма интересное средство защиты.

Если поймать коростеля живымъ, то онъ, потерявъ надежду испугать человѣка крикомъ или вырваться изъ рукъ, иногда прикидывается мертвымъ: закрываетъ глаза и остается совершенно неподвижнымъ, иногда не менѣе полутора—двухъ минутъ. Если птицу, впавшую въ такое состояніе, положить на траву и отойти на нѣсколько шаговъ, то дергачъ откроетъ глаза, встанетъ и побѣжитъ, а затѣмъ и полетитъ прочь. Если же продолжать держать дергача въ рукахъ, онъ приходитъ въ себя далеко не такъ скоро; поэтому, а также и потому, что дергачъ впадаетъ въ такое, повидимому, безчувственное состояніе иногда не вскорѣ послѣ поимки, а довольно долго спустя, приходится думать, что это не настоящій, вызванный испугомъ обморокъ, а лишь притворный.

Въ заключеніе отмѣтимъ здѣсь слѣдующее интересное наблюденіе, сдѣланное С. А. Буртулинымъ: „Кромѣ брачнаго „дерганья“ и боязливаго „стрекотанья“, у коростеля есть еще и третій совершенно особый крикъ,—крикъ, повидимому, очень рѣдкій, такъ какъ я не только не слыхалъ о немъ отъ старыхъ охотниковъ, но и не встрѣчалъ указаній въ извѣстной мнѣ зоологической и охотничей литературѣ. Не смотря на изобиліе коростелей въ Симбирской губерніи и обращенное мною на этотъ вопросъ особенное вниманіе, я всего три раза слышалъ такой крикъ: два раза въ 1889 году — къ сожалѣнію, времени точно не помню и не могу найти указанія въ своихъ запискахъ, но въ предѣлахъ съ половины іюня до половины августа,—причемъ одинъ разъ въ непролазныхъ, сырыхъ зарослякъ; другой разъ въ травѣ около такихъ зарослей, откуда я и выгналъ одного коростеля. Третій, точнѣе говоря, самый первый разъ, что я слышалъ такой крикъ, я подробно описалъ его въ своемъ охотничьемъ дневникѣ въ въ тотъ же день, а потому могу передать [1]) вполнѣ точно.

[1]) Я дважды сообщалъ объ этомъ случаѣ: С. Бутурлинъ. „О птицахъ

21 іюня 1888 года, въ жаркій солнечный день, я бродилъ безъ ружья по заливному лугу по правой сторонѣ Суры, между селами Промзинымъ и Полянками. Въ одномъ мѣстѣ недалеко отъ зарослей лозняка моя собака стала, фыркая и копаясь, разбирать въ густой, высокой травѣ какіе то слѣды. Слѣдя глазами за собакой, я не сразу обратилъ вниманіе на все время раздававшійся шагахъ въ 15-ти отъ меня какой то незнакомый крикъ. Но затѣмъ я обратилъ вниманіе на силу этого крика, который какъ я сперва подумалъ, принадлежалъ какой нибудь неизвѣстной мнѣ мелкой птицѣ. Но ни на кустахъ, ни на травѣ я не могъ увидать никакой птички и, заинтересовавшись силою крика, сначала осторожно двинулся къ мѣсту гдѣ его слышалъ, затѣмъ кинулся прямо на крикъ, и выгналъ двухъ коростелей: они поднялись съ промежуткомъ менѣе секунды одинъ послѣ другого и на разстояніи аршина одинъ отъ другого, — очевидно, они сидѣли вмѣстѣ, и когда я кинулся на нихъ, то одинъ успѣлъ лишь немного отбѣжать. При взлетѣ одинъ изъ нихъ дважды еще повторилъ тотъ же крикъ. Крикъ этотъ ни звукомъ голоса, ни манерой кричать совсѣмъ не походилъ на обыкновенный, скрипучій и обычно парный, т.-е. двухсложный крикъ коростеля. Наоборотъ, голосъ былъ очень чистый, совсѣмъ не такой рѣзкій и далеко слышный, какъ обычно, но все же довольно громкій, наконецъ, болѣе высокій; крикъ былъ односложный, въ немъ не чувствовалось согласныхъ звуковъ (которые, напримѣръ ясно слышны въ брачномъ крикѣ погоныша — *Porz. porzana* L., похожемъ на слогъ: „квик“ или „уить“), и онъ весьма походилъ на слогъ „я“, быстро повторяемый безъ какого либо оттѣнка или перевыва много

Евр. Россіи. Краткія замѣчанія по поводу книги пр. М. А. Мензбира“ въ „Природѣ и Охотѣ“. 1896 г., кн. III, стр. 49, и С. Бутурлинъ. „О голосѣ коростеля“ въ „Псовой и Ружейной Охотѣ“. 1898 г., № 31, — но никто изъ охотниковъ не сообщалъ печатно о подобныхъ случаяхъ, хотя я и проспалъ объ этомъ, что, опять таки, указываетъ на рѣдкость этого крика. С. Б.

разъ подрядъ. Въ крикѣ этомъ какъ будто было нѣчто, напоминающее ниже описанный голосъ камышницы, но описываемый крикъ дергача былъ выше, помягче, чѣмъ голосъ камышницы, и интервалы между слогами были гораздо меньше, такъ что слогъ „я“ повторялся, я полагаю, не менѣе 3—4 разъ въ секунду.

Я не знаю до сихъ поръ, что означаетъ этотъ крикъ. Онъ такъ рѣдокъ, что врядъ ли можетъ быть обычнымъ голосомъ самки (предполагая, что тутъ была самка); если бы это былъ, такъ сказать, боевой кликъ двухъ дерущихся дергачей, то въ такой густой травѣ, въ которой замѣтенъ даже бѣгъ одного коростеля, я тѣмъ болѣе за 2—3 минуты наблюденія непремѣнно замѣтилъ бы драку двухъ птицъ по колебанію травы“.

Въ послѣднія 10 –12 лѣтъ количество коростелей, гнѣздящихся въ рѣчныхъ долинахъ Поволжья, замѣтно уменьшилось. Вмѣстѣ съ другими болотными птицами уменьшается также количество погонышей.

Porzana parva Scop.

Crex minuta Pall., — partim. — Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., стр. 496—398. *Ortygometra minuta* (Leach) Pall.,—? part.—М. Богдановъ, Ит. и зв. Пов., стр. 144. *Porzana parva.* М. Рузскій. Орнит. набл., стр. 10 и 13. М. Мензбиръ. Птицы Росс., стр. 466—468.

9 іюля 1888 года, днемъ, на довольно открытомъ, но мокромъ кочковатомъ болотѣ, близъ небольшой сырой заросли „елôшника, въ поймѣ Суры между селами Промзинымъ и Бѣлымъ Ключомъ убитъ одинъ экземпляръ этой птицы, при вскрытіи оказавшейся самцомъ. Другихъ встрѣчъ съ нею въ Симбирской губ. мы не имѣли [1]). Въ долинѣ Алатыря и вообще въ сѣверо-западной части губерніи она также не встрѣ-

[1]) Въ настоящее время въ моей коллекціи есть еще два экз. этой птицы изъ долины Суры, близъ сліянія ея съ Барышомъ: взрослый ♂ отъ 4 мая и молодая ♀ отъ 1 сентября. С. Б.

чена. Намъ кажется, что если бы малая курочка гнѣздилась въ Симбирской губерніи, хотя и рѣдко, она должна была бы чаще попадаться на глаза, хотя нельзя не замѣтить здѣсь, что форма эта вообще довольно рѣдка и, кромѣ того, легко ускользаетъ отъ наблюденія вслѣдствіе скрытнаго образа жизни [1]).

Porzana porzana L.

Crex porzana Linn. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., стр. 494—496. *Ortygometra porzana* (Leach.) L. M. Богдановъ. Пт. и зв. Пов., стр. 144. *Porzana maruetta*. М. Рузскій. Орнит. набл., стр. 4, 5, 10, 13. М. Мензбиръ. Пт. Росс., стр. 471—473.

Мѣстное названіе: *болотная курочка*.

Послѣ коростеля это—одна изъ самыхъ обыкновенныхъ пастушковыхъ птицъ Симбирской губерніи. Погоныши появляются весною во второй половинѣ апрѣля, а въ началѣ мая уже случается слышать ихъ брачный свистъ, который вскорѣ и днемъ, и ночью, а особенно по зорямъ, начинаетъ раздаваться почти съ каждой болѣе или менѣе сырой луговинки, съ каждаго заросшаго травой, а тѣмъ болѣе лозникомъ берега озера или ручья. Въ поймахъ же это мелодичное посвистываніе несется со всѣхъ сторонъ, хотя все же далеко не столь многочисленны эти голоса, какъ скрипучіе голоса дергачей. Крикъ этотъ—чистый, высокій, довольно звонкій свистъ, нѣсколько похожій на слогъ „унть“ или „квик“,

---

[1]) Пробираясь густыми, залитыми водой камышами, между кочками „елошника“, вдоль глухихъ озеръ Сурской поймы, мнѣ приходилось иногда видать, и очень близко, пробѣгающихъ болотныхъ курочекъ, которыя—для меня почти несомнѣнно—не были погонышами (*Porzana porzana* L.), такъ какъ были слишкомъ мелки для этой птицы. А такъ какъ различіе въ величинѣ между малой курочкой (*Porz. parva* Scop.) и погонышемъ почти незамѣтно, то я склоненъ думать, что эти мелкія, недобытыя мною курочки были, скорѣе, курочки-крошки (*Porzana bailloni* Vieil.). Если только это предположеніе вѣрно, то послѣдняя птичка, вѣроятно, и гнѣздится здѣсь, такъ какъ я ихъ встрѣчалъ даже и въ самомъ началѣ іюля.

С. Бутурлинъ.

повторяемый съ небольшими промежутками иногда много разъ подъ рядъ. Со второй четверти или съ половины іюля онъ слышится все рѣже и рѣже и вскорѣ вовсе замолкаетъ. Несмотря на распространенность погоныша въ Симбирской губерніи, мы не можемъ сообщить вполнѣ точныхъ свѣдѣній о времени кладки яицъ и вывода молодыхъ, но во всякомъ случаѣ вторичная кладка бываетъ иногда довольно поздно, какъ и у другихъ родственныхъ птицъ, такъ какъ не вполнѣ еще оперившихся молодыхъ приходится находить даже въ началѣ августа. Съ другой стороны въ концѣ іюня намъ приходилось находить уже почти вполнѣ оперившихся молодыхъ погонышей, а въ половинѣ іюля—пуховыхъ птенцовъ. Къ половинѣ мая брачный крикъ погонышей становится весьма оживленнымъ, трава въ это время хорошо скрываетъ ихъ, а потому начало если не большинства, то многихъ кладокъ должно, какъ намъ кажется, приходиться въ нашихъ мѣстахъ на вторую половину мая. Въ общемъ, конечно, время кладки и вывода птенцовъ можетъ измѣняться въ зависимости отъ болѣе ранняго или болѣе поздняго наступленія весны.

Погонышъ совершенно не общественная птица, и выводки разбиваются еще до полнаго оперенія молодыхъ, вѣроятно, какъ только они становятся способными самостоятельно прокормиться. Въ это время они выбираются изъ крѣпей на болѣе открытыя мѣста болотъ, что замѣчается приблизительно съ конца первой трети или съ половины іюля. Приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ этого число погонышей въ болотахъ начинаетъ замѣтно увеличиваться, конечно, вслѣдствіе появленія двигающихся съ сѣвера особей, а въ теченіе сентября погоныши постепенно исчезаютъ. Отдѣльныя особи, однако, держатся даже въ началѣ октября. Такъ, въ 1889 г. на р. Свіягѣ, верстахъ въ 4 отъ г. Симбирска, погонышъ былъ убитъ 1-го октября.

Погонышъ—птица робкая и скрытная, особенно днемъ,

когда очень нелегко бываетъ заставить его подняться на крылья. Это особенно замѣтно на жирныхъ осеннихъ экземплярахъ, которые иногда даютъ поймать себя руками, даже въ скошенной осокѣ, будучи вполнѣ невредимыми. Но съ закатомъ солнца погонышъ оживляется, выходитъ изъ своего укромнаго уголка, и тутъ, а также и рано утромъ, взлетаетъ гораздо охотнѣе, иногда даже въ 10—20 шагахъ отъ охотника или собаки, притомъ не только въ открытыхъ, но иногда и въ заросшихъ мѣстахъ. Въ это время дня погонышъ любитъ выходить на совершенно открытыя мѣста, напримѣръ, на песчаные или илистые берега лужъ и озерокъ и разливы рѣчекъ, гдѣ и бѣгаетъ быстро туда и сюда, отыскивая пищу и, какъ кажется, занимается этимъ всю ночь.

Gallinula chloropus L.

Gallinula chloropus Linn. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр. стр. 498—500. М. Богдановъ. Пт. и зв. Пов., стр. 145. М. Рузскій. Орнит. набл., стр. 13. М. Мензбиръ. Птицы Россіи, стр. 453—457.

Мѣстное названіе: „курочка“, „водяная курица“.

Камышница является довольно обыкновенной птицей поёмныхъ рѣчныхъ долинъ Симбирской губерніи, а въ средней части долины Суры гнѣздится на большинствѣ глухихъ, заросшихъ озеръ, иногда по нѣсколько паръ. Тѣмъ не менѣе на глаза эта птица попадается сравнительно рѣдко, такъ какъ, по свойственной всѣмъ мелкимъ пастушковымъ птицамъ боязливости, бо̀льшую часть своего времени проводитъ въ камышахъ или заросшихъ лозникомъ и ольхой и далеко иногда затопленныхъ водою кочкахъ береговъ.

Прилета камышницъ въ долинахъ Волги и Суры намъ наблюдать не приходилось, но въ началѣ мая онѣ уже нерѣдко появляются на прудахъ и озерахъ попарно, такъ что начало прилета должно относиться къ концу предшествующаго мѣсяца. Въ долинѣ Алатыря пролетныя особи, всегда парами, встрѣчены въ послѣднихъ числахъ апрѣля, вскорѣ

послѣ спада рѣчныхъ водъ съ поймъ; поднятыя въ это время на крылья, камышницы вовсе не представляютъ обычной картины своего лѣтняго полета,—слабаго и лѣниваго, съ повѣшенными ногами,—а поднимаются сразу на большую высоту и летятъ съ быстротою чирка. Пролетныхъ особей, останавливающихся на рѣчныхъ разливахъ и озерахъ, въ долинѣ Алатыря приходится видѣть такъ же рѣдко, какъ и лѣтнихъ мѣстовыхъ [1]).

Времени вывода птенцовъ мы не наблюдали, но около 15-го іюля намъ не разъ случалось находить вполнѣ уже оперившихся молодыхъ, по величинѣ почти не уступающихъ старымъ птицамъ [2]). Въ то же самое время приходится находить и пуховыхъ птенцовъ, иногда на томъ же самомъ маленькомъ озеркѣ, что, быть можетъ, указываетъ на вторую кладку, *послѣ вывода* первой, а не вслѣдствіе ея гибели. Оперившихся молодыхъ, иногда еще съ пеньками на крыльяхъ, совершенно еще нелетныхъ, мы всегда находили поодиночкѣ; слѣдовательно, выводки разбиваются рано,—и намъ никогда не приходилось видѣть описываемой А. Брэмомъ [3]) идилліи, какъ

---

[1]) Вовсе не плохими летунами, когда нужно не перелетѣть только на короткѣ, а летѣть на болѣе значительное разстояніе, являются всѣ наши пастушковыя птицы. Охотникамъ хорошо знакомъ легкій и увѣренный, съ подобранными ногами, полетъ коростеля, когда онъ, вспугнутый, поднимется надъ кустами, чтобы перелетѣть дальше, чѣмъ онъ дѣлаетъ это обыкновенно. Нѣкоторыя наблюденія надъ условіями перелета пастушковыхъ также показываютъ, что птицы эти способны безъ труда пролетать очень большія разстоянія. Н. М. Пржевальскій встрѣтилъ пролетныхъ лысухъ на Лобъ-Норѣ. „18 февраля — пишетъ знаменитый путешественникъ — появились даже лысухи. Удивительно, какимъ образомъ могла эта плохо летающая птица перенестись въ такую раннюю пору года черезъ холодныя пустыни западнаго Тибета“. (Пржевальскій. Отъ Кульджи до Тянь-Шаня и на Лобъ-Норъ. Изв. Импер. Русск. Географ. Общ., т. XIII, 1877 г.).

[2]) Слѣдовательно, выводъ ихъ долженъ происходить, вѣроятно, не позже начала іюня.

[3]) „Жизнь животныхъ“. Спб. 1869. т. IV, ч. 2, стр. 230, со словъ Наумана. Въ Симбирской губ. камышница, повидимому, болѣе склонна къ одиночному образу жизни, подобно другимъ своимъ близкимъ родственникамъ.

молодыя птицы перваго выводка заботятся и кормятъ младшихъ своихъ братьевъ.

Самецъ несомнѣнно все лѣто держится съ самкой, но близкое участіе въ выкормкѣ птенцовъ принимаетъ, повидимому, лишь въ то время, когда они очень малы. По крайней мѣрѣ въ теченіе всей второй половины іюня намъ многократно приходилось замѣчать, что самцы днемъ держатся поодиночкѣ, отдѣльно отъ выводковъ; при этомъ, вопреки обычнымъ привычкамъ камышницъ, самцы показываютъ мало осторожности, выплываютъ изъ камышей и зарослей на чистую воду и не всегда торопятся скрываться при приближеніи человѣка. Въ іюлѣ ничего подобнаго замѣтить уже не удается. Такое поведеніе самцовъ является довольно страннымъ [1]), и единственное объясненіе, хотя и не вполнѣ удовлетворительное, состоитъ въ томъ, что въ маѣ — привязанность къ самкѣ, весьма живая въ это время года, а въ первой половинѣ іюня—заботы о маленькихъ птенцахъ не даютъ самцу удаляться отъ гнѣзда и выводка, держащагося въ крѣпяхъ. Во второй половинѣ іюня, когда птенцы уже подросли, самецъ получаетъ возможность предаваться описаннымъ уединеннымъ прогулкамъ, а съ начала іюля линька, а потомъ заботы о второмъ выводкѣ снова удерживаютъ его въ крѣпяхъ.

Со второй трети или съ половины августа количество камышницъ на нашихъ озерахъ начинаетъ замѣтно увеличиваться,—по всему вѣроятію, вслѣдствіе начинающагося пролета болѣе сѣверныхъ особей. Въ это время нерѣдко приходится находить камышницъ и на такихъ небольшихъ и открытыхъ сравнительно озерахъ, на которыхъ онѣ безусловно не гнѣздились, и обыкновенно попарно, что заста-

[1]) Во всякомъ случаѣ это явленіе далеко не мѣстное, такъ какъ совершенно то же самое наблюдалъ въ Воронежской губ. Н. А. Сѣверцовъ („Періодическія явленія въ жизни звѣрей, птицъ и гадовъ Воронежской губерніи“, 1855 г., стр. 290), который, повидимому, склоненъ думать, что въ іюлѣ этого не бываетъ по причинѣ линьки, съ которой у всѣхъ птицъ связано усиленіе осторожности.

вляетъ думать, что камышницы спариваются не на одинъ сезонъ, а на всю жизнь. Въ это время камышница поднимается на крылья вполнѣ охотно и летитъ легко и быстро, мало уступая въ этомъ чирку, лѣтомъ же ее очень трудно заставить взлетѣть днемъ, и тогда она летитъ низко, тяжело махая крыльями и какъ-то спустивъ внизъ заднюю часть тѣла. Съ начала сентября число камышницъ быстро уменьшается.

Камышница—весьма живая и дѣятельная птица, и трудно причислить ее къ дневнымъ или же къ ночнымъ. Ночью—кромѣ, быть можетъ, самой середины ночи — она бываетъ полна дѣятельности. Часто позднимъ вечеромъ, въ совершенной темнотѣ, приходится слышать, какъ она подолгу носится надъ озеромъ большими кругами, туда и сюда, со своимъ характернымъ, громкимъ и какъ будто печальнымъ крикомъ. Рано утромъ ее можно застать вышедшею изъ озера на твердый, открытый берегъ, причемъ она стремглавъ бросается бѣгомъ въ береговыя заросли озера. Бѣгъ ея на твердой, гладкой почвѣ быстръ удивительно: движенія ногъ положительно не улавливаются глазомъ, только и успѣешь замѣтить, какъ ея темное тѣло, точно несясь по воздуху, какъ стрѣла юркнетъ въ камышъ. Наконецъ, даже и въ самое жаркое время дня, въ 12—3 часа, можно видѣть камышницъ, оживленно плавающихъ среди камыша или залитыхъ водою прибрежныхъ кочекъ, поросшихъ ольхой, и со своимъ характернымъ крикомъ отыскивающихъ пищу. О вечерней и утренней зоряхъ мы и не говоримъ: это обычное время усиленной дѣятельности для большинства водяныхъ и болотныхъ птицъ. Однако, раза два намъ приходилось видѣть среди дня и спящихъ камышницъ. Оба раза это было около половины августа, причемъ спящія птицы, оба раза пара, сидѣли посреди озерка открыто, на листьяхъ кувшинокъ, хотя имѣли полную возможность скрыться въ камышѣ или нависшихъ надъ водою береговыхъ кустахъ. Въ обоихъ случаяхъ птицы

были, судя по тому, какъ взлетали, будучи спугнутыми,— пролетныя.

Голосъ камышницы приходилось намъ слышать много разъ и днемъ, и ночью, въ іюнѣ, іюлѣ и началѣ августа, иногда на разстояніи всего нѣсколькихъ футовъ. Голосъ этотъ очень громкій по величинѣ птицы и похожъ на слогъ „уà“ съ замѣтнымъ удареніемъ на „а“; повторяется онъ иногда одинъ—два, иногда много разъ подъ рядъ, но всегда съ интервалами послѣ каждаго слога, — не менѣе полутора-двухъ секундъ, и обыкновенно неровными. По манерѣ крикъ этотъ представляетъ какъ будто что-то общее съ брачнымъ крикомъ погоныша (*Porz. porzana*), но голосъ значительно ниже и грубѣе и, хотя сильнѣе, далеко не такъ чистъ и звонокъ и не такъ далеко слышенъ, какъ у послѣдней птицы. По нашему мнѣнію, крикъ этотъ не имѣетъ сходства съ слогами, которыми передаютъ голосъ камышницы проф. М. А. Мензбиръ и А. Брэмъ [1]), такъ какъ, во-первыхъ, голосъ этотъ односложный, во-вторыхъ, въ немъ совершенно ясно слышится открытый звукъ „а“ и въ то же время въ немъ совсѣмъ нѣтъ согласныхъ звуковъ, столь ясныхъ у погоныша или коростеля. Составляетъ ли описанный крикъ принадлежность одного только самца, являясь его брачнымъ крикомъ, мы рѣшить не можемъ, но предположеніе это является вѣроятнымъ.

Крикъ, который издаетъ камышница ночью, летая надъ озерами, очень похожъ на описываемый крикъ и только кажется погромче и попротяжнѣе,—можетъ быть, просто результатъ того, что раздается не съ поверхности воды, а съ нѣкоторой высоты. Впрочемъ, онъ какъ будто и слегка хриплѣе.

Голосъ молодой, только что оперившейся птицы гораздо слабѣе и нѣсколько протяжнѣе и является какимъ-то жа-

---

[1]) Мензбиръ, l. c., стр. 455. А. Брэмъ. Жизнь животныхъ, IV, ч. 2, стр. 229 (Спб. 1869).

лобнымъ, грустнымъ похныкиваніемъ, которое мы не можемъ передать буквами, но въ которомъ слышится звукъ, похожій на что-то среднее между „э“ и „и“ и произносимый какъ бы слегка въ носъ (немного „гнусавый“ по народному выраженію [1]).

Общая окраска камышницы аспидно-оливково-бурая, довольно однообразная, и прекрасно приспособлена для того, чтобы скрывать птицу даже отъ очень зоркихъ глазъ, и притомъ не только въ ночной темнотѣ или въ вечернихъ или утреннихъ сумеркахъ, но и среди яснаго солнечнаго дня, такъ какъ и въ этомъ послѣднемъ случаѣ ея темное опереніе хорошо сливается съ рѣзкими тѣнями кочекъ, камышей и нависшихъ надъ водою густыхъ кустовъ тальника и елошника [2]).

---

[1]) Первый разъ на очень близкомъ разстояніи я слышалъ этотъ крикъ 15 іюля 1894 г. На разсвѣтѣ я стоялъ въ группѣ заросшихъ тальникомъ и окруженныхъ камышами огромныхъ кочекъ, далеко вдававшихся въ середину большого озера Сурской поймы, такъ что лѣзть туда приходилось нѣсколько десятковъ саженъ почти по поясъ въ водѣ, сквозь чащу кустовъ и водяныхъ растеній. Я пролѣзъ въ это хорошо знакомое мѣсто еще въ темнотѣ и съ разсвѣтомъ нѣсколько разъ слышалъ негромкое похныкиваніе, которое и приписалъ молодой лысухѣ (Fulica atra). Затѣмъ хныканье это стало слышаться ближе и ближе, наконецъ, раздалось подъ самыми моими ногами, и я увидалъ водяную курицу. Она нѣсколько разъ хныкала, плавая у меня на глазахъ, и какъ только удалилась на возможное для выстрѣла разстояніе, я ее убилъ. Она была уже въ перѣ, почти съ взрослую птицу величиной (длина — 13 дюйм., размахъ — 17 1/3 дюйм.), но махи были еще въ пенькахъ. С. Бутурлинъ.

[2]) На первый взглядъ, правда, принципъ покровительственной окраски выдержанъ въ опереніи камышницы не вполнѣ. Именно, во всемъ опереніи этой птицы есть только одно мѣсто, окрашенное не въ темный, а въ чисто-бѣлый цвѣтъ,—это подхвостье, обыкновенно у птицъ мало замѣтное и потому нерѣдко окрашенное въ бѣлый цвѣтъ. Но камышница имѣетъ привычку держать, плавая, свой хвостъ круто поднятымъ вверхъ, причемъ, понятно, яркое подхвостье рѣзко бросается наблюдателю въ глаза, какъ будто птица нарочно обнаруживаетъ себя и привлекаетъ къ себѣ опасное вниманіе враговъ. Эта опасность далеко не одно апріорное предположеніе: всякому охотнику, конечно, не разъ случалось замѣчать птицу въ густыхъ зарослякъ камыша и другихъ растеній, лишь благодаря ея манерѣ выставлять свое бѣлое подхвостье напоказъ. Однако, по моему мнѣнію, въ дан-

Молодая птица въ первомъ перѣ отличается болѣе бурымъ оттѣнкомъ верхней стороны, слегка бѣловатымъ окрасомъ подбородка и горла и почти бѣлымъ — задней части груди и всего брюха. Подхвостье посреднѣ свинцово-сѣрое, по краямъ бѣлое, слѣдовательно, похоже на расположеніе цвѣтовъ взрослой птицы. Зобъ и передняя часть груди тем-

номъ случаѣ, присутствіе означенной особенности, несомнѣнно, вредной для каждой отдѣльной особи, можетъ играть роль въ дѣлѣ сохраненія вида.

Дѣло въ томъ, что камышница—птица сравнительно значительной величины, не уступаетъ въ этомъ отношеніи половому чирку (*Anas crecca* L.), къ тому же весьма храбрая и драчливая, такъ что прогоняетъ съ озера иногда не только утокъ, но пытается отгонять и гусей (по свидѣтельству А. Брэма, l. c., стр. 229). Слѣдовательно, при парной жизни камышницъ некрупные хищники не могутъ быть особенно опасны взрослымъ птицамъ, крупные же хищники и гораздо менѣе многочисленны, чѣмъ мелкіе, и—я имѣю въ виду пернатыхъ хищниковъ—не любятъ забираться въ густыя чащи болотистыхъ зарослей,—царство камышницъ. Но птенцы камышницы мелки и сами по себѣ, безъ покровительства родителей, совершенно безпомощны, и заботы объ охранѣ птенцовъ занимаютъ въ жизни взрослой камышницы тѣмъ бо́льшую—сравнительно съ многими другими птицами — роль, что она имѣетъ птенцовъ даже въ средней полосѣ Россіи дважды въ годъ, а въ центральной и западной Европѣ даже и трижды (см. у Мензбира, l. c., стр. 456). Весьма легко понять, какъ трудно должно быть камышницѣ держать въ сборѣ и подъ своею непосредственною охраной большую (до 12 птенцовъ) семью, если вспомнить, что почти все свое время семья эта проводитъ въ густыхъ зарослякъ камыша и другихъ водяныхъ растеній, гдѣ птенецъ такъ легко можетъ потерять мать изъ вида и отбиться отъ нея и затѣмъ сдѣлаться легкой добычей даже и слабаго сравнительно хищника. Не менѣе важно для цѣлости птенцовъ не терять мать изъ вида и при бѣгствѣ всего выводка отъ сравнительно сильнаго врага, а слѣдовать прямо за нею въ извѣстное ей хорошее убѣжище,— какія нибудь заросшія кочки или особенно густые нависшіе надъ водою кусты. Въ такихъ случаяхъ торчащее кверху подхвостье взрослой птицы и служитъ для птенцовъ тѣмъ путеводнымъ маякомъ, который помогаетъ имъ находить вѣрное направленіе къ спасенію даже и въ густой травянистой заросли.

Другими словами, къ манерѣ камышницы показывать свое подхвостье мнѣ кажется примѣнимымъ то самое объясненіе, которое Wallace („Дарвинизмъ“. Русск. изд. 1898 г., стр. 228) даетъ отмѣченной Дарвиномъ манерѣ кролика поднимать при бѣгствѣ кверху свой снизу бѣлый хвостикъ. Та опасность, которую можетъ на взрослую птицу навлечь ея бѣлый хвостъ искупается пользою, приносимою сохраненію вида, возможностью лучше скрываться птенцамъ, благодаря той же особенности оперенія.

Пуховыхъ птенцовъ мнѣ не приходилось держать въ рукахъ, но на разстояніи они мнѣ казались черными съ ярко-краснымъ клювомъ, по крайней мѣрѣ въ основной его половинѣ. С. Бутурлинъ.

ные. Бока головы и шеи свѣтлѣе верхней ихъ стороны. Это описаніе, весьма сходное съ описаніемъ Эверсмана [1]), взято съ экземпляра съ не вполнѣ отросшими еще махами, убитаго въ поймѣ Суры 15 іюля 1894 г.; два другіе чуть-чуть болѣе взрослые экземпляра, убитые 16 іюля 1899 года въ поймѣ Барыша, находящіеся въ нашей коллекціи, подтверждаютъ это описаніе, только у нихъ бѣлый цвѣтъ брюха слегка поменьше распространенъ на бока его [2]).

Ноги молодой птицы грязно-зеленоватыя, надъ пяточнымъ суставомъ чуть-чуть посвѣтлѣе, лобный щитокъ небольшой, цвѣтъ его, какъ и клюва, темный грязно-оливково-буроватый, только самый кончикъ клюва болѣе свѣтлый, зеленоватый [3]). Заслуживаетъ упоминанія тотъ фактъ, что красный цвѣтъ основанія клюва, отличающій пуховыхъ птенцовъ камышницы и затѣмъ совершенно пропадающій у оперяющихся и оперившихся молодыхъ птицъ, снова появляется у вполнѣ взрослыхъ.

---

[1]) Эверсманнъ, l. c., стр. 499.

[2]) То же слѣдуетъ сказать и о двухъ экземплярахъ моей коллекціи изъ той же мѣстности отъ 18 августа 1900 г. Размѣры одного изъ этихъ послѣднихъ экземпляровъ таковы: вся длина $10^1/_4$ дм., крыло, съ почти наполовину выбившимися изъ пеньковъ перьями, 5 дм., хребетъ верхней челюсти отъ лба—1,07 дм., плюсна—1,9 дм., средн. палецъ безъ когтя—2,21 дм. Второй же изъ нихъ чуть-чуть покрупнѣе (culmen 1,19 дм.). Бѣлизна брюха этихъ двухъ экземпляровъ еще нѣсколько поменьше, чѣмъ у іюльскихъ. Для сравненія вотъ размѣры самца съ того же озерка, убитаго 8 августа 1900 г.: вся длина 14 дм., крыло 7 дм., хребетъ клюва отъ лба 1,43 дм., плюсна 2,06 дм., средній палецъ безъ когтя 2,41 дм.

Мнѣ не ясно, почему проф. М. А. Мензбиръ (Птицы Росс., I изд., стр. 457) объ окраскѣ камышницы говоритъ, что у молодыхъ экземпляровъ горло и зобъ бѣлѣе, а остальныя части нижней стороны бурыя. Описаніе Sharpe'a (Catalogue of Birds, v. XXIII, p. 173) болѣе сходно съ нашими экземплярами, чѣмъ съ описаніемъ проф. Мензбира, такъ какъ Шарпъ, между прочимъ, говоритъ: „abdomen entirely white".

С. Бутурлинъ.

[3]) По описанію свѣжаго экземпляра, убитаго 15/VII 94 г. Во всякомъ случаѣ никакихъ слѣдовъ краснаго цвѣта на щиткѣ и клювѣ птицъ въ первомъ перѣ мы не замѣчали, но Шарпъ (l. c.) говоритъ: „клювъ черный, темно-красный по краямъ разрѣза рта". L. Taczanowski, „Faune ornithologique de la Sibérie Orientale", стр. 1001 (1893 г.), даетъ описаніе, сходное въ этомъ отношеніи съ нашими экземплярами.

ГЛАВА V.

О строѣ перелетныхъ птицъ. Мнѣнія натуралистовъ о причинѣ построенія перелетныхъ стай „клиномъ“. Несостоятельность взглядовъ Арнольда, подробно говорящаго объ этомъ предметѣ. Разнообразіе причинъ, обусловливающихъ существованіе строя у перелетныхъ птицъ. Соціальныя, психологическія и механическія выгоды строя. Значеніе вожака. Причины постоянства формы строя у опредѣленныхъ видовъ птицъ. Причины измѣненія величины угла у видовъ, строящихся клиномъ. Заключеніе.

Излагая въ предыдущей главѣ наши наблюденія надъ сѣрыми журавлями, мы не говорили подробно о многихъ чертахъ жизни этой птицы, такъ какъ біологія журавлей довольно хорошо изучена, и намъ не пришлось замѣтить здѣсь ничего новаго. Но на одной чертѣ нравовъ журавлей мы считаемъ необходимымъ остановиться по возможности подробно, такъ какъ черта эта представляетъ болѣе общій интересъ: мы говоримъ о строѣ, котораго придерживаются при перелетахъ журавли, подобно очень многимъ другимъ птицамъ. Журавли летятъ, построившись угломъ, болѣе или менѣе тупымъ, но иногда и острымъ, вершиною впередъ; обыкновенно одна сторона угла бываетъ составлена изъ гораздо меньшаго числа особей, а потому короче другой. Трудно найти человѣка, даже между городскими жителями и не охотниками, который не видалъ бы этихъ построенныхъ угломъ пролетныхъ журавлиныхъ станицъ; трудно найти описаніе жизни сѣраго журавля, даже и очень краткое, гдѣ не упоминалось бы объ этомъ явленіи, но несравненно труднѣе встрѣтить правильное его объясненіе.

По мнѣнію натуралистовъ [1]) журавли летятъ угломъ для того, чтобы легче преодолѣвать сопротивленіе воздуха, чтобы рѣзать воздухъ подобно тому, какъ клинообразный носъ корабля рѣжетъ воду.

Какъ особенно характерное и притомъ недавно высказанное, приведемъ in extenso мнѣніе Арнольда.

„Весьма замѣчательнымъ является порядокъ перелета многихъ крупныхъ птицъ уже потому, что перелетъ происходитъ днемъ и въ большинствѣ случаевъ легко можетъ быть наблюдаемъ невооруженнымъ глазомъ. Прекрасное зрѣлище представляютъ станицы гусей и журавлей. Они появляются, выстроенные всѣмъ извѣстнымъ клиномъ. Самыя старыя или по крайней мѣрѣ самыя сильныя изъ птицъ занимаютъ вершину клина и время отъ времени обмѣниваются мѣстомъ съ летящими сзади нихъ птицами, такъ какъ по весьма простому закону физики (?) птица, летящая впереди станицы, затрачиваетъ болѣе другихъ силъ на прорѣзываніе воздуха и устаетъ раньше. Очевидно, что съ помощью построенія клиномъ, какъ это имѣютъ обыкновеніе дѣлать стаи многихъ перелетныхъ птицъ, имъ гораздо легче разрѣзывать воздухъ, такъ что строй этотъ въ значительной мѣрѣ поддерживаетъ и облегчаетъ полетъ станицы. Летящая стая въ совокупности представляетъ своей ломаной линіей не что иное, какъ острый киль воздушнаго корабля. Выше было уже упомянуто, что передней птицѣ такой станицы, вожаку, летѣть труднѣе, чѣмъ остальнымъ птицамъ. Доказательствомъ этому можетъ служить то обстоятельство, что время отъ времени переднее мѣсто занимаютъ другіе члены стаи, смѣняя такимъ образомъ уставшаго вожака; точно такъ же происходитъ иногда обмѣнъ мѣстами среди птицъ и въ другихъ частяхъ станицы“.

Арнольдъ приписываетъ клинообразному строю еще и

---

[1]) Напр., А. Брэмъ. „Жизнь птицъ“ (перев. Страхова), 1866 г., стр. 286. К. Корнеліусъ. „Переселяющіяся животныя“ (пер. С. Усова), 1866 г., стр. 60. F. Arnold. „Die Vögel Europa's“. Stuttgart, 1897, p. XXIX.

другое значеніе: по его мнѣнію построенная такимъ образомъ стая птицъ, въ силу своей формы и относительнаго положенія составляющихъ ее птицъ, утилизируетъ попутный и даже боковой вѣтеръ, „такъ что вся выстроенная клиномъ стая подвигается впередъ на подобіе корабля, гонимаго вѣтромъ“ (!). Однако, объясненіе этого удивительнаго съ механической точки зрѣнія явленія изложено у Арнольда до такой степени туманно, что мы предпочитаемъ не переводить его, а цитировать въ подлинникѣ: „Die Wahl der Keilform beim Ziehen hat noch eine ganz wesentliche Bedeutung. Der Zugvogel legt sich schief gegen den ihn treibenden Wind; daraus geht hervor, dass der Haken der in einer Zifferzuglinie reisenden Vögel unter Wind sich befindet, d. h. vom Wind nicht unmittelbar getroffen wird, wärend die lange oder Hauptlinie so formiert ist, dass sie die Windströmung von der Seite und halb von hinten bekommt. Der ganze Zug kehrt also die lange Linie der meistens in der Zugrichtung wehenden Luftströmung so entgegen, dass letztere die erstere in einem spitzen Winkel trifft, also die ganze Keilfigur wie ein halb mit Rücken, halb mit Seitenwind lavierendes Segelschiff fortgetrieben wird. Da die Geschwindigkeit der ziehenden Vögel gewöhnlich jedoch eine grössere ist, als die des sie begleitenden oder schiebenden Windes, so nützt die Spitze des Keils immer noch zur Durchschneidung der Luftschicht vor dem Zuge. Die Fortschiebung der Zuglinie geht nach dem Gesetz des Parallelogramms der Kräffte in der Diagonale vor sich“ [1]).

Несмотря на ссылки на „простые законы физики“ и „параллелограммъ силъ“, легко доказать, что эти объясненія совершенно несогласны ни съ фактами, ни съ принципами механики.

Прежде всего, самая аналогія между стаей птицъ и кли-

[1]) F. Arnold. Die Vögel Europa's. Stuttgart, 1897, p. XXIX.

помъ, какъ элементарнымъ механическимъ снарядомъ,—вполнѣ незакоина: клинъ есть прежде всего твердое тѣло, сплошная масса болѣе или менѣе прочно связанныхъ частицъ, тогда какъ въ стаѣ перелетныхъ птицъ каждая птица отдѣлена отъ другихъ [1]) воздушнымъ пространствомъ въ нѣсколько футовъ, а иногда и аршинъ, и рѣшительно ничѣмъ *механически* съ ними не связана; говоря о „клинѣ“ перелетныхъ птицъ, мы въ дѣйствительности имѣемъ въ виду совершенно такое же исключительно внѣшнее грубое уподобленіе, какое скрывается въ названіяхъ созвѣздій: Дракона, Большой и Малой Медвѣдицы и т. п. Какъ въ послѣднемъ случаѣ названіе означаетъ только, что, соединяя мысленно отдѣльныя звѣзды сплошною линіею, мы получили бы фигуру, нѣсколько напоминающую контуры медвѣдя, такъ и въ стаѣ птицъ: если мы мысленно соединимъ прямою линіей отдѣльно летящихъ птицъ, мы получимъ фигуру, напоминающую контуръ клина; но полагать, что такой *воображаемый* клинъ можетъ производить механическую работу,—значитъ вводить себя въ заблужденіе своими собственными фигуральными выраженіями.

Можно привести не мало и другихъ вѣсскихъ соображеній противъ обычнаго объясненія углового строя. Если бы этотъ строй облегчалъ птицамъ полетъ, механически помогая преодолѣвать сопротивленіе воздуха, то, несомнѣнно, à priori слѣдовало бы ожидать, что угловое построеніе будетъ болѣе полезно, а потому и чаще встрѣчаться, у мелкихъ видовъ птицъ, такъ какъ чѣмъ мельче птица, тѣмъ — caeteris paribus—относительно труднѣе для нея преодолѣвать сопротивленіе воздуха ея поступательному движенію; происходитъ это по тому элементарному закону, что сопротивленіе воздуха уменьшается лишь какъ квадратъ линейныхъ измѣреній птицы, тогда какъ ея способность преодолѣвать это со-

[1]) И при томъ не только по направленію линіи полета, но и по направленію, перпендикулярному къ этой линіи въ горизонтальной плоскости.

противленіе (инерція), завися отъ массы, уменьшается гораздо быстрѣе,—какъ кубъ соотвѣтствующихъ измѣреній. Но наблюденіе показываетъ, что въ дѣйствительности бываетъ какъ разъ наоборотъ: всѣ мелкіе виды летятъ болѣе или менѣе безпорядочной кучей, такъ же, какъ и большинство птицъ средней величины, но нѣкоторыя изъ послѣднихъ и многія изъ крупныхъ видовъ соблюдаютъ правильный строй, напр., нѣкоторые кулики, благородныя и нѣкоторыя нырковыя утки, чибисы, сѣрыя цапли, гуси, лебеди, журавли и др.

Далѣе, элементарныя механическія соображенія говорятъ намъ, что для лучшаго „разрѣзанія“ воздуха есть *опредѣленная* наивыгоднѣйшая величина вершиннаго угла клина, и если бы журавли и другія птицы придерживались строя именно ради легчайшаго „разрѣзанія“ воздуха, то уголъ ихъ „клина“ былъ бы болѣе или менѣе близокъ къ наивыгоднѣйшей величинѣ, наблюденія же говорятъ намъ, что даже въ предѣлахъ одного вида не только весьма измѣнчива величина этого угла, но мѣняется даже и самая форма построенія. Въ воздухѣ наивыгоднѣйшимъ угломъ клина былъ бы одинъ изъ *весьма острыхъ*, но именно построеніе сколько-нибудь острымъ угломъ встрѣчается весьма рѣдко у гусей, лебедей и журавлей, да и у утокъ немного чаще, но различнаго рода тупые углы, отъ почти прямого до приближающагося къ 180^0, примѣняются, повидимому, безразлично. Можно было бы предположить, что это находится въ зависимости отъ вѣтра, высоты и другихъ условій, измѣняющихъ нѣсколько характеръ сопротивленія воздуха, если бы не многочисленныя наблюденія (наши и другихъ лицъ), показывающія, что весьма рѣзкія колебанія въ величинѣ угла „клина“ замѣчаются у стай одного и того же вида, слѣдующихъ почти непосредственно одна за другой, когда, очевидно, и рѣчи быть не можетъ о различіи условій сопротивленія воздуха. Да и вообще колебанія въ формѣ строя пролетныхъ птицъ разнообразіемъ своимъ далеко превосходятъ тѣ предѣлы, ко-

торые мыслимо принять для различій въ условіяхъ сопротивленія воздуха.

Нерѣдко — при малочисленныхъ стаяхъ — одна сторона угла вовсе упраздняется и стая летитъ одной косой линіей, а не клиномъ. Сѣрыя цапли, если летятъ обществомъ, то обыкновенно выстраиваются косой линіей. Гоголи (*Fuligula clangula* L.) при перелетахъ летятъ совершенно своеобразно: болѣе или менѣе длинной и выпуклой дугой, обращенной выпуклостью впередъ, причемъ въ многочисленныхъ сборищахъ эта большая передняя дуга бываетъ внутри заполнена нѣсколькими мелкими дугами. При этомъ гоголи не всегда такъ строятся, а иногда летятъ и безпорядочно. Наконецъ, чибисы (*Vanellus vanellus* L.) и черныши (*Totanus ocrophus* L.) иногда совершаютъ перелетъ, построившись прямымъ поперечнымъ (къ направленію полета) рядомъ. Такое разнообразіе фигуръ строя опять-таки совершенно не согласуется съ гипотезой легчайшаго разрѣзанія воздуха, гипотезой вообще совершенно неудовлетворительной, какъ ясно изъ всего вышесказаннаго.

Однако, считать то или иное построеніе летящей стаи „игрою слѣпого случая“ столь же немыслимо. Хотя чибисы, нѣкоторыя утки и гуси, какъ нерѣдко приходится наблюдать, придерживаются иногда строя даже и при лѣтнихъ, недальнихъ кочевкахъ, однако и постояннѣе, и правильнѣе птицы придерживаются строя именно при весеннихъ и осеннихъ, дальнихъ и трудныхъ перелетахъ; что же касается журавлей, то они при кочевкахъ почти всегда летятъ безпорядочно. А разъ птицы пользуются строемъ главнымъ образомъ при дальнихъ, трудныхъ путешествіяхъ, то это прямо указываетъ на то, что строй облегчаетъ перелетъ, является выгоднымъ, — по крайней мѣрѣ для птицъ, перелетающихъ общественно, т.-е. выгоднѣе безпорядочнаго перелета кучей. Не нужно только думать, что эта выгода можетъ быть вполнѣ объяснена одной какой-нибудь причиной: перелетъ строемъ

является, вѣроятно, результатомъ взаимодѣйствія различныхъ причинъ соціальнаго, психологическаго и механическаго характера, которыя мы и разсмотримъ въ порядкѣ ихъ возрастающей важности.

Во всякой стаѣ птицъ, есть, конечно, особи, которыя выносливѣе и сильнѣе извѣстнаго средняго уровня, и другія особи, которыя слабѣе этого уровня; такая разница въ физическихъ силахъ даетъ себя знать, конечно, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе напрягаются силы, — какъ напримѣръ, при дальнихъ перелетахъ. Съ одной стороны, дальность пути и еще болѣе половой инстинктъ при болѣе поспѣшномъ весеннемъ перелетѣ побуждаютъ птицъ торопиться съ перелетомъ какъ можно болѣе, а съ другой— присущее общественнымъ птицамъ несомнѣнное чувство товарищества [1]) не позволяетъ одной стаѣ разбиться на отдѣльныя, удаленныя части, сообразно съ различіемъ въ физическихъ силахъ. Каковъ долженъ быть выходъ изъ этой дилеммы?—Тотъ самый, который съ аналогичною же цѣлью издавна употребляется въ пѣхотныхъ войскахъ, а именно: опредѣленный *тактъ*, наивыгоднѣйшій для большинства, т.-е. для особей средней силы, нѣсколько медленный для наиболѣе сильныхъ, но зато доступный, хотя и съ трудомъ, даже для слабыхъ,—тактъ, создающій наибольшую скорость, позволяющую стаѣ не разбиваться. Весьма понятно и по опыту извѣстно всякому, служившему въ военной службѣ, что при передвиженіи безпорядочной массой для большинства особей будетъ чрезвычайно затруднительно правильно соблюдать тактъ, и наоборотъ,—это очень легко при движеніяхъ,

[1]) Это чувство товарищества у многихъ птицъ, преимущественно крупныхъ или среднихъ видовъ, проявляется весьма замѣтно (см. Б. Житковъ „Черты изъ жизни перелетныхъ птицъ“, Естествозн. и Географія, октябрь 1899 г.). Конечно, это чувство проявляется иногда весьма рѣзко у птицъ, не перелетающихъ правильнымъ строемъ, напримѣръ у крачекъ, но мы и не выставляемъ этого чувства въ качествѣ единственнаго или даже главнаго фактора, объясняющаго явленіе строя.

совершаемыхъ въ порядкѣ, т.-е. въ строѣ, какова бы ни была форма послѣдняго.

Но и помимо вопроса о слабыхъ особяхъ тактъ,—а значитъ и какой-либо строй, допускающій соблюденіе такта,—имѣетъ большое значеніе. На короткихъ дистанціяхъ наибольшая быстрота перелета вполнѣ достигается наибольшею поспѣшностью его, но не такъ обстоитъ дѣло при дальнемъ перелетѣ; тутъ слишкомъ большая начальная поспѣшность скоро утомитъ птицъ, и въ результатѣ отразится уменьшеніемъ конечной и средней скорости всего перелета. Слѣдовательно, нужна извѣстная равномѣрность, извѣстная благоразумная экономія траты силъ; другими словами, наивыгоднѣйшей явится нѣкоторая средняя скорость, регулярно поддерживаемая при помощи такта, даваемаго какою-либо опытной птицей [1]). Это—выгода строя въ физіологическомъ отношеніи.

Еще болѣе важною и выгодною особенностью какого бы то ни было строя сравнительно съ безпорядочнымъ передвиженіемъ является возможность имѣть какъ бы руководителя или вождя, видимаго одновременно всѣмъ особямъ стаи [2]). Что

---

[1]) Выгоды соблюденія извѣстнаго такта для слабыхъ особей стаи были развиты Д. А. Благовѣщенскимъ въ № 4 „Охотничей Газеты“ за 1895 г., но авторъ счелъ это второстепенное обстоятельство не только за главную, но и за единственную причину строя, категорически отрицая какое-либо механическое значеніе послѣдняго, что—какъ мы увидимъ ниже — совершенно неосновательно.

[2]) Не говоря о сезонныхъ дальнихъ перелетахъ, даже у лѣтнихъ кочующихъ стаекъ нѣкоторыхъ птицъ, именно—журавлей, замѣчали мы извѣстную постоянную правильность организаціи ихъ сообщества, напримѣръ, выставленіе сторожей во время кормежекъ стайки, или—какъ неблюдалъ С. Т. Аксаковъ („Зап. ох. Оренб. губ.“)—во время ночевокъ. Нѣчто подобное замѣчено и относительно гусей. Если подобные зачатки общественной организаціи у этихъ крупныхъ и умныхъ птицъ сопоставить съ напвными и безпорядочными сборищами большинства мелкихъ птичекъ, то невольно является мысль, что опредѣленный строй перелетныхъ стай журавлей и гусей и безпорядочность перелетныхъ кучъ мелкихъ птицъ стоитъ въ связи съ вышеуказаннымъ различіемъ общественной организаціи вообще. Но это вовсе не значитъ непремѣнно, что опредѣленность организаціи лѣт-

такой время отъ времени смѣняющійся предводитель дѣйствительно находится во главѣ перелетнаго строя, — признаютъ почти всѣ наблюдатели, и иногда это проявляется очень рѣзко. Такъ въ мартѣ 1851 года Кесслеръ [1]) замѣтилъ во главѣ одной изъ гусиныхъ стай, пролетавшихъ надъ Кіевомъ, бѣлаго гуся (*Anser hyperboreus* Pall.), отличавшагося не только цвѣтомъ, но и большею величиною. 9 апрѣля 1896 г. подобное же наблюденіе въ Курскомъ уѣздѣ сдѣлалъ г. Ө. Шиле [2]); именно, во главѣ строя гусей штукъ во сто, летѣвшаго угломъ, шелъ сѣрый журавль, и когда онъ измѣнялъ свой курсъ, то вся стая послушно за нимъ поворачивала. О значеніи такого предводителя для молодыхъ птицъ, составляющихъ большинство въ осеннихъ стаяхъ, излишне и говорить, но нужно отмѣтить, что предводитель не менѣе важенъ и для старыхъ, вполнѣ опытныхъ птицъ, въ свою очередь готовыхъ въ каждую данную минуту смѣнить утомленнаго вождя, вставъ на его мѣсто. Объясняется это очень просто: усталость увеличивается въ значительной степени не только отъ увеличенія количества произведенной мускульной работы, но и отъ усиленнаго напряженія вниманія, памяти,—вообще отъ затраты

нихъ сборищъ гусей, журавлей и др. подобныхъ птицъ была одною изъ *причинъ* появленія строя во время перелета, особенно если мы вспомнимъ, что эти птицы гнѣздятся *одиночно*, а общественно гнѣздящіяся крачки, наоборотъ, при перелетахъ обыкновенно не придерживаются строя. Можно предположить съ тѣмъ же правомъ, принимая во вниманіе несомнѣнную древность перелета, что первоначально чисто механическія ниже объясненныя причины внесли опредѣленный порядокъ (= строй) въ перелетныя стаи крупныхъ птицъ, помимо ихъ воли и разумѣнія, а уже затѣмъ попутно стали проявляться и другія выгодныя стороны строя, и совокупность этихъ выгодъ постепенно закрѣпила у данныхъ птицъ привычку перелета строемъ и развила наклонность къ нѣкоторой общественной организаціи и внѣ времени собственно перелета. Разумѣется, тѣ изъ крупныхъ птицъ, которыя настолько лишены чувства товарищества, что совершаютъ перелеты не стаями, а одиночно, не могли и выработать строя; въ этомъ смыслѣ чувство это—несомнѣнная основа перелета строемъ.

[1]) См. у Мензбира, Птицы Россіи, стр. 723.

[2]) См. С. Бутурлинъ, „О перелетахъ птицъ“ въ кн. II „Псовой и Ружейной Охоты“ за 1897 годъ, стр. 54.

душевной энергіи. Не трудно представить себѣ, какое огромное напряженіе памяти и вниманія требуется даже со стороны самой опытной птицы, чтобы быстро и увѣренно находить вѣрное направленіе среди необозримыхъ пространствъ моря и земли, въ то же время не забывать о возможныхъ опасностяхъ со стороны хищниковъ и одновременно ни на минуту не сбиваться съ избраннаго наивыгоднѣйшаго такта,— и какъ такое напряженіе въ теченіе долгаго пути должно утомлять птицъ и тѣмъ замедлять и затруднять и безъ того нелегкій перелетъ. Въ этомъ-то и лежитъ, очевидно, разгадка часто наблюдаемой *смѣны* вожака стаи, смѣны, которую Арнольдъ хочетъ истолковать, какъ утомленіе по причинѣ преодолѣванія сопротивленія воздуха поступательному движенію стаи. Понятно, поэтому, какой огромной экономіей труда явится для стаи возможность не затрачивать всѣмъ членамъ ея подобнымъ образомъ психическую работу непрерывно, а складывать ее на обязанность то одного, то другого изъ опытнѣйшихъ членовъ стаи, причемъ остальнымъ остается лишь придерживаться направленія и такта, даваемаго этимъ предводителемъ. Но чтобы безъ лишней затраты вниманія удобно слѣдить за предводителемъ, нужно, чтобы послѣдній (кто бы изъ членовъ стаи въ данный моментъ ни исполнялъ его роль) имѣлъ опредѣленное и замѣтное мѣсто въ стаѣ, и чтобы птицы, составляющія стаю, не мѣшали одна другой его видѣть. Это условіе, опять-таки, достижимо только при какомъ-либо правильномъ построеніи стаи. Возможно, что нѣкоторыя формы строя, именно косой рядъ и, въ особенности, уголъ, имѣютъ въ этомъ отношеніи нѣкоторое преимущество передъ другими формами и потому являются болѣе распространенными.

Само собою понятно, что тяжелая добавочная психическая работа, лежащая на предводителѣ стаи , сильно его утомляетъ и заставляетъ, какъ замѣчено наблюдателями, время отъ времени мѣняться мѣстомъ съ другими особями. Мы

не видимъ, какое другое объясненіе можно дать этому факту (кромѣ предлагаемаго здѣсь), такъ какъ о гипотезѣ усиленнаго разрѣзанія воздуха врядъ ли можно говорить серьезно.

Переходя, наконецъ, къ механическимъ выгодамъ строя, мы опять начнемъ съ соблюденія такта, невозможнаго безъ какого-либо строя. Если бы птицы летѣли безпорядочною кучей, не соблюдая такта, то отдѣльнымъ особямъ несомнѣнно приходилось бы иногда—и, можетъ быть, нерѣдко—двигаться не съ равномѣрною скоростію, а то немного скорѣе, чтобы догнать общую массу, то вдругъ немного задерживаться, чтобы не налетѣтъ на какую-нибудь изъ переднихъ птицъ. При большой средней скорости перелета такія внезапныя измѣненія скорости то въ ту, то въ другую сторону, очевидно, должны вызывать нѣкоторую непроизводительную (въ смыслѣ средней скорости) трату мускульной (не говоря уже о психической) энергіи, причемъ количество этой траты чрезвычайно возростаетъ съ увеличеніемъ роста птицы, такъ какъ трудность производить быстрыя задержки или ускоренія полета, завися отъ массы птицы (инерція), возростаетъ, какъ кубъ ея линейныхъ измѣреній. Въ этомъ именно заключается одна изъ причинъ того факта, что перелетъ строемъ распространенъ именно между крупными, а не мелкими птицами.

Переходимъ, наконецъ, къ важнѣйшему значенію строя. Кто не замѣчалъ, съ какимъ шумомъ, происходящимъ отъ усиленныхъ взмаховъ крыльями, начинаютъ свой полетъ многія птицы: голуби, тетерева, утки и мн. др., и какъ, затѣмъ, по мѣрѣ пріобрѣтенія ими извѣстной скорости полета, уменьшается амплитуда взмаховъ ихъ крыльевъ. У крупныхъ видовъ значительная площадь поверхности крыла не позволяетъ дѣлать такихъ быстрыхъ и потому шумныхъ взмаховъ, но и они испытываютъ при началѣ своего полета очевидное затрудненіе, такъ что такіе могучіе летуны, какъ дрофа, а тѣмъ болѣе журавль, обыкновенно дѣлаютъ 1—2—3 прыжка прежде, чѣмъ поднимутся съ земли. Причина этого явленія

очень понятна: при полетѣ единственною точкою опоры птицы является воздухъ. Когда птица уже летитъ, т.-е. довольно быстро подвигается впередъ, то крылья ея встрѣчаютъ при каждомъ взмахѣ все новыя и новыя массы воздуха, инерція которыхъ даетъ достаточную точку опоры крылу. Но при взлетѣ птица еще не успѣла пріобрѣсти достаточную поступательную скорость, и крылья ея, послѣ перваго же взмаха, встрѣчаютъ части воздуха не новыя, а уже взволнованныя предшествующимъ взмахомъ, уже получившія отъ этого предшествующаго взмаха нѣкоторую живую силу, а потому представляющія слишкомъ недостаточную точку опоры. Поэтому то при взлетѣ и требуются или чрезвычайно усиленные взмахи крыльевъ, или предварительный разбѣгъ; поэтому же въ большинствѣ случаевъ птицы—какъ знаетъ всякій опытный охотникъ—стараются взлетать съ земли противъ вѣтра [1]), способствующаго удаленію уже взволнованнаго крыльями воздуха (при взлетѣ же по вѣтру эти взволнованныя массы воздуха стремились бы догонять птицу). По этой же причинѣ многіе виды птицъ не способны взлетать вертикально кверху сколько-нибудь продолжительно, особенно въ огороженномъ пространствѣ, на чемъ основано устройство нѣкорыхъ самоловныхъ снарядовъ.

---

[1]) Это, несомнѣнно, имѣетъ мѣсто при взлетѣ, первыя мгновенія полета, но мы отнюдь не можемъ согласиться съ весьма распространеннымъ мнѣніемъ, будто *вообще* противный вѣтеръ всегда благодѣтеленъ для полета птицъ, и будто онѣ предпочтительно выбираютъ его при болѣе или менѣе дальнихъ полетахъ. Объ этомъ интересномъ вопросѣ см. С. Бутурлинъ, „Полетъ птицъ противъ вѣтра“ въ „Псовой и Ружейной Охотѣ“ 1898 г., сент., стр. 38. Надо замѣтить, что натуралисты до странности противорѣчатъ одинъ другому въ вопросѣ объ этихъ фактахъ. Напр., А. Брэмъ и С. Н. Алфераки категорически утверждаютъ, что попутный вѣтеръ мѣшаетъ перелетамъ, а противный—помогаетъ. Арнольдъ, Гэтке и проф. Геймъ утверждаютъ діаметрально противоположное, а Ч. Диксонъ, спеціально изучавшій перелеты, несогласенъ ни съ тѣми, ни съ другими, считая боковой вѣтеръ наивыгоднѣйшимъ для перелетовъ. (См. еще С. Бутурлинъ, „О перелетахъ птицъ“ въ „Псов. и Руж. Охот.“, янв. и февр. 1897 г. и Б. Житковъ, „Черты изъ жизни перелетныхъ птицъ“ въ „Естест. и Геогр.“, окт. 1899 г.).

Что указанныя затрудненія взлета являются слѣдствіемъ именно взволнованности воздуха, долженствующаго служить точкою опоры крылу, явствуетъ изъ интересныхъ опытовъ французскаго физіолога Marey [1]), пускавшаго различныхъ птицъ летать на привязи. Пока шнурокъ позволялъ птицѣ перемѣщаться впередъ, она летѣла быстро и легко, но какъ только шнурокъ прекращалъ ея поступательное движеніе, и ей приходилось махать крыльями приблизительно на одномъ и томъ же мѣстѣ, полетъ видимымъ образомъ сильно затруднялся, и ни одна птица не могла поддерживать себя на одномъ мѣстѣ; воробей или голубь измѣняли направленіе полета и обыкновенно возвращались назадъ, а болѣе крупная чайка даже падала на землю, несмотря на маханіе крыльями. Эти опыты были французскимъ ученымъ тщательно провѣрены на различныхъ механическихъ приборахъ [2]). Впрочемъ, на указанное условіе полета и ранѣе указывали многіе авторы [3]).

Если птицѣ трудно поддерживать свой полетъ въ воздухѣ, взволнованномъ ея собственными крыльями, то этотъ трудъ не станетъ для нея легче только оттого, что воздухъ будетъ взволнованъ крыльями ея спутниковъ; при полетѣ нестройной кучей очень многимъ птицамъ приходится летѣть именно въ полосѣ болѣе или менѣе взволнованнаго воздуха, оставляемой за собою кѣмъ-либо изъ впереди летящихъ членовъ стаи, а это влечетъ за собою, слѣдовательно, излишнюю, непроизводительную затрату мускульной энергіи для поддержанія полета. Это дополнительное усиліе можетъ быть безразлично, пока дѣло идетъ о сравнительно небольшихъ кочевкахъ [4]), но при дальнихъ перелетахъ возможно

[1]) Marey. „Le vol des oiseaux“. 1890, p. 249.

[2]) Ibidem, pp. 250—255.

[3]) Напр., физикъ Sir George Cayley: „On Aërial Navigation“ въ Nicholson's „Journal of Natural Philosophy etc.“ 1809, p. 164 (cit. fec. A. Newton „Dictionary of Birds“. 1896, p. 262).

[4]) Любопытно отмѣтить, что кряковой селезень, весною всюду слѣдующій за уткой, какъ привязанный, всегда летитъ на нѣсколько шаговъ сзади и почти всегда *и сбоку* отъ нея, а не „слѣдъ въ слѣдъ“.

полная экономія силъ необходима, и правильность построенія избавляетъ птицъ отъ только что указаннаго неудобства. Вглядитесь въ стаю перелетныхъ птицъ,—будутъ ли это журавли, утки, цапли или чибисы, все равно,—и вы, несмотря на все разнообразіе формъ ихъ строя, увидите нѣчто общее: именно то, что каждая птица строя летитъ, разсѣкая воздухъ совершенно самостоятельно, не только на извѣстномъ разстояніи отъ товарищей, но и такъ, что не попадаетъ вслѣдъ ни одного изъ нихъ, такъ что всякая птица строя при каждомъ взмахѣ упирается крыльями въ еще невзволнованныя массы воздуха. Этимъ именно и можно охарактеризовать строй вообще, будетъ ли это острый или тупой уголъ, косой или поперечный рядъ или дуга. Навести на сомнѣніе могутъ лишь очень большія стаи гоголей (*Fuligula clangula* L.), въ которыхъ внутри главной дуги имѣется нерѣдко нѣсколько мелкихъ дугъ; но при взглядѣ снизу, съ земли, невозможно сказать, летятъ ли эти мелкія дуги въ той же самой плоскости, какъ и большая дуга (только въ этомъ случаѣ птицы мелкихъ дугъ шли бы вслѣдъ переднимъ), да кромѣ того, эти мелкія дуги всегда немного отстаютъ отъ передней дуги.

Въ этой именно сторонѣ строя, механически облегчающаго трудъ перелета, слѣдуетъ видѣть, намъ кажется, не только главную его выгоду, но и самую причину его возникновенія, такъ какъ птицамъ не трудно ощупью, такъ сказать, попасть, при дальнемъ и трудномъ перелетѣ, на то или другое построеніе, сразу же облегчающее трудъ полета; что же касается другихъ, ранѣе указанныхъ выгодъ строя, напр. экономія психическаго труда, то онѣ, конечно, явились не побудительной причиной, а слѣдствіемъ принятія строя, такъ какъ эти выгоды, при всей своей существенности, не могутъ такъ рѣзко и непосредственно - замѣтно проявляться.

Въ замѣчательномъ согласіи съ только что изложенными

механическими соображеніями — и, кажется, только съ ними — стоитъ основной и, на первый взглядъ, загадочный фактъ разсматриваемаго явленія, именно: свойственность строя преимущественно крупнымъ, но отнюдь не мелкимъ птицамъ. Это какъ разъ то, чего мы должны ожидать, если строй — какова бы ни была его форма — имѣетъ цѣлью дать каждой птицѣ стаи возможность, не удаляясь отъ своихъ товарищей, избѣгать попаданія во взволнованныя ими струи воздуха. Дѣйствительно, птицы сравнительно небольшія мало возмущаютъ спокойствіе воздушной среды ударами своихъ крыльевъ; но чѣмъ крупнѣе птица, тѣмъ ея крылья при полетѣ сильнѣе волнуютъ воздухъ, и при томъ сильнѣе отнюдь не только пропорціонально величинѣ площади крыльевъ и силѣ ея грудныхъ мускуловъ, какъ могло бы показаться на первый взглядъ, но въ гораздо значительнѣйшей пропорціи, такъ какъ къ этимъ двумъ факторамъ (площадь крыла и сила мышцъ) нужно еще прибавить и массу птицы [1]), а масса увеличивается, какъ кубъ линейныхъ измѣреній птицы; при такомъ огромномъ коэффиціентѣ не удивительно, что мелкія птицы могутъ при перелетахъ совершенно пренебрегать производимымъ ими волненіемъ воздуха, какъ затрудненіемъ для сзади слѣдующихъ товарищей, крупные же виды принуждены избѣгать этого серьезнаго затрудненія при помощи правильнаго построенія стаи.

Все выше изложенное объясняетъ, какъ намъ кажется, выгоды строя вообще, независимо отъ его формы; но то об-

[1]) Мускульная сила птицы, при ударѣ крыломъ, производитъ работу, часть которой, въ видѣ живой силы, передается самой птицѣ, двигая ее въ одномъ направленіи, часть же, опять-таки въ видѣ живой силы, передается точкѣ опоры, т.-е. воздуху, который гонится въ другомъ направленіи. Но работа, производимая мышцами птицы въ этомъ случаѣ, дѣлится между точкою приложенія (птицей) и точкой опоры (воздухомъ) въ различныхъ пропорціяхъ, въ зависимости, caeteris paribus, отъ массы птицы: чѣмъ больше масса эта, тѣмъ меньшая часть работы крыла передается самой птицѣ, а воздуху—пропорціонально бо́льшая. См. у Marey, loc. cit., pp. 241—245, гдѣ это положеніе иллюстрируется и опытами съ механическими снарядами.

стоятельство, что у каждаго перелетнаго вида, летящаго строемъ, есть своя форма строя, которой онъ болѣе или менѣе строго придерживается, указываетъ намъ, что и форма построенія не есть явленіе случайное. Нужно обладать весьма совершенными познаніями физіологіи птичьяго полета, чтобы рѣшить, почему извѣстный видъ придерживается такого-то строя, и не намъ, конечно, браться за столь трудный и сложный, мало изученный вопросъ; но мы позволимъ себѣ здѣсь высказать слѣдующее соображеніе: виды, весьма сходные по тѣлосложенію и манерѣ полета, напр. разные виды гусей и благородныя утки (*Anates stagnatiles* по терминологіи Эверсманна), имѣютъ и очень сходное построеніе; наоборотъ, птицы съ весьма различнымъ устройствомъ крыла и полетомъ, напр. журавль, гоголь и чибисъ, рѣзко отличаются между собой фигурой своего строя. Ключъ къ пониманію этой эмпирически довольно ясной связи между формой крыла и манерой полета съ одной и фигурой строя съ другой стороны лежитъ, вѣроятно, въ томъ, что струя взволнованнаго крыломъ воздуха распространяется у разныхъ видовъ различно [1]) въ смыслѣ силы и направленія: напр., у чибисовъ главнымъ образомъ назадъ, а въ стороны очень мало, иначе имъ трудно было бы летѣть въ рядъ; у журавлей же и водяной птицы по меньшей мѣрѣ одинаково въ этихъ двухъ направленіяхъ, почему у этихъ видовъ каждая послѣдующая птица помѣщается, и довольно далеко, сбоку и сзади предшествующей. Между угломъ и косымъ рядомъ въ этомъ отношеніи не можетъ быть разницы, но построеніе угломъ, какъ болѣе распространенное, вѣроятно, имѣетъ какое-либо другое удобство (одно указано предположительно выше, при замѣткахъ о предводителѣ стаи).

---

[1]) Вообще не столько волнуется воздухъ надъ и подъ крыломъ, какъ сзади и въ стороны отъ него, въ его плоскости. См. опыты Müller'a въ „Comptes rendus de l'Académie des Sciences". T. C., p. 1317 (c. f. Marey, l. c., p. 259).

Послѣдній и не менѣе трудный вопросъ заключается въ томъ, почему форма строя, въ частности величина угла, котораго придерживаются журавли и водяная птица, такъ часто измѣняется въ столь широкихъ предѣлахъ. Можно только предположить [1]), что это зависитъ отъ направленія и силы вѣтра. Если перелетъ идетъ при тихой погодѣ, а также при попутномъ или прямо противномъ вѣтрѣ, то и построеніе довольно острымъ угломъ вполнѣ обезпечиваетъ каждую птицу отъ попаданія въ струю взволнованнаго чужими крыльями воздуха. Если вѣтеръ станетъ дуть прямо съ лѣвой стороны (относительно пути полета), то струи воздуха, взволнованнаго птицами лѣвой вѣтви угла, будутъ этимъ вѣтромъ наноситься на птицъ правой вѣтви; чтобы избѣгнуть этого неудобства, птицамъ придется либо поотстать другъ отъ друга неравномѣрно, т.-е. такъ, чтобы каждая птица лѣвой вѣтви угла приходилась (по линіи направленія вѣтра) не противъ птицы правой вѣтви, а противъ одного изъ промежутковъ между этими птицами,—либо птицамъ правой вѣтви нужно будетъ податься каждой значительно вправо; при этомъ птицы эти достаточно удаляются отъ птицъ навѣтренной вѣтви, а вся фигура угла сильно измѣнится, такъ какъ правая вѣтвь удлинится и приблизится къ поперечной (полету) линіи [2]). Если же вѣтеръ будетъ путь сильно спереди и слегка слѣва, направляясь вдоль правой вѣтви, тогда помочь можетъ, какъ это весьма понятно, лишь послѣднее изъ двухъ только что описанныхъ перестроеній.

---

[1]) Такъ какъ трудно удостовѣриться точно въ направленіи вѣтра въ высокихъ слояхъ воздуха; излагаемое предположеніе высказано у D'Esterno, „Du vol des oiseaux“, 1865, p. 87. (C. f. Marey, l. c. p. 33—34).

[2]) Тѣмъ, что при нѣкоторыхъ условіяхъ вѣтра одинаково удобны могутъ быть—какъ только-что объяснено—совершенно различныя измѣненія въ построеніи стаи, и объясняются наши наблюденія, что иногда двѣ непосредственно одна за другой слѣдующія стаи одного вида птицъ имѣютъ совершенно различную форму образуемаго ими „угла“ или „клина“.

Въ заключеніе мы должны замѣтить, что мы вовсе не думаемъ выдавать изложенныхъ здѣсь объясненій интереснаго явленія строя за вполнѣ вѣрныя или единственно возможныя; но намъ кажется, что они согласуются съ извѣстными намъ фактами лучше другихъ болѣе распространенныхъ объясненій.

ГЛАВА VI.

Тетеревиныя птицы *(Tetraonidae)* Симбирской губерніи. Глухарь, тетеревъ, рябчикъ, куропатка и перепелъ. Распространеніе этихъ видовъ. Біологическія наблюденія.

Fam. **Tetraonidae.**

Tetrao urogallus Linn.

Tetrao urogallus L. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. края, стр. 337. М. Богдановъ. Пт. и зв. черноз. пол. Поволжья, стр. 122. М. Рузскій. Орнит. набл. въ Симбирской губ., стр. 4, 7. М. Мензбиръ. Пт. Россіи, I, стр. 502 [1]).

Въ сѣверныхъ уѣздахъ Симбирской губерніи распространеніе глухаря совпадаетъ съ распространеніемъ сплошныхъ хвойныхъ и смѣшанныхъ лѣсовъ. Болѣе многочисленны глухари въ Сурской дачѣ, по рѣкамъ Кирѣ, Алгашкѣ и Мыслецу, гораздо сравнительно малочисленнѣе они въ лѣсахъ по долинѣ Алатыря, гдѣ число ихъ убываетъ съ каждымъ годомъ. Лѣтъ 25 тому назадъ глухари держались въ юго-

---

[1]) Смотри также о симбирскихъ глухаряхъ и глухаряхъ переходнаго типа: Ф. Лоренцъ, „Глухарь“, въ „Охотн. Газ“. 1890 г. № 16, стр. 242,—„*Tetrao urogallus var. uralensis, переходный къ типичному*“. С. Бутурлинъ „О птицахъ Евр. Россіи“, въ „Природѣ и Охотѣ“ 1896 г., кн. март., стр. 54,—„*Глухарь*“. С. Бутурлинъ, „Глухари“, въ „Псов. и Ружейн. Охотѣ“. 1900 г., февр. (кн. IV), стр. 36,—„*Глухарь переходнаго характера*“. С. Бутурлинъ, „Синоптическія таблицы охотничьихъ птицъ Россійской Имперіи“. 1901 г., Спб., стр. 67,—„*Tetrao urogallus uralensis*, переходный къ типичному“. S. A. Buturlin, „Zur Abhandlung: «Neue Forschungen über die Waldhühner» von Dr. Wurm“ въ „Baltische Waidmannsblätter“, 1901 г., № 8, стр. 144.

западной части Ардатовскаго уѣзда, близъ границъ Саранскаго уѣзда Пензенской губерніи, въ лиственныхъ удѣльныхъ дачахъ близъ села Маресева. Теперь они тамъ исчезли совершенно. Нѣтъ глухарей также и къ сѣверу отъ долины Алатыря, въ Курмышскомъ и Сергачскомъ уѣздахъ, равно какъ и далѣе къ сѣверу до Волги. Незначительные по размѣрамъ островные лѣса этой мѣстности, равно какъ и болѣе значительные, но все же носящіе въ общемъ островной характеръ лѣса долины рѣки Пьяны, очевидно, неблагопріятны для жизни этой чисто таёжной формы. Къ сѣверо-западу отъ Ардатовскаго уѣзда, въ удѣльныхъ и казенныхъ лѣсахъ Лукояновскаго уѣзда Нижегородской губерніи, глухари также обыкновенны. Въ лиственныхъ лѣсахъ по холмамъ близъ деревни Пиксясь въ центральной части Ардатовскаго уѣзда глухари выводились еще въ концѣ восьмидесятыхъ и началѣ девяностыхъ годовъ. Врядъ ли уцѣлѣли они здѣсь съ проведеніемъ желѣзной дороги. Очень еще обыкновененъ глухарь въ хвойныхъ лѣсахъ юго-восточной части Алатырскаго и сѣверо-западной половины Буинскаго уѣздовъ, въ борахъ Карсунскаго и въ чернолѣсьѣ этого послѣдняго и западной половины Симбирскаго уѣздовъ, встрѣчаясь мѣстами также и въ Сенгилейскомъ уѣздѣ и въ Самарской лукѣ [1]).

Въ Симбирской губерніи глухаря нельзя считать пріуроченнымъ къ какой-либо одной породѣ деревьевъ или даже вообще къ хвойнымъ лѣсамъ. Выводки его встрѣчаются и въ высокоствольныхъ, свѣтлыхъ сосновыхъ борахъ (однако сравнительно рѣдко), и въ густыхъ еловыхъ зарослях, и въ моховыхъ болотахъ хвойныхъ лѣсовъ, и въ сырыхъ, низкихъ зарослях чернолѣсья среди боровъ,—и эта послѣдняя стан-

[1]) Надо замѣтить, что—помимо другихъ условій—весьма пагубно отзывается на глухаряхъ ранняя пастьба скота въ чернолѣсьѣ, довольно широко практикующаяся въ нѣкоторыхъ имѣньяхъ Симбирской губерніи. Пастухи-мальчики и ихъ собаки до чиста истребляютъ въ такихъ мѣстахъ гнѣзда, случайно не раздавленныя скотомъ.

ція — одно изъ любимыхъ мѣстъ гнѣздовья этого вида. Но не менѣе часто гнѣздится глухарь изъ года въ годъ въ старыхъ чисто-лиственныхъ лѣсахъ, особенно въ дубнякахъ, изрѣзанныхъ оврагами съ зарослями орѣшника, и въ старыхъ осинникахъ, и держится здѣсь осѣдло, несмотря на близость (4 — 5 верстъ) большихъ боровъ, также обитаемыхъ глухарями. Въ такихъ лѣсахъ и токуетъ онъ на лиственномъ деревѣ, на березѣ, дубѣ, ольхѣ, вербѣ — какъ придется. Выводятся глухари даже въ небольшихъ дубовыхъ „гривахъ“ Сурской поймы, а линяющаго глухаря отнюдь не рѣдкость встрѣтить и въ чащахъ поемнаго „елошника“.

Въ долинѣ Алатыря вслѣдствіе малаго вообще количества глухарей и тока ихъ весьма малочисленны. Птицы токуютъ въ одиночку, да и вообще въ теченіе всего года ведутъ одиночный и скрытый образъ жизни. Осеннихъ и зимнихъ стай, повидимому, никогда не образуется. Въ Сурской дачѣ тока гораздо многочисленнѣе. Такъ тока, на которыхъ собираются до десятка и болѣе птицъ, есть въ казенныхъ лѣсахъ Сурской дачи, въ хвойныхъ и смѣшанныхъ участкахъ къ востоку отъ лежащаго на Сурѣ села Языкова и въ окрестностяхъ села Алгашей. Токовищъ здѣсь насчитываютъ нѣсколько. Точно также въ Корсунскомъ и южной половинѣ Алатырскаго уѣздовъ (къ югу отъ Алатыря) тока въ 10—15 самцовъ не представляютъ рѣдкости.

Какихъ либо интересныхъ особенностей въ лѣтней жизни глухаря намъ не удалось отмѣтить. Выводки по величинѣ бываютъ очень разнообразны, и цыплята выводятся въ разное время, такъ что на Петровъ день можно встрѣтить молодыхъ самцовъ и меньше, чѣмъ въ полъ-тетерева, и до 3 фунтовъ вѣсомъ, а въ первой трети августа и до 5 фунтовъ (вѣсъ матки въ это время $4^1/_2$—$4^7/_8$ фунтовъ; вѣсъ самцовъ во время тока въ Симбирской губерніи въ среднемъ 11—13 фунтовъ).

Большая часть выводковъ разбивается въ концѣ августа, а многіе даже въ началѣ сентября. И разбившіеся одиночные

глухари, какъ и выводки, несравненно чаще тетеревовъ держатся на деревьяхъ. Тогда какъ поднятый выводокъ послѣднихъ часто перелетаетъ далеко и опускается на землю, глухари почти неизмѣнно разсаживаются поблизости на деревьяхъ. Взрослые или взматерѣвшіе уже самцы при этомъ смотрятъ на собаку (если она ихъ подняла) и покаркиваютъ или, вѣрнѣе, потрескиваютъ на нее низкимъ негромкимъ голосомъ. Осенью послѣ начала утренниковъ по утрамъ глухари любятъ выходить на лѣсныя дороги, на песчаныя ихъ мѣста. Какъ еще одно отличіе въ привычкахъ тетерева и глухаря замѣтимъ, что спугнутый человѣкомъ или звѣремъ глухарь обыкновенно летитъ въ полъ-дерева или немного выше, тогда какъ тетеревъ часто и охотно поднимается надъ вершинами.

Крайне характерную черту жизни глухарей поздней осенью представляютъ ихъ сентябрьскіе и октябрьскіе вылеты въ поля, на озимь. Въ началѣ октября, особенно въ годы, когда озимое поле прилегаетъ къ бору, здѣсь по утрамъ можно видѣть десятки глухарей, расхаживающихъ иногда въ полу-верстѣ или верстѣ отъ бора. Вылетаютъ они рано утромъ, еще до солнца, а назадъ въ лѣсъ возвращаются лишь часамъ къ 11 — 12 утра, если никто не спугнетъ раньше. Летитъ каждый глухарь обыкновенно однимъ опредѣленнымъ мѣстомъ. Характерно, что эти вылеты замѣчаются лишь вдоль Присурскихъ боровъ, но не близъ сплошныхъ черныхъ лѣсовъ, гдѣ также не мало глухарей.

Въ южной части Алатырскаго и въ Карсунскомъ уѣздахъ глухари и зимой не держатся одиночно, но зачастую соединяются въ стайки до 10 — 15 штукъ, гдѣ смѣшиваются и самки, и самцы. Не рѣдкость въ извѣстномъ мѣстѣ почти всю зиму встрѣчать одну и ту же такую стайку, или меньшія—иногда изъ 3—4 самцовъ, безъ самокъ. Перелетая съ мѣста на мѣсто, такія зимнія стайки глухарей держатся довольно тѣсно и часто садятся на одно—два дерева, такъ что

приходится иногда видѣть 5 — 6 этихъ крупныхъ птицъ на одной соснѣ.

Можетъ быть, вслѣдствіе стремленія покидать мѣста, ставшія неудобными для жизни, можетъ быть, вслѣдствіе иныхъ причинъ, болѣе темныхъ (каковы вообще причины многихъ случаевъ кочеванія позвоночныхъ животныхъ,—случаевъ, не всегда поддающихся элементарнымъ объясненіямъ недостаткомъ пищи, климатическими условіями и т. п.), глухари проявляютъ часто наклонность къ перекочевкамъ, причемъ появляются иногда въ мѣстахъ, вовсе не подходящихъ для ихъ жизни. Намъ извѣстны 2 случая появленія залетныхъ глухарей въ открытыхъ степныхъ мѣстахъ къ сѣверу отъ долины рѣки Алатыря: одинъ глухарь былъ убитъ въ саду въ сѣверной части Ардатовскаго уѣзда; другой въ болѣе значительномъ (около 12 десятинъ) паркѣ въ степномъ имѣніи Курмышскаго уѣзда, верстахъ въ 30 отъ ближайшихъ значительныхъ лѣсовъ. Случаи такихъ странныхъ залетовъ мы наблюдали и близъ Суры. Такъ, напр., крупный глухарь прилетѣлъ на винокуренный заводъ близъ Бѣлаго Ключа (Карсунскаго уѣзда), отстоящій версты на $1^1/_2$ отъ лѣса, и усѣлся на высокую трубу его, хотя—дѣло было зимой—заводъ работалъ, и изъ трубы шелъ дымокъ. Въ другой разъ, на Рождество, старый же глухарь залетѣлъ въ палисадникъ помѣщичьяго дома, расположеннаго совершенно рядомъ съ большимъ селомъ Лавой, въ разстояніи также не менѣе версты отъ присурскаго бора (съ другихъ сторонъ села—обширные поля на много верстъ), и усѣлся на молодую яблоньку шагахъ въ 12 отъ дома.

Нѣкоторые изъ мѣстныхъ охотниковъ передавали намъ также о случаяхъ залета глухарей въ сады городовъ.

Промышленники по Алатырю и въ Засурьѣ добываютъ глухарей почти исключительно на токахъ, причемъ весьма часто стрѣляютъ самокъ. Нѣкоторые промышленники стрѣляютъ глухарей также и осенью, охотясь въ сопровожденіи

дворняжекъ, изъ которыхъ нѣкоторыя выучиваются хорошо подлаивать глухарей, равно какъ и бѣлокъ, тетеревовъ и рябчиковъ. Мѣстное малолѣтнее крестьянское населеніе также никогда не упускаетъ случая найти гнѣздо глухаря или тетерева, причемъ яйца обыкновенно разбиваются. Обстоятельство это вмѣстѣ съ несвоевременной охотой не можетъ, конечно, не отзываться гибельно на размноженіи и безъ того уже немногочисленныхъ здѣсь глухарей. Еще бо̀льшее вліяніе на постепенное изчезновеніе этой птицы оказываютъ, конечно, рубка и расчистка лѣсовъ. Лѣсоохранительный законъ, быть можетъ, нѣсколько оттянетъ время полнаго исчезновенія глухаря въ Симбирской губерніи, но и законъ этотъ не въ силахъ будетъ въ концѣ концовъ сохранить эту рѣдкую дичь, если глухарь не будетъ охраняемъ путемъ полнаго воспрещенія охоты на него въ извѣстныхъ участкахъ и спеціальнаго покровительства такого характера, какимъ въ настоящее время пользуется, напр., лось въ удѣльныхъ владѣніяхъ.

Въ заключеніе этого краткаго біологическаго очерка замѣтимъ еще, что отъ нѣкоторыхъ промышленниковъ Симбирской губерніи приходилось слышать намъ, что—хотя и не часто — глухари въ Симбирской губерніи токуютъ и осенью. Такъ, лѣсной сторожъ Муляевъ въ казенномъ участкѣ, расположенномъ близъ села Алгашей Курмышскаго уѣзда, передавалъ пишущему эти строки, что ему дважды въ сентябрѣ приходилось слышать утромъ токованіе глухаря. Одинъ разъ это было 25 сентября. Къ токовавшему глухарю удалось подскочить и убить его. Токовалъ глухарь, какъ весной, на деревѣ.

Намъ осталось еще сказать нѣсколько словъ относительно окраски и пластическихъ признаковъ симбирскихъ глухарей. Мы должны прежде всего отмѣтить, что здѣсь рядомъ съ болѣе или менѣе типично-окрашеннымъ глухаремъ (*T. urogallus* L.) встрѣчаются и переходныя особи къ уральской формѣ (*T. urogallus uralensis* Menzb.), причемъ порою

признаки уральскаго варіетета довольно рѣзко выражены. Какъ кажется, всюду въ губерніи, въ долинѣ же Суры къ югу отъ Алатыря навѣрное, эти переходныя формы встрѣчаются въ общемъ гораздо чаще типичныхъ.

Сравнивая симбирскія шкурки съ добытыми въ Лифляндіи и Петербургской губерніи съ одной — и полученными съ Уфимскаго Урала (отъ С. К. Лейдекера) съ другой стороны, мы приходимъ къ заключенію, что симбирскія особи по окраскѣ стоятъ какъ разъ посединѣ между ними, причемъ однѣ стоятъ нѣсколько ближе къ типичному, другія ближе къ уральскому варіетету. Надо прибавить, что признаки колеблятся совсѣмъ не параллельно: у одного экземпляра можетъ быть гораздо сильнѣе развита бѣлизна на нижней сторонѣ, и передняя часть спины почти сплошь пепельной окраски, но на руляхъ бѣлыя пятна мало развиты; у другого значительно меньше бѣлаго на груди, и межлопаточное пространство почти съ сплошнымъ ржавчато-буроватымъ поясомъ, а на руляхъ — даже на центральной парѣ — широкій бѣлый поясъ развитъ, какъ у настоящаго *T. uralensis*. Въ общемъ, по развитію пепельнаго цвѣта на спинѣ и по яркости ржавчатаго цвѣта на плечевыхъ, симбирскіе глухари, пожалуй, ближе къ уральскимъ, какъ и по формѣ своего клюва, именно по ширинѣ его: у передняго края ноздревыхъ ямъ ширина его у симбирскихъ глухарей обычно почти на $^1/_4$ сант. больше, чѣмъ у петербургскихъ.

Бѣлаго зеркала, хотя бы и зачаточнаго, на крыльяхъ нашихъ глухарей мы не видѣли. Проф. Кнотехъ болѣе или менѣе ясные зачатки такого зеркала находилъ у глухарей Босніи и Штиріи, а др. Вурмъ упоминаетъ о такихъ случаяхъ въ Шварцвальдѣ и др. частяхъ Западной Европы, называя ихъ далеко не рѣдкими. Проф. Кнотехъ объясняетъ это любопытное явленіе отдаленной примѣсью крови тетерева косача — объясненіе маловѣроятное, такъ какъ способность

межняка (помѣсь *T. tetrix* и *T. urogallus*) къ дальнѣйшему размноженію должна считаться очень сомнительной.

Болѣе правдоподобно объясненіе др. Вурма. Онъ полагаетъ, что предки современныхъ куриныхъ всѣ имѣли бѣлыя зеркала на крыльяхъ, которыя и сохранились у тетерева, а у глухарей утратились и изрѣдка появляются, какъ возвратъ къ прошлому типу. Но и противъ этого предположенія можно возразить многое. Изъ 11 родовъ, составляющихъ, по каталогу Британскаго музея семейство *Tetraonidae*, нѣтъ ни одного, всѣ виды коего имѣли бы зеркало; 8 родовъ не имѣютъ ни одного вида съ бѣлымъ крыловымъ зеркаломъ, 1 родъ—*Lagopus*—имѣетъ бѣлый цвѣтъ на крыльяхъ, но, во-первыхъ, это связывается съ развитіемъ бѣлаго оперенія на всемъ тѣлѣ, — во-вторыхъ, этого бѣлаго цвѣта нѣтъ на крыльяхъ молодыхъ птицъ этихъ видовъ,—и въ третьихъ, у нѣкоторыхъ видовъ этого самаго рода (напр. у *Lagopus scoticus*) на крыльяхъ, какъ и на тѣлѣ, нѣтъ бѣлаго цвѣта. У десятаго рода (*Tetrao* въ тѣсномъ смыслѣ — глухари) это зеркало является, какъ исключеніе. Наконецъ, у одиннадцатаго рода (*Lyrurus*—тетерева) это зеркало имѣется у одного только изъ двухъ составляющихъ его видовъ, — у *L. tetrix* L., а у *L. mlokosiewiczi* Taczan. нѣтъ и слѣдовъ бѣлаго зеркала. Между тѣмъ именно кавказскій видъ является, повидимому, болѣе древнимъ изъ двухъ; на это указываетъ и ограниченная область его распространенія—горы Кавказа, и позднее надѣваніе самцами взрослаго наряда. Далѣе, и у обыкновеннаго тетерева зеркало наиболѣе развито у старыхъ самцовъ, т.-е. у пола болѣе измѣнчиваго; у самокъ же, а тѣмъ болѣе у молодыхъ птицъ,—т.-е. именно у лучше (по всему вѣроятію) сохранившихъ типъ окраса отдаленныхъ предковъ — зеркало несравненно уже [1]).

---

[1]) Характерно, что и у глухарей зеркало найдено лишь у самцовъ, а не у самокъ.

Такимъ образомъ, объясненіе даннаго явленія атавизмомъ, какъ кажется, неправильно, и возникновеніе бѣлыхъ зеркалецъ у многихъ особей западно-европейскаго глухаря легче объяснить или общей склонностью къ измѣнчивости и пріобрѣтенію новыхъ признаковъ, или частичнымъ альбинизмомъ. Какія условія вызываютъ тамъ такой частичный альбинизмъ,— сказать, конечно, очень трудно. Мы считаемъ, однако, не лишнимъ указать на то обстоятельство, что въ Западной Европѣ, при ограниченныхъ областяхъ распространенія глухарей и ихъ малочисленности, могутъ появляться признаки вырожденія отъ сравнительно близкаго скрещиванья. На равнинахъ же Россіи и Сибири глухари и многочисленнѣе, и менѣе изолированы, почему организмъ ихъ и не ослабляется скрещиваніемъ въ близкомъ родствѣ [1]).

Lyrurus tetrix L.

Tetrao tetrix L. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 340. Богдановъ. Пт. и зв. Пов., стр. 124. Богдановъ. Біографич. очеркъ тетерева полевого. Тр. I-го съѣзда естествоисп. 1868, стр. 189. М. Мензбиръ. Пт. Россіи, I, стр. 193. М. Рузскій. Орнит. набл., стр. 4, 6, 11, 12, 13, 14. М. Мензбиръ. Охотн. и промысл. пт. Европ. Россіи и Кавказа, 1901, в. 5, стр. 61. С. Бутурлинъ. Спнопт. табл. охотн. птицъ Росс. имперіи, 1901, стр. 66 [2]).

Мѣстное названіе: *дикая курица* и *лѣсная курица*.

Тетеревъ всюду, гдѣ встрѣчается вмѣстѣ съ глухаремъ, несравненно многочисленнѣе послѣдняго и вмѣстѣ съ тѣмъ

---

[1]) См. Dr. Wurm. „Die weissen Flügelbinden des Auerhahnes“ въ „Baltische Waidmannsblätter“, 1901, № 12, стр. 238.

[2]) См. также относительно сибирскихъ тетеревовъ: С. Бутурлинъ. Къ вопросу о линькѣ косача. Псов. и Руж. Охота, 1900, № 33, стр. 428. В. А. Разевигъ. Еще о двойной линькѣ тетерева-косача. Псов. и Руж. Охота, 1901, № 14, стр. 179. S. A. Buturlin. Zur Abhandlung „Neue Forschungen über die Waldhühner“ von Dr. Wurm. Baltische Waidmannsblätter, 1901, № 8, стр. 144. В. А. Клеменцъ. Къ вопросу В. А. Разевига о линькѣ тетерева-косача. Псовая и Ружейная Охота, 1900, № 19, стр. 238.

держится въ значительномъ числѣ во многихъ мѣстностяхъ, въ которыхъ глухари отсутствуютъ. Послѣднее стоитъ въ связи, между прочимъ, и съ тѣмъ обстоятельствомъ, что тетеревъ несравненно менѣе глухаря привязанъ къ лѣсу и встрѣчается во многихъ мѣстностяхъ внѣ района сплошныхъ лѣсовъ, довольствуясь перелѣсками. Такъ, обитая вышеописанный районъ, въ которомъ встрѣчаются и глухари, тетерева въ то же время держатся и во многихъ участкахъ лиственныхъ лѣсовъ степного района—въ юго-западной части Ардатовскаго и Саранскомъ уѣздахъ, равно какъ Курмышскомъ и Сергачскомъ; осѣдло и въ значительномъ числѣ держатся и выводятъ тетерева въ лѣсахъ долины рѣки Пьяны.

Въ небольшихъ лиственныхъ „колкахъ" водораздѣла Волги и Свіяги, подъ самымъ почти городомъ Симбирскомъ (4—5 верстъ), мы не разъ находили выводки тетеревей еще въ самомъ началѣ девяностыхъ годовъ. Точно также въ нѣкоторыхъ лиственныхъ колкахъ Курмышскаго уѣзда (величина которыхъ не превышаетъ обыкновенно 100—200 д.) замѣчается періодическое появленіе тетеревовъ. Въ теченіе 2 — 3 лѣтъ въ какой-нибудь небольшой рощицѣ держатся и выводятъ тетерева, потомъ исчезаютъ на нѣкоторое время, иногда на нѣсколько лѣтъ, чтобы снова появиться потомъ. Вѣроятно, причинами такой періодичности въ распространеніи тетеревовъ въ этой мѣстности служатъ 2 фактора: во-первыхъ, разселеніе тетеревовъ, которые изъ болѣе значительныхъ площадей лѣсовъ продвигаются въ степи—всего вѣрнѣе зимой или же осенью по хлѣбамъ—небольшими стайками—и остаются въ лѣсныхъ островахъ этихъ открытыхъ пространствъ; во-вторыхъ, истребленіе, причемъ союзъ изъ мѣстныхъ охотниковъ, лисицъ и ястреба-тетеревятника мало-по-малу переведетъ до послѣдняго и залетѣвшихъ старыхъ тетеревовъ и первый приплодъ ихъ. Послѣ этого участокъ остается не заселеннымъ тетеревами вплоть до новаго залета. Вообще нужно

сказать, что зимнія кочевки тетеревовъ несравненно протяженнѣе кочевокъ глухарей.

Въ западной половинѣ губерніи тетерева рѣшительно избѣгаютъ чисто хвойныхъ лѣсовъ. Наибольшее число выводковъ держится на границахъ лѣсныхъ площадей, въ оврагахъ, заросшихъ мелкимъ дубовымъ и осиновымъ лѣсомъ, которые во множествѣ прорѣзываютъ поля въ различныхъ частяхъ Ардатовскаго уѣзда. Выводки очень охотно держатся по краямъ такихъ овраговъ въ яровыхъ, а иногда и озимыхъ хлѣбахъ, позже на жнивахъ, совершенно въ одинаковыхъ условіяхъ, и рядомъ съ выводками куропатокъ и перепеловъ. Любятъ они гнѣздиться на порубкахъ чернаго лѣса, въ мелколѣсьяхъ поймъ Алатыря, Барыша, Суры,—особенно въ обширныхъ зарослях дикой смородины. Гнѣздятся даже въ лугахъ вблизи тальниковыхъ зарослей или дубовыхъ кустовъ. Однако изрѣдка случалось намъ находить выводки и въ чистыхъ, сухихъ, старыхъ борахъ у Суры и низовій Барыша, хотя въ тѣхъ мѣстахъ есть и описанныя выше станціи.

Что касается времени гнѣздованія, то обыкновенно въ первой половинѣ іюня приходится находить либо пуховыхъ птенцовъ, либо только оперяющихся, величиной до коростеля или немного болѣе. Только однажды (въ 1895 году) встрѣченъ въ поймѣ Суры, близъ Промзина, 17 іюня выводокъ уже почти въ матку. 6 іюля всѣ самцы этого выводка были уже въ черныхъ букетахъ (а „мѣшаться“ начали еще въ іюнѣ).

Выводокъ тетеревовъ ходитъ всегда на очень ограниченномъ пространствѣ и кормится и кочуетъ на землѣ. Но ошибочно было бы думать, что молодые тетерева никогда не поднимаются лѣтомъ съ земли на деревья. Когда тетеревята подростутъ съ голубя, т.-е. будутъ недѣль 4 — 6-ти, то они очень любятъ, будучи спугнутыми съ земли, садиться на деревья, причемъ очень искусно прячутся (хотя и не такъ, какъ рябчики или глухари). Значительно позже, осенью, завяданіе

травы снова заставляетъ ихъ чаще прибѣгать къ подъему на деревья. Впрочемъ, даже и позняки иногда садятся на деревья, а также и помѣшавшійся уже выводокъ, поднятый въ августѣ въ крупномъ бору, иногда разсаживается въ полдерева на сучья — но это уже, дѣйствительно, болѣе рѣдкіе случаи, тетеревята же 1 — $1^1/_2$-мѣсячнаго возраста дѣлаютъ это очень охотно.

Интересное вліяніе климатическихъ условій на поведеніе птицъ пришлось намъ наблюдать на Сурѣ, недалеко отъ Промзина, во время засухъ начала девяностыхъ годовъ. Если не самыя засухи, то результаты ихъ — пониженіе грунтовыхъ водъ и исчезновеніе болотъ, ручьевъ и мелкихъ озеръ въ Присурскихъ борахъ и въ поймѣ—достигли своего апогея къ осени 1893 года. Въ это время — во второй половинѣ августа и первой сентября — мы неоднократно замѣчали вылеты къ водѣ — иногда уже по довольно темной зарѣ— тетеревовъ, по 1, по 2 и по 3 штуки. Въ одномъ случаѣ пара тетеревовъ, подобно уткамъ, дважды пролетѣла невысоко вдоль затона около полуверсты длиной. Около этого же времени (въ 1891—93 годахъ) замѣчали мы въ долинѣ Алатыря исчезаніе тетеревовъ съ отдѣльныхъ порубовъ и лѣсныхъ полянъ, лишенныхъ воды, и скопленіе выводковъ и пѣтуховъ вблизи овраговъ съ уцѣлѣвшими ключами и родниками.

Поздней осенью тетерева сбиваются, и стаи эти держатся, повидимому, въ постоянномъ составѣ до времени начала токовъ. Численность зимнихъ стай въ Ардатовскомъ уѣздѣ сильно колеблется; наибольшія изъ видѣнныхъ нами достигали 40—50 особей, но въ Алатырскомъ и Карсунскомъ уѣздахъ случалось видать и болѣе многочисленныя стаи даже въ декабрѣ. Осеннія стаи, которыя въ октябрѣ кормятся по полямъ — главнымъ образомъ на мѣстахъ снятыхъ посѣвовъ гречи и гороха, — обыкновенно бываютъ гораздо многочисленнѣе зимнихъ, и намъ вообще казалось всегда,

что количество тетеревовъ, населявшихъ поздней осенью извѣстную мѣстность, къ глубокой зимѣ сильно сокращается.

Въ составѣ зимнихъ стай должна быть отмѣчена нерѣдкая неравномѣрность въ распредѣленіи половъ; чаще всего стаи состоятъ изъ однихъ самцовъ, если же бываютъ самки, то обыкновенно въ числѣ 2 — 3 на стаю въ 20 — 30 штукъ самцовъ. Это—обычное явленіе въ лѣсахъ долины Алатыря. Но въ Алатырскомъ уѣздѣ — на Сурѣ и къ востоку отъ нея—и въ Карсунскомъ мы не наблюдали столь рѣзкой разницы въ числѣ самцовъ и самокъ, составляющихъ стаю. Здѣсь даже въ разгарѣ зимы (декабрь, январь) въ стайкахъ косачей рѣдко не увидишь замѣтной примѣси курочекъ, и не рѣдкость также встрѣтить стайку въ 20—30 штукъ однѣхъ самокъ, которыя въ общемъ зимою и составляютъ здѣсь приблизительно до 30—35% всего числа тетеревовъ.

Мы не можемъ рѣшить навѣрное, ведутъ ли самки зимой болѣе скрытый, нежели самцы, образъ жизни, или же дѣло зависитъ оттого, что менѣе сторожкія вообще самки легче подвергаются нападеніямъ хищныхъ птицъ, лисицъ, человѣка и пр., въ бо̀льшемъ относительно количествѣ истребляются въ теченіе осени и зимы, причемъ убыль ихъ снова пополняется при размноженіи. Разница же нашихъ наблюденій для Ардатовскаго уѣзда съ одной стороны и для центральной и Присурской частей губерніи съ другой стороны, быть можетъ, объясняется тѣмъ, что менѣе выносливыя самки зимою въ бо̀льшемъ числѣ откочевываютъ къ югу, изъ болѣе открытыхъ мѣстностей въ Присурскіе и Прибарышскіе лѣса. Возможно, что зимнія кочевки тетеревовъ на югъ вообще развиты гораздо сильнѣе, чѣмъ думаютъ, и этимъ именно объясняется очень замѣтная разница въ числѣ тетеревиныхъ стай, населяющихъ данную мѣстность осенью и поздней зимой. Во всякомъ случаѣ тетерева зимою подвигаются въ лѣса, такъ какъ въ чертѣ граничащихъ съ лѣсами полевыхъ

враговъ, обильно населенныхъ тетеревами осенью, зимою никогда не удается поднимать тетеревовъ.

Что касается истребленія самокъ, то зимою даже вороны нападаютъ на нихъ, соединяясь для того небольшими компаніями, по 2 или 3 штуки. Такъ, однажды въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ глуши бора, протянувшагося отъ устья Барыша къ Промзину, пишущій эти строки видѣлъ среди дня, какъ три ворона долго гоняли стайку тетеревовъ, состоявшую штукъ изъ двадцати самокъ. Тетерева тѣсной стайкой быстро кружились высоко надъ боромъ, вороны же держались съ разныхъ сторонъ и ниже стайки, вѣроятно, чтобы не дать имъ кинуться въ спасительную чащу. Чѣмъ кончилась своеобразная охота,—не удалось прослѣдить.

Въ послѣднія десятилѣтія количество тетеревовъ въ уѣздахъ Ардатовскомъ, Курмышскомъ, Лукояновскомъ (Нижегородской губ.) и Саранскомъ (Пензенской губ.) сильно и замѣтно убываетъ, хотя и далеко не съ той быстротой, какъ количество глухарей. Промышляютъ тетеревовъ промышленники нашей мѣстности только съ ружьемъ, обыкновенно осенью и зимою съ чучелами, рѣже на токахъ. Раннимъ лѣтомъ, пока выводки малы, часто стрѣляютъ отъ выводка матокъ, что и отзывается, несомнѣнно, особенно гибельно на общемъ количествѣ тетеревовъ. Другимъ бичемъ тетеревовъ являются лисицы, которыя поѣдаютъ цѣлые выводки. Замѣтно уменьшается количество тетеревовъ и въ центральной, и въ восточной частяхъ губерніи, подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ.

По нашему мнѣнію, представляетъ интересъ хорошо знакомое охотникамъ вліяніе охраненія матокъ при выводкахъ на пребываніе тетеревовъ въ томъ или другомъ районѣ. Если въ извѣстномъ мѣстѣ матка вывела потомство, то молодежь можно перестрѣлять всю, и все-таки ежегодно въ томъ же мѣстѣ окажется выводокъ, пока жива матка-родоначальница. Но если убить — даже сравнительно поздно осенью (напр.,

во второй половинѣ августа и даже началѣ сентября) — эту матку, а всю молодежь—въ томъ числѣ нѣсколько самокъ—оставить невредимой, чаще всего ни на этомъ пространствѣ выводка болѣе уже не будетъ, ни въ окрестностяхъ, хотя бы прекрасно знакомыхъ, не удается замѣтить прибавленія выводковъ. Вѣроятно, молодыя самки для основанія собственнаго гнѣзда перемѣщаются болѣе или менѣе значительно. Въ то же время всѣ наблюденія говорятъ за то, что каждая самка, разъ основавъ гнѣздо, изъ года въ годъ гнѣздится приблизительно на одномъ и томъ же мѣстѣ.

По внѣшности своей—сѣрому тону самокъ, зеленоватому отливу сине-чернаго оперенія косачей, широкому бѣлому зеркалу крыльевъ—симбирскіе тетерева стоятъ ближе къ „степной“ формѣ (*T. tetrix viridanus* Lorenz), населяющей юго-восточную часть Европейской Россіи и юго-западную часть Сибири.

Bonasa bonasia L.

Tetrao bonasia Linn. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 342. *Tetrastes bonasia* (K. et B.) L. М. Богдановъ. Пт. и зв. черн. пол. Пов., стр. 124. *Bonasa canescens*. М. Рузскій. Орнит. набл. въ Симб. губ., 1893, стр. 4, 7. 11. *Bonasa canescens* Spartm. Мензбиръ. Охот. и промысл. пт. Евр. Россіи и Кавк., 1901 г., стр. 3. Мензбиръ. Пт. Росс., II, стр. 480.

Область распространенія рябчика въ сѣверо-западной части Симбирской губерніи совпадаетъ съ областью распространенія глухаря. Видъ этотъ обитаетъ сплошные лѣса, являющіеся врѣзывающимися въ степи съ сѣвера участками тайги,—Сурскую дачу (восточныя части Курмышскаго и Алатырскаго уѣздовъ) и лѣса долины рѣки Алатыря. Въ сѣверной части Ардатовскаго уѣзда, западной половинѣ Курмышскаго, Сергачскомъ и далѣе къ сѣверу въ степныхъ уѣздахъ Нижегородской губ. рябчикъ не встрѣчается такъ же, какъ и глухарь. Въ лѣсахъ Карсунскаго и Симбирскаго уѣздовъ и далѣе къ

югу до Самарской луки включительно рябчикъ довольно обыкновененъ.

Рябчикъ обитаетъ и хвойные, и лиственные лѣса, причемъ предпочитаетъ эти послѣдніе. Наибольшее количество рябчиковъ выводитъ и держится съ выводками въ низкихъ, заросшихъ дубомъ и кленомъ падяхъ. Въ хвойномъ лѣсу ихъ легко встрѣтить лишь въ мѣстахъ, изобилующихъ елью или березой, растущей по низкимъ болотистымъ мѣстамъ; на буграхъ, заросшихъ высокоствольной сосной, рябчика можно встрѣтить лишь очень рѣдко и то только тамъ, гдѣ есть лиственный подлѣскъ.

Мы не можемъ согласиться съ проф. Э. Эверсманномъ, утверждающимъ, что выводокъ держится всю зиму вмѣстѣ. Наоборотъ, осенью выводки почти всегда разбиваются, и самцы начинаютъ издавать свою несложную призывную пѣсню. Зимой уже въ огромномъ большинствѣ случаевъ приходится находить рябчиковъ попарно,—самца и самку, которые держатся вмѣстѣ на извѣстномъ участкѣ.

Зимою рябчики почти всегда ночуютъ въ снѣгу, зарываясь въ него подобно тетеревамъ, только дѣлаютъ нору гораздо длиннѣе, до 5—7 футовъ длины. Каждый изъ членовъ пары дѣлаетъ свою особую нору, въ нѣсколькихъ аршинахъ отъ другого. Намъ случалось поднимать ихъ изъ такихъ норъ даже въ десятомъ часу утра [1]).

По окраскѣ симбирскіе рябчики сильно варьируютъ, имѣя окраску перьевъ то болѣе, то менѣе свѣтлой, то съ большей, то съ меньшей степенью примѣси коричневаго цвѣта. Наиболѣе свѣтлые изъ видѣнныхъ нами экземпляровъ приближались по окраскѣ къ рябчикамъ сѣвера Россіи. У другихъ, напротивъ, пятна выражены очень рѣзко. Многіе изъ мѣстныхъ промышленниковъ отличаютъ по цвѣту „боровыхъ“ (болѣе темныхъ)

[1]) См. S. Buturlin. „Schlafplatz des Haselhuhnes“ въ „Baltische Waidmannsblätter“, 1901 г., № 15, p. 303.

и „лѣсныхъ“ или „дубовыхъ“ (свѣтлыхъ) рябчиковъ; однако, постоянно попадаются формы такой окраски, относительно которыхъ трудно рѣшить вопросъ, къ какой рубрикѣ они могутъ быть отнесены.

Въ лѣсахъ по Сурѣ и въ долинѣ Алатыря рябчиковъ еще и въ послѣдніе годы промышляли въ довольно значительномъ количествѣ, исключительно ружьемъ. Въ Сурской дачѣ лѣтъ 30 — 40 тому назадъ многіе чуваши ловили силками. Теперь этотъ промыселъ исчезъ. Количество рябчиковъ въ долинѣ Алатыря въ послѣдніе годы замѣтно уменьшается, какъ и количество всей остальной дичи, и вмѣстѣ съ тѣмъ быстро уменьшается и число крестьянъ-охотниковъ.

Perdix perdix L.

Perdix cinerea. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. края, III, стр. 345. *Starna cinerea* (Bp.) Briss. М. Богдановъ. Пт. и зв. Черн. пол. Пов., стр. 125. *Perdix cinerea.* М. Рузскій. Орнит. набл., стр. 9, 11, 13, 14. М. Мензбиръ. Пт. Россіи, I, стр. 527. С. Бутурлинъ. Русская разновидность сѣрой куропатки, Псов. и Руж. Охота, VI, № 31 (1 сент. 1900 г.), стр. 402—*Perdix cinerea robusta.*

Сѣрая куропатка встрѣчается всюду въ губерніи, хотя, какъ кажется, нигдѣ не держится въ очень большомъ количествѣ. Болѣе многочисленна она въ юго-восточной части губерніи. Въ сѣверо-западныхъ уѣздахъ губерніи куропатки многочисленнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, въ области, лежащей на границѣ лѣсовъ долины Алатыря, и степной части сѣверныхъ уѣздовъ. Здѣсь тянется пешірокая полоса пашенъ, занимающихъ въ настоящее время мѣсто существовавшихъ нѣкогда, но давно уже выкорчеванныхъ лѣсовъ. Многочисленные заросшіе орѣшникомъ и мелкимъ дубовымъ кустарникомъ овраги изрѣзываютъ всю эту мѣстность. Куропатки держатся здѣсь постоянно въ значительномъ количествѣ, весьма сильно убывая въ числѣ зимою и гнѣздясь также и лѣтомъ въ очень различномъ количествѣ въ разные годы. Въ этой мѣстности

въ періодѣ послѣднихъ 15 лѣтъ число гнѣздящихся куропатокъ въ общемъ сильно увеличилось.

Въ болѣе типичныхъ степныхъ мѣстахъ—западной части Курмышскаго уѣзда, равно какъ въ Сергачскомъ и Васильсурскомъ, также въ юго-западной части Ардатовскаго и въ Саранскомъ уѣздахъ, куропатокъ замѣтно меньше, чѣмъ въ упомянутой нами переходной лѣсо-степной полосѣ Ардатовскаго уѣзда. Въ Ардатовскомъ уѣздѣ, равно какъ въ юго-восточной части Алатырскаго уѣзда, западной—Симбирскаго и сѣверной—Карсунскаго, сѣрыхъ куропатокъ стало замѣтно больше съ засухъ начала девяностыхъ годовъ.

Въ только-что упомянутыхъ мѣстахъ лѣтомъ и осенью куропатки любятъ держаться у краевъ рѣчныхъ долинъ, кормясь въ смежныхъ поляхъ и спускаясь на отдыхъ въ сухія уремы. Въ лугахъ долины Алатыря не рѣдкость поднять стаю куропатокъ въ концѣ августа и сентябрѣ; держатся онѣ здѣсь изрѣдка и зимою, кормясь иногда на мѣстахъ, гдѣ стояли свезенные стога сѣна.

Зимою стаи разбиваются, и куропатки спариваются очень рано весной, еще до появленія первыхъ проталинъ. Время кладки и вывода птенцовъ, очевидно, сильно варьируетъ, такъ какъ едва начавшихъ летать птенцовъ приходится видѣть и въ половинѣ іюня, и въ началѣ августа. Число птенцовъ въ выводкѣ очень велико, иногда достигаетъ 16—18 штукъ.

На основаніи нашихъ наблюденій мы можемъ подтвердить сообщенія Ожильви Гранта [1]), что вполнѣ надежнымъ внѣшнимъ отличіемъ самца отъ самки служитъ не темное подковообразное пятно на нижней части груди (оно встрѣчается изрѣдка и у самокъ, будучи иногда хорошо выражено и представляя, повидимому, зачатки пѣтухоперости [2]), но окраска кроющихъ

---

[1]) Ogilvie Grant. „The Field“, 21 Novem. 1891, 9 April 1892. *Perdix perdix.*

[2]) Науманъ указываетъ, что грудное пятно встрѣчается исключительно у *старыхъ* самокъ (Naumann. Naturg. d. Vögel Mitteleurop., B. VI, 127).

крыла и плечевыхъ перьевъ: у самца они имѣютъ лишь стержневую блѣдную полоску, а у самки кромѣ того и одну или двѣ неровныхъ поперечныхъ полоски.

Симбирская сѣрая куропатка должна быть отнесена къ формѣ *P. robusta* Hom. Если сопоставить извѣстныя намъ описанія западно-европейской (типичной *P. perdix* L.) куропатки съ оригинальнымъ описаніемъ разновидности *P. robusta* изъ Алтая [1]), то оказывается, что послѣдняя отличается болѣе блѣднымъ опереніемъ и значительно бо̀льшимъ ростомъ. Впослѣдствіи Альтумъ [2]) отнесъ къ формѣ *P. robusta* и московскіе экземпляры. По нашимъ измѣреніямъ, то же приходится сказать о симбирскихъ и даже лифляндскихъ сѣрыхъ куропаткахъ, и такимъ образомъ форму *P. robusta* можно считать русской вообще, а не спеціально алтайской формой. Различіе между двумя формами, повидимому, точнѣе всего установить такъ: самыя крупныя птицы типичной формы обыкновенно не превосходятъ размѣровъ для всей длины птицы 32,2 снт. (12,7 дм.), для крыла 15,75 снт. (6,25 дм.), для клюва отъ ноздрей 1,2 снт. (0,47 дм.) и для средняго пальца безъ когтя 3,2 снт. (1,25 дм.). Между тѣмъ, среди птицъ русской или восточной формы (*P. robusta* Hom.) даже молодыя птицы, только что надѣвшія взрослый нарядъ, обыкновенно превосходятъ эти размѣры.

По отношенію къ мѣстному охотничьему промыслу куропатка не играетъ такой роли, какъ рябчикъ. Однако, изрѣдка мѣстные промышленники добываютъ ихъ ружьемъ (почти исключительно зимою), а также иногда кроютъ цѣлыми стаями на гумнахъ, куда прилетаютъ кормиться во время зимней безкормицы куропатки,—импровизированнымъ

[1]) „Beiträge zur Kenntniss der Ornithologie West-Sibiriens, namentlich der Altai-Gegend", von E. F. von Homeyer und C. A. Tancré. Wien, 1883, p. 34—35.

[2]) Altum. „Ueber Formen des Rephuhns" въ „Journal für Ornithologie", 1894.

шатромъ, роль котораго играетъ обыкновенно расправленный и настороженный бредень.

Coturnix coturnix L.

Perdix coturnix Linn. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 348. *Coturnix dactylisonans* Meyer. М. Богдановъ. Ит. и звѣри черноз. пол. Пов., стр. 125. *Coturnix communis* Bonnat. М. Рузскій. Орнит. набл. въ Симб. губ., стр. 4, 9, 11, 13. М. Мензбиръ. Птицы Росс., II, стр. 522.

Перепела прилетаютъ въ предѣлы Симбирской губерніи во второй половинѣ апрѣля, и въ концѣ этого мѣсяца, а чаще съ начала мая, уже приходится слышать бой самцовъ. Гнѣздятся здѣсь перепела повсюду безъ особаго разбора: въ хлѣбныхъ поляхъ — особенно на „столбахъ“ и межахъ, въ просахъ и горохахъ, въ степныхъ лугахъ и суходолахъ, въ поймахъ, не исключая и потныхъ кочкарниковъ, причемъ въ лугахъ поймъ ихъ гнѣздится едва ли не больше, чѣмъ въ поляхъ; въ лѣсныхъ порубахъ и мелочахъ даже довольно далеко отъ опушекъ; на большихъ лѣсныхъ полянахъ, иногда даже на лежащихъ въ глубинѣ лѣса. Около 20—25 лѣтъ тому назадъ перепела въ описываемой мѣстности держались въ такомъ количествѣ, что весною и раннимъ лѣтомъ воздухъ былъ наполненъ ихъ боемъ, и трудно было пройти полями или поймой 200—300 шаговъ, не выгнавъ ногами перепела. Лѣтъ около 15 тому назадъ началось чрезвычайно быстрое сокращеніе количества прилетныхъ перепеловъ, что̀ весьма трудно объяснить какимъ-либо прямымъ вліяніемъ расширяющейся культуры мѣстности (такъ какъ перепела распаханныхъ полей отнюдь не избѣгаютъ), равно какъ и преслѣдованіемъ, такъ какъ таковое въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ практиковалось только на нѣкоторыхъ ограниченныхъ участкахъ губерніи,—напр., въ сѣверной части Курмышскаго уѣзда, гдѣ перепеловъ травили нѣкогда ястребами. Быть можетъ, измѣненіе количества гнѣздящихся у насъ перепеловъ зависитъ болѣе отъ истребленія пролетныхъ перепеловъ гдѣ-ни-

будь въ южныхъ мѣстностяхъ, напр., на берегахъ Чернаго и Средиземнаго морей.

Въ настоящее время количество прилетающихъ въ Симбирскую губернію и сосѣднія мѣстности перепеловъ, не бывая никогда очень значительнымъ, сильно измѣняется по годамъ: годы сравнительно обильнаго прилета чередуются съ годами, въ которые перепеловъ появляется особенно мало. Такія колебанія стоятъ, быть можетъ, въ зависимости отъ большаго или меньшаго благополучія перелета. На такихъ небольшихъ птицахъ съ слабымъ сравнительно полетомъ должны особенно сильно отражаться разныя неблагопріятныя случайности сезонныхъ перелетовъ вродѣ, напр., продолжительныхъ встрѣчныхъ вѣтровъ во время перелета черезъ моря.

Въ біологическомъ отношеніи перепела интересны обычнымъ у этого вида запоздалымъ размноженіемъ. Случается иногда въ половинѣ сентября найти выводокъ перепеловъ, птенцы котораго едва проклюнулись или, въ лучшемъ случаѣ, только что начали летать. Такіе выводки, вѣроятно, погибаютъ, не успѣвъ окрѣпнуть до наступленія холодовъ. Большой интересъ представляли бы прямыя наблюденія надъ судьбою такихъ выводковъ—птенцовъ и самки.

Отъ старыхъ охотниковъ, любителей ловить перепеловъ сѣтями, въ Курмышскомъ уѣздѣ приходилось намъ слышать, что перепелъ-самецъ иногда сидитъ на гнѣздѣ, высиживая яйца. Перепелъ, какъ извѣстно, полигамъ, и участіе самца въ высиживаніи яицъ является поэтому довольно загадочнымъ фактомъ. Однако, одному изъ авторовъ этой работы лично пришлось убѣдиться въ томъ, что разсказы эти справедливы. Въ концѣ мая 1900 года пишущій эти строки проходилъ въ сопровожденіи лягавой собаки участкомъ сухихъ луговъ на границѣ поймы рѣки Алатыря въ Ардатовскомъ уѣздѣ, близъ деревни Михайловки. Собака встала и послѣ приказанія итти впередъ схватила въ травѣ у себя подъ ногами перепела, который и былъ немедленно вынутъ у нея изъ зубовъ. При

этомъ оказалось, что собака мордой и лапами подавила лежавшія въ гнѣздѣ порядочно уже насиженныя яйца, на которыхъ несомнѣнно сидѣлъ перепелъ, оказавшійся крупнымъ типично-окрашеннымъ самцомъ съ нормально развитыми половыми железами. На брюхѣ его было хорошо развитое насядное пятно [1]). Тщательные поиски вокругъ доказали отсутствіе самки вблизи гнѣзда.

Въ раннихъ выводкахъ приходится встрѣчать летныхъ птенцовъ уже во второй половинѣ іюля. Выводки перепеловъ часто многочисленны. Въ долинѣ Суры случалось намъ находить даже позднія кладки (напр. 3-го іюля) изъ 14 яицъ.

Осенній пролетъ перепеловъ идетъ въ нашихъ мѣстахъ въ теченіе сентября, и отдѣльныя особи остаются осенью очень долго. Одному изъ авторовъ этой работы случилось видѣть близъ Симбирска 15-го октября, когда земля была уже покрыта снѣжкомъ, какъ ворона гонялась за перепеломъ — не больнымъ, судя по его полету. Еще болѣе интересный фактъ слышали мы отъ двухъ охотниковъ Саранскаго уѣзда Пензенское губерніи. Здѣсь нѣсколько штукъ перепеловъ убито было въ концѣ ноября, по глубокому уже снѣгу. Птицы держались на загонахъ несжатаго по причинѣ затяжныхъ осеннихъ дождей и полегшаго проса. Снѣгъ покрылъ густое полегшее просо сверху, но между слоями соломы и кистей проса и землей остались не заполненныя снѣгомъ пространства, въ которыхъ укрывались, находя себѣ, очевидно, обильную пищу, перепела. Возможно, что это были взматерѣвшіе лишь къ этому позднему времени птицы изъ запоздавшихъ выводковъ. Ничего нѣтъ, по нашему мнѣнію, невозможнаго въ предположеніи, что при этихъ благопріятныхъ условіяхъ перепела могли бы даже перезимовать благополучно, такъ какъ пищи на цѣлыхъ полосахъ неубраннаго проса, имъ, вѣроятно, хватило бы до

---

[1]) Чучело этого экземпляра находится въ Зоологическомъ музеѣ Московскаго Университета.

весны; снѣгъ же, покрывавшій полегшій хлѣбъ, давалъ имъ хорошую защиту отъ холода.

Въ промысловомъ отношеніи перепелъ въ Симбирской губерніи никакой роли не играетъ. Лѣтъ 40 тому назадъ татары въ Курмышскомъ уѣздѣ и особенно въ Сергачскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи ловили перепеловъ, засаливая ихъ въ бочонкахъ, въ большомъ количествѣ съ помощью выношенныхъ ястребовъ-перепелятниковъ (*Accipiter nisus*) и простыхъ дворняжекъ, которыхъ дрессировали для этой охоты. Промыселъ этотъ совершенно прекратился, вѣроятно, главнымъ образомъ отъ недостатка дичи.

ГЛАВА VII.

О токахъ тетеревовъ. Отношеніе токующихъ тетеревовъ къ самкамъ. Поздніе весенніе тока. Осенніе и зимніе тока. Тока тетеревовъ и ученіе о половомъ подборѣ. О перелетахъ куропатокъ въ юго-восточной Россіи.

Картина тетеревинаго тока такъ часто и такъ подробно была описываема многими опытными надблюдателями, что мы не видимъ нужды останавливаться на этомъ явленіи, описывая самый ходъ его. Мы касаемся лишь нѣкоторыхъ подробностей хода токовъ, которыя, какъ намъ кажется, имѣютъ общее значеніе, и въ толкованіи которыхъ мнѣнія спеціалистовъ расходятся.

Большинство зоологовъ, какъ извѣстно, держится того взгляда, что токъ тетеревовъ (какъ и другихъ полигамовъ), т.-е. пляски, драки и крики самцовъ въ брачный періодъ—являются средствомъ приманивать и плѣнять самокъ, выказывая передъ ними свою красоту и силу, и тѣмъ завоевывать ихъ благосклонность и оттѣснять другихъ соперниковъ—путемъ прямого насилія (борьбой за самку) или привлекая самку бо̀льшей красотой оперенія, лучшимъ голосомъ etz.

Наши личныя довольно продолжительныя и тщательныя наблюденія надъ токующими тетеревами привели насъ постепенно къ убѣжденію, что развѣ только съ очень большой натяжкой можно видѣть въ поведеніи токующихъ косачей прямую или косвенную борьбу за обладаніе самками. Если не подгонять фактовъ къ предвзятой мысли, все явленіе можно

схематизировать такъ: чѣмъ здоровѣе и сильнѣе косачъ, тѣмъ азартнѣе онъ токуетъ: занимаетъ среднія мѣста токовища, громче и продолжительнѣе, съ меньшими промежутками поетъ и охотнѣе вступаетъ въ драку съ сосѣдями. Но чѣмъ больше косачъ увлекается самымъ процессомъ токованія, *тѣмъ меньше обращаетъ онъ вниманія на самокъ*, тѣмъ позже утромъ онъ прекращаетъ токованіе, чтобы присоединиться къ нимъ. Во время токованія самки обыкновенно держатся у окраинъ токовища въ кустахъ или зарослях. Ближе къ окраинамъ токовищъ имѣютъ свои мѣста и молодые или болѣе слабые косачи, вытѣсняемые изъ центральныхъ частей болѣе сильными. Они токуютъ менѣе горячо, съ большими промежутками, раньше кончаютъ и позже начинаютъ, и нужно думать, что нерѣдко именно на ихъ долю выпадаетъ вниманіе возбужденныхъ самокъ, на „квоканіе“ и даже появленіе конхъ азартные токовики нерѣдко не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія.

Если бы на току самцы щеголяли передъ самками съ цѣлью остановить на себѣ ихъ выборъ или старались отбить самку у другого самца, то естественно было бы ожидать, чтобы наиболѣе сильные и азартные самцы занимали мѣста, болѣе близкія къ тѣмъ, гдѣ держатся самки. Токующіе самцы, конечно, немедленно бросались бы къ самкѣ, голосомъ и жестами выражающей явные признаки полового возбужденія. Мы видѣли бы, наконецъ, что самцы вступаютъ въ драки между собою не исключительно при случайной встрѣчѣ, но именно въ моменты появленія самокъ между ними, въ моменты, когда какой-либо изъ самцовъ скрывается съ тока съ самкой,—и нападаютъ на соперника съ цѣлью отогнать его отъ самки. И въ результатѣ самки спаривались бы съ болѣе сильными и красивыми самцами. На самомъ же дѣлѣ токующіе самцы во время самаго токованія обращаютъ на самокъ до странности мало вниманія, такъ что о дракахъ или соревнованіи во время тока *изъ-за самокъ*, по нашему мнѣнію, не можетъ быть рѣчи. Намъ нерѣдко казалось, что не было бы слишкомъ парадок-

сальнымъ сравнить токованіе съ исполненіемъ освященныхъ обычаемъ обрядовъ какого-либо важнаго культа,—на столько бросается въ глаза строгая, разъ навсегда опредѣленная размѣренность и послѣдовательность всѣхъ движеній и звуковъ токованія, не имѣющихъ и признаковъ свободы и безпорядочности страстнаго увлеченія. Токовики обыкновенно усердно выполняютъ до опредѣленнаго часа всѣ свои обычные прыжки, жесты и „пѣніе“. Точно такъ же и одинокіе косачи въ неволѣ очень строго продѣлываютъ всѣ тѣ движенія и крики, изъ которыхъ состоитъ токованіе.

Мы полагаемъ, что сильную поддержку только что высказанному мнѣнію мы находимъ въ явленіяхъ 1) позднихъ токовъ, происходящихъ въ половинѣ и концѣ мая, когда самки уже сидятъ на яйцахъ и 2) такъ называемаго „осенняго тока“. На этихъ явленіяхъ мы теперь и остановимся подробнѣе.

Въ половинѣ, а часто и въ концѣ мая, въ особенности въ тѣ годы, когда этому періоду предшествовалъ періодъ холодной погоды, задержавшей тока,—тетерева въ Симбирской губерніи токуютъ еще сильно. Въ долинѣ Алатыря мы наблюдали въ это время какъ одиночныхъ токующихъ пѣтуховъ, такъ и сборища до 10—12 птицъ, токовавшихъ и утромъ, и вечеромъ передъ закатомъ и на закатѣ солнца. Въ Ардатовскомъ уѣздѣ, въ примыкающей къ долинѣ Алатыря полосѣ между деревнями Михайловкой, Гудимовкой, Монадышами и Хухоревомъ, представляющей волнистое пространство распаханныхъ полей, изрѣзанныхъ многочисленными лѣсными оврагами и отдѣленныхъ отъ Алатыря полосой дубовыхъ лѣсовъ,—тетерева и въ послѣдніе годы были еще довольно многочисленны, и здѣсь удавалось намъ неоднократно наблюдать тока еще въ половинѣ мая,—и въ довольно большихъ размѣрахъ. Весна въ это время уже приходитъ къ концу; лѣсъ обильно одѣтъ вполнѣ развившейся листвой, луговыя травы поднялись, но на паровыхъ поляхъ обыкновенно еще едва выбивается трава, и сюда, на совершенно ровные и открытые

участки пара, лежащіе между оврагами, вылетаютъ токовать тетерева. Вслѣдствіе обычной осторожности мѣста токовъ выбираются здѣсь тетеревами на довольно обширныхъ ровныхъ площадяхъ, такъ что ближайшіе овраги отстоятъ обыкновенно отъ токовища на разстояніи 100 — 200 саженъ и больше. Обыкновенно по вечерамъ на отдѣльные тока собираются здѣсь по 6—8 птицъ, вылетающихъ изъ заросшихъ густою порослью овраговъ или ближайшей опушки лѣса передъ закатомъ солнца и токующихъ до темноты. Не только съ помощью бинокля, но и простыми глазами здѣсь легко бываетъ наблюдать всю типичную картину тока съ бормотаньемъ и чуфыканьемъ косачей, плясками и ожесточенными драками. При такомъ маломъ количествѣ птицъ обыкновенно дерется одна пара, остальные же пѣтухи частью ходятъ кругомъ раскрыленные и съ распушенными перьями, частью же спокойно сидятъ въ сторонѣ, наблюдая картину боя. Одна дерущаяся пара смѣняется другой, или въ дерущейся парѣ смѣняется лишь одинъ изъ бойцовъ. Самая драка возникаетъ, повидимому, обыкновенно тогда, когда воркующіе и расхаживающіе близко другъ отъ друга пѣтухи встрѣтятся лицомъ къ лицу: тутъ съ внезапно вспыхивающей яростью они прыжками бросаются другъ на друга. Насколько удавалось намъ прослѣдить это, среди прилетающихъ въ это время на токъ косачей есть такіе, которые, акуратно посѣщая мѣсто токовъ, уже не принимаютъ, повидимому, никакого участія въ самомъ процессѣ токованія, спокойно сидятъ въ сторонкѣ отъ центра плясокъ и боя, и, быть можетъ, бормочутъ, но не чуфыкаютъ, не поднимаютъ перьевъ, не позируютъ и не ввязываются въ драки. Они улетаютъ съ мѣста тока ранѣе пляшущихъ и дерущихся косачей.

Никогда не приходилось намъ видѣть или слышать вблизи мѣстъ этихъ позднихъ токовъ курочекъ. Не говоря о томъ, что онѣ никогда не показываются на открытыхъ мѣстахъ по близости токовищъ, но и въ ближайшихъ къ мѣсту тока овра-

гахъ не случалось намъ ни поднимать самокъ, ни слышать клокотанья.

Одиночныхъ токующихъ самцовъ мы наблюдали вблизи деревни Михайловки въ самой поймѣ Алатыря, и притомъ годами еще 30-го и 31-го мая и 1-го іюня. Тетерева играли въ разстояніи около версты отъ рѣки, на луговыхъ потныхъ полянахъ среди густой лиственной заросли изъ невысокихъ дубовыхъ и ивовыхъ кустовъ. Въ этомъ мѣстѣ рѣчная урема постепенно переходитъ въ довольно обширныя болотистыя крѣпи, примыкающія къ ограничивающему лѣвобережную пойму Алатыря бору. Въ чертѣ луговъ поймы—сухихъ или и не слишкомъ мокрыхъ,—среди площадей кустовъ, выводки тетеревовъ въ іюнѣ и іюлѣ не представляются особенной рѣдкостью; тетерева держатся здѣсь и осенью, всего же чаще въ серединѣ и второй половинѣ іюня попадаются линяющіе косачи, выходящіе утромъ и въ послѣ-полуденное время — часовъ съ четырехъ и до вечера — пастись на чистые луга, иногда даже и на довольно большомъ разстояніи отъ зарослей. Но ранней весной токовъ мы здѣсь не наблюдали,—тетерева собираются на токовища внѣ черты поёмныхъ луговъ. Въ этихъ же мѣстахъ въ концѣ мая, напротивъ, бормочущихъ и пляшущихъ пѣтуховъ увидать не трудно. Такъ какъ косачи играютъ въ одиночку на маленькихъ окруженныхъ кустами полянахъ, то удается иногда приблизиться къ птицѣ на 2—3 десятка шаговъ, хотя малѣйшая неосторожность спугиваетъ токовика. На сыроватыхъ лугахъ трава въ это время уже настолько высока, что иногда приходится видѣть лишь выставляющуюся изъ густой травы голову токующаго тетерева въ тѣ моменты, когда птица приподнимается. Тетеревъ поднимаетъ перья, распускаетъ крылья, чуфыкаетъ, бормочетъ, но не бѣгаетъ, а или стоитъ на мѣстѣ, или едва-едва передвигается и только мѣняетъ позы. Случается, что довольно близко другъ отъ друга, раздѣленные кустами, бормочутъ два или три тетерева, но не дѣлаютъ попытокъ сблизиться или

подраться, а бормочутъ и чуфыкаютъ всю вечернюю зорю каждый на своемъ мѣстѣ. Одинъ разъ только пришлось автору этихъ строкъ выпугнуть неподалеку отъ токовавшаго тетерева изъ густой заросли курочку, которая улетѣла съ громкимъ клохтаньемъ; обыкновенно же и здѣсь самокъ не видно вовсе.

По всему вѣроятію въ поздній періодъ весны, при приближеніи линьки, нѣкоторые тетерева передвигаются изъ черты ближайшихъ лѣсовъ въ сырыя трудно-проходимыя заросли поймы, къ лугамъ, гдѣ и остаются на время линьки, и при благопріятныхъ метеорологическихъ условіяхъ здѣсь испытываютъ еще приступы полового чувства и токуютъ поодиночкѣ. У двухъ пѣтуховъ, убитыхъ здѣсь 30-го мая, брови были еще хорошо развиты, опереніе въ полной красѣ, и незамѣтно было никакихъ признаковъ линьки. Въ то же время пишущему эти строки приходилось въ началѣ второй половины іюня заставать линяющихъ косачей въ открытыхъ лугахъ вблизи описанныхъ выше зарослей, и притомъ въ полной линькѣ, такъ что птицы поднимались и летѣли съ замѣтнымъ трудомъ. Несомнѣнно, что за послѣдними днями токованья, которое затягивается у отдѣльныхъ птицъ до іюня, быстро начинается линька и течетъ довольно бурно. Вѣроятно, что время окончанія токовъ, начала линьки, сила и вся картина линьки зависятъ и отъ внѣшнихъ условій—метеорологическихъ, условій мѣстности и проч.—и отъ индивидуальности каждой птицы; возможно, что есть прямая связь между картиною токованья каждаго отдѣльнаго косача и условіями его линьки и тому под.; но эти въ высокой степени любопытныя и существенныя подробности лишь съ большимъ трудомъ можно, а пожалуй и вовсе нельзя, уловить при наблюденіи надъ птицами, живущими на волѣ.

Переходимъ теперь къ описанію интереснаго явленія такъ называемаго „осенняго тока“. Спеціальная литература удѣляетъ слишкомъ мало вниманія вопросу объ осеннемъ токо-

ваніи [1]). Между тѣмъ осенній токъ—явленіе широко распространенное и мѣстами очень рѣзко выраженное, хотя, страннымъ образомъ, не повсемѣстное. С. Т. Аксаковъ, охотившійся въ предѣлахъ сѣверной половины теперешней Самарской губ., подробно писавшій объ осенней охотѣ на тетеревовъ, наблюдатель внимательный и точный,—ни словомъ не упоминаетъ объ этомъ явленіи. Въ Симбирской губерніи (Ардатовскомъ, Карсунскомъ и Алатырскомъ уѣздахъ) мы наблюдали лишь отдѣльные случаи осенняго токованія,—оно случается здѣсь сравнительно рѣдко и въ малыхъ размѣрахъ; между тѣмъ напр. въ Петербургской губерніи осенніе тока можно наблюдать весьма часто и въ большихъ размѣрахъ.

Въ настоящее время свѣдѣнія объ осеннемъ токованіи (тетеревовъ, а частью глухарей) въ охотничьей литературѣ имѣются изъ слѣдующихъ мѣстъ: бассейнъ Печоры, граница Архангельской и Олонецкой губерніи [2]), юго-восточная Фин-

---

[1]) Вотъ просмотрѣнная нами охотничья литература, касающаяся тетеревиныхъ токовъ—главнымъ образомъ осеннихъ. Аксаковъ Зап. Руж. охотника Оренб. губ., 1886, стр. 270.—Л. П. Сабанѣевъ. Тетеревъ-косачъ, 1873, стр. 19.—Левъ Ушковъ. Изъ Екатеринбурга. Охотничья Газета, 1888. № 49.—В. Соловьевъ. Изъ Верхне-Уфалейскаго завода. О. Г., 1889, № 5.—Б. Егоровъ. Зимнее токованіе тетерева. О. Г., 1890, № 4.—Я. Байковъ. О зимнемъ токованіи тетерева. О. Г., 1890, № 8.—С. Бутурлинъ. Осенній токъ тетерева. О. Г., 1895, № 38.—С. Бутурлинъ. Къ зимнему току тетерева. Псовая и Ружейная Охота, 1897, № 7.—А. Кузнецовъ. Замѣтка къ статьѣ Бутурлина etc. П. и Р. О., 1897, № 11.—Л. Іозофовичъ. П. и Р. О., 1897, февраль.—А. Кондратьевъ. Изъ с. Середы Костромской губ. П. и Р. О., 1897, № 16.—А. Д. Ш. Къ осеннему току тетерева. П. и Р. О., 1897, № 18.—Азіатъ. Между прочимъ. П. и Р. О., 1897, № 27.—В. Павлиновъ. Замѣтка о токахъ тетеревей etc. П. и Р. О., 1897, № 35.—А. Михайловъ. Осеннее токованіе. О. Г., 1897, № 39.—В. К. Ранній токъ. О. Г., 1898, № 7.—А. Михайловъ. Объ осеннемъ токованіи. О. Г., 1898, № 14.—Л. Іозофовичъ. Объ уничтоженіи самцовъ. П. и Р. О., 1898. Май.—Л. Александровъ. Рыбинскія замѣтки. П. и Р. О., 1899, № 5.—Я. Байковъ. 1899 годъ въ охотничьемъ отношеніи etc. Природа и Охота, 1900, Январь.—П. П. Орнатскій. По поводу небылицъ. П. и Р. О., 1900, февраль. С. Бутурлинъ. Объ осеннемъ токованіи. П. и Р. О., іюнь.—А. Педашенко. Осенній токъ тетеревовъ въ Новогородской губ. П. и Р. О., 1901, іюнь.

[2]) Указаніе изъ этой мѣстности касается лишь глухаря.

ляндія, различные уѣзды Петербургской и Новгородской губерній, Порховской уѣздъ Псковской, Витебская, Виленская, Могилевская, разные пункты Смоленской и Тверской губерній, Рыбинскій уѣздъ Ярославской, Костромская, Екатеринбургскій уѣздъ Пермской, Тюменскій уѣздъ Тобольской, Алатырскій и Карсунскій уѣзды Симбирской, Нижегородская губернія, Клинскій и южные уѣзды Московской, Калужская, Тульская и Рязанская губерніи. Очевидно, что описываемое явленіе широко распространено — почти повсемѣстно, хотя происходитъ и не съ одинаковой интенсивностію.

Относительно времени осенняго токованія сопоставленіе наблюденій показываетъ, что начинается оно иногда еще въ іюлѣ, но чаще въ августѣ; на сентябрь и октябрь приходится разгаръ токовъ; въ ноябрѣ, а тѣмъ болѣе въ декабрѣ тока становятся рѣже, а относительно января есть только два указанія. Нѣкоторые наблюдатели прямо указываютъ, что во второй половинѣ января и февралѣ токованія не наблюдается. Въ мартѣ же начинаются уже весенніе тока.

Такое распредѣленіе токованія во времени объяснить нетрудно. Во время брачнаго періода косачи худѣютъ и истощаются, и непосредственно послѣ него въ концѣ мая мѣсяца или въ началѣ іюня у тетеревовъ начинается болѣзненный и тяжелый физіологическій процессъ — линька; понятно, что въ это время косачамъ не до токованія,—они ведутъ скрытный и осторожный образъ жизни и держатся поодиночкѣ, въ крѣпкихъ мѣстахъ. Но въ теченіе августа, а у отдѣльныхъ экземпляровъ даже въ послѣднихъ числахъ іюля линька косачей подходитъ къ концу, они поправляются — и тогда же начинаютъ токовать, сначала понемногу, а послѣ, по мѣрѣ того какъ оправляются послѣ линьки, болѣе. Однако въ декабрѣ, а тѣмъ болѣе въ январѣ и февралѣ, подъ вліяніемъ сильныхъ холодовъ и зимней безкормицы, самочувствіе птицъ очевидно опять понижается, и онѣ перестаютъ токовать до первыхъ ясныхъ признаковъ весны.

Осенью и въ первой половинѣ зимы погода оказываетъ сильное вліяніе на тока; обыкновенно косачи токуютъ или въ ясные, солнечные, не очень морозные дни, или въ теплую, тихую, туманную погоду. Дождь и снѣгъ, сильный вѣтеръ или морозъ ниже 10^0—12^0 R. почти всегда прекращаютъ осеннее токованіе. Какъ извѣстно, и весной погода замѣтно отражается на интенсивности токованія, но, конечно, не столь рѣзко, какъ осенью, и главнымъ образомъ потому, что весной косачи токуютъ несравненно горячѣе.

Остановимся теперь вкратцѣ на самомъ ходѣ осенняго токованія.

Еще въ іюлѣ, хотя и крайне рѣдко, приходится услыхать чуфыканіе, а иногда и тихое бормотанье тетерева на землѣ; это всегда бываютъ, понятно, старыя птицы. Старые же косачи бормочутъ изрѣдка и въ первой половинѣ августа, обыкновенно такъ же на землѣ и въ чащѣ. Но уже въ концѣ августа намъ случалось слышать въ Симбирской губерніи бормотаніе — не особенно громкое — съ дерева, на которомъ сидятъ штукъ 5—6 тетеревовъ — самцовъ и самокъ; по всему вѣроятію, это были уже вполнѣ выросшія молодыя особи одного неразбившагося выводка.

Въ сентябрѣ и октябрѣ бормотаніе косачей раздается почти ежедневно (за исключеніемъ дней особенно плохой погоды), чаще на землѣ — полянкѣ, порубкѣ, — или на полѣ близъ опушки, но изрѣдка и на деревѣ. При этомъ косачъ иногда сидитъ одиноко, иногда же бормочутъ черныши изъ стаи, — все равно, составлена ли она изъ однихъ чернышей, или же также и изъ самокъ. Гдѣ много тетеревовъ, тамъ въ хорошее сентябрьское или октябрьское утро громкое бормотаніе — какъ намъ не разъ приходилось слышать — раздается положительно со всѣхъ сторонъ. При наступленіи зимы со снѣгомъ токованіе сначала нерѣдко продолжается на снѣгу, но къ декабрю тетерева токуютъ уже почти исключительно на деревьяхъ.

Осеннее токованіе проявляется преимущественно бормотаніемъ, но обыкновенно имъ неограничивается—по крайней мѣрѣ въ разгарѣ осенняго тока—въ сентябрѣ и октябрѣ—а сопровождается, какъ и весной, чуфыканьемъ, хлопаньемъ крыльями, подпрыгиваніемъ и даже дракой. Чуфыкаютъ даже, хотя рѣже, и косачи, токующіе осенью на деревьяхъ. Вотъ нѣсколько наблюденій такого рода.

Г. О. М. 6 іюля 1897 г. наблюдалъ въ Смоленской губ. на паровомъ полѣ тетерку и при ней двухъ косачей, одинъ изъ конхъ, распустивъ хвостъ и вытянувъ шею, пѣлъ „по весеннему“, только тише.

21 сентября 1895 года въ теплое, туманное, тихое утро, уже послѣ восхода солнца, одинъ изъ авторовъ этой работы наблюдалъ въ долинѣ Суры, недалеко отъ Промзина, близкое подобіе весенняго токованія: на небольшой полянкѣ, окруженной порослью дубняка, одинъ косачъ, повидимому старый, задорно бормоталъ и чуфыкалъ, прыгая и хлопая крыльями, а четыре самки находились въ окружающихъ кустахъ. Отдѣльные случаи токованія одинокихъ самцовъ не разъ наблюдали мы также въ началѣ и срединѣ сентября въ долинѣ Алатыря. Иногда вблизи бормочущаго на землѣ самца оказывались 1—2 самки.

Въ концѣ августа и началѣ сентября 1896 года одному изъ авторовъ этой работы неоднократно приходилось проѣзжать по смежнымъ частямъ Царскосельскаго и Шлиссельбургскаго уѣздовъ на протяженіи болѣе 20-ти верстъ, и при этомъ слышать съ разныхъ сторонъ доносящееся очень громкое чуфуканіе и бормотаніе. Проѣзжая мимо извѣстныхъ токовищъ, авторъ видалъ на нихъ цѣлыя стайки тетеревовъ, по 15 — 25 штукъ; птицы вели себя совершенно по весеннему: бѣгали по землѣ съ полураспущенными крыльями и поднятымъ хвостомъ, чуфыкали и бормотали, вспрыгивали и хлопали крыльями, а разъ даже — это было часовъ въ 7—8 утра—удалось наблюдать ожесточенную драку между

двумя находившимися на току чернышами. Въ этомъ случаѣ птицы были спугнуты съ тока, причемъ оказалось, что среди поднявшихся было 2 или 3 самки. „Квоканія" самокъ во время осеннихъ токовъ намъ слышать не приходилось, но и это бываетъ, какъ говоритъ г. Педашенко. Словомъ, картина тока получается полная. Почти такую же полную картину токованія г. Іозофовичъ наблюдалъ въ половинѣ января, на снѣгу, въ Красненскомъ уѣздѣ.

Такимъ образомъ, отличіе осенняго токованія отъ весенняго заключается (помимо того, что за нимъ, по всему вѣроятію, не слѣдуетъ совокупленія) въ менѣе громкомъ пѣніи въ обычномъ преобладаніи сравнительно спокойнаго бормотанія надъ напряженнымъ чуфыканіемъ,—вообще въ меньшей азартности, оживленности токованія, говоря вообще. И чѣмъ холоднѣе или вообще неблагопріятнѣе погода, тѣмъ замѣтнѣе это отличіе. Что касается времени сутокъ, то осенью, конечно, токованіе начинается позже, чѣмъ весной,—незадолго до восхода солнца, причемъ особенно горячо токуютъ при восходѣ и часовъ до 8, даже 10 утра. Между 12 и 2 часами тетерева токуютъ очень рѣдко и мало, а затѣмъ къ вечеру нѣсколько усиленнѣе.

Такова общая, сжатая картина осенняго токованія. Въ подробностяхъ разные наблюдатели, конечно, нерѣдко расходятся, частью, повидимому, вслѣдствіе отрывочности наблюденій и излишняго ихъ обобщенія [1]), частью же вслѣдствіе нѣкоторыхъ, дѣйствительно существующихъ, мѣстныхъ различій. Напримѣръ, какъ уже указано выше, въ Петербургской и другихъ сѣверно-западныхъ и западныхъ изъ перечисленныхъ губерній осенній токъ—самое обычное, почти ежедневное явленіе. Въ Симбирской же, гдѣ тетеревовъ мѣстами еще не мало, это явленіе сравнительно болѣе рѣдкое. Про-

[1]) Одни авторы говорятъ, напримѣръ, что токуютъ косачи *только* изъ тѣхъ стай, гдѣ нѣтъ самокъ; другіе утверждаютъ прямо обратное. Намъ же приходилось наблюдать и тѣ, и другіе случаи.

исходитъ ли это подъ вліяніемъ большей континентальности климата, т.-е. главнымъ образомъ холодныхъ осеннихъ ночей, мы рѣшить не беремся, но считаемъ это вѣроятнымъ.

Въ Тобольской губерніи, судя по единичному имѣющемуся сообщенію, токованье (бормотаніе и иногда чуфыканье) наблюдается на деревьяхъ, отъ наступленія утренниковъ до спада листьевъ въ октябрѣ [1]).

Мы остановились сравнительно подробно на нѣкоторыхъ біологическихъ чертахъ, присущихъ тетеревамъ во время весеннихъ токовъ, а также на условіяхъ такъ называемаго „осенняго тока", такъ какъ явленія эти представляютъ большой біологическій и философскій интересъ, и изученіе ихъ во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ можетъ въ извѣстной мѣрѣ способствовать правильному пониманію одного изъ основныхъ вопросовъ біологіи и философіи естествознанія,— вопроса о половомъ подборѣ. Какъ извѣстно, ученіе о половомъ подборѣ и о причинахъ развитія въ животномъ царствѣ брачныхъ украшеній и полового диморфизма высшихъ животныхъ было первоначально разработано Ч. Дарвиномъ [2]). Несмотря на многія оговорки, сдѣланныя Ч. Дарвиномъ въ различныхъ мѣстахъ своей книги, знаменитый ученый все же придаетъ своей теоріи полового подбора, которая является дополненіемъ къ теоріи естественнаго подбора,—общее, объемлющее значеніе и слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ сущность своей теоріи въ заключительной главѣ книги [3]).

---

[1]) Въ охотничьей литературѣ имѣются указанія и на осенній токъ глухарей изъ Пермской, Нижегородской, съ границы Олонецкой и Архангельской губерніи и изъ Финляндіи. Изъ сообщеній видно, что глухари осенью токуютъ и днемъ, и что ихъ иногда въ это время бьютъ подъ пѣсню какъ весной. Но указаній этихъ, по причинѣ большей рѣдкости глухаря въ населенныхъ мѣстахъ и меньшей шумности его токованія, мало, почему мы и не будемъ останавливаться на этомъ вопросѣ подробно. (См. выше въ статьѣ о глухарѣ упомянутые нами случаи въ Симбирской губерніи).

[2]) Сочиненія Ч. Дарвина, т. II. Происхожденіе человѣка и половой подборъ. Перев. проф. И. Сѣченова. Спб. 1896.

[3]) l. c. стр. 117.

„Половой подборъ обусловливается успѣхомъ нѣкоторыхъ особей передъ другими особями того же пола по отношенію къ размноженію вида; тогда какъ естественный подборъ зависитъ отъ успѣха обоихъ половъ во всѣхъ возрастахъ по отношенію къ обычнымъ условіямъ жизни. Половая борьба является въ двухъ формахъ: разъ она происходитъ между недѣлимыми одного пола, обыкновенно мужского, съ цѣлью прогнать или губить соперниковъ, причемъ самки остаются пассивными; при другой же формѣ борьба происходитъ также между недѣлимыми одного пола, но съ цѣлью возбудить или очаровать особей другого пола, обыкновенно самокъ, которыя не остаются пассивными, но выбираютъ наиболѣе привлекательныхъ самцовъ. Послѣдній родъ подбора совершенно аналогиченъ съ тѣмъ, который человѣкъ безсознательно, но съ положительными результатами производитъ на своихъ одомашненныхъ животныхъ, когда въ теченіе долгаго времени постоянно выбираетъ наиболѣе красивыхъ или полезныхъ особей, не имѣя никакого опредѣленнаго намѣренія измѣнить породу“.

Такимъ образомъ, развитіе вторичныхъ половыхъ признаковъ у самцовъ птицъ (какъ и у другихъ животныхъ) Дарвинъ объясняетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что самки, при своей меньшей страстности, спариваются предпочтительно съ тѣми самцами, наружность (или голосъ, или манеры) коихъ имъ больше другихъ нравится или сильнѣе ихъ возбуждаетъ. Такой изъ поколѣнія въ поколѣніе повторяющійся выборъ самками самцовъ съ извѣстными особенностями, не представляющими ровно никакихъ выгодъ (а иногда и прямо невыгодными) въ борьбѣ за существованіе съ неблагопріятными условіями жизни, но дающими, благодаря такому предпочтенію со стороны самокъ, перевѣсъ однимъ самцамъ надъ другими въ дѣлѣ оставленія многочисленнаго потомства,—такой выборъ закрѣпилъ и развилъ эти особенности въ самцахъ. Однимъ изъ сильныхъ аргументовъ въ пользу теоріи поло-

вого подбора служилъ Дарвину фактъ усиленнаго щеголянія самцовъ передъ самками въ періодъ спариванія своими украшеніями, опереніемъ или голосомъ, а равно особенное развитіе какъ этой привычки, такъ и блеска оперенія и сложности украшеній у самцовъ полигамовъ, у коихъ выборъ самцовъ особенно тщателенъ, такъ какъ выбираются сравнительно немногіе.

Противъ этой теоріи былъ предъявленъ цѣлый рядъ возраженій, между прочимъ со стороны Уоллеса, считающаго половой подборъ лишь однимъ изъ случаевъ естественнаго подбора, а также со стороны Куннингэма [1]), объясняющаго развитіе вторичныхъ половыхъ признаковъ самцовъ наслѣдственнымъ вліяніемъ упражненія.

Несомнѣнно, что у громаднаго большинства видовъ птицъ самцы въ общемъ сильнѣе, крѣпче, энергичнѣе самокъ, и этотъ перевѣсъ силы и здоровья проявляется и въ большей яркости ихъ оперенія, и въ большей склонности къ разнымъ играмъ, движенію, пѣнію. Болѣе сильные и энергичные самцы имѣютъ перевѣсъ надъ слабыми не только въ борьбѣ съ жизненными условіями, но и въ своевременномъ спариваніи съ самками, почему и передаютъ слѣдующимъ поколѣніямъ свою силу и энергію, и при томъ по общимъ правиламъ наслѣдственности часто въ усиленномъ, накопленномъ размѣрѣ. Въ то же время самцы измѣнчивѣе самокъ и подвергаются обыкновенно — будучи меньше привязанными къ гнѣзду и выводку — меньшимъ опасностямъ, почему, быть можетъ, и являются болѣе способными развивать большее разнообразіе и яркость оперенія. Тотъ избытокъ энергіи и пластическаго матеріала, который въ брачный періодъ проявляется у самокъ откладываніемъ яицъ, у самцовъ въ то же время проявляется — сверхъ функцій половыхъ железъ — драками, пѣніемъ, усиленіемъ яркости окраски и появленіемъ различныхъ украшеній,

[1]) I. T. Cunningham. Sexual Dimorphism. 1900.

причемъ въ болѣе сильныхъ и здоровыхъ самцахъ всѣ эти проявленія силы и энергіи рѣзче выражаются, и они же болѣе имѣютъ шансовъ передать эти качества потомству.

Самцы видовъ, ничѣмъ не украшенныхъ, также во время спариванія ухаживаютъ за самками, летаютъ вокругъ, прыгаютъ, поднимаютъ перья; это и доказываетъ, между прочимъ, что эти привычки и жесты—просто результатъ сильнаго возбужденія, и не всегда во всякомъ случаѣ имѣютъ цѣлью щеголяніе своимъ нарядомъ. Въ свою очередь обычная борьба между самцами, существующая у весьма многихъ видовъ въ періодъ размноженія, путемъ упражненія съ теченіемъ времени могли развить силу, величину и энергію самцовъ сравнительно съ самками, а привычка во время первнаго возбужденія поднимать или распускать извѣстныя части оперенія могла, путемъ повторнаго раздраженія кожи, повести къ усиленному и своеобразному разрастанію перьевъ на этихъ участкахъ, измѣненію голыхъ участковъ кожи и т. д.

Что касается самцовъ полигамовъ и особой яркости и красоты ихъ нарядовъ, то и этотъ фактъ допускаетъ, кромѣ предложеннаго Дарвиномъ, по меньшей мѣрѣ два возможныя объясненія: во-первыхъ, можно предположить, что самцы-полигамы, при ихъ большей страстности и болѣе полной свободѣ отъ семейныхъ обязанностей, предаются дракамъ, ухаживанію и брачнымъ играмъ съ особенною энергіей и съ особенной продолжительностію, почему и результаты такихъ упражненій сказались на нихъ сильнѣе. Во-вторыхъ, какъ полигамныя привычки самцовъ извѣстныхъ птицъ, такъ и ихъ особенно блестящая, украшенная внѣшность могутъ быть параллельными слѣдствіями одной общей причины: большей мощи, энергіи и страстности самцовъ именно этихъ видовъ.

Что такъ называемое „щеголянье“ самцовъ передъ самками въ брачный періодъ, ихъ пѣніе, драки, самыя разнообразныя движенія и жесты, носящіе часто вполнѣ опредѣ-

ленный, привычный характеръ,—словомъ, брачныя игры и тока далеко не всегда являются лишь попытками самцовъ показать самкамъ роскошь своего наряда и своей красотой, голосомъ или иными преимуществами затмить своихъ соперниковъ и тѣмъ заставить самку остановить на себѣ выборъ, но являются просто проявленіемъ повышенной энергіи и прямымъ слѣдствіемъ полового возбужденія, одно изъ доказательствъ этого мы видимъ между прочимъ и въ позднемъ весеннемъ, осеннемъ и зимнемъ токованіи такихъ птицъ, какъ тетеревъ или глухарь.

Въ болѣзненный періодъ линьки и въ самый разгаръ зимнихъ морозовъ и вьюгъ птицамъ этимъ не до пѣнія, плясокъ и борьбы—въ чемъ въ сущности и состоитъ „токованіе“,—но въ остальное время онѣ съ увлеченіемъ предаются токамъ, хотя въ августѣ или сентябрѣ врядъ-ли можетъ быть рѣчь о склоненіи самокъ къ спариванію или состязаніяхъ за ихъ благосклонность. Поэтому правильнѣе смотрѣть на токованіе самцовъ, какъ на нормальное проявленіе здоровой энергіи, связанное съ просыпающимся половымъ чувствомъ, замѣтно усиливающееся весною, въ періодъ наибольшаго полового возбужденія, но и обычно имъ присущее во всякое время года, кромѣ полосъ болѣзни и нужды.

Высказанныя здѣсь соображенія относительно причинъ—или вѣрнѣе условій—развитія вторичныхъ половыхъ признаковъ являются, конечно, вполнѣ гипотетичными. Главною цѣлью нашею было лишь—изложить наши наблюденія надъ тетеревиными токами и указать на тѣ факты, которые, какъ намъ кажется, стоятъ въ нѣкоторомъ противорѣчіи къ теоріи полового подбора въ томъ видѣ, какъ эта теорія формулирована Дарвиномъ. Въ картинѣ токовъ—въ широкомъ смыслѣ этого слова—и другихъ видовъ птицъ есть многія черты, которыя указываютъ, что драки между самцами и такъ называемое „щеголянье“ самцовъ птицъ часто не связано такъ тѣсно съ прямымъ соперничествомъ изъ-за самокъ, какъ того тре-

буетъ теорія. Мы приведемъ здѣсь, какъ примѣры, слѣдующее. Самъ Дарвинъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги упоминаетъ о „драчливости“ турухтановъ, какъ о качествѣ, вообще присущемъ этимъ птицамъ въ брачный періодъ. Весною въ Симбирской губерніи намъ не разъ приходилось наблюдать пролетныя стаи самцовъ-турухтановъ, летящихъ отдѣльно отъ самокъ и останавливающихся по берегамъ весеннихъ разливовъ, — и въ долинахъ рѣкъ, и въ степяхъ. Сѣвшія на тину или на мокрый лугъ птицы обыкновенно разбѣгаются въ поискахъ за кормомъ, не обращая другъ на друга вниманія; но достаточно двумъ пѣтушкамъ столкнуться лицомъ къ лицу, какъ воротники ихъ поднимаются, и они бросаются другъ на друга. Сдѣлавъ нѣсколько прыжковъ, птицы вновь расходятся, продолжая покойно клевать.

По отношенію къ танцамъ и красованію своимъ нарядомъ весьма интересную картину представляетъ брачная жизнь журавлей—какъ красавки, такъ и обыкновеннаго сѣраго. Здѣсь мы упомянемъ лишь о слѣдующемъ. У насъ въ Симбирской губерніи сѣрые журавли весной появляются обыкновенно уже въ концѣ марта, и немедленно послѣ появленія первыхъ пролетныхъ стай около мѣстъ, удобныхъ для гнѣздовья,—уремъ, глухихъ болотъ поймы и лѣсныхъ опушекъ,—приходится уже видѣть обособленно держащіяся парочки. Мы не можемъ рѣшить, отдѣляются ли журавли отъ пролетныхъ стай уже парами, или спариваются на мѣстѣ. Если вѣрно второе предположеніе, то процессъ спариванья несомнѣнно совершается быстро. Каждая отдѣльная парочка, держась въ опредѣленномъ районѣ вблизи мѣста будущаго гнѣзда, начинаетъ съ увлеченіемъ предаваться брачнымъ играмъ. Если приблизиться къ сидящей на открытой полянѣ или болотѣ парѣ журавлей незамѣтно, не потревоживъ птицъ, часто удается видѣть, какъ журавль пляшетъ, присѣдаетъ, опускаетъ крылья и продѣлываетъ другія разнообразныя движенія передъ журкой. Иногда присѣдаетъ и кланяется и самка. Наигравшись, птицы

принимаются кричать, не обычнымъ протяжнымъ призывнымъ, а особымъ короткимъ, часто повторяющимся крикомъ, звуки котораго, быстро повторяясь, сливаются въ своеобразный гомонъ.

Ограничившись здѣсь лишь этими немногими замѣчаніями о случаяхъ дракъ и плясокъ самцовъ, не связанныхъ столь тѣсно съ соперничествомъ изъ-за самокъ, какъ предполагаетъ теорія полового подбора, переходимъ къ интересному и почти незатронутому въ спеціальной орнитологической литературѣ вопросу о перелетахъ сѣрой куропатки въ юго-восточной Россіи [1]).

---

[1]) Приводимъ просмотрѣнную нами литературу по вопросу о перелетѣ сѣрыхъ куропатокъ. Карлъ Корнеліусъ „Переселяющіяся животныя“ перев. С. А. Усовъ. Москва 1866, стр. 76. Н. А. Сѣверцовъ „Вертикальное и горизонтальное распредѣленіе Туркестанскихъ животныхъ“. Москва, 1873, стр. 21, прим. С. Алфераки „Изъ Таганрога“ въ „Природѣ и Охотѣ“, 1879, I, стр. 89—92. С. Давидовичъ, „Итоги прошлогодней охоты“ въ „Прир. и Охотѣ“ 1882, II, стр. 91—92. С. Алфераки „Замѣтки о сѣрыхъ куропаткахъ“ въ „Пр. и Ох., 1882, VII, стр. 117—119. H. Seebohm, „A. History of British Birds,“ London, 1884. II, p. 452. Н. Андріяновъ „Изъ Задонскихъ степей“ въ „Охотничьей газетѣ“, 1888. № 12, стр. 135. В. Кирѣевъ „Изъ Астраханской губ.“ въ „Охотн. Газ.“ 1888. № 26, стр. 295. С. Н. Алфераки „Изъ Таганрога“ въ „Ох. Газ.“, 1888, № 46, стр. 543. В. Кирѣевъ „Изъ Царицына, Саратовской губ.“ въ „Ох. Газ.“. 1888, № 557. Б. Шершеневичъ „Изъ Одессы“ въ „Ох. Газ.“, 1888, № 49, стр. 583. П*** „Изъ Таганрога“ въ „Ох. Газ.“, 1889, № 8, стр. 96. Г. М. Риніери „Съ юга Бердянскаго уѣзда“ въ „Ох. Газ.“, 1889, № 45, стр. 499. С. Фольцъ „Ставропольская губ., ея охоты и охотники“, въ „Ох. Газ.“, 1890, № 31, стр. 488. W. R. Ogilvie Grant „A Handbook. to the Game Birds“, London, 1895, I. p. 148—149. П. Соколовъ „Изъ Царицына“, въ „Охотн. Газ.“. 1895, № 43, стр. 676. А. В. Тарнопольскій „О пролетѣ куропатокъ“ въ „Ох. Газ.“, 1895, № 48, стр. 767. С. Алфераки „Къ запросу г. С. Бутурлина“ въ „Ох. Газ.“, 1895, № 48, стр. 767. П. Соколовъ „О пролетѣ куропатокъ, отвѣтъ г. С. Бутурлину“ въ „Ох. Газ.“. 1895, № 49, стр. 787. С. Бутурлинъ „О птицахъ Европ. Россіи, краткія замѣчанія по поводу книги пр. Мензбира“ въ „Прир. и Охотѣ“, 1896, III кн., стр. 55—56. Н. Воробьевъ „Къ вопросу о пролетѣ куропатокъ“ въ „Ох. Газ.“, 1896, № 2, стр. 28—29. Г. А. Егоровъ „Замѣтка на вопросъ С. Бутурлина“ въ „Псовой и Ружейной Охотѣ“ 1896, II, № 21, стр. 228—229. Г. М. Риніери „Кое что объ осеннемъ пролетѣ сѣрой куропатки“ въ „Псов. и Ружейн. Охотѣ“, годъ II, 1896, № 32, стр. 357—359 и № 33, стр. 367—369. Naumann „Naturgeschichte der Vögel Mitteleuropas etc.“

Сѣрая куропатка обычно считается орнитологами вполнѣ осѣдлой птицей, лишь въ случаяхъ особой безкормицы предпринимающей небольшія и неправильныя кочевки. Достаточно привести здѣсь хотя бы слова М. Н. Богданова, который говоритъ, что „всюду это одна изъ самыхъ осѣдлыхъ птицъ“ [1]) и указать на рядъ орнитологическихъ сводокъ, вовсе не упоминающихъ о правильныхъ сезонныхъ перелетахъ сѣрыхъ куропатокъ. Правда, западно-европейскимъ орнитологамъ издавна извѣстно, что равнины и долины Средней и Южной Европы поздней осенью и зимой посѣщаются стаями куропатокъ не мѣстнаго происхожденія [2]); но, во-первыхъ, объ этихъ куропаткахъ и до сихъ поръ извѣстно очень мало, и всего вѣроятнѣе, что это просто горныя особи, къ зимѣ спускающіяся въ мало отдаленныя низменныя мѣста, какъ это наблюдается и у насъ на Кавказѣ [3]) — т.-е., что здѣсь мы имѣемъ дѣло скорѣе съ кочевками, чѣмъ съ правильными перелетами. Во-вторыхъ, эти появленія зимующихъ куропатокъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Западной Европы кажется намъ совершенно невозможнымъ, несмотря на доводы С. Н. Алфераки, связывать съ тѣми перелетами русскихъ куропатокъ, о которыхъ мы подробно скажемъ ниже. На такую связь не

Neu bearb. von Dr. C. Hennicke, Gera. VI, S. 129—130. С. Бутурлинъ „О перелетахъ птицъ“ въ „Псов. и Руж. Ох.“, 1897, кн. I (янв.), стр. 25—28 отдѣльнаго оттиска. Г. Полетика „Къ статьѣ о перелетѣ птицъ г-на Бутурлина“ въ „Пс. и Руж. Ох.“, 1897, III, № 12, стр. 159. А. П. Семеновъ „Орнитологическія Замѣтки“ въ „Прир. и Охотѣ“, 1898, кн. VII, стр. 17 — 18. М. М. Хомяковъ „Птицы Рязанской губ.“ въ „Матер. къ позн. фаун. и фл. Росс. Имп.“ в. V, 1901, стр. 157—158.

Этотъ списокъ литературы показываетъ, что въ этомъ вопросѣ мы выходимъ за предѣлы Симбирской губерніи и нашихъ личныхъ наблюденій. Мы считали, однако, весьма интереснымъ на основаніи имѣющихся данныхъ остановиться подробнѣе на вопросѣ, почти незатронутомъ спеціалистами-орнитологами.

[1]) Птицы и звѣри Черн. пол. Пов. стр. 125.

[2]) Naumann и Ogilvie Grant.

[3]) Е. В. Цвѣтковъ „Орнитол. наблюд. въ окрестн. Бѣлаго Ключа“, 1901, стр. 65, V-го вып. „Матер. къ позн. фаун. и фл. Р. И.“.

только нѣтъ никакихъ фактическихъ указаній, ибо на пространствѣ между Одессой и Германіей мы ничего не знаемъ о перелетахъ этихъ птицъ, но и есть факты, прямо противорѣчащіе такой связи; эти кочующія западно-европейскія сѣрыя куропатки отличаются отъ мѣстныхъ же осѣдлыхъ замѣтно *меньшей* величиной, тогда какъ русскія куропатки, наоборотъ, больше западно-европейскихъ.

Что касается собственно Россіи, то еще въ старой книжкѣ К. Корнеліуса нашли мы указаніе, на основаніи наблюденій Габлицля, что во второй половинѣ октября прилетаютъ къ Астрахани съ сѣвера большія стаи сѣрыхъ куропатокъ, проводятъ тамъ всю зиму и въ февралѣ улетаютъ назадъ.

Позднѣе Н. А. Сѣверцовъ пишетъ о сѣрыхъ куропаткахъ, что онъ „наблюдалъ положительно прилетающихъ на зиму въ Каракумѣ“ и на нижнемъ Уралѣ. Вѣроятно именно на основаніи этихъ наблюденій и Зибомъ говоритъ объ этой птицѣ, что въ Западной Сибири она повидимому перелетная, зимуя въ Сѣверномъ Туркестанѣ. Впрочемъ, эти зимующія въ Каракумѣ и на нижнемъ Уралѣ куропатки и во времена Сѣверцова были весьма малочисленны, и такъ какъ относительно обширныхъ пространствъ нашихъ Сибирскихъ и Средне-Азіатскихъ владѣній мы имѣемъ сравнительно небольшое число болѣе или менѣе отрывочныхъ свѣдѣній, то далѣе мы будетъ имѣть въ виду исключительно Европейскую Россію, сравнительно болѣе подробно изслѣдованную натуралистами и охотниками.

Мы не считаемъ нужнымъ перечислять тотъ длинный рядъ работъ по орнитофаунѣ разныхъ мѣстностей Европейской Россіи, который даетъ полное право сказать, что на большей части пространства страны, именно въ ея сѣверной, центральной и западной частяхъ,—сѣрая куропатка является вполнѣ осѣдлой птицей.

Даже еще въ Уфимской губерніи (наблюденія П. П. Сушкина), въ сѣверной части Самарской (наблюденія А. Н. Ка-

рамзина), въ Симбирской (наблюденія М. Н. Богданова, а затѣмъ наши), въ южной части Тамбовской (наблюденія П. Соколова въ Борисоглѣбскѣ), въ Воронежской (наблюнія Н. А. Сѣверцова), въ Харьковской (наблюденія Н. Н. Сомова) и сѣверо-западной части Екатеринославской (наблюденія Б. Вальха) губерніи — сѣрая куропатка также является, повидимому, обычно болѣе или менѣе осѣдлою или кочующей, но не перелетной птицей. Но къ югу и востоку отъ этой въ общихъ чертахъ указанной границы дѣло обстоитъ совершенно иначе. Судя по литературнымъ даннымъ, въ юго-восточной части Европейской Россіи біологическій характеръ сѣрой куропатки мѣняется, и она оказывается здѣсь уже перелетной птицей.

Изъ сопоставленія всѣхъ замѣтокъ и статей, приведенныхъ нами выше, получается слѣдующая картина.

Въ юго-восточной части Европейской Россіи, въ очерченныхъ выше границахъ сезонные перелеты сѣрыхъ куропатокъ — совершенно правильное ежегодно повторяющееся явленіе [1]). Зарождается перелетъ, насколько это можно установить по имѣющимся литературнымъ даннымъ, гдѣ-либо въ Самарской и Саратовской губ. между 52^0 и 53^0 сѣв. шир.,— такъ какъ подъ Саратовымъ пролетъ уже рѣзко выраженъ,— и въ Области Войска Донского. Но къ западу отъ Волги сѣверная граница обитанія перелетныхъ куропатокъ очевидно круто спускается къ югу, такъ какъ подъ Борисоглѣбскомъ (долина Хопра почти подъ $51^1/_2{}^0$ с. ш.) пролета вовсе нѣтъ, какъ и вообще къ сѣверу отъ Донецкаго кряжа.

Какъ только начнутся осенніе морозцы, — въ концѣ августа или въ серединѣ сентября, смотря по погодѣ, въ Саратовѣ, недѣли на полторы — на двѣ попозже въ Камышинѣ, и еще нѣсколько позже въ Царицынѣ, — появля-

[1]) Многія статьи говорятъ о 10-ти, 16-ти-лѣтнихъ непрерывныхъ наблюденіяхъ.

ются сѣрыя куропатки сначала рѣдкими стаями, а затѣмъ все чаще и чаще, такъ что въ серединѣ октября подъ Царицыномъ летятъ онѣ уже громадными массами [1]) до конца мѣсяца, а иногда и въ ноябрѣ. Тянется пролетъ нѣсколько дольше двухъ мѣсяцевъ и совершенно заканчивается подъ Камышиномъ въ первой половинѣ декабря. Во время валового пролета при заходѣ солнца и до самой глубокой темноты сотни табуновъ отъ 4 до 20 шт. въ каждомъ, слѣдуютъ почти непрерывно одинъ за другимъ на юго-западъ, придерживаясь праваго нагорнаго берега Волги, очень низко, и только сравнительно немногія стаи слѣдуютъ лѣвой стороной долины великой рѣки. То же наблюдается и утромъ. Въ теплыя, малоснѣжныя зимы небольшая часть пролетныхъ гостей задерживается даже у Камышина и Царицына, а также въ Царевскомъ уѣздѣ Астраханской губ., а болѣе значительная часть зимуетъ въ южной части Астраханской губерніи, либо летитъ еще южнѣе, къ сѣверному Кавказу.

Въ Ставропольской губерніи уже съ конца августа начинаютъ замѣчаться пролетныя стаи куропатокъ, которыя здѣсь задерживаются. Однако до Дагестана онѣ не долетаютъ. Да и въ Ставропольской губерніи пролетныя куропатки теперь бываютъ (или, по крайней мѣрѣ, отмѣчены) не ежегодно (какъ, говорятъ, бывало въ серединѣ XIX вѣка), не въ особенно большомъ числѣ и притомъ лишь въ восточной и юго-восточной частяхъ ея. Это по нашему мнѣнію ясно указываетъ, что прямо къ югу отъ Царицынскаго уѣзда, вѣроятно вдоль Сарпы, направляется лишь одинъ, слабѣйшій рукавъ большого волжскаго потока пролетныхъ куропатокъ.

Еще болѣе подробностей извѣстно относительно главнаго, западнаго или донского рукава этого пролетнаго потока, однако безъ указаній, къ сожалѣнію, какъ высоко по Дону начинается это явленіе.

---

[1]) Такъ что существовалъ даже промыселъ ловли пролетныхъ куропатокъ сѣтями—переметами.

На нижнемъ Дону, у Ростова, валовой пролетъ куропатокъ происходитъ въ концѣ сентября и началѣ октября, ежегодно и по меньшей мѣрѣ въ столь же большихъ количествахъ, какъ и въ Царицынскомъ уѣздѣ. Далѣе куропатки принимаютъ З.-Ю.-З. направленіе, слѣдуя вдоль берега Азовскаго моря, и въ концѣ сентября и октября, въ громадномъ количествѣ большими стаями летятъ мимо Таганрога, Маріуполя и Бердянска. Собственно пролетъ начинается обыкновенно съ середины сентября у Маріуполя и въ послѣдней трети этого мѣсяца у Бердянска, но сначала куропатки летятъ въ небольшомъ числѣ, небольшими табунчиками до 7 — 12-ти штукъ. Съ каждымъ днемъ число пролетающихъ птицъ все растетъ, во второй и третьей четверти октября пролетъ достигаетъ наибольшей силы — въэто время летятъ табуны по 20, 30 и 40 шт.,—затѣмъ число птицъ уменьшается, и въ ноябрѣ пролетъ прекращается. Конечно, и по сѣверному побережью Азовскаго моря часть пролетныхъ птицъ остается на зимовку, особенно въ безснѣжныя зимы.

На дневку пролетныя куропатки останавливаются всюду, въ самыхъ даже, казалось бы, неподходящихъ мѣстахъ. Какъ только солнце начинаетъ заходить, въ поляхъ поднимается перекличка куропатокъ, и начинается ихъ летъ. Стадо за стадомъ несется невысоко надъ землей въ одномъ направленіи, — несмотря даже на частые выстрѣлы знающихъ ихъ привычки мѣстныхъ охотниковъ, — и притомъ безпрерывно вплоть до глубокой темноты, и утромъ, какъ только забрезжитъ разсвѣтъ.

Всѣ наблюдатели особенно опредѣленно отмѣчаютъ, что летъ происходитъ изо-дня въ день и нерѣдко изъ года въ годъ все въ одномъ направленіи, иногда, повидимому, вовсе не представляющемъ особыхъ удобствъ. Такъ, въ срединѣ семидесятыхъ годовъ тысячи и десятки тысячъ куропатокъ летѣли какъ разъ черезъ самый городъ Маріуполь, и такъ

низко, что на каждой зарѣ ихъ массами били не только выстрѣлами, но и просто метаніемъ палокъ.

Конечно, общее уменьшеніе дичи отразилось и на этихъ перелетахъ: въ теченіе 80-хъ и 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія куропатокъ пролетало тамъ значительно меньше, чѣмъ въ 70-хъ годахъ, а за послѣдніе четыре года нѣкоторые охотники сѣвернаго побережья Азовскаго моря даже какъ будто и вовсе не наблюдали этого явленія [1]).

Восточная часть Таврической губерніи не является еще крайнимъ предѣломъ для этого потока пролетныхъ куропатокъ. Онѣ летятъ и еще западнѣе и достигаютъ даже Одессы, хотя и видимо уже въ значительно ослабленномъ числѣ. Это указываетъ, какъ намъ кажется, на многочисленность куропатокъ, остающихся зимовать въ Таврической и Херсонской губерніяхъ. Во всякомъ случаѣ и въ Одессѣ—гдѣ куропатки обыкновенно летятъ съ С.-В. на Ю.-З. вдоль морского берега—явленіе это выражено настолько рѣзко, что всѣ одесскіе охотники убѣждены, что сѣрыя куропатки ежегодно летятъ за-море и весною возвращаются обратно; основываются они на томъ наблюденіи, что лишь осенью и весной куропатки попадаются — и при томъ въ большомъ числѣ— на взморьѣ, на обширныхъ безплодныхъ пространствахъ побережья, и при этомъ ночью залетаютъ на огонь даже въ окна домиковъ рыбаковъ и солдатъ пограничной стражи.

Что касается весенняго обратнаго пролета, то большинство наблюдателей ничего не говорятъ о немъ; другіе же упоминаютъ, но глухо и въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. Очевидно куропатки, избиваемыя и на осеннемъ пролетѣ и на зимовкахъ, весною если и возвращаются обратно, то въ сравнительно ничтожномъ числѣ и не стаями, а вѣроятно попарно, почему и избѣгаютъ вниманія наблюдателей, весною несравненно менѣе многочисленныхъ.

---

[1]) См. напр. Ки—нко. „Къ статьѣ о перелетахъ куропатокъ“ въ „Псов. и Ружейн. Охотѣ“, годъ VI, 1900, № 31, стр. 402.

Такимъ образомъ, многочисленныя наблюденія констатируетъ весьма своеобразное явленіе—наличность правильныхъ ежегодныхъ сезонныхъ перелетовъ у значительной части южныхъ—точнѣе юго-восточныхъ—особей сѣрой куропатки, съ постоянными пролетными путями и точно опредѣленнымъ временемъ пролета, при одновременной полной осѣдлости (либо ограниченныхъ въ пространствѣ и неправильныхъ и во времени и въ пространствѣ кочевкахъ) куропатокъ болѣе сѣверныхъ и болѣе западныхъ мѣстъ.

Мы затрудняемся установить сколько-нибудь точно сѣверную границу распространенія перелетныхъ куропатокъ. Не является, конечно, невозможнымъ, что отлетаетъ по зимамъ на югъ и извѣстный процентъ куропатокъ, обитающихъ лежащія къ сѣверу отъ Саратовской губерніи части Поволжья. Для Симбирской губерніи нами сдѣланы нѣкоторыя наблюденія, указывающія на вѣроятность отлета по зимамъ части выводящихся здѣсь куропатокъ. Несомнѣнно, что передъ наступленіемъ зимы—мы замѣчали это въ особенности ясно въ долинѣ Алатыря — количество куропатокъ, населявшихъ извѣстный районъ, въ особенности въ годы, обильные куропатками, замѣтно и быстро уменьшается. Уменьшеніе куропатокъ въ числѣ зимою замѣчали мы также и въ Алатырскомъ и Карсунскомъ уѣздахъ.

Въ теченіе десятилѣтія между 1890-мъ и 1900-мъ годомъ былъ рядъ лѣтъ, въ которые куропатки въ Ардатовскомъ уѣздѣ—на поляхъ, прилегающихъ къ долинѣ средняго теченія Алатыря—выводились въ особенно большомъ количествѣ. Такъ въ районѣ деревень Гудимовки, Михайловки, Хухорева и Горокъ Ардатовскаго уѣзда, на протяженіи немногихъ квадратныхъ верстъ, по жнивамъ вдоль полевыхъ овраговъ, приходилось намъ въ нѣкоторые годы поднимать десятки многочисленныхъ выводковъ. Съ наступленіемъ зимы—какъ въ нѣкоторые годы наблюдали мы лично, въ другіе могли установить путемъ разспросовъ—въ этомъ районѣ оста-

вались обыкновенно 1 — 2 небольшія стаи, державшіяся по склонамъ овраговъ и посѣщавшія часто сосѣднія гумна, тока и ометы соломы въ поляхъ и т. под. Главная масса выведшихся и выросшихъ куропатокъ изъ этой мѣстности во всякомъ случаѣ исчезала и несомнѣнно не перекочевывала только въ ближайшія мѣстности, а отлетала куда-либо дальше, такъ какъ въ ближайшихъ частяхъ губерніи о появленіи стай куропатокъ зимою или осенью не было слышно. Птицы же эти зимою — тамъ, гдѣ онѣ выводятся — обыкновенно не ускользаютъ отъ вниманія охотниковъ.

Мы должны въ то же время прибавить, что для нѣкоторыхъ частей Курмышскаго и Ардатовскаго уѣзда мы, по собственнымъ наблюденіямъ, можемъ установить — въ предѣлахъ возможной для подобныхъ наблюденій точности — что отдѣльные державшіеся лѣтомъ и осенью въ извѣстномъ районѣ выводки оставались въ этомъ районѣ на зиму. Является вѣроятнымъ, что сильное увеличеніе въ нѣкоторые послѣдніе годы гнѣздящихся въ долинѣ Алатыря куропатокъ, — увеличеніе, о которомъ говорили мы выше, — вызывалось переселеніемъ съ юга къ сѣверу отдѣльныхъ паръ или стай куропатокъ. Передвинувшись съ юга въ Симбирскую губернію, куропатки принесли съ собою и готовую привычку къ перелету и отлетали на зиму, между тѣмъ какъ исконныя мѣстовыя птицы губерніи продолжали по прежнему зимовать на мѣстахъ.

Причины описаннаго своеобразнаго явленія частичнаго перелета сѣрыхъ куропатокъ кроются, какъ намъ кажется, въ особенностяхъ почвенныхъ и климатическихъ условій обитаемой этими птицами мѣстности, и въ нѣкоторыхъ изъ цитированныхъ статей (напр. г. Соколова) причины эти и указываются именно въ климатическихъ условіяхъ края. Говоря коротко, куропатки осѣдлы вездѣ, гдѣ вліяніе моря, распространеніе лѣсовъ или орографическія условія предохраняютъ ихъ отъ слишкомъ рѣзкихъ климатическихъ перемѣнъ и недостатка осенней и зимней пищи; перелетными же

онѣ становятся на тѣхъ обширныхъ равнинахъ юго-восточной Россіи, куда достигаетъ уже дыханіе средне-азіатскихъ пустынь.

Наши личныя впечатлѣнія за два десятка лѣтъ охотъ въ Симбирской губ., провѣренныя бесѣдами съ мѣстными старожилами, заставляютъ насъ склоняться къ мнѣнію, что и въ настоящее время замѣтно какъ бы движеніе къ сѣверо-западу вліянія при-каспійскихъ пустынь, и трудно сомнѣваться, что 100—150 лѣтъ назадъ это вліяніе захватывало еще меньшее пространство въ предѣлахъ Волжскаго и Донского бассейновъ, гдѣ въ то время лѣсовъ было гораздо больше и спускались они гораздо южнѣе, и уровень грунтовыхъ водъ стоялъ выше, чѣмъ въ серединѣ, а тѣмъ болѣе въ концѣ XIX вѣка. Тогда, быть можетъ, и куропатки этой области были осѣдлы, и тогда станетъ понятнымъ, почему даже геніальный наблюдатель Палласъ ничего не говоритъ о ихъ перелетахъ: этихъ перелетовъ тогда, быть можетъ, и не было. Если это предположеніе справедливо, то въ данномъ случаѣ мы имѣемъ прекрасный примѣръ быстрой біологической приспособляемости и быстраго развитія такъ называемаго „инстинкта“ въ зависимости отъ измѣненія условій жизни.

Интересное явленіе, описываемое въ настоящей главѣ, можетъ, какъ кажется, бросить нѣкоторый свѣтъ и на другіе важные общіе вопросы, напр. на проблемму географическаго распространенія.

Въ 1892 году Чарльзъ Диксонъ издалъ свою интересную книгу „Перелетъ Птицъ“ [1]), въ предисловіи къ которой говоритъ, что изученіе перелета весьма важно для рѣшенія общихъ вопросовъ происхожденія и географическаго распространенія животныхъ формъ. Въ книгѣ этой, въ результатѣ

[1]) Чарльсъ Диксонъ „Перелетъ Птицъ. Опытъ установленія закона періодическихъ перелетовъ птицъ“ перев. графини Е. П. Шереметевой подъ ред. проф. Дм. Кайгородова. Спб. 1895 г. (переведено съ 1 англ. изданія, кот. мы и цитируемъ по этому переводу).

двѣнадцатилѣтнихъ усердныхъ изысканій и трудовъ, авторъ приводитъ, какъ одну изъ двухъ главныхъ причинъ возникновенія перелетовъ, и при томъ важнѣйшую — измѣненія климата (стр. 30 и 31), особенно ледниковый періодъ, который долженъ былъ вытѣснить птицъ изъ ихъ первоначальныхъ центровъ обитанія (см. стр. 34, 37, 41, 48, и особ. 53 — 57). При этомъ центрами распространенія птицъ онъ считаетъ полярныя области (см. стр. цит. выше и 104—106).

Но уже три года спустя [1]) Ч. Диксонъ существенно измѣнилъ свои взгляды на этотъ вопросъ и во второмъ изданіи своей книги [2]) отказался отъ того взгляда, который, на основаніи двѣнадцатилѣтнихъ изысканій, защищалъ въ первомъ. Здѣсь онъ отрицаетъ большее или меньшее геологическое постоянство материковъ и океановъ и связанную съ этимъ теорію арктическаго разселенія птицъ (стр. 3, 9, 11, 15), принимаетъ, наоборотъ, теорію экваторіальнаго происхожденія животной жизни,—на пространствахъ обширнаго тропическаго пояса земли, теперь болѣе или менѣе безслѣдно изчезнувшаго на большей части своего протяженія (стр. 23, 28, 30, 31),—и утверждаетъ, что открылъ твердый, незнающій исключеній законъ географическаго распространенія животной жизни на земномъ шарѣ. Вотъ слова Диксона (стр. 17, 20, 21): „Животныя сѣвернаго полушарія никогда не увеличиваютъ области своего обитанія по направленію къ югу, но только къ сѣверу, сѣверо-западу или сѣверо-востоку, иногда даже почти прямо къ западу или востоку, но только отнюдь не къ югу; слѣдовательно, жизнь распространяется отъ экватора по направленію къ полюсамъ“.

„Сокращенія существующей области распространенія животнаго всегда происходятъ на счетъ полнаго истребленія мѣстныхъ особей этого животнаго, но отнюдь не насчетъ

[1]) „The Migration of British Birds etc“ Charles Dixon, London, 1895.

[2]) „The Migration of Brids etc.“ Amended Edition, L. 1897. (Далѣе мы цитируемъ страницы по этому второму англійскому изданію).

вытѣсненія этихъ особей въ сосѣднія мѣста, такъ какъ животныя рѣшительно никогда не отступаютъ передъ неблагопріятными условіями жизни, каковы бы ни были эти условія, но просто погибаютъ подъ ихъ натискомъ".

На этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ Диксонъ останавливается много разъ, говоря, между прочимъ, что (стр. 17) „всѣ факты и палеонтологическія изслѣдованія съ очевидностію указываютъ на истребленіе животныхъ въ предѣлахъ господства ледниковаго покрова, но не отступаніе ихъ, такъ что пережили ледниковый періодъ лишь тѣ виды, область распространенія коихъ уже ранѣе хотя частію лежала внѣ предѣловъ, подвергшихся дѣйствію ледниковъ" [1]). Такимъ образомъ ледники и вообще климатическія измѣненія не были причиной перелетовъ. Перелеты возникли исключительно (стр. 37) отъ постепеннаго, вслѣдствіе размноженія происходящаго, увеличенія области гнѣздованія, причемъ по выводѣ птенцовъ птицы, подъ вліяніемъ стремленія къ общественности и любви къ родинѣ, направлялись неизмѣнно „домой", въ свою коренную область обитанія, центръ распространенія — каковымъ и является всегда первоначальная гнѣздовая область, хотя бы птицы этого вида тамъ и перестали гнѣздиться.

Мы не будемъ цитировать дальше тѣхъ подчасъ неожиданныхъ и сомнительныхъ положеній, къ коимъ приводитъ Диксона открытый имъ „общій законъ географическаго распространенія", но замѣтимъ лишь по поводу основныхъ его положеній слѣдующее.

Во-первыхъ, фактически доказано движеніе иныхъ гнѣздящихся сѣверно птицъ — къ югу. Такое движеніе можно считать доказаннымъ напр. для мордунки (*Terekia cinerea*) въ Поволжьѣ и для овсянки-крошки (*Emberiza pusilla* Pall.).

---

[1]) Раньше Диксонъ (стр. 53 и сл. I изд. въ рус. пер.) считалъ „хорошо палеонтологически доказаннымъ" именно отступленіе животныхъ передъ ледниками, причемъ даже подробно описываетъ самый ходъ этого отступленія въ отдѣльныхъ случаяхъ.

Что расширеніе гнѣздовой области само по себѣ отнюдь еще не ведетъ къ сезоннымъ перелетамъ—лучше всего видно на примѣрѣ воробья (*Passer domesticus* Briss.), широко распространившагося въ Сибири лишь въ историческое время, а также на примѣрѣ той же сѣрой куропатки, которая постепенно расширяетъ свою гнѣздовую область къ сѣверу и въ Россіи, и, по наблюденіямъ самого Диксона, въ Шотландіи, но ни тутъ, ни тамъ перелетной не дѣлается.

Наконецъ, рѣзко выраженный перелетъ сѣрыхъ куропатокъ въ юго-восточной Россіи показываетъ, что климатическія и иныя жизненныя условія способны вызывать перелетъ у птицъ.

ГЛАВА VIII.

Виды голубей, встрѣчающіеся въ Симбирской губерніи. — Залеты саджи. — Представители семействъ цапель и аистовъ.

Fam. Columbidae.

Въ Симбирской губерніи гнѣздятся и весьма обыкновенны всюду четыре вида голубей, распространенные въ средней Россіи вообще. Это витютень, клинтухъ, домашній голубь и горлица. По поводу этихъ видовъ мы въ біологическомъ отношеніи не можемъ прибавить ничего существеннаго къ біологическимъ очеркамъ, даннымъ Эверсманномъ, М. Н. Богновымъ и М. А. Мензбиромъ. Поэтому мы остановимся только вкратцѣ на распространеніи этихъ формъ въ предѣлахъ изученной нами мѣстности.

Columba palumbus L.

Columba palumbus L. Эверсманнъ. Ест. ист. Ор. кр. III, стр. 318. *C. palumbus* L. М. Н. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 119. *C. palumbus.* М. Рузскій. Орнит. наблюд. въ Симбир. губ., стр. 4 и 11. *C. palumbus.* Мензбиръ. Пт. Россіи, I, стр. 587.

Въ изученномъ нами районѣ витютень встрѣчается всюду, хотя нигдѣ не держится въ очень большомъ количествѣ. Обыкновенно даже весеннія и осеннія пролетныя стаи не бываютъ здѣсь очень многочисленными, и намъ, за рѣдкими исключе-

піями, не приходилось видѣть здѣсь стай по нѣскольку сотъ штукъ, подобныхъ тѣмъ, которыя описываетъ М. Н. Богдановъ. Только въ 1895 году въ теченіе первой половины сентября такія многочисленныя пролетныя стаи витютней замѣчены въ долинѣ Суры (близъ с. Промзина).

Въ Ардатовскомъ и Курмышскомъ уѣздахъ распространеніе витютня замѣтно стоитъ въ зависимости отъ лѣсовъ рѣчныхъ долинъ. Въ степяхъ къ сѣверу отъ долины Алатыря и юго-западной части Ардатовскаго уѣзда съ ея небольшими островными лѣсами видъ этотъ встрѣчается несравненно рѣже, чѣмъ въ долинахъ Алатыря и Суры. Особенно часто лѣтнія стайки витютней (обыкновено числомъ 3—8 штукъ, рѣдко по одиночкѣ) держатся въ самой поймѣ Алатыря, на лугахъ и посѣвахъ. Чистыхъ хвойныхъ боровъ витютень, повидимому, избѣгаетъ, и даже сырымъ борамъ съ заросшими березой низинами, какихъ не мало по Сурѣ южнѣе устья Барыша, предпочитаетъ чернолѣсье сплошное.

Columba oenas Briss.

Columba oenas Gm. Эверсманнъ. Ест. ист. Ор. кр., III., стр. 322. *C. oena* Gm. Богдановъ. Пт. и зв. Пов., стр. 119. *C. oenas*. М. Рузскій. Орнит. набл. въ Симбир. губ., стр. 4 и 11. *C. oenas* Briss. Мензбиръ. Птицы Росс. I, стр. 582.

Клинтухъ въ Симбирской губерніи встрѣчается, какъ кажется, рѣже предыдущаго вида. Въ противоположность тому, что указано М. Д. Рузскимъ для Казанской губерніи, мы должны отмѣтить, что клинтухъ держится и въ островныхъ лѣсахъ, напримѣръ, въ лиственныхъ лѣсахъ юго-западной части Ардатовскаго уѣзда, а также въ сѣверной половинѣ Карсунскаго и въ Симбирскомъ уѣздѣ. Къ сѣверу отъ долины Алатыря, въ степныхъ частяхъ Курмышскаго и юго-восточныхъ уѣздахъ Нижегородской губерніи, видъ этотъ нами не замѣченъ, хотя, быть можетъ, встрѣчается и здѣсь. По уремамъ средняго теченія Суры—въ предѣлахъ Курмышскаго

уѣзда—и лиственнымъ лѣсамъ праваго берега Суры видъ этотъ не рѣдокъ. Въ долинѣ Алатыря, да и въ другихъ частяхъ губерніи, клинтухъ не дѣлаетъ различія между лиственными и хвойными лѣсами. На пролетѣ довольно многочисленъ, причемъ въ особенно большомъ количествѣ замѣченъ осенью 1895 года.

15-го сентября 1895 года одинъ изъ авторовъ этой работы наблюдалъ на границѣ Карсунскаго и Алатырскаго уѣздовъ, въ долинѣ Суры (близъ д. Болтаевки), пролетъ громадныхъ стай *C. oenas*. День былъ ясный, солнечный, и въ одной изъ этихъ стай можно было совершенно ясно разглядѣть голубя съ рѣзко выраженнымъ буроватымъ оттѣнкомъ оперенья. Возможно, что это былъ залетный азіатскій *Columba fusca* Pall.

Columba livia Briss.

Columba livia Briss. Эверсманнъ. Ест. ист. Ор. кр., III, стр. 320. *C. livia* Briss. М. Богдановъ. Пт. и зв. Пов., стр. 120. *C. livia*. М. Рузскій. Орнит. набл. въ Симбир. губ., стр. 9. *C. livia*. М. Мензбиръ. Пт. Росс. I, стр. 577.

Видъ этотъ обыкновененъ во всѣхъ поселеніяхъ людей, гнѣздясь въ городахъ въ наибольшемъ количествѣ на колокольняхъ, въ деревняхъ—на повѣтяхъ избъ и дворовъ. Голубей, гнѣздящихся въ трещинахъ крутыхъ береговъ овраговъ (сравни у М. Богданова, а также *Columba livia fera* Bogd. у Рузскаго, „Мат. къ изученію птицъ Казанской губ.“, стр. 97), намъ въ изученной нами мѣстности наблюдать не приходилось. Въ то же время мѣстами не составляетъ и здѣсь рѣдкости гнѣздованіе сизаго голубя вдали отъ поселеній, иногда въ 3—4 верстахъ отъ ближайшаго жилья. Въ этихъ случаяхъ гнѣзда бывали находимы нами исключительно на дорогахъ, а именно на балкахъ подъ мостами.

Turtur turtur L.

Columba turtur L. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 324. *Peristera turtur* (Boie) L. М. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 121. *Turtur communis*. Рузскій. Орнит. набл. въ Симб. губ., стр. 4. *Turtur auritus* Gray. Мензбиръ. Пт. Росс. I, стр. 569. Мѣстное названіе—*горлинка*.

Горлица въ Симбирской губерніи встрѣчается всюду, являясь формою самой обыкновенной и многочисленной изъ дикихъ голубей. Иногда она гнѣздится даже во фруктовыхъ садахъ селеній, особенно тамъ, гдѣ есть поблизости вода. Обычнымъ же мѣстомъ гнѣздованія являются лиственные и смѣшанные лѣса и рощи и рѣчныя уремы, причемъ въ наибольшемъ количествѣ видъ этотъ держится въ долинахъ рѣкъ. Особенно многочисленны горлицы въ поймахъ Алатыря, Барыша, Уреня и другихъ рѣкъ средней величины. По Сурѣ, Свіягѣ и Волгѣ ихъ также не мало, но все же сравнительно менѣе.

Въ поймахъ рѣкъ съ конца іюля въ иные годы горлицы держатся громадными стаями, штукъ по 100 и болѣе. Это не пролетныя еще, а лишь временныя, кормящіяся стаи, свободно переформирующіяся. Наиболѣе охотно держатся онѣ въ это время на просахъ и на сжатыхъ, но еще не свезенныхъ снопахъ другихъ хлѣбовъ, а иногда и на поемныхъ покосахъ. Кормясь на лугахъ и посѣвахъ, горлинки никогда не остаются ночевать въ лугахъ и поляхъ, а всегда къ закату слетаются на ночевку въ ольховыя заросли поймъ или въ тальники, окружающіе озерки и пруды.

Время вывода дѣтей у горлицъ довольно разнообразно; мы находили довольно свѣжія, не насиженныя яйца даже въ концѣ іюля (быть можетъ, это была вторая кладка). Прилетъ горлинокъ падаетъ на вторую половину апрѣля, отлетъ на конецъ августа и начало сентября.

Fam. Pteroclidae.

Syrrhaptes paradoxus Pall.

Syrrhaptes paradoxa Pall. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 327. *Syrrhaptes paradoxus* (Illig.) Pall. М. Богдановъ. Пт. и зв. черноз. пол. Поволж., стр. 122. *Syrrhaptes paradoxus* Pall. М. Мензбиръ. Пт. Росс., I, стр. 555.

Намъ достовѣрно извѣстны только два случая залета саджи въ описываемую область. 19 апрѣля 1888 года одинъ экземпляръ былъ добытъ крестьяниномъ охотникомъ близъ с. Ишавки, верстахъ въ 16 отъ г. Симбирска, и проданъ ветеринарному врачу г. Симбирска П. В. Костеркину, у коего и сохраняется въ видѣ чучела.

Затѣмъ въ теченіе первой четверти мая 1889 года одинъ изъ авторовъ настоящей статьи дважды встрѣчалъ стайку саджей штукъ въ 12, верстахъ въ 3—4 отъ г. Симбирска, на пашнѣ между р. Свіягой и р. Сельгой, за „Пріютомъ". Птицы были довольно смирны, подпуская на 50—60 аршинъ, но затѣмъ, разъ поднятыя, улетали изъ вида.

Fam. Ardeidae.

Botaurus stellaris L.

Ardea stellaris L. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 469 *Botaurus stellaris* (Briss) L. М. Богдановъ. Птицы и зв. Поволжья, стр. 142. *Botaurus stellaris*. Рузскій. Орнит. набл. въ Симб. губ., стр. 13. *Botaurus stellaris* L. Мензбиръ. Пт. Росс., I, стр. 787.

Выпь очень обыкновенна въ рѣчныхъ долинахъ губерніи, придерживаясь главнымъ образомъ болѣе значительныхъ рѣкъ съ широкими поймами, обильными крѣпями и глухими, заросшими камышемъ озерами и старицами. Внѣ рѣчныхъ долинъ она не встрѣчается; не держится, какъ кажется, и на мелкихъ рѣчкахъ и степныхъ прудахъ. Въ западной по-

ловинѣ губерніи выпь встрѣчается въ наибольшемъ количествѣ въ долинѣ Суры; обыкновенна также въ долинѣ Алатыря. Въ восточной части губерніи, кромѣ долины Волги, она многочисленна по Барышу, Свіягѣ и мѣстами по Сельгѣ.

Обычное мѣстопребываніе этого вида — самыя крѣпкія, непроходимыя топи и сплошныя заросли камышей. Иногда встрѣчаются онѣ по краямъ озеръ, но чаще держатся все лѣто или на густо заросшихъ камышемъ открытыхъ и широкихъ мелкихъ разливахъ ключей и ручьевъ по поймѣ или же по камышевымъ или тростниковымъ легко доступнымъ и нешпрокимъ окраинамъ ольховыхъ „истоковъ“. Въ этихъ послѣднихъ мѣстахъ выпи попадаются обыкновенно по одиночкѣ, вѣроятно, задержавшіяся на день послѣ ночныхъ жировокъ. Въ крѣпкихъ мѣстахъ выпь проводитъ цѣлый день, покидая свое убѣжище только ночью, когда вылетаетъ часто на открытые края озеръ и песчаные берега рѣкъ.

Эта ночная птица днемъ — за исключеніемъ брачнаго времени — совершенно молчалива, прячется въ зарослях или травѣ, а будучи спугнута летитъ низко и лишь до ближайшихъ зарослей. Но послѣ заката, когда уже стемнѣетъ, выпь охотно покидаетъ свое убѣжище и не только вылетаетъ на открытые разливы или берега озеръ, но и безъ видимой нужды, кажется, лишь ради удовольствія, часто подолгу летаетъ и кружится надъ поймой, иногда на разстояніи выстрѣла надъ землей, иногда же такъ высоко, что совершенно невозможно бываетъ разглядѣть птицу. При этомъ выпь часто оглашаетъ пойму громкимъ и рѣзкимъ своеобразнымъ карканьемъ, короткимъ и слегка хриплымъ, похожимъ на соотвѣтствующій крикъ сѣрой цапли. Иногда надъ однимъ участкомъ поймы удается слышать нѣсколько одновременно летающихъ выпей, но намъ не случалось замѣчать, чтобы двѣ или нѣсколько штукъ держались при этомъ вмѣстѣ, стайкой. Очень рано утромъ, когда только что разсвѣтаетъ, и надъ лугами виситъ еще туманъ, приходится иногда ви-

дѣть выпей, возвращающихся съ береговъ рѣки въ ихъ дневныя убѣжища. Иногда нѣсколько птицъ пролетитъ по одному направленію, къ глухой старицѣ или таловымъ зарослямъ.

Несмотря на большую осторожность и чуткость, въ которой убѣдится всякій, кто попробуетъ приблизиться къ тому мѣсту тростниковъ, гдѣ выпь издаетъ свой характерный призывный крикъ, птица эта днемъ въ крѣпи подпускаетъ человѣка на нѣсколько шаговъ и часто вылетаетъ буквально изъ-подъ ногъ. Зависитъ это не отъ недостатка бдительности, а отъ умѣнья птицы хорошо скрываться среди тростниковъ и на поверхности ржавой болотистой почвы, съ которой хорошо гармонируетъ цвѣтъ оперенія выпи.

Вскрытіе убитыхъ выпей убѣдили насъ въ томъ, что видъ этотъ охотно питается рыбой. Добычей ихъ дѣлаются обычные представители озерной ихтіофауны: карась *(Carassius vulgaris)*, линь *(Tinca vulgaris)*, окунь *(Perca fluviatilis)*, особенно же часто щука *(Esox lucius)*. Небольшіе щурята вообще очень охотно заходятъ на мелкія окраины озеръ, охотясь за молодью среди стеблей тростника, въ затопленныхъ таловыхъ кустахъ и т. д., и тутъ же поджидаетъ ихъ неподвижно сидящая съ втянутой шеей и взъерошенными перьями выпь.

Страшная быстрота и увѣренность движенія шеи и удара клюва, свойственныя выпямъ и дѣлающія легко раненую выпь безусловно опасной для собаки или человѣка, даетъ птицѣ возможность съ успѣхомъ охотиться за такой сторожкой и проворной рыбой, какой является щука. Выпь заглатываетъ часто относительно и довольно крупныхъ рыбъ. При одномъ вскрытіи нами найдены въ желудкѣ выпи двѣ щучки длиною по 6 вершковъ.

Тѣ особи, которыя селятся не по берегамъ озеръ, а по заросшимъ камышами мелкимъ разливамъ ключей или по мокрымъ ольховымъ „истокамъ“, — а такими мѣстами осо-

бенно изобилуютъ поймы Суры и Барыша, — питаются преимущественно лягушками и безпозвоночными.

Раненая выпь, защищаясь отъ собаки или человѣка, употребляетъ свой клювъ совершенно своеобразнымъ образомъ. Она не бьетъ имъ въ направленіи, болѣе или менѣе перпендикулярномъ или хотя бы сколько нибудь наклонномъ къ оси шеи, но колетъ, какъ рапирой. Она втягиваетъ шею въ плечи и такъ держитъ голову, что ось ея довольно длиннаго и остраго клюва составляетъ точное продолженіе главной оси туловища; затѣмъ въ надлежащій моментъ шея вытягивается во всю свою довольно значительную длину, какъ бы подъ дѣйствіемъ скрытой въ ней спиральной пружины, и съ быстротою и точностью „выпада“ опытнаго фехтовальщика молча посылаетъ свой закрытый клювъ прямо впередъ, строго по продолженію главной оси остающагося спокойнымъ тѣла, нисколько не отклоняя шеи въ какую-либо сторону и не дѣлая головой какихъ-либо колебательныхъ движеній, обычно характеризующихъ пріемъ клеванія у другихъ птицъ. Ударъ обыкновенно направляется противнику въ глазъ, и неопытный человѣкъ можетъ сильно поплатиться.

Ardetta minuta L.

Ardea minuta Ł. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 468. *Ardeola minuta* (Briss) L. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 142. *Ardetta minuta.* Рузскій. Орнит. набл. въ Симб. губ., стр. 13. *Botaurus minutus.* Мензбиръ. Птицы Росс., I, стр. 786.

Волчокъ въ Симбирской губерніи несравненно малочисленнѣе выпей. Въ долинѣ Алатыря намъ только 3—4 раза пришлось наблюдать гнѣздившихся (повидимому) волчковъ. Въ іюлѣ 1898 года пара волчковъ была найдена въ поймѣ Алатыря близъ деревни Поляны (Михайловка тожъ) Ардатовскаго уѣзда. Птицы жили на очень маленькомъ (около 200 кв. саженъ), глухомъ, окруженномъ тальниковыми за-

рослями озерцѣ, при приближеніи держались на виду и перелетали съ одного ивоваго куста на другой, садясь на вертикально растущія вѣтви совершенно такъ же, какъ онѣ садятся на стебли камыша. Вѣроятно, въ этихъ же тальниковыхъ кустахъ находилось и ихъ гнѣздо.

Еще ранѣе и тоже въ долинѣ Алатыря мы имѣли случай въ теченіе нѣсколькихъ дней во второй половинѣ іюля мѣсяца наблюдать выводокъ малыхъ выпей изъ 6 штукъ. Выводокъ этотъ держался на нѣсколькихъ большихъ озерахъ, заросшихъ по краямъ камышами и сообщавшихся между собою очень глухими и топкими протоками [1]). Птицы и днемъ держались довольно открыто, садились иногда къ водѣ на совершенно плоскій берегъ, какъ это дѣлаютъ сѣрыя цапли, и даже вспугнутыя не всегда перемѣщались въ заросшія мѣста озеръ, а иногда на другое мѣсто открытаго берега. Одна изъ выпей, раненая и упавшая въ воду, не только плавала, но и ныряла отъ собаки, хотя подъ водой оставалась очень не долго.

Въ долинѣ праваго берега Суры, близъ с. Промзина, намъ также случалось находить волчковъ. На одномъ изъ довольно большихъ озеръ („Бетево“) типичной подковообразной формы ежегодно гнѣздится нѣколько паръ ихъ. Озеро это расположено всего въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ большой дороги и моста черезъ Суру, и противъ самаго Промзина, такъ что шумъ человѣческихъ голосовъ постоянно туда доносится, но само озеро окружено крѣпкой дубовой и иной уремой, и охота тамъ запрещена. Волчки здѣсь гнѣздятся въ узкой полосѣ нависшихъ надъ водой и частью погруженныхъ въ воду тальниковъ и прилегающихъ къ нимъ камышей и тростниковъ. По концамъ озера заросли таловъ и камышей гораздо обширнѣе, но тамъ мы гнѣздъ волчка не находили. Попадаются волчки и на дру-

[1]) Въ концѣ іюля 1904 года я снова встрѣтилъ одинъ экземпляръ малой выпи въ долинѣ Алатыря близъ села Луньги. Б. Ж.

гихъ зарослями окруженныхъ озерахъ, но спорадично и рѣдко. Впрочемъ, птица эта рѣдко добровольно покидаетъ мракъ зарослей при свѣтѣ дня, и ее легко проглядѣть.

На совершенно открытомъ мѣстѣ можно встрѣтить волчка лишь въ видѣ исключенія. Одному изъ насъ пришлось однажды въ поймѣ Суры спугнуть волчка съ совершенно голаго берега открытой лужи шаговъ 20 въ діаметрѣ. Это случилось въ половинѣ августа за полчаса до заката солнца. Судя по окраскѣ, это былъ молодой экземпляръ и, возможно, изъ числа пролетныхъ.

Ardea cinerea L.

Ardea cinerea L. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 459. *Ardea cinerea* L. Богдановъ. Пт. и зв. Пов., стр. 141. *Ardea cinerea.* Рузскій. Орнит. набл. въ Симб. губ., стр. 4. *Ardea cinerea* L. Мензбиръ. Пт. Россіи, I, стр. 811.

Сѣрая цапля такъ же обыкновенна въ Симбирской губ., какъ большая выпь, хотя въ общемъ въ рѣчныхъ долинахъ встрѣчается нѣсколько спорадичнѣе. Въ то же время ея распространеніе не столь исключительно, какъ у этой послѣдней, пріурочено къ рѣчнымъ долинамъ, и ее приходится видѣть иногда на маленькихъ рѣчкахъ и степныхъ водоемахъ.

Въ Симбирской губерніи намъ не приходилось видѣть гнѣздовыхъ колоній цапель, подобныхъ описаннымъ М. Д. Рузскимъ для Казанской губерніи (см. М. Рузскій. Мат. къ изуч. птицъ Казанской губ., стр. 122) или видѣннымъ нами въ южной части Новосильскаго у. Тульской губ.; но отдѣльныя гнѣздящіяся пары встрѣчались намъ не рѣдко въ долинахъ Суры, а также Алатыря, на опушкѣ ограничивающихъ его лѣвобережную пойму лѣсовъ. Такъ выводки цапель мы наблюдали въ высокоствольной, граничащей съ боромъ ольховой уремѣ близъ с. Лунгинскаго Майдана Ардатовскаго уѣзда.

Когда молодыя цапли поднимутся на крылья, что бы-

ваетъ на Сурѣ на широтѣ Промзина въ первой трети іюля, выводокъ довольно продолжительное время держится вмѣстѣ, кочуя по озерамъ поймы и имѣя обыкновенно излюбленныя мѣста для дневного отдыха и ночевки. Въ Симбирской губ. внѣ времени гнѣздовья намъ никогда не случалось видѣть, чтобы цапли садились на деревья. День онѣ чаще всего проводятъ либо на песчаныхъ отмеляхъ рѣкъ, либо на ровныхъ берегахъ открытыхъ озеръ, ночуютъ же на болѣе глухихъ озерахъ уремы или на тихихъ, осѣненныхъ высокоствольной уремой, заводяхъ. На озера, на которыхъ они проводятъ ночь, цапли прилетаютъ обыкновенно уже при наступленіи темноты и часто передъ тѣмъ какъ сѣсть долго кружатся надъ водой, перекликаясь между собою. Чѣмъ-нибудь испуганная, цапля взлетаетъ съ глухимъ, короткимъ покаркиваніемъ. Въ теченіе всей весны и всего лѣта цапель приходится также видѣть и по одиночкѣ или парами.

Осѣдло держащіяся въ долинѣ Алатыря особи обыкновенно осенью исчезаютъ довольно рано. Сколько-нибудь значительнаго весенняго или осенняго пролета мы въ долинѣ Алатыря не замѣтили. Но въ долинѣ Суры осенній пролетъ бываетъ иногда очень ясно выраженъ, какъ было, напримѣръ, въ 1895 году въ концѣ августа и началѣ сентября.

Лѣтнихъ стай, болѣе многочисленныхъ, чѣмъ изъ 6 особей (а такая лѣтняя стая, по всему вѣроятію, представляетъ собою выводокъ), мы въ долинахъ Суры и Алатыря не видали. Весной сѣрыя цапли появляются на широтѣ Симбирска въ концѣ марта, иногда даже съ конца второй трети этого мѣсяца. Но главный валовой пролетъ идетъ уже въ апрѣлѣ.

Любопытно отмѣтить, что сѣрая цапля, столь близкая родственница выпи и сходная съ послѣдней по роду и добыванію пищи, при оборонѣ совершенно иначе употребляетъ свой острый клювъ. Она не колетъ имъ, быстро вытягивая шею по направленію главной оси тѣла, а просто „клюетъ“, какъ и другія птицы, т.-е. бьетъ держа клювъ и

голову подъ угломъ къ оси шеи и пользуясь послѣднею не какъ своего рода спиральною пружиною, но какъ плечомъ рычага, производя головою размахъ сверху и сзади впередъ и внизъ. Нерѣдко при этомъ клювъ бываетъ широко раскрытъ и ударъ наносится съ крикомъ или шипѣніемъ.

Fam. Ciconiidae.

Ciconia nigra L.

Ciconia nigra L. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 475. *Ciconia nigra* L. Богдановъ. Птицы и звѣри Поволжья, стр. 142. *Ciconia nigra* L. Рузскій. Орнит. набл. въ Симб. губ., стр. 4. *Ciconia nigra* L. Мензбиръ. Пт. Россіи, I, стр. 777.

Черный аистъ въ Симбирской губ. встрѣчается несомнѣнно очень рѣдко. Однако, онъ отмѣченъ здѣсь всѣми авторами, изучавшими орнитофауну средняго Поволжья.

Показаніе Эверсманна довольно неопредѣленно; онъ говоритъ: „черный аистъ повсюду встрѣчается въ удобныхъ мѣстахъ нашего края, но всегда въ маломъ числѣ.“ М. Н. Богдановъ нашелъ чернаго аиста гнѣздящимся на Волгѣ въ высокоствольной уремѣ въ предѣлахъ Симбирской губерніи; М. Д. Рузскій—въ долинѣ Суры близъ границъ Симбирской и Казанской губерній. Въ 1881 году черный аистъ былъ убитъ въ окрестностяхъ г. Симбирска мѣстнымъ охотникомъ А. Н. Мясоѣдовымъ [1]). Нами этотъ видъ въ предѣлахъ Симбирской губерніи не встрѣченъ [2]).

---

[1]) См. замѣтку Полетики въ „Охот. Газ.“ 1897 г. № 14.

[2]) М. Н. Богдановъ отмѣчаетъ неоднократные залеты въ предѣлы губерніи, именно до Сызрани по Волгѣ, слѣдующихъ представителей группы *Herodiones*: *Ibis falcinellus* L. (l. c. стр. 140; по Эверсманну, стр. 457, „очень рѣдко долетаетъ до 52° с. ш.“) и *Platalea leucorodia* L. (l c. стр. 143; по Эверсманну, стр. 487, „весной и осенью.... поднимается иногда до 53° с. ш“). Тотъ же авторъ отмѣчаетъ залеты по Волгѣ даже до Казанской губерніи двухъ представителей отряда *Steganopodes*-*Pelecanus crispus* Bruch и *Phalacrocorax carbo* L. Всѣ эти формы нами въ предѣлахъ Симбирской губерніи не встрѣчены ни разу.

ГЛАВА IX.

Систематическій списокъ встрѣчающихся въ Симбирской губ. плавающихъ птицъ (семейство *Anatidae*). Распространіе представителей этого семейства и біологическія наблюденія.

Fam. Anatidae.

Mergus albellus L.

M. albellus L. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 594.
M. albellus L. М. Богдановъ. Пт. и зв. черноз. пол. Повол., стр. 152.
M. albellus L. М. Рузскій. Орн. набл. въ Симб. губ., 1893, стр. 13.
Mergus albellus L. М. А. Мензбиръ. Пт. Рос., стр. 595.

Въ долинахъ Алатыря и Суры довольно обыкновененъ на весеннемъ пролетѣ во время полнаго разлива и позже, когда вода сольетъ, и пойма обнажится. Значительныхъ стай намъ видѣть не приходилось, и чаще всего этихъ крохалей (которыхъ вслѣдствіе ихъ цвѣта хорошо отличаешь на большомъ пространствѣ) приходится видѣть по нѣскольку штукъ, плавающихъ въ обществѣ съ другими утками. Продолжается весенній пролетъ не долго — быть можетъ дней 8—10 въ среднемъ, и лутковъ (обыкновенно) не приходится видѣть въ такое позднее время, какъ, напримѣръ, гоголей и хохлатую чернеть.

Гнѣздованія лутка въ Симбирской губ. мы ни разу не наблюдали, но изъ словъ М. Н. Богданова можно заключить, что онъ—несомнѣнно въ небольшомъ числѣ—гнѣздится въ южной части губерніи. М. Д. Рузскій встрѣчалъ его

лѣтомъ 1893 года на Сурѣ. Стойку изъ 7 шт. лутковъ (изъ которыхъ 1 былъ убитъ мѣстнымъ промышленникомъ) мы наблюдали въ серединѣ мая 1900 года въ Курмышскомъ уѣздѣ въ 25 верстахъ отъ Суры. Птицы держались въ теченіе нѣсколькихъ дней на небольшихъ прудахъ селъ и хуторовъ, перелетая съ одного пруда на другой. Осенняго пролета на Алатырѣ (до 15 сент.) и на Сурѣ (до 15 окт.) намъ не случалось наблюдать. На Волгѣ показываются обыкновенно съ конца сентября.

Mergus merganser L.

M. castor Linn. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Ор. кр., III, стр. 59. *M. merganser* L. М. Богдановъ. Пт. и зв. Повол., стр. 152. *M. merganser* L. М. Мензбиръ. Пт. Рос., II, стр. 604.

Большой крохаль также летитъ долинами Алатыря и Суры, но въ ограниченномъ числѣ (какъ кажется, не всякій годъ) и очень рано, когда рѣка еще не прошла, и образовались лишь такъ называемыя „закрайки“ (полыньи между берегомъ и льдомъ средины рѣки). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ 2 экземпляра были убиты (въ концѣ марта) въ долинѣ Алатыря однимъ изъ мѣстныхъ промышленниковъ. Крупныхъ крохалей (*M. merganser* или *M. serrator*?) намъ приходилось видѣть изрѣдка и въ полную воду.

На осеннемъ пролетѣ мы наблюдали большихъ крохалей лишь на Волгѣ, въ небольшомъ числѣ, съ начала октября.

Въ качествѣ гнѣздящейся намъ эта птица не извѣстна (а равно и мѣстнымъ промышленникамъ), — и замѣчаніе проф. Богданова о гнѣздованіи ея на средней Волгѣ либо не относится къ Симбирской губ., либо относится къ рѣдкимъ отдѣльнымъ случаямъ.

Возможно, что нѣкоторыя изъ нашихъ наблюденій относились къ длинноносому крохалю (*M. serrator* L.), но мы не имѣли въ рукахъ этой птицы изъ предѣловъ губерніи.

Fuligula nigra L.

Oidemia nigra (Leach) L. М. Н. Богдановъ. Пт. и зв. Повол., стр. 151. *Fuligula nigra* Briss. М. Мензбиръ. Пт. Росс., I, стр. 625.

Намъ всего раза два или три приходилось наблюдать синьгу отдѣльными экземплярами и парами на Волгѣ, въ октябрѣ мѣсяцѣ.

Fuligula fusca L.

Anas fusca Linn. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Ор. кр., III, стр. 540. *Oidemia fusca* (Flemm.) L. М. Богдановъ. Пт. и зв. Пов., стр. 150. *Fuligula fusca* L. М. Мензбиръ. Пт. Росс., I, стр. 628. *Oidemia fusca* Linn. С. Н. Алфераки. Утки Россіи, 1901, стр. 219.

Турпана мы почти ежегодно наблюдали на Волгѣ парами или по одиночкѣ, въ концѣ сентября и въ октябрѣ, въ небольшомъ количествѣ [1]).

Н. Н. Стрѣльниковъ нашелъ эту птицу гнѣздящейся

[1]) Я встрѣтилъ одиночнаго турпана 17 іюля 1899 года во время гусиной охоты на большомъ глухомъ озерѣ (старицѣ) „Побочномъ“ въ поймѣ Суры, повыше устья Барыша. Озеро это имѣетъ около 1½ версты въ длину и до 80 саженъ въ ширину. Тотъ берегъ, у коего поднятъ былъ турпанъ, окайменъ сначала широкой (саженей 30) полосой густыхъ дубовыхъ, смородинныхъ и ольховыхъ кустовъ, а затѣмъ полосой, саженей въ 10—15, тальника и ивъ, растущихъ на топкой грязи и частью въ водѣ, на кочкахъ. Далѣе уже слѣдуетъ полоса водяныхъ растеній и камыша.

„Лѣвѣе меня, шагахъ въ 30-ти, поднялась съ заливчика [въ камышѣ] нырковая утка и пролетѣла всего шагахъ въ 20, мимо меня, въ другой конецъ озера. Поэтому я хорошо разглядѣлъ эту утку.... Это была по полету и складу, несомѣнно, нырковая утка..., крупной величины, никакъ не менѣе, а скорѣе крупнѣе, чѣмъ селезни звонка (*F. clangula* L.) или морской черни (*F. marila* L.). Вся птица была однообразнаго темно-бураго цвѣта, даже грудь, брюхо и подкрылья [хорошо мнѣ видныя] не выдѣлялись замѣтно. Только на крылѣ было рѣзко очерченное, нешироkое [считая поперечно стержнямъ перьевъ] ярко-бѣлое зеркало. Клювъ былъ темный и показался мнѣ высокимъ при основаніи. Такимъ образомъ... и сомнѣнія быть не можетъ, что это былъ турпанъ (*F. fusca* L.). Но была ли то самка или самецъ въ лѣтнемъ перѣ, я не могу сказать. (См. С. Бутурлинъ. Интересныя находки. Псов. и Руж. Охота, 1900, № 26). С. Бутурлинъ.

въ долинѣ Камы, въ Чистопольскомъ уѣздѣ (см. М. Д. Рузскій „Матер. къ изуч. птицъ Казанской губ.“ 1893, стр. 102).

Раза два намъ приходилось весной видѣть и на Алатырѣ стаи нырковыхъ утокъ, которыхъ мы приняли за какой-нибудь видъ турпановъ (вѣроятно, *F. fusca*).

Fuligula glacialis L.

Anas glacialis Linn. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб кр., III, стр. 546. *Harelda glacialis* (Leach.) L. M. Богдановъ. Пт. и зв. Пов., стр. 150. *Fuligula glacialis* L. M. Мензбиръ. Пт. Росс., I, стр. 633. *Harelda glacialis* Linn. С. Алфераки. Утки Россіи, 1901, стр. 199.

Морянка попадалась намъ ежегодно на Волгѣ съ начала октября отдѣльными экземплярами и небольшими стайками. На другихъ рѣкахъ губерніи мы ее не видали.

Несомнѣнно, что большинство сѣверныхъ нырковъ и во время пролета придерживаются главнымъ образомъ долинъ болѣе значительныхъ рѣкъ, въ особенности, конечно, Волги и Камы.

Fuligula clangula L.

Anas clangula Linn. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Ор. кр., III, стр. 543. *Glaucion clangula* (K. et Bl.) L. M. Богдановъ. Пт. и зв. Пов., стр. 150. *Fuligula clangula* L. M. Мензбиръ. Пт. Росс., I, стр. 641. *Clangula clangula* Linn. С. Алфераки. Утки Россіи, стр. 183.

Мѣстное: „большой нырокъ“, „пѣгій нырокъ“ (весенній нарядъ).

Случаевъ гнѣздованія гоголя въ Симбирской губерніи мы не наблюдали и не слыхали о томъ, но на весеннемъ и осеннемъ пролетѣ это — одна изъ обыкновенныхъ утокъ не только на Волгѣ, но и Свіягѣ, Сурѣ и даже Алатырѣ, долинъ же менѣе значительныхъ рѣкъ гоголи, подобно другимъ нырковымъ уткамъ, избѣгаютъ.

Появляются гоголи небольшими стайками, смѣшанными,

причемъ самцы въ полномъ нарядѣ составляютъ незначительное меньшинство, — съ ранней весны, обыкновенно съ половины марта. Пролетъ достигаетъ наибольшей силы около того времени, когда съ поемыхъ луговъ Свіяги и Алатыря сольетъ вода, и продолжается обыкновенно еще и въ началѣ мая, когда уже позеленѣютъ луга и тальники поймъ.

Иногда во время спада водъ намъ приходилось видѣть довольно значительныя стаи, которыя, садясь на озера, держутся вмѣстѣ (въ перемѣшку) съ лутками и чернетью. Какъ и чернеть, пролетные гоголя избѣгаютъ садиться на небольшія весеннія озера, а держатся на болѣе значительныхъ бассейнахъ (не избѣгаютъ, однако, бассейновъ такой величины, что на срединѣ съ берега можно стрѣлять). Раненые отлично и неутомимо ныряютъ. Вообще гоголь—изъ числа весьма осторожныхъ нырковъ. Долиной Волги они летятъ въ несравненно большемъ числѣ, чѣмъ по меньшимъ рѣкамъ.

Осенью небольшія станички гоголей появляются въ долинѣ Алатыря иногда очень рано—въ послѣдней трети августа. Вѣроятно, это, сторого говоря, не пролетныя, а кочующія особи. Позже (въ сентябрѣ) появляются болѣе многочисленныя стаи, останавливающіяся главнымъ образомъ на рѣкѣ и на немногочисленныхъ въ долинѣ Алатыря большихъ озерахъ. Но вообще можно сказать, что осенью гоголи еще болѣе исключительно придерживаются долины Волги, чѣмъ весной.

Fuligula nyroca Güld.

Anas nyroca Güldenst. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 534. *Fuligula leucophtalmus* (Steph.) Bechst. М. Богдановъ. Пт. и зв. Пов., стр. 151. *Fulig. nyroca.* М. Рузскій. Орнит. набл., стр. 13. *Fuligula nyroca* Güld. М. Мензбиръ. Пт. Росс., I, стр. 646. *Nyroca nyroca* Güld. С. Алфераки. Утки Россіи, стр. 138.

Бѣлоглазка—нерѣдкая гнѣздящаяся птица большихъ озеръ Сурской поймы, но въ долинахъ менѣе значительныхъ рѣкъ губерніи не наблюдалась нами даже на пролетѣ. Хотя птица

эта и дневная, подобно остальнымъ нырковымъ уткамъ, но весьма скрытная, а потому ея образъ жизни мы знаемъ мало. Въ іюнѣ и началѣ іюля попадаются подъ выстрѣлъ обыкновенно лишь линяющіе самцы, держащіеся по большей части одиночно, только съ конца первой трети іюля бѣлоглазки начинаютъ чаще показываться на открытыхъ мѣстахъ озеръ и въ большемъ числѣ, выводками и стайками.

М. Н. Богдановъ. (l. c., стр. 151, *Callichen rufinus* (Brm.) Pall.) говоритъ, что въ небольшомъ числѣ видалъ на Волги у Сызрани красноносаго нырка, но намъ эта птица въ предѣлахъ губерніи не попадалась.

Fuligula ferina L.

Anas ferina Linn. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 533. *Fuligula ferina* (Steph.) L. M. Богдановъ. Пт. Росс., стр. 151. *Fuligula ferina*. М. Рузскій. Орнит. набл., стр. 13. *Fuligula ferina* L. М. Мензбиръ. Пт. Росс., I, стр. 660. *Aythya ferina* Linn. С. Алфераки. Утки Россіи, стр. 173.

Красноголовый нырокъ — самый широко распространенный и обыкновенный изъ гнѣздящихъ видовъ нырковъ описываемой мѣстности, хотя все же многочисленнымъ назвать его нельзя. Появляется этотъ нырокъ у насъ нѣсколько позднѣе другихъ, въ началѣ апрѣля. Еще въ концѣ второй трети мая случается видѣть ихъ небольшими стайками на озерахъ поймъ, причемъ самцы еще въ полномъ брачномъ оперѣніи. Но уже въ концѣ іюня приходится находить довольно крупныхъ птенцовъ. Такъ экземпляръ, добытый г. Евренновымъ 29 іюня 1900 г. на озерѣ Лебяжьемъ въ долинѣ Волги близъ Симбирска, имѣлъ такіе размѣры: клювъ по разрѣзу 37,5 мм., хребетъ клюва 34 мм., высота его у основанія 19 мм., а у передняго края ноздрей 13 мм., ширина клюва у основанія 17 мм., у вершины 16 мм., ширина наготка 3,5 мм., длина плюсны 37 мм., средній палецъ безъ ногтя 59 мм., съ ногтемъ 55 мм., внутренній

палецъ съ ногтемъ 43 мм., внѣшній коготь съ пальцемъ 53 мм. (экземпляръ этотъ находится въ Московскомъ Зоологическомъ музеѣ).

Красноголовый нырокъ гнѣздится въ долинахъ Волги, Свіяги, Барыша и Суры. Въ долинѣ Алатыря гдѣздится очень рѣдко. Самка съ пуховымъ птенцомъ была добыта здѣсь въ началѣ іюля 1900 года. Бываетъ въ небольшомъ числѣ на пролетѣ, и кромѣ того небольшія кочующія станички этихъ нырковъ появляются годами въ поймѣ Алатыря во второй половинѣ августа, что вполнѣ естественно въ виду частаго гнѣздованія этого вида въ долинѣ Суры.

Въ концѣ іюля и августѣ красноголовые нырки попадаются на озерахъ Сурской поймы довольно большими стайками, въ 10—20 штукъ, но затѣмъ въ сентябрѣ пропадаютъ какъ-то незамѣтно, и значительнаго осенняго пролета ихъ на Сурѣ мы не замѣчали.

Fuligula fuligula L.

Anas fuligula Linn. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 535. *Fuligula cristata* (Leach) Raj. М. Богдановъ. Пт. и зв. Пов., стр. 151. *Fuligula cristata*. М. Рузскій. Орнит. набл., стр. 13. *Fuligula cristata* Leach. М. Мензбиръ. Пт. Росс., I, стр. 652. *Fuligula fuligula* Linn. С. Алферакп. Утки Россіи, стр. 163.

Мѣстное „чернышъ“.

Утятники-промышленники средней части Симбирской губерніи считаютъ „черныша“ исключительно пролетной птицей, но это положительно невѣрно, такъ какъ выводки хохлатой черни мы находили не только въ долинѣ Волги, но и въ долинѣ Суры, гдѣ „чернышъ“ гнѣздится гораздо рѣже, чѣмъ бѣлоглазка или красноголовый нырокъ, но все же регулярно. Такъ, подъ Промзинымъ (около 54° 29′ с. ш.) на большомъ глухомъ озерѣ (старица) „Красный Яръ“ ежегодно гнѣздится пара чернышей. Въ долинѣ рѣки Алатыря намъ извѣстенъ только одинъ, и то не вполнѣ несомнѣнный, случай гнѣздованія.

М. Д. Рузскій говоритъ, что въ 1893 году на Сурѣ чернь попадалась ему чаще, чѣмъ *F. nyroca* и *F. ferina*, но это свѣдѣніе либо относится къ пролетнымъ особямъ, либо касается лишь сѣверной части губерніи.

Весенній пролетъ долиной Алатыря начинается въ разливъ, особенно силенъ немедленно по спадѣ полой воды и продолжается еще въ началѣ мая, когда края весеннихъ озеръ уже заростутъ калужницей (*Caltha palustris*) и кажутся желтыми. Летитъ чернеть и маленькими и значительными стаями. Какъ и гоголи, чернеть избѣгаетъ садиться на очень маленькіе водоемы.

Чернышъ, какъ и другія нырковыя утки, птица сравнительно молчаливая. Поднятая отъ птенцовъ утка издаетъ довольно низкое и грубое карканіе. Раза два намъ случалось у упомянутаго выше озера „Красный Яръ“ видѣть утку черныша сидящей въ нѣсколькихъ футахъ надъ водой на суку прибрежной ветлы.

Во время осенняго пролета хохлатая чернь — безусловно самая многочисленная нырковая утка въ долинахъ Суры и Волги, превосходитъ числомъ даже гоголя, — а въ долинѣ Суры даже всѣхъ нырковъ вмѣстѣ взятыхъ.

Появляются пролетные черныши поодиночкѣ или небольшими стайками нерѣдко еще съ половины августа, но чаще съ начала сентября, а главный пролетъ ихъ идетъ втеченіе второй половины сентября и самомъ началѣ октября, когда не только на Волгѣ, но и на Сурѣ они попадаются огромными стаями.

Чернышъ менѣе остороженъ, чѣмъ гоголь, но крѣпостью на рану и ловкостью нырянія мало уступаетъ ему. Намъ случалось стрѣливать чернышей на чистыхъ съ открытыми, незаросшими берегами водоемахъ. Если не добьешь унавшую, но еще шевелящуюся на водѣ утку, то нерѣдко видишь, какъ передъ мордой собаки она, оправившись, ныряетъ съ тѣмъ, чтобы болѣе не показываться на поверхности.

Fuligula marila L.

Anas marila Linn. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 537. *Fuligula marila* (Steph.) L. М. Богдановъ. Пт. и зв. Пов., стр. 152. *Fuligula marila* L. М. Мензбиръ. Пт. Росс., стр. 657. *Fuligula marila* Linn. С. Бутурлинъ. „Морская чернь" въ „Псовой и Ружейной Охотѣ" кн. IV, 1897 г. *Fuligula marila* L. С. Алфераки. Утки Россіи, стр. 150.

Морская чернь пролетаетъ долиной Волги въ очень небольшомъ числѣ, а въ долинѣ Суры встрѣчается и совсѣмъ рѣдко, повидимому лишь случайно, такъ что мѣстные промышленники не узнавали добытыхъ здѣсь нами птицъ.

Намъ случилось добыть здѣсь повыше устья Барыша 21 сентября одинъ экземпляръ, который мы приняли за селезня въ лѣтнемъ перѣ. Размѣры его были: вѣсъ $2^1/_4$ фун., вся длина 18,9 дюйм., крыло 8,25 дюйм. Клювъ былъ темно-сѣрый, голубовато-свинцоваго оттѣнка съ темнымъ ноготкомъ. Глаза ярко-желтые, ноги сѣроватыя съ темными перепонками. Голова темнобурая съ слабымъ каштановымъ оттѣнкомъ, бока головы въ частяхъ, прилегающихъ къ основанію верхней и нижней челюстей, грязно-бѣловаты; на ушныхъ перьяхъ по кругловатому пятну, нѣсколько болѣе блѣдному, чѣмъ остальной окрасъ головы. Низъ и бока шеи и зобъ нѣсколько блѣднѣе головы, грудь еще блѣднѣе, и ея каштаново-бурый цвѣтъ хотя не сразу, но все же довольно рѣзко переходитъ въ ярко-бѣлый цвѣтъ задней части груди и брюха. На брюхѣ постепенно развивается неясная, поперечная, блѣдно-дымчатая полосатость, такъ что подхвостье уже почти сплошь дымчатое съ неясными бѣлыми волнами. Бока груди и передней части брюха бѣлые съ буроватыми поперечными волнами, далѣе кзади охристо-буроваты съ мелкими бѣлыми пестринками. Нижнія кроющія крыла и подмышечныя чисто-бѣлыя. Рулей 14, темно-бураго цвѣта. Спина черно-бураго цвѣта съ легкой каштановой примѣсью въ самой передней части и шоколадной—въ поясницѣ. На передней части спины мелкія

бѣлыя пестринки, переходящія на средней (межлопаточной) части спины въ частыя, мелкія, поперечныя зигзагообразныя или мелко-волнистыя полоски. Нижняя часть спины безъ бѣлыхъ пестринъ и полосокъ. Плечевыя и верхнія кроющія крыла темно-бурыя съ мелкими бѣлыми пестринками, которыя на плечевыхъ менѣе густы, на мелкихъ и среднихъ кроющихъ весьма густы, на большихъ кроющихъ отсутствуютъ. Махи темно-бурые, внутреннія опахала первыхъ пяти первостепенныхъ въ основной половинѣ бѣлыя, остальные махи кисти и предплечья бѣлы и на внѣшнихъ опахалахъ, только съ темными вершинками. Второстепенные махи образуютъ бѣлое зеркало, весьма замѣтное даже на совсѣмъ сложенномъ крылѣ, бѣлыя же части первостепенныхъ маховъ замѣтны лишь на распущенномъ крылѣ. Темные концы второстепенныхъ маховъ, концы большихъ кроющихъ предплечья и третьестепенныя маховыя перья имѣютъ довольно ясный металлически-зеленоватый блескъ.

Такъ какъ біологически морская чернь извѣстна сравнительно мало, то мы сообщимъ наши наблюденія, несмотря на ихъ отрывочность.

Морская чернь одна изъ наименѣе осторожныхъ нырковыхъ утокъ. И гоголь (*F. clangula*) и красноголовка (*F. ferina*) и чернышъ (*F. fuligula*) гораздо осторожнѣе ея, и только къ бѣлоглазкѣ (*F. nyroca*) такъ же легко подойти на выстрѣлъ, какъ къ *F. marila*.

Пролетныя стайки морской черни останавливаются преимущественно на довольно большихъ неглубокихъ озерахъ поймъ съ пологими, мало заросшими берегами; кормятся днемъ, отнюдь не избѣгая близкаго сосѣдства камышей, къ зарослямъ которыхъ нерѣдко подплываютъ совсѣмъ близко; конечно, въ общемъ все же придерживаются болѣе чистой, открытой воды.

Утки эти ныряютъ за кормомъ на довольно продолжительное время, часто и при томъ не оставляя „сторожа“,

такъ что въ небольшой стайкѣ, штукъ въ 5—6 особей, всегда время отъ времени повторяется хотя бы и непродолжительный моментъ, когда всѣ утки стайки находятся подъ водой. Одному изъ авторовъ этой статьи случилось подобраться къ кормящейся такимъ образомъ стайкѣ среди солнечнаго дня по совершенно открытому, песчаному берегу, при томъ съ ярко окрашенной собакой. Приходилось, какъ на глухариномъ току, дѣлать нѣсколько прыжковъ послѣ исчезновенія послѣдней утки, а затѣмъ бросаться на землю и лежать неподвижно, кладя за собою собаку.

Морская чернь поднимается на крылья гораздо проворнѣе и легче, чѣмъ красноголовка или гоголь, и взлетаетъ довольно высоко. Разлетѣвшись, летитъ чрезвычайно сильно и быстро, съ сильнымъ глухимъ шумомъ, разсѣкая — вѣрнѣе какъ бы сверля воздухъ, подобно шуму летящаго надъ головой артиллерійскаго снаряда полевого орудія.

Отъ обыкновенной или хохлатой черни морская чернь легко отличается на водѣ, кромѣ бо́льшаго роста, еще и тѣмъ, что ни при какихъ поворотахъ птицы эти не кажутся такими ярко-нѣгими, какъ F. fuligula; это происходитъ, очевидно, отъ того, что у нихъ темная окраска груди спускается замѣтно ниже. На лету морская чернь кажется не такой темной, а болѣе сѣроватаго, даже какъ бы голубоватаго оттѣнка. Это происходитъ, повидимому, отъ обилія бѣлыхъ пестринъ и струекъ на спинѣ и кроющихъ крыла [1]).

Anas boschas L.

Anas boschas Linn. Э Эверсманнъ. Ест. ист. Ор. кр., III, стр. 512. *Anas boschas* L. М. Богдановъ. Пт. и зв. Пов., стр. 149. *Anas boschas*. М. Рузскій. Орнит. набл, стр. 4, 10, 13. *Anas boschas* L. М. Мензбиръ. Пт. Росс., I, стр. 681. *Anas boschas* Linn. С. Алфераки. Утки Россіи, стр. 25.

Кряква хотя менѣе неприхотлива въ выборѣ мѣста осѣдлаго жительства, чѣмъ обѣ породы чирковъ, однако все же

[1]) Малую осторожность морской черни — вѣроятно, результатъ гнѣздованія въ малообитаемыхъ тундрахъ Сѣвера—замѣчали охотники и въ другихъ мѣстахъ (Н. А. Зворыкинъ въ письмахъ къ С. А. Бутурлину).

встрѣчается въ описываемой мѣстности всюду, гдѣ есть вода, и въ общемъ численностью врядъ ли уступаетъ каждому изъ видовъ чирковъ въ отдѣльности, или уступаетъ лишь немного.

Главнымъ образомъ она гнѣздится, конечно, въ поймахъ сравнительно большихъ рѣкъ—Волги, Свіяги, Суры, Барыша, Алатыря, Пьяны, Инзры и др., гдѣ выбираетъ для вывода утятъ самые различные водоемы—большія и маленькія озера поймъ, мельничные пруды, озера въ лѣсахъ, мелкія, заросшія лужи въ уремѣ и тальникахъ и т. под.

Въ поймахъ гнѣзда приходится находить то на берегу озера, то на кочкѣ, окруженной водой, то на кочкѣ безводнаго, хотя и сырого луга. 8 апрѣля 1890 года намъ случилось найти кряковую утку на 12-ти яйцахъ въ сорочьемъ гнѣздѣ на высокой березѣ, въ одномъ изъ „колковъ“ перевала между Волгой и Свіягой, близъ г. Симбирска. Намъ приходилось находить также гнѣзда и выводки кряковной въ маленькихъ рощахъ въ степной части Курмышскаго уѣзда, въ небольшихъ озерцахъ, заросшихъ обыкновенно тальникомъ, гдѣ стоитъ въ началѣ мая не болѣе $^1/_2$ аршина воды въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ, и которыя въ сухіе годы пересыхаютъ уже къ концу іюня. Въ случаѣ пересыханія такихъ озерокъ, матка, вѣроятно, переводитъ подросшихъ утятъ на сосѣдній прудъ или степной оврагъ, гдѣ мѣстами еще стоитъ вода.

Случалось даже находить гнѣзда и выводки въ заросшихъ канавахъ по бокамъ большой дороги.

Весной 1899 года мы нашли гнѣздо на сухомъ лугу у опушки лѣса (въ долинѣ Алатыря), подъ ивовымъ кустомъ, шагахъ въ 300 отъ маленькой, протекающей изъ лѣсу въ пойму рѣчки. Эта рѣчка (если гнѣздо уцѣлѣетъ), конечно, является путемъ, по которому утка доведетъ утятъ до озеръ поймы.

Прилетаютъ кряквы у насъ въ послѣдней трети марта, такъ что въ самыхъ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца и

первыхъ числахъ апрѣля находишь ихъ уже разбившимися на пары, которыя бываютъ довольно смирны. Раннія полныя кладки (обычно 10—12 яицъ) случается находить въ концѣ первой трети апрѣля, но зато и въ іюлѣ не рѣдкость встрѣтить пуховыхъ птенцовъ. Утятъ въ полъ-матки величиною мы встрѣтили однажды (въ долинѣ Алатыря) 14-го августа.

Молодые кряковные утята ловки и хитры и ныряютъ съ замѣчательнымъ искусствомъ, въ одномъ отношеніи превосходя даже нырковыхъ утокъ, именно умѣньемъ пользоваться ныряньемъ даже въ совершенно мелкой водѣ (1—2 фута). Намъ не разъ случалось видѣть, какъ такой нырокъ, какъ длинноносый крохаль, застигнутый внезапно на мелкомъ мѣстѣ, терялся, то пытаясь нырнуть, то пробуя взлетѣть. Кряковные же утята отъ величины полъ-матки до почти полнаго роста моментально скрываются въ подобныхъ случаяхъ, успѣвая даже, подобно настоящимъ ныркамъ, нырнуть въ самый моментъ неожиданнаго выстрѣла.

Въ то же время и бѣгаютъ утята чрезвычайно проворно, тихо и ловко шныряя съ вытянутой вдоль земли шеей въ самыхъ густыхъ зарослях, и весьма охотно ищутъ спасенія на твердой землѣ. Ихъ ныряньe при преслѣдованіи часто и имѣетъ цѣлью незамѣтно выбраться на берегъ и тихо убѣжать отъ озерка въ траву или тальники, а то и прямо въ сухой боръ, иногда на 30—50 саженей и дальше отъ бассейна. Въ этихъ случаяхъ утята бѣгутъ съ озера врозь по одиночкѣ, каждый самъ по себѣ.

Нерѣдко самка переводитъ свой выводокъ на большое пространство по сухому пути—изъ-одного бассейна въ другой—независимо отъ возраста утятъ—и пуховыхъ и вполнѣ взрослыхъ. Чаще всего это случается, если начинаетъ изсякать вода въ бассейнѣ, гдѣ живетъ выводокъ; иногда и въ томъ случаѣ, если семью часто безпокоятъ преслѣдованьемъ. Мы не разъ наблюдали такія переселенія выводковъ, хотя лишь у двухъ породъ—кряковной и *A. crecca*. Утка при этомъ

идетъ впереди, безпрерывно тихо крякая; утята слѣдуютъ сзади гуськомъ. Если мать убита, выводокъ отъ преслѣдованья никогда не переселяется, конечно, оттого, что некому проявить инициативы къ переселенію, обусловливаемой извѣстной опытностью и знакомствомъ съ окружающей мѣстностью. Выводокъ безъ матери уже не представляетъ собою *семьи* въ качествѣ извѣстной ассоціаціи, и каждый утенокъ питается и заботится о своей безопасности самъ по себѣ и самостоятельно ищетъ болѣе удобнаго обитанія, если напр. озеро, въ которомъ живетъ выводокъ, пересохнетъ. Утята съ очень ранняго возраста уже способны къ самостоятельному существованію, и выводокъ часто выживаетъ до послѣдняго утенка даже въ томъ случаѣ, когда мать убита еще отъ пуховыхъ утятъ. Осиротѣвшіе утята ведутъ обыкновенно сравнительно болѣе скрытный образъ жизни, нежели выводокъ, водимый матерью; одинокихъ утятъ почти никогда не увидишь утромъ или вечеромъ гуляющими по открытымъ плесамъ, какъ это дѣлаютъ выводки съ маткой. Условія жизни въ заросшихъ бассейнахъ до извѣстной степени гарантируютъ птенцовъ отъ частыхъ нападеній хищныхъ птицъ; пища же въ мелкихъ озерахъ, которыя въ особенности любятъ всѣ представители рода *Anas*, всюду находится въ неисчерпаемомъ изобиліи.

У молодыхъ утятъ махи отрастаютъ послѣ всего остального оперенія, когда по величинѣ тѣла они достигли величины взрослыхъ птицъ. Но и пріобрѣвъ способность летать, молодыя утки первые дни очень неохотно ею пользуются, предпочитая таиться въ травѣ и нырять, и вылетаютъ только изъ подъ самыхъ ногъ охотника.

Около 5—6 іюля большинство выводковъ начинаютъ подниматься на крылья (ранніе выводки—даже съ 20 іюня, поздніе—въ серединѣ августа), и съ этого времени въ поймахъ начинаются замѣтные вечерніе и утренніе утиные перелеты. День линяющіе селезни и выводки проводятъ въ глу-

хихъ озерахъ и зарослях ъ поймъ, въ такъ назыв. „истокахъ“ (залитыя водою на 1—3 фута ольховыя заросли), кормится на зарѣ выплываютъ на чистую воду, чаще же перелетаютъ на открытыя воды и даже лужи. Перелетъ у кряквъ начинается раньше, чѣмъ у чирковъ,—еще до заката. Когда солнце уже низко надъ горизонтомъ, то въ одномъ, то въ другомъ истокѣ слышится кряканье проснувшейся утки. Наконецъ, одна изъ нихъ рѣшается взлетѣть и низко облетаетъ надъ окрестными озерами и истоками одинъ, иногда два круга, оглашая пойму призывнымъ кряканіемъ. Ей отвѣчаютъ разбуженныя кряквы, нѣкоторыя сразу же взлетаютъ и либо присоединяются къ первой, либо поодиночкѣ или цѣлымъ выводкомъ летятъ самостоятельно, отыскивая удобныя мѣста для кормежки, причемъ въ хорошую тихую погоду или въ легкій дождь не разъ пролетаютъ туда и сюда надъ поймой, въ сильный же вѣтеръ низко и быстро проносятся прямо къ какому-либо знакомому мѣсту, и перелетъ быстро кончается. Надо прибавить, что маленькихъ лужъ (напр. на дорогахъ), охотно посѣщаемыхъ чирками, кряквы обыкновенно избѣгаютъ.

Почти всю короткую лѣтнюю ночь кряквы кормятся на мелкихъ открытыхъ мѣстахъ, причемъ внимательный наблюдатель по движеніямъ головы и клюва и по всей повадкѣ кормящейся птицы легко замѣтитъ, что въ поискахъ за пищей и въ выборѣ ея утка руководствуется отнюдь не обоняніемъ, какъ нерѣдко утверждаютъ, но осязаніемъ и вкусомъ. На восходѣ кряквы летятъ обратно въ заросли и глухія части озеръ, но иныя особи остаются спать и днемъ у мѣста кормежки, забившись въ траву—вѣроятно, птицы, особенно сытно поѣвшія. Чѣмъ позже осень, тѣмъ раньше утромъ улетаютъ утки съ мѣста кормежки, такъ что во второй половинѣ сентября и въ октябрѣ утренній перелетъ происходитъ „по темной зарѣ“, т.-е. начинается еще до разсвѣта.

Уже съ самаго начала лѣтнихъ перелетовъ часть утокъ летаетъ кормиться на хлѣба, особенно на горохъ и овесъ, а

когда снимутъ озимь, то даже въ поймахъ болѣе значительныхъ рѣкъ почти половина перелета совершается не на мелкіе водоемы, а на поля, причемъ кряквы уже во второй трети августа нерѣдко въ поймахъ Суры и Алатыря собираются громадными стаями.

Чѣмъ болѣе стадятся кряквы, и чѣмъ позже осень, тѣмъ болѣе и болѣе избѣгаютъ онѣ небольшихъ водоемовъ, сваливаясь на большія озера или заводи Алатыря, Суры, Барыша и другихъ рѣкъ и собираясь въ удобныхъ мѣстахъ въ такомъ количествѣ, что послѣ пухъ ихъ на большомъ протяженіи устилаетъ воду. Однако и поздней осенью для дневки иногда большая стая кряквъ приглядитъ себѣ небольшое глухое озерко въ лѣсу близъ поймы, которое и посѣщаетъ, случается, регулярно. Вообще кряква легко привыкаетъ къ мѣсту: однажды мы пустили пойманнаго на охотѣ утенка на прудъ въ саду, у села Бѣлаго Ключа на Сурѣ. Когда онъ подросъ, то скрылся, уйдя пѣшкомъ. Однако послѣ, поднявшись на крылья, онъ всякій вечеръ прилеталъ на этотъ прудъ.

Еще въ началѣ іюня приходится нерѣдко встрѣчать въ поймахъ небольшія стайки осторожныхъ кряковныхъ слезней; съ конца второй трети іюля они попадаются часто—уже въ полномъ лѣтнемъ перѣ. Въ концѣ августа встрѣчаются селезни съ пробивающимся брачнымъ опереніемъ. Съ конца второй трети сентября попадаются уже экземпляры въ полномъ брачномъ нарядѣ.

Селезень въ лѣтнемъ перѣ отличается отъ самки, кромѣ величины, еще тѣмъ, что клювъ (верхняя челюсть) его болѣе ровнаго оливково-зеленаго цвѣта, тогда какъ у самки клювъ со значительной примѣсью желто-оранжеваго цвѣта въ темныхъ пятнахъ. Намъ случилось, впрочемъ, убить очень крупнаго селезня, клювъ котораго былъ почти ровнаго оранжевато-розоваго цвѣта; оперенiе и цвѣтъ глазъ были нормальны.

У самокъ рулей обыкновенно бываетъ 18, вся длина

птицы около 52—54 снт., очень рѣдко доходитъ до 55½ снт. Длина крыла около 25½—27 снт., рѣдко до 28.

У селезня рулей обыкновенно 20, центральная пара въ лѣтнемъ перѣ по цвѣту не отличается почти отъ остальныхъ, но прикрѣплена слегка повыше. Вся длина птицы около 54—59½, рѣдко до 62 снт. Крыло отъ 25½ до 28½ снт.

Anas circia L.

Anas querquedula Linn. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Ор. кр., III, стр. 523. *Anas querquedula* L. М. Богдановъ Пт. и зв. Пов., стр. 149. *Querquedula circia.* М. Рузскій. Орнит. набл., стр. 4 и 13. *Anas circia* L. М. Мензбиръ. Пт. Росс., стр. 668. *Querquedula querquedula* Linn. С. Алфераки. Утки Россіи, стр. 113.

Чирокъ-коростелекъ еще менѣе прихотливъ, чѣмъ кряква, въ выборѣ мѣста для житья, и селится и выводитъ потомство на самыхъ маленькихъ лужахъ и нерѣдко въ непосредственной близости селеній.

Чирокъ обыкновененъ по подходящимъ мѣстамъ маленькихъ степныхъ рѣчекъ—какъ напр. Киша (Ардатовскій и Курмышскій уѣзды), Аморда (Ардатовскій и Саранскій) и др., гдѣ рѣдко увидишь кряковную и лишь какъ исключеніе можно найти кряковной выводокъ. Однако съ другой стороны въ долинѣ рѣки Большой Сарки, въ верхнихъ и среднихъ ея частяхъ (т.-е. вдали отъ Суры), кряква довольно обыкновенна, а чирки несравненно рѣже.

Прилетаютъ чирки въ годы съ ранней весной въ послѣдней трети или концѣ марта и въ началѣ апрѣля попадаются уже парами.

Выводки поднимаются на крылья позднѣе кряквъ и половыхъ чирковъ, такъ что въ серединѣ іюня молодыхъ летныхъ видѣть вовсе не приходится. Селезней въ это время также не видать, и при выводкахъ никогда ихъ не бываетъ. Въ августѣ случается видѣть коростельковъ парами. Утка несравненно горячѣе и самоотверженнѣе защищаетъ выводокъ

и „отводитъ“ отъ него, чѣмъ кряква. Только что вылупившихся утятъ намъ случалось находить съ конца первой трети іюня.

Числа съ 7 — 8 іюля на перелетахъ начинаютъ попадаться и селезни коростелька, хотя еще въ сильной линькѣ крупнаго пера: съ недостающей парой — двумя рулей и съ махами на $1^1/_2$—2 сант. отъ основанія еще „въ пенькахъ“.

Съ конца второй или началѣ послѣдней трети іюля селезни-коростельки начинаютъ собираться въ стаи, и въ концѣ этого мѣсяца въ поймѣ Суры намъ не рѣдко случалось видѣть большія стаи, составленныя исключительно изъ селезней этого вида, безъ примѣси самокъ. Замѣтить это обстоятельство очень легко, такъ какъ селезень чирка-коростелька не только всегда гораздо крупнѣе, чѣмъ самка (разница относительно бо́льшая, чѣмъ даже у кряквы), но и—. въ отличіе отъ кряковныхъ и чирковъ-половыхъ — даже въ лѣтнемъ перѣ рѣзко отличается отъ самки, въ особенности яркимъ зеркаломъ и свѣтло-голубоватыми кроющими крыла, далеко замѣтными даже на лету. Наши наблюденія въ долинѣ Суры заставляютъ насъ думать, что между этимъ видомъ утокъ селезни значительно многочисленнѣе самокъ.

Съ начала сентября коростельки начинаютъ пропадать и отлетаютъ, какъ и широконоска, раньше другихъ благородныхъ утокъ.

Длина утки коростелька $35^1/_2$ — 38, рѣдко до 39 сит., крыло $16^1/_2$ — $18^1/_4$ сит. Длина селезня $39^1/_2$ — $40^3/_4$ сит., крыло 18 — 19 сит. Рулевыхъ обыкновенно 14, цвѣтъ ногъ болѣе зеленоватый, чѣмъ у чирка полового.

Anas crecca L.

Anas crecca Linn. Э. Эверсманъ. Ест. ист. Оp. кр., III, стр. 526. *Anas crecca* L. М. Богдановъ. Пт. и зв. Пов., стр. 149. *Querquedula crecca.* М. Рузскій. Орнит. набл., стр. 4 и 13. *Anas crecca* L. М. Мензбиръ. Пт. Росс., стр. 671. *Nettion crecca* Linn. С. Алфераки. Утки Россіи. стр. 78.

Чирокъ половой въ Симбирской губерніи такъ же многочисленъ какъ и коростелекъ. Селится онъ также повсемѣстно, но прилетаетъ и выводится, а также и начинаетъ перелеты на кормежку, нѣсколько ранѣе; однако, позднія кладки случалось намъ находить (по 8—10 шт. яицъ) и въ половинѣ іюня. Селезня при выводкѣ или вблизи него мы никогда не находили, несмотря на множество находимыхъ выводковъ.

Во время вечернихъ перелетовъ обѣ породы чирковъ прилетаютъ на открытые, мелкіе концы озеръ, грязные, илистые берега прудовъ и водоемовъ, даже на лужи дорогъ въ поймѣ. Но летаютъ и на хлѣба, хотя и въ гораздо меньшемъ числѣ, чѣмъ кряквы. Перелетъ чирковъ начинается позже, чѣмъ кряквъ, уже послѣ заката солнца.

Если излюбленный водоемъ или лужа уже занятъ вылетѣвшимъ на илистый берегъ его бекасомъ или чернышомъ (*Tot. ochropus* L.), то явившійся чирокъ (или чирки) иногда вступаетъ съ нимъ въ драку, сопровождаемую сильнымъ крикомъ обѣихъ птицъ. Между собой же утки обыкновенно не ссорятся, и одинъ или цѣлая стайка чирковъ даже любятъ при перелетахъ вечернихъ или утреннихъ присоединиться къ болѣе крупной уткѣ,—кряквѣ или широконоскѣ, за которой и слѣдуютъ послушно, какъ за предводителемъ.

По образу жизни чирокъ, какъ и большинство утокъ, является въ общемъ ночной или, точнѣе, сумеречной птицей. Но надо полагать, что эта привычка утокъ не весьма древняго происхожденія, такъ какъ глаза ихъ до сихъ поръ мало приспособились къ зрѣнію въ темнотѣ. При свѣтѣ дня

тихаго появленія человѣческой фигуры въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ озера достаточно, чтобы держать на чеку все его утиное населеніе. Совсѣмъ иное дѣло—ночью или даже въ болѣе или менѣе густыхъ сумеркахъ. На вечернихъ перелетахъ, когда станетъ потемнѣе, присутствіе человѣка не мѣшаетъ уткамъ садиться на воду и плавать спокойно порою въ нѣсколькихъ шагахъ отъ человѣка. Но легкій шумъ сразу дѣлаетъ ихъ безпокойными и подозрительными.

Обычные размѣры полового чирка: длина отъ 34 до 38, очень рѣдко до 39 снт., крыло отъ 16 до 18, рѣдко до $18^1/_2$ снт. Рулевыхъ обыкновенно 16, окрасъ ногъ въ свѣжемъ состояніи съ гораздо меньшей примѣсью оливково-зеленаго и болѣе буроватый, чѣмъ у коростелька.

Селезень полового чирка не отличается отъ самки такъ рѣзко, какъ селезень чирка-коростелька или свіязи, но во всѣхъ случаяхъ, когда мы опредѣляли полъ вскрытіемъ, мы убѣждались въ справедливости замѣчанія Зибома, что у селезня полового чирка и въ лѣтнемъ нарядѣ металлически-зеленое зеркало отдѣляется бархатисто-черной продольной полосой отъ третьестепенныхъ маховъ.

Anas clypeata L.

Anas clypeata Linn. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Ор. кр., III, стр. 528. *Rhynchaspis clypeata* (Leach) L. M. Богдановъ. Пт. и зв. Пов., стр. 150. *Anas clypeata.* М. Рузскій. Орнит. набл., стр. 13. *Anas clypeata* Briss. М. Мензбиръ. Пт. Россіи, I, стр. 665. *Spatula clypeata* Linn. С. Алфераки. Утки Россіи, стр. 121.

Мѣстное: „широконосая утка".

Широконоска въ Симбирской губерніи несравненно малочисленнѣе кряквы и чирковъ, но все же довольно обыкновенна въ долинахъ всѣхъ болѣе значительныхъ рѣкъ. Только на глухихъ лѣсныхъ озерахъ мы ее не находили, а на степныхъ озерахъ и въ долинахъ маленькихъ степныхъ рѣчекъ—

находили очень рѣдко. Ни во время прилета, ни во время отлета не попадались намъ широконоски значительными стаями, да и гнѣздятся онѣ обыкновенно отдѣльными разбросанными выводками, между утками другихъ породъ, на болѣе значительныхъ озерахъ поймъ.

Прилетаютъ и гнѣздятся онѣ позже другихъ утокъ, приблизительно одновременно съ коростелками, т. ч. даже въ 20-хъ числахъ мая нерѣдко приходится видѣть пары (♂ и ♀) широконосокъ. Однако встрѣтить на Петровъ день утятъ „на взлетѣ"—также не рѣдкость.

Утята широконосокъ очень рѣдко ныряютъ; при преслѣдованіи взрослаго, но еще не могущаго или не желающаго летать, выводка молодыя птицы спасаются вплавь, осторожно пробираясь чаще не среди водяныхъ растеній, но по чистой водѣ вдоль самаго края травъ и растеній, подъ ихъ прикрытіемъ. При этомъ широконоска очень глубоко, почти до самой спины погружается въ воду, такъ что даже верхняя сторона основанія шеи покрывается водой, — подобно тому какъ это нерѣдко дѣлаютъ насторожившіеся нырки (*Fuligula*) и рѣже—кряквы.

Линяетъ широконоска позже другихъ утокъ, такъ что во второй половинѣ, даже концѣ іюля приходится находить селезней въ полной линькѣ, неспособными летать за потерей маховъ.

Селезня въ лѣтнемъ періодѣ обыкновенно легко бываетъ отличить отъ утки по сильно голубому цвѣту кроющихъ крыла и киноварно-краснымъ лапамъ.

Anas penelope L.

Anas penelope Linn. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Оp. кр., III, стр. 520. *Anas penelope* L. М. Богдановъ. Пт. и зв. Пов., стр. 149. *Anas penelope* L. М. Мензбиръ. Пт. Россіи, 693. *Marcca penelope* Gmel. С. Алфераки. Утки Россіи, стр. 47.

Мѣстное названіе „свіяга".

Свіязь пролетаетъ долинами Алатыря и Суры, а въ особенности Волги, въ значительномъ количествѣ весной въ концѣ марта и апрѣля, осенью въ сентябрѣ и началѣ октября. Кочующія особи попадаются осенью и раньше, обыкновенно начиная со второй половины августа, причемъ попадаются и на меньшихъ рѣкахъ, напр. на Алатырѣ, гдѣ такія кочующія стайки нерѣдки. Гнѣздится свіязь въ нашихъ предѣлахъ очень рѣдко. Рузскій лѣтомъ 1893 г. вовсе не видалъ ея, а мы, за много лѣтъ охоты въ Поволжьѣ, наблюдали лишь одинъ случай гнѣздованія въ долинѣ Алатыря, да отдѣльные, хотя повидимому ежегодные, случаи гнѣздованія въ долинѣ Суры около широты Промзина. Въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ намъ однажды пришлось (10 іюля 1894 г.) найти селезня при выводкѣ на небольшомъ озерѣ въ глухой ольховой уремѣ. Намъ кажется, что это было просто случайное совмѣстное нахожденіе. Селезень этотъ былъ въ смѣшанномъ перѣ: посерединѣ спины были еще сѣрыя струйчатыя перья. Въ половинѣ іюля 1901-го года селезень свіязи въ переходномъ перѣ убитъ въ долинѣ Алатыря.

Anas acuta L.

Anas acuta Linn. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 516. *Anas acuta* L. М. Богдановъ. Пт. и зв. Пов., стр. 149. *Anas acuta* L. М. Мензбиръ. Пт. Россіи, I, стр. 690. *Dafila acuta* Linn. С. Алфераки. Утки Россіи, стр. 95.

Шилохвость гнѣздится въ Симбирской губерніи чаще, чѣмъ свіяга, но рѣже, чѣмъ широконоска. Въ долинѣ Суры

г. Рузскій не нашелъ ея въ свою поѣздку, а намъ выводки ея попадались здѣсь обыкновенно очень не часто и исключительно на большихъ очень глухихъ озерахъ или въ непроходимыхъ лабиринтахъ озеръ и болотъ, затопленныхъ елошниковъ и таловъ и протоковъ вродѣ не разъ упомянутаго „Суходола“ при устьѣ Барыша.

Что касается долинъ меньшихъ рѣкъ въ западной части губерніи, то шилохвость встрѣчается на Алатырѣ въ столь же ограниченномъ числѣ, какъ и широконоска. Мы встрѣчали выводки этой утки на тѣхъ же озерахъ, гдѣ и выводки широконосокъ; но въ то же время шилохвость держится съ выводкомъ иногда на такихъ водоемахъ, гдѣ обыкновенно не селятся даже чирки. Въ поймѣ Алатыря (какъ и во всякой поймѣ, конечно) попадаются маленькія, но довольно глубокія иногда озерца или скорѣе ямы, въ которыхъ до самаго конца лѣта держится вода. Иногда въ такихъ ямахъ, часто вытянутыхъ въ длину шаговъ на 50 при ширинѣ въ 2 шага, иногда еще болѣе длинныхъ, представляющихъ собою какъ бы рядъ маленькихъ омутовъ, связанныхъ болѣе узкими и мелкими перекатами, — не растетъ даже куга и осока, берега ихъ послѣ косьбы совсѣмъ гладки, и только растущіе мѣстами близко къ водѣ кусты, свѣшиваясь въ воду, даютъ нѣкоторое прикрытіе обитающимъ въ такомъ водоемѣ утятамъ. Въ такихъ ямахъ, въ сущности очень плохо скрывающихъ утятъ, почему-то любятъ селиться шилохвостки. При преслѣдованіи въ такомъ водоемѣ взрослые утята только безпомощно ныряютъ съ одного конца такой канавы на другой, и только въ крайнемъ случаѣ (какъ это дѣлаютъ при упорномъ преслѣдованіи утята и другихъ породъ) пробуютъ спастись на берегъ. На другихъ небольшихъ рѣчкахъ эта утка не замѣчена нами ни разу, и на пролетѣ внутри губерніи и на Сурѣ очень немногочисленна, но на Волгѣ въ самомъ концѣ марта и апрѣлѣ и затѣмъ въ сентябрѣ — довольно обыкновенна.

Anas strepera L.

Anas strepera Linn. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Ор. кр., III, стр. 518. *Anas strepera* L. М. Богдановъ. Пт. и зв. Пов., стр. 149. *Anas strepera* М. Рузскій. Орнит. набл., стр. 13. *Anas strepera* L. М. Мензбиръ. Пт. Россіи, I стр. 677. *Chaulelasmus streperus* Linn. С. Алфераки. Утки Россіи, стр. 68.

Мѣстныя названія: „сѣруха“, „полусѣрка“, „тростянка“ и „сѣрая утка“.

Сѣруха въ качествѣ гнѣздящейся птицы мѣстами обыкновеннѣе свіязи и шилохвостой, но зато встрѣчается далеко не на всѣхъ рѣкахъ губерніи. На Волгѣ, Сурѣ и Барышѣ она не рѣдка, но гнѣздится гораздо спорадичнѣе шилохвостки и широконоски, выбирая лишь крупныя, въ значительной части сильно заросшія озера высокоствольныхъ уремъ. Зато въ такихъ удобныхъ для себя мѣстахъ сѣруха гнѣздится не 1—2-мя парами, какъ широконоска, но десятками выводковъ, иногда почти вытѣсняя съ подходящаго озера чирковъ и кряквъ, какъ напр. на озерѣ Черномъ у устья Барыша, гдѣ на дюжину убитыхъ лѣтомъ утокъ приходится десятокъ сѣрухъ. Что касается долинъ меньшихъ рѣкъ, то гнѣздованія мы не наблюдали ни на Алатырѣ, ни въ другихъ мѣстахъ западной половины губерніи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы убили въ началѣ іюля 1 экз. изъ трехъ въ поймѣ Алатыря въ затопленной ольховой уремѣ. Были ли это залетные экземпляры или остатки выводка, сказать, конечно, трудно.

Сѣруха прилетаетъ и выводится нѣсколько позже кряквы, но вообще образомъ жизни походитъ на нее, только при вечернихъ вылетахъ на кормежку еще болѣе избѣгаетъ маленькихъ озерокъ и лужъ и еще охотнѣе летаетъ на хлѣба, либо вмѣстѣ съ кряквой, либо самостоятельными стайками. На пролетѣ осеннемъ сѣрая утка бываетъ не только въ долинѣ Волги, но и въ долинѣ Суры очень многочисленна въ сентябрѣ и началѣ октября. Эти пролетныя сѣрыя утки ростомъ обыкно-

венно замѣтно мельче, чѣмъ мѣстныя гнѣздящіяся, и ихъ-то Симбирскіе промышленники зовутъ, за малый ростъ, „полусѣрками“, считая обыкновенно самостоятельной породой. Что же касается названія „тростянка“, то оно прилагается и къ пролетнымъ и къ мѣстнымъ птицамъ (а иногда—по ошибкѣ даже къ шилохвости). Длина мѣстныхъ птицъ около 47—53 снт., при длинѣ хребта клюва 4—4½ снт.

Tadorna rutila Pall.

Casarca rutila (Bp.) Pall. М. Богдановъ. Пт. и зв. Пов., стр. 149. *Tadorna rutila* Pall. М. Мензбиръ. Птицы Россіи, I, стр. 702.

Хотя С. Н. Алфераки въ своемъ прекрасномъ трудѣ объ уткахъ Россіи (стр. 20) и говоритъ о гнѣздованіи красной утки лишь „на нижней Волгѣ“, однако указанія М. Н. Богданова о гнѣздованіи этой птицы въ предѣлахъ Симбирской губерніи справедливы и для настоящаго времени. Намъ извѣстно даже, что красная утка вовсе не рѣдка на гнѣздовіи въ долинѣ Волги на протяженіи Самарской Луки, противъ г.г. Самары и Ставрополя (Сызранскій уѣздъ Симбирской губерніи) и хорошо знакома мѣстнымъ охотникамъ. Мало знакомые съ южной частью губерніи, мы ничего не можемъ сказать о періодическихъ явленіяхъ въ жизни этой птицы.

Пѣганку (*Tadorna cornuta* L.) мы лично никогда не наблюдали въ Симбирской губерніи. М. Н. Богдановъ (l. c. стр. 148) говоритъ о ея залетахъ по Волгѣ до Самары и о томъ, что двѣ птицы этого вида въ 1864 году были убиты на Сурѣ, близъ Промзина.

Anser albifrons Scop.

Anser albifrons Penn. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 556. *Anser albifrons* Penn. М. Богдановъ. Пт. и зв. Пов., стр. 147. *Anser albifrons* Scop. М. Мензбиръ. Пт. Россіи, I, стр. 734. *Anser albifrons* Scopoli. С. Алфераки. Гуси Россіи, стр. 39.

Бѣлолобаго гуся мы замѣчали въ сравнительно небольшомъ количествѣ на Волгѣ и еще рѣже на Сурѣ, только на

осеннемъ пролетѣ, небольшими стайками, во второй половинѣ сентября и началѣ октября. Въ долинѣ Суры намъ случалось наблюдать, какъ стайки этихъ гусей, переночевавъ на одномъ изъ большихъ озеръ поймы, при восходѣ солнца тянутъ черезъ рѣку на озимыя поля, гдѣ и кормятся днемъ.

Anser anser L.

Anser cinereus Meyer. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб кр., III, стр. 552. *Anser cinereus* (Briss.) M. et W. M. Богдановъ. Пт. и зв Пов., стр. 146. *Anser sp?* (пролетъ). М. Рузскій. Орнит. набл., стр. 14. *Anser cinereus* Meyer. М. Мензбиръ. Пт. Россіи, I, стр. 748. *Anser cinereus* Meyer. С. Алфераки. Гуси Россіи, стр. 22.

Сѣрый гусь — не слишкомъ рѣдкая гнѣздящаяся птица долины Суры и даже Барыша въ его нижнемъ теченіи. Прилетаютъ эти гуси во второй половинѣ марта и началѣ апрѣля и поселяются на большихъ глухихъ озерахъ, коими изобилуетъ Сурская пойма. Здѣсь не разъ приходилось намъ находить ихъ еще нелетные выводки и стрѣлять глупыхъ, слабыхъ на рану гусенятъ, составляющихъ такую противоположность съ хитрыми, вороватыми утятами. Иногда такіе нелетные выводки попадаются даже въ половинѣ августа, но чаще уже съ половины іюля начинаютъ показываться летные выводки и на болѣе открытыхъ, большихъ озерахъ, и на обширныхъ лугахъ Сурской поймы, гдѣ они пасутся днемъ, зачастую вмѣстѣ съ большими стадами „русскихъ“, т.-е. домашнихъ гусей. Одиночные экземпляры случается видать плавающими на озерахъ и въ первой половинѣ іюля. Въ концѣ іюля и августѣ гуси начинаютъ летать кормиться на хлѣба, особенно горохъ и овесъ (гречи здѣсь мало сѣютъ), на утренней и вечерней зарѣ. Пролетныя же стаи въ сентябрѣ и октябрѣ нерѣдко и весь почти день проводятъ на хлѣбахъ, но не столько на уже убранныхъ поляхъ, сколько на молодой озими, зелень которой они щиплютъ съ удоволь-

ствіемъ. Летятъ они не только рѣчными долинами, но и далеко отъ воды, степными частями губерніи.

Anser segetum Bechst.

Anser segetum Bechst. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 555. *Anser segetum* Bechst. М. Богдановъ. Пт. и зв. Пов., стр. 147. *Anser segetum* Gm. М. Мензбиръ. Пт. Россіи, I, стр. 741. *Anser segetum* Bechstein. С. Алфераки. Гуси Россіи, стр. 104.

Мѣстное „сибирякъ", „сибирскій гусь".

Темноклювый гуменникъ въ огромномъ числѣ пролетаетъ Симбирской губерніей весной и осенью, какъ рѣчными долинами, такъ и вдали отъ нихъ, полями. Но все же главная дорога ихъ—долина Волги, гдѣ весною и осенью они летятъ тысячами. Громадныя стаи пролетаютъ долиной Суры и степями Курмышскаго уѣзда.

Anser arvensis Brehm. пролетаетъ черезъ Симбирскую губернію въ то же время, какъ и предыдущая форма, но, какъ кажется, въ значительно меньшемъ количествѣ. Попадается, быть можетъ, и самостоятельными стайками, но чаще въ стаяхъ *A. segetum* Bechst. [1]).

Cygnus musicus Bechst.

Cygnus musicus Bechst. Э. Эверсманнъ. Ест. ист. Ор. кр., III, стр. 550. *Cygnus musicus* Bechst. М. Богдановъ. Пт. и зв. Пов., стр. 146. *Cygnus musicus*. М. Рузскій. Орнит. набл., стр. 14. *Cygnus musicus* Bechst. М. Мензбиръ. Пт. Россіи, I, стр. 706.

Лѣтъ 30 — 40 назадъ кликунъ былъ почти такою же обыкновенной гнѣздящейся птицей Симбирской губерніи, какъ

---

[1]) Мнѣ лично не приходилось видѣть въ Поволжьѣ бѣлыхъ гусей, но многіе мѣстные промышленники и охотники видали осенью въ долинѣ Волги пролетныхъ бѣлыхъ гусей либо отдѣльными экземплярами въ стаяхъ сѣрыхъ гусей, либо самостоятельными небольшими стайками. Во всѣхъ почти случаяхъ мнѣ передавали наблюдатели, что обращали вниманіе не только на цвѣтъ, но и на большую величину этихъ бѣлыхъ гусей, а потому является вѣроятнымъ, что пролетные (или залетные) бѣлые гуси Волги принадлежатъ по виду *Anser* (Chen) *nivalis* Forst., такъ какъ *Ans. hyperboreus* Pall. (который, разумѣется, можетъ быть, тоже залетаетъ къ намъ) гусь вовсе не крупный. С. Бутурлинъ.

теперь сѣрый гусь, и мы знали охотниковъ, которые находили выводки лебедей и били ихъ на глухихъ озерахъ Сурской поймы близъ устья Барыша и близъ села Порѣцкаго, гдѣ теперь лебеди уже не гнѣздятся.

Намъ не разъ приходилось слышать, что лебеди и до сихъ поръ гнѣздятся въ еще болѣе глухихъ частяхъ Сурской поймы, но пока не удалось провѣрить эти слухи. Лично же намъ въ долинѣ Суры приходилось встрѣчать лебедей лишь какъ весьма обыкновенныхъ пролетныхъ птицъ весной и осенью.

На Волгѣ въ предѣлахъ губерніи кликуны не только гнѣздились прежде, слѣды чего остались въ названіяхъ различныхъ „Лебяжьихъ“ озеръ, но и въ настоящее время, вѣроятно, гнѣздятся; по крайней мѣрѣ намъ приходилось встрѣчать (напр. близъ Ундоръ, повыше Симбирска) парочки кликуновъ въ началѣ послѣдней трети мая, что для пролета слишкомъ поздно.

Пролетные лебеди въ долинѣ Алатыря и меньшихъ рѣкъ появляются очень рѣдко. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ лебедь убитъ на весеннемъ разливѣ маленькой рѣчки Аморды на границѣ Ардатовскаго и Саранскаго уѣздовъ.

Весенній пролетъ идетъ съ половины марта по конецъ апрѣля. Лебеди останавливаются не только на полыньяхъ рѣкъ и разливахъ рѣкъ и озерахъ поймъ, но и на лѣсныхъ озерахъ. Осенній пролетъ идетъ въ сентябрѣ и началѣ октября. Большихъ стай лебедей, больше 25—35 особей, намъ не случалось видѣть. О пролетахъ шипуна (*Cygnus olor* Gm.) и малаго лебедя (*C. bewicki* Yarr.) въ предѣлахъ губерніи намъ ничего неизвѣстно, равно и о залетахъ краснокрыла (*Phoenicopterus roseus* Pall.). Однако о послѣднемъ М. Богдановъ (стр. 145) говоритъ, что ему достовѣрно извѣстны залеты краснокрыла по Волгѣ до Сызрани и Самарской луки.

ГЛАВА X.

Списокъ встрѣчающихся въ Симбирской губерніи дневныхъ хищныхъ птицъ (семейство *Falconidae*). О питаніи дневныхъ хищниковъ и преслѣдованіи ими добычи. О полетѣ хищныхъ птицъ. Списокъ ночныхъ хищныхъ птицъ (семейство *Strigidae*).

Fam. **Falconidae**.

Pandion haliaëtus L.

Aquila haliaëtos Linn. Эверсманнъ. Ест. ист. Ор. кр., III, 34. *Pandion haliaëtus* L. М. Богдановъ. Птицы и звѣри Поволжья, стр. 35. М. Рузскій. Орнит. наблюд. въ Симбирской губ., стр. 4. *М. А. Мензбиръ*, Ит. Россіи, II, стр. 5.

Скопа въ изученной нами части Симбирской губерніи очень рѣдка не только на гнѣздовьи, но и во время пролета. Въ долинѣ Алатыря пролетъ немногочисленныхъ особей наблюдался въ концѣ марта, когда на рѣкѣ стоялъ еще ледъ и были лишь „закрайки“ — свободная вода у береговъ. Скопы летѣли очень высоко, по одиночкѣ, но за каждой птицей вскорѣ слѣдовала слѣдующая въ такомъ разстояніи, что заднія птицы вѣроятно могли видѣть переднихъ, и получалась какъ бы очень вытянутая вереница, состоящая изъ 4 — 6 птицъ. Направленіе пролета было на NNO. Въ другой разъ пролетъ здѣсь же наблюдался позже, во время разлива.

Гнѣздованье скопъ не замѣчено нигдѣ за исключеніемъ долины Суры. На Сурѣ скопа найдена Богдановымъ и М. Рузскимъ, но оба эти автора не говорятъ ничего опре-

дѣленнаго о гнѣздованіи этой формы. По нашимъ наблюденіямъ *P. haliaëtus* держится все лѣто (очевидно гнѣздится) на „Суходолѣ“ — обширномъ лабиринтѣ большихъ и малыхъ заросшихъ озеръ, протоковъ, острововъ, кочекъ и полуострововъ, заросшихъ ольхой и другимъ чернолѣсьемъ, — при устьѣ р. Барыша [1]).

Hierofalco sacer Gmel.

Falco lanarius. Эверсманнъ. Ест. ист. Ор. кр., III, стр. 55. *F. lanarius* L. М. Богдановъ. Ит. и зв. Поволжья, стр. 46. *Hierofalco sacer* Schl. Мензбиръ. Орнит. геогр. Европ. Россіи. I, стр. 293. *Genkaja saker.* Рузскій. Орнит. набл. въ Симбирской губ., стр. 8, 11, 13 и 14.

Балобанъ въ изученномъ нами районѣ всюду рѣдокъ. М. Д. Рузскій замѣтилъ этого кречета въ борахъ по Алатырю и въ лиственныхъ лѣсахъ Ардатовскаго уѣзда и нашелъ выводокъ около села Промзина. Мы имѣли случай наблюдать выводокъ балобановъ также не въ степныхъ частяхъ описываемой мѣстности, а въ поймѣ Алатыря, близъ д. Михайловки (Поляны) Ардатовскаго у., 8 — 10 іюля 1897 г. Выводокъ, вѣроятно, недавно покинувшій гнѣздо, состоялъ изъ двухъ старыхъ птицъ и 4 птенцовъ и держался на лугахъ вблизи глухой уремы и недалеко отъ опушки бора. Птицы отдыхали обыкновенно на одной и той же группѣ стоговъ и питались въ теченіе нѣсколькихъ дней, когда мы ихъ видѣли, повидимому, исключительно грачами, которые во множествѣ держались тутъ же на лугахъ. Остатки съѣденныхъ грачей приходилось находить и на стогахъ, и на землѣ. Намъ приходилось заставать по 3 птицы (2 молодыхъ и одну старую), клевавшихъ вмѣстѣ мясо одного пойманнаго грача. Какъ кажется, добычу ловили старики, отдавая ее потомъ птенцамъ.

---

[1]) 8-го іюля 1903 года я видѣлъ двухъ сконъ, которыя кружились надъ Сурой около города Алатыря. Б. Ж.

Птицы покинули привычное мѣсто послѣ того, какъ изъ выводка было убито 3 птицы [1]).

Falco peregrinus Tunst.

Falco peregrinus L. М. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 46. *F. peregrinus* Briss. М. А. Мензбиръ. Орнит. геогр. Европ. Россіи I, стр. 265. *Hierofalco peregrinus brevirostris.* М. Рузскій. Орнит. набл. въ Симбир. губ., стр. 4.

Сапсанъ изрѣдка появляется въ серединѣ и концѣ августа (вѣроятно, пролетные экземпляры) въ долинахъ Барыша, Суры и Алатыря и степныхъ частяхъ Ардатовскаго и Курмышскаго уѣздовъ. Гнѣздованія этого вида въ Симбирской или ближайшихъ уѣздахъ сосѣднихъ губерній мы не наблюдали.

Falco subbuteo L.

Falco subbuteo Lin. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. края, III, 58 *F. subbuteo* L. М. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 47. *Hypotriorchis subbuteo* L. М. А. Мензбиръ. Орнит. геогр. Европ. Россіи, I, 257. *Falco subbuteo.* Рузскій. Орнит. набл. въ Симбирской губ., стр. 4 и 15.

Чеглокъ въ Симбирской губерніи всюду обыкновененъ, хотя въ общемъ встрѣчается все же рѣже, нежели близкіе къ нему по образу жизни *E. vespertinus* и *T. alaudarius.* Сокола эти попадаются, какъ кажется, одинаково часто и въ степныхъ, и въ лѣсныхъ областяхъ, и въ поймахъ въ теченіе всего лѣта, отъ средины апрѣля до конца сентября. Значительно увеличивается число чеглоковъ обыкновенно около средины августа (вѣроятно, въ это время начинается пролетъ болѣе сѣверно гнѣздящихся особей).

---

[1]) *Hierofalco candicans* Gm. Эта птица не наблюдалась нами въ Симбирской губ., но, судя по литературнымъ даннымъ, въ январѣ 1874 года, прекрасный типичный соколъ этого вида былъ пойманъ В. А. Клементцомъ въ Карсунскомъ уѣздѣ (имѣніе г. Анненкова) и нѣкоторое время жилъ въ неволѣ. („Прир. и Охота" августъ 1899 г.).

Чеглокъ болѣе хищенъ сравнительно съ пустельгой и кобчикомъ, часто преслѣдуетъ довольно крупныхъ птицъ (дроздовъ, перепеловъ) и, какъ кажется, такъ же, какъ странствующій соколъ, не умѣетъ ловить добычи на землѣ. Взамѣнъ этого чеглокъ обладаетъ исключительной ловкостью въ ловлѣ птицъ въ воздухѣ [1]).

Tinnunculus tinnunculus L.

Falco tinnunculus Lin. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. края, III, 63. *Tinnunculus alaudarius* (Wieill) Gm. М. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 49. *Tinnunculus alaudarius* Gray. М. А. Мензбиръ. Орнит. геогр. Евр. Россіи, I, 319. *Tinnunculus alaudarius.* М. Рузскій. Орнит. набл. въ Симбирской губ., стр. 4 и 15.

Пустельга обыкновенна всюду и избѣгаетъ только пространствъ сплошного бора. Она гнѣздится и въ лѣсистыхъ долинахъ Алатыря и Суры (обыкновенно отдѣльными парами), и въ степныхъ мѣстностяхъ по небольшимъ лиственнымъ лѣсамъ, и особенно часто по находящимся мѣстами въ Курмышскомъ и Сергачскомъ уѣздахъ маленькимъ дубовымъ рощамъ, насчитывающимъ иногда всего нѣсколько десятковъ старыхъ деревьевъ и расположенныхъ часто вблизи хуторовъ или усадебъ. Здѣсь пустельги гнѣздятся иногда небольшими колоніями въ сосѣдствѣ съ несравненно болѣе многочисленными колоніями кобчиковъ *(Erythropus vespertinus).*

Послѣ вылета молодыхъ изъ гнѣздъ и въ особенности со средины іюля и позже (когда къ мѣстовымъ особямъ, вѣроятно, присоединяются болѣе сѣверно гнѣздящіяся, кочующія къ югу) пустельга постоянно попадается на глаза въ степяхъ Симбирской губерніи и сосѣднихъ мѣстностяхъ. Сравнительно рѣдко приходится видѣть ее въ сплошныхъ лѣсахъ; но и въ области лѣсовъ долины Алатыря пустельга встрѣчается въ очень большомъ количествѣ, населяя пойму рѣки.

[1]) Дербника (*Lithofalco aesalon* Briss.), котораго М. Н. Богдановъ встрѣчалъ на пролетѣ въ Сызранскомъ у., намъ не приходилось встрѣчать въ Симбирской губерніи.

Erythropus vespertinus L.

Falco vespertinus Lin. Эверсманнъ. Ест. ист. Оp. кр., III, 61. *Erythropus vespertinus* (Brm.) L. M. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 49. *E. vespertinus* Brhm. M. A. Мензбиръ. Орнит. геогр., стр. 308. *Erythropus vespertinus*. M. Рузскій. Орнит. набл. въ Симбирской губ., стр. 8, 11

Весенній прилетъ и пролетъ кобчиковъ въ Ардатовскомъ и Курмышскомъ уѣздахъ и долинѣ Суры происходитъ около средины апрѣля, осенній находится въ полной силѣ въ срединѣ августа. Чаще всего намъ приходилось наблюдать сравнительно немногочисленныя пролетныя стаи, численностью около 50—60 особей; но изрѣдка осенью приходится видѣть и громадныя пролетныя стада, причемъ небо въ тихіе, ясные августовскіе дни бываетъ усѣяно пролетными кобчиками, какъ звѣздами въ морозную ночь. Таковъ былъ пролетъ въ долинѣ Суры въ 1886 г. Казалось, что общее направленіе движенія было не съ С. на Ю., но съ С. З. на Ю. В. или даже съ З. С. З. Пролетныя стаи кобчиковъ имѣютъ очень характерную организацію, представляя какъ бы примѣръ перехода отъ одиночнаго перелета къ стайному. Птицы летятъ очень разрѣженно и, останавливаясь на отдыхъ, садятся такъ далеко другъ отъ друга, что иногда стая въ 50 птицъ занимаетъ пространство земли въ цѣлую десятину и болѣе.

Въ различныхъ частяхъ губерніи, но въ общемъ все же довольно рѣдко, намъ приходилось наблюдать гнѣздящіяся отдѣльныя пары кабчиковъ. Такія пары поселяются и въ сплошныхъ смѣшанныхъ лѣсахъ, и въ небольшихъ лиственныхъ рощахъ степной области и, рѣже, въ уремахъ поймъ. Какъ кажется, лишь очень рѣдко пара кабчиковъ строитъ собственное гнѣздо: обыкновенно они пользуются готовымъ, чаще всего вороньимъ гнѣздомъ.

Громадное большинство кобчиковъ гнѣздится колоніями, иногда довольно многочисленными—по 20, 30 паръ и болѣе. Въ открытыхъ степяхъ Курмышскаго, Сергачскаго и Василь-

сурскаго уѣздовъ, кромѣ немногихъ болѣе значительныхъ лиственныхъ рощъ, находятся еще кое-гдѣ, обыкновенно вблизи хуторовъ и селеній, небольшія рощицы, часто въ десятокъ, другой деревьевъ, обыкновенно старыхъ дубовъ. Эти рощицы и служатъ обыкновенно мѣстомъ гнѣздованія колоній кобчиковъ, находящихся здѣсь обыкновенно въ сожитіи съ грачами. Такая колонія находится, напримѣръ, близъ села Теплаго Стана Курмышскаго уѣзда. Кобчики ежегодно гнѣздятся здѣсь на двухъ десяткахъ старыхъ дубовъ, оставшихся отъ вырубленной небольшой рощицы и окруженныхъ молодымъ осинникомъ. Большинство деревьевъ уснащено многочисленными гнѣздами грачей, и часть этихъ гнѣздъ занята кобчиками. Одни кобчики поселяются здѣсь въ самой тѣсной близости съ гнѣздами, занятыми грачами; другія пары гнѣздятся нѣсколько поодаль, быть можетъ, занявъ болѣе старыя гнѣзда, оставленныя уже нѣсколько лѣтъ грачами. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ качествѣ хозяевъ извѣстнаго гнѣзда могутъ нѣсколько разъ чередоваться грачи и кобчики: разрывая лотокъ нѣсколькихъ гнѣздъ, занятыхъ грачами, намъ приходилось въ глубинѣ настилки лоточка находить остатки давнишней погадки и зубы полевокъ, что, конечно, указывало на то, что гнѣздо, нѣкогда построенное грачами и теперь снова ими занятое, временно находилось въ обладаніи у кобчиковъ.

При посѣщеніи нашемъ означенной колоніи 20-го мая мы застали начало кладки. Въ нѣкоторыхъ гнѣздахъ было по одному яйцу, въ другихъ еще вовсе не было яицъ. Вскрытіе убитой самки также показало, что кладка едва начиналась. Отдѣльныя пары кобчиковъ держались около гнѣздъ, часто сидя вмѣстѣ внутри гнѣзда. Много птицъ съ пискомъ носилось по воздуху. Къ вечеру общее количество птицъ колоніи увеличивалось, такъ какъ отдѣльныя птицы (и пары птицъ) возвращались къ вечеру въ колонію изъ окрестныхъ полей, гдѣ очевидно охотились въ теченіе дня. Среди грачей

и кобчиковъ, летавшихъ по воздуху и сидѣвшихъ на вѣтвяхъ деревьевъ вблизи гнѣздъ, шныряли еще и полевые воробьи *(Passer montanus)*, которыя гнѣздились въ толщѣ гнѣздъ, занятыхъ кобчиками и грачами. Кобчики не обращали на этихъ воробьевъ ни малѣйшаго вниманія, послѣдніе же также не проявляли ни малѣйшей осторожности по отношенію къ кобчикамъ.

Въ описанной колоніи намъ не пришлось прослѣдить времени вывода и вылета молодыхъ. 10-го августа мы застали колонію уже опустѣвшей, — очевидно, начался отлетъ. Въ Сергачскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи намъ пришлось наблюдать еще болѣе многочисленную колонію, населявшую маленькую дубовую рощу. Здѣсь въ началѣ второй половины іюля мы застали молодыхъ на крыльяхъ хорошо летающими и охотившимися самостоятельно.

Pernis apivorus L.

Pernis apivorus L. М. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 42. *Pernis apivorus* L. Мензбиръ. Орнит. геогр., I, стр. 341. *Pernis apivorus.* Рузскій. Орнит. набл. въ Симб. губ., стр. 11, 74.

Мы встрѣчали осоѣда два раза въ іюлѣ мѣсяцѣ (оба раза птицы были добыты и оказались одна самкой, другая самцомъ) въ долинѣ рѣки Алатыря, разъ въ сплошномъ сосновомъ бору и разъ въ чернолѣсьѣ. Затѣмъ на границѣ Карсунскаго и Алатырскаго уѣздовъ близъ с. Промзина въ бору праваго берега Суры взрослая самка изъ пары съ хорошо развитыми яичниками была нами убита 10/VII 1899 года. М. Д. Рузскій наблюдалъ этотъ видъ въ уремѣ Суры. Наблюденія эти говорятъ, конечно, за то, что гнѣздованіе пчелоѣдовъ имѣетъ мѣсто въ изученной нами мѣстности. Вѣроятно, кажущаяся рѣдкость этихъ птицъ въ среднемъ Поволжьѣ (о которой говорилъ М. Н. Богдановъ, отмѣтившій для Симбирской губ. этотъ видъ, вовсе не найденный здѣсь

Эверсманномъ) въ извѣстной степени стоитъ въ зависимости и отъ того обстоятельства, что летящаго осоѣда, въ особенности въ лѣсу, очень легко смѣшать съ сарычемъ. Мы знаемъ это по опыту, такъ какъ и оба добытые нами въ долинѣ Алатыря экземпляра были убиты за сарычей, которыхъ мы собирали въ то время, интересуясь окраской молодыхъ экземпляровъ [1]).

Milvus korschun Gm.

Milvus niger Briss. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. края, III, стр. 38. *Milvus niger* Briss. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 39. *Milvus niger* Briss. Мензбиръ. Орнит. геогр., стр. 426. *Milvus migrans*. Рузскій. Орнит. набл. въ Симб. губ., стр. 4, 11, 15.

Черный коршунъ—довольно обыкновенная птица и лѣсного и степного районовъ описываемой мѣстности. Болѣе обыкновененъ онъ въ долинахъ рѣкъ. Это также одна изъ хищныхъ птицъ, особенно часто приближающихся къ жилищамъ человѣка, отчасти съ цѣлью нападенія на молодую домашнюю птицу, чаще для отыскиванія различныхъ хозяйственныхъ отбросовъ и падали. Въ большомъ количествѣ держится онъ у городовъ (напр. бойни Симбирска).

Въ степяхъ Курмышскаго уѣзда коршуны, въ общемъ предпочитающіе для гнѣздованія болѣе обширные лѣса, также гнѣздятся, помѣщаясь въ небольшихъ рощицахъ. Кажется, они нерѣдко сравнительно овладѣваютъ гнѣздами воронъ, приспособляя ихъ для собственнаго гнѣздованія. Одному изъ насъ пришлось въ теченіе нѣсколькихъ дней (въ началѣ мая 1900 г.) наблюдать коршуна, державшагося вблизи стараго вороньяго гнѣзда, помѣщеннаго на невысокомъ молодомъ дубкѣ. Птица садилась на самое гнѣздо и вообще хло-

[1]) Въ настоящее время въ моей коллекціи находятся 8 экземпляровъ осоѣдовъ (4 ♂ и 4 ♀), собранныхъ въ долинѣ Суры близъ села Промзина. Убиты они въ слѣдующіе мѣсяцы и числа: 14/v ♂, 21/v ♂, 24/v ♂, 7/vi ♀, 10/vi ♀, 25/vi ♀, 30/vii ♂, 12/viii ♂. Изъ нихъ 14/v ♂ и 7/vi ♀ сплошь темнаго окраса. С. Бутурлинъ.

потала около него, однако черезъ нѣсколько дней его оставила. Это было въ степи Курмышскаго уѣзда, въ той самой рощицѣ, о которой мы говорили выше, описывая находящуюся въ ней колонію кобчиковъ.

Экземпляры черныхъ коршуновъ изъ Симбирской и Нижегородской губерній, которые мы имѣли случай видѣть, носили нѣкоторые признаки окраски, приближающіе ихъ къ голубоногому коршуну. Особенно обыкновенной является темная (болѣе или менѣе рѣзко выраженная) окраска кроющихъ уха.

Въ коллекціи нашей находятся два самца (убиты 6/IV и 3/VII) изъ долины Суры. У перваго изъ нихъ темно-бурая окраска верхней части ушныхъ перьевъ болѣе замѣтна лишь вслѣдствіе относительно бо́льшаго (по интенсивности и распространенію) развитія бѣловатой окраски головы; но на третьестепенныхъ махахъ (въ видѣ поперечныхъ полосъ) и на корняхъ первостепенныхъ маховыхъ (ввидѣ сливающихся брызгъ) довольно сильно развитъ бѣлый цвѣтъ, что также приближаетъ этотъ экземпляръ къ *M. melanotis* T. et Schl.

Haliaëtus albicilla L.

Aquila albicilla Briss. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. края, III, стр. 28. *Haliaetos albicilla* (Savigny) Briss. М. Богдановъ. Пт. и зв. Поволожья, стр. 32. *Haliaetos albicilla* Briss. Мензбиръ. Орнит. геогр., стр. 414. *Haliaetos albicilla.* Рузскій. Орнит. набл. въ Симб. губ., стр. 4. *Haliaetus albicilla* (Lin.) Рузскій. Мат. къ изуч. птицъ Казанск. губ., стр. 140.

М. Н. Богдановъ считалъ бѣлохвоста весьма обыкновенной птицей и самымъ многочисленнымъ изъ орловъ въ Поволжьѣ. Въ Симбирской губерніи это въ настоящее время можетъ быть справедливымъ только для долины Волги, въ которой наблюденія наши носятъ слишкомъ отрывочный характеръ. Но въ западной половинѣ губерніи бѣлохвостъ— очень рѣдкая птица. Мы вовсе не встрѣчали его на Сурѣ, гдѣ онъ замѣченъ, впрочемъ, М. Д. Рузскимъ. Въ долинѣ Алатыря, гдѣ очень обыкновененъ на гнѣздовьѣ беркутъ,

бѣлохвостъ также появляется очень рѣдко. Мы встрѣчали его здѣсь во время половодья и въ началѣ лѣта. Еще рѣже залетаетъ онъ въ степи Курмышскаго уѣзда и въ сосѣдніе юго-восточные уѣзды Нижегородской губерніи, что извѣстно намъ со словъ охотниковъ.

О гнѣздованіи *H. albicilla* въ западной и центральной частяхъ Симбирской губерніи мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

Aquila chrysaëtus L.

Aquila chrysaetos L. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 21. *Aquila nobilis* (Briss) Pall. Богдановъ. Ит. и зв. Поволжья, стр. 29. *Aquila nobilis* Pall. Мензбиръ. Орнит. геогр. I, стр. 373. *Aquila nobilis*. Рузскій. Орнит. набл. въ Симб. губ., стр. 11. *Aquila nobilis* Pall. Мензбиръ. Ит. Россіи, II. стр. 116.

То, что М. Н. Богдановъ сказалъ о распространеніи бѣлохвоста въ среднемъ Поволжьѣ, по нашему мнѣнію, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, можно сказать о беркутѣ: это самый обыкновенный изъ всѣхъ встрѣчающихся здѣсь орловъ. Видъ этотъ, конечно, не такъ многочисленъ и не такъ часто попадается на глаза, какъ представители родовъ *Circus*, *Buteo* и др. Но въ то же время охотящихся птицъ можно встрѣтить всюду, и гнѣздованіе этого орла также не составляетъ рѣдкости. Намъ случалось наблюдать его въ различныхъ частяхъ Симбирской, Пензенской и Нижегородской губерній, въ районѣ степей и лѣсовъ, хотя для гнѣзднованія онъ, кажется, придерживается исключительно послѣднихъ.

Гнѣздующіяся пары беркутовъ мы неоднократно наблюдали въ высокоствольныхъ лѣсахъ лѣваго берега Алатыря, обыкновенно на самой границѣ поймы, которая и служитъ всегда главнымъ райономъ охотъ этихъ орловъ, а также въ борахъ и дубнякахъ долины Суры и переваловъ между Сурой и Барышомъ.

Гнѣзда чаще всего помѣщаются на очень высокихъ лишенныхъ на большую высоту вѣтвей соснахъ, обыкновенно близъ вершины дерева. Особенно удобными для помѣщенія гнѣздъ, насколько можно судить объ этомъ, беркуты считаютъ тѣ сосны, которыя имѣютъ не болѣе обычную пирамидальную приблизительно форму съ заостренной вершиной, а тѣ, на которыхъ сучья расположены и разрастаются такимъ образомъ, что дерево по формѣ своей нѣсколько напоминаетъ пинію. На такихъ деревьяхъ сучья сосредоточены въ верхней части дерева, причемъ и верхніе сучья, на которыхъ и лежитъ гнѣздо, крѣпки и сильно разрастаются въ стороны, такъ что представляютъ для гнѣзда болѣе надежную опору, чѣмъ мелкіе сучья вершины пирамидальнаго дерева. Одно только изъ многихъ видѣнныхъ нами гнѣздъ помѣщалось на старой соснѣ въ чащѣ вѣтвей ниже средины дерева, у самаго ствола. Въ этомъ случаѣ птицъ соблазнило повидимому очень удобное для помѣщенія гнѣзда расположеніе сучьевъ.

Гнѣзда, которыя мы видѣли въ долинѣ Алатыря, помѣщались вблизи опушки чистаго сосноваго бора, хотя и не вдалекѣ отъ участковъ смѣшаннаго лѣса и чернолѣсья. Въ другихъ мѣстахъ Симбирской губерніи и вообще Поволжья, насколько намъ извѣстно, беркутъ не избѣгаетъ и лиственныхъ лѣсовъ и часто гнѣздится на старыхъ дубахъ.

Очень оригинальною чертою гнѣздящихся беркутовъ является одновременная привязанность къ одному району и даже одному мѣсту въ болѣе тѣсномъ смыслѣ вмѣстѣ съ привычкой покидать гнѣздо, которое населяла семья, и строить новое. Въ долинѣ Алатыря въ 2 верстахъ отъ деревни Михайловки Ардатовскаго уѣзда вблизи опушки бора, окаймляющаго пойму, у проѣзжей дороги находятся выстроенныя постепенно парою орловъ четыре гнѣзда, изъ которыхъ три помѣщены на деревьяхъ, отстоящихъ въ 2—3 десяткахъ саженей одно отъ другого, четвертое находится отъ первыхъ трехъ въ разстояніи приблизительно двухсотъ саженъ. Въ

нынѣшнемъ и прошедшемъ (1899 и 1900) годахъ всѣ эти гнѣзда были пусты, а семья беркутовъ—2 старыхъ и 2 молодыхъ—какъ и ранѣе, держались въ прилежащихъ частяхъ поймы Алатыря, изъ чего и можно заключить, что въ прошедшемъ году птицы построили гдѣ-нибудь поблизости новое гнѣздо.

Упомянутыя выше четыре гнѣзда уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ противостоятъ дѣйствію и осеннихъ бурь, и тяжести нападающаго на нихъ зимою снѣга, не показывая признаковъ разрушенія. Съ земли они кажутся громадными безформенными кучами вѣтвей, окаймляющими всю вершину дерева, которое увѣнчано гнѣздомъ, какъ шапкой.

Совсѣмъ недалеко отъ описаннаго гнѣздового района, не далѣе 5 верстъ, между деревней Михайловкой и селомъ Лунгинскій Майданъ находится районъ гнѣздовья и охотъ другой пары беркутовъ. Здѣсь одно найденное гнѣздо помѣщалось въ глубинѣ бора, верстахъ въ двухъ отъ опушки. Птицы охотились, однако, также повидимому исключительно въ поймѣ, а съ конца лѣта переселялись въ пойму съ молодыми, отдыхая и ночуя обыкновенно на стогахъ сѣна. Въ тѣхъ же частяхъ бора, гдѣ было гнѣздо беркутовъ, держались подорлики (*Aquila clanga*).

Наблюденія надъ жизнью беркутовъ лѣтомъ приводятъ къ убѣжденію, что птица эта вовсе не любитъ лѣса и никогда или почти никогда въ немъ не охотится. Между тѣмъ, какъ подорлика приходится встрѣчать во всякое время лѣта въ глубинѣ лѣса (подорлики иногда пытаются нападать на тетеревовъ даже въ лиственныхъ чащахъ), беркутъ держится здѣсь лишь вблизи гнѣзда, да короткое время живутъ у гнѣзда же вылетѣвшіе птенцы.

Какъ только подрастутъ птенцы, семьи переселяются въ открытыя мѣста (въ западной половинѣ Симбирской губерніи, безусловно чаще всего въ поймы, какъ мѣста, наиболѣе богатыя добычей), гдѣ и держатся въ теченіе довольно продол-

жительнаго времени вмѣстѣ, выводкомъ. Одинокихъ кочующихъ птицъ лѣтомъ и осенью, когда разобьется выводокъ, можно встрѣтить всюду, но опять-таки въ болѣе открытыхъ мѣстахъ.

Въ степяхъ Симбирской, Пензенской и Нижегородской губерній они не слишкомъ рѣдки въ это время всюду. Но рѣчныя долины все-таки въ общемъ предпочитаются этими хищниками.

Внѣ періода гнѣздованія беркутъ вообще неохотно садится на деревья. Между тѣмъ какъ одиноко стоящій въ полѣ дубъ или выдвинувшаяся въ пойму сосна на опушкѣ бора часто служатъ обсерваціоннымъ пунктомъ или мѣстомъ отдыха для подорлика, беркутъ предпочитаетъ садиться на землю—на курганъ или просто кочку,—на край крутого глинистаго обрыва степного оврага и особенно часто на стогъ сѣна. Опустившись на такое мѣсто, великолѣпная птица сидитъ неподвижно, сгорбившись и нахохливъ перья. Но отъ зоркаго взгляда ея не ускользаетъ ни малѣйшее измѣненіе въ окружающей ее обстановкѣ. Перехитрить въ это время стараго беркута очень трудно—онъ почти никогда не подпуститъ человѣка на разстояніе выстрѣла. Охотникъ, подходящій, напримѣръ, изъ-за прикрытія, за которымъ онъ скрытъ отъ глазъ птицы и за которое помѣстился незамѣтно для нея, долженъ помнить, куда падаетъ его тѣнь (если день солнечный) и не видна ли она птицѣ. Если да—его навѣрное ждетъ неудача. Всякое измѣненіе въ окружающей мѣстности возбуждаетъ недовѣрчивость беркута, привлекая его вниманіе. Такъ же внимательно слѣдитъ онъ и за тѣмъ, нѣтъ ли вблизи подходящей добычи—на землѣ или въ воздухѣ.

Насколько сторожки и недовѣрчивы старые орлы, умудренные опытомъ, настолько же довѣрчивы бываютъ молодыя птицы. Молодой беркутъ (если вблизи нѣтъ старика, который, поднявшись, примѣромъ своимъ увлекаетъ за собой молодого) часто сидитъ на мѣстѣ до послѣдней возможности, спокойно

смотря на приближающагося человѣка, котораго подпускаетъ иногда на 30—40 шаговъ.

Проводя время въ открытыхъ мѣстахъ, беркуты очень часто любятъ подниматься на громадную высоту и подолгу носиться тамъ правильными кругами. Птицы взмываютъ при этомъ вверхъ съ очень значительной быстротой по спирали большого діаметра, обыкновенно подолгу вовсе не шевеля раскрытыми крыльями. Нѣсколькихъ круговъ достаточно, чтобы птица унеслась на очень значительную высоту. По всему вѣроятію, эти воздушныя путешествія не имѣютъ никакого отношенія къ отыскиванію добычи, а предпринимаются ради развлеченія. Однако наблюденія наши привели насъ къ убѣжденію, что беркутъ бросается на добычу иногда и съ очень значительной вышины (ниже мы будемъ еще имѣть случай вернуться къ этому вопросу).

Находясь на землѣ, беркутъ также очень часто занимается охотой за той добычей, которую находитъ на землѣ—ящерицами, лягушками, прямокрылыми насѣкомыми. Особенно часто довольствуются этой пищей молодые, неопытные еще въ ловлѣ пернатой добычи орлы.

Зимою *Aquila chrysaëtus*, повидимому, покидаетъ у насъ мѣста своего гнѣздовья, откочевывая къ югу. Во всякомъ случаѣ онъ чрезвычайно рѣдокъ зимою въ Симбирской губерніи, а въ долинѣ Алатыря, гдѣ орлы эти очень обыкновенны лѣтомъ, ни разу не былъ замѣченъ нами въ зимніе мѣсяцы. Намъ извѣстенъ, однако, одинъ случай, когда крупный беркутъ былъ пойманъ въ февралѣ мѣсяцѣ близъ Симбирска—настороженнымъ на волковъ капканомъ около падали, которую беркуты посѣщаютъ вообще охотно, даже и лѣтомъ, при обиліи иной пищи.

Aquila imperialis Bechst.

Aquila imperialis (Briss) Bechst. М. Н. Богдановъ. Пт. и зв. Пов., стр. 31. *Aquila imperialis* Bechst. М. А. Мензбиръ. Орнит. геогр., I, стр. 380. *Aquila heliaca* Sav. М. А. Мензбиръ. Пт. Россіи, II, стр. 123.

С. А. Бутурлину въ послѣднее время доставлены были 4 экземпляра могильниковъ, убитыхъ въ окрестностяхъ Промзина—2 самца, убитые 17/IV и 25/VIII, молодой экземпляръ и самка, убитая 8/IV отъ гнѣзда, въ которомъ было 2 яйца. Лично намъ не пришлось наблюдать гнѣздованія могильника въ предѣлахъ изученной нами мѣстности, ни добывать его. Видъ этотъ встрѣчается здѣсь во всякомъ случаѣ не часто. М. Н. Богдановъ наблюдалъ могильника въ южной части Симбирской губерніи.

Aquila clanga Pall.

Aquila clanga (Briss) Pall. М. Н. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 31. *Aquila clanga*. Рузскій. Орнит. набл. въ Симб. губ., стр. 4. *Aquila clanga* Pall. Мензбиръ. Орнит. геогр., I, стр. 392. *Aquila clanga* Pall. Мензбиръ. Пт. Россіи, II, стр. 145.

Какъ мы уже упоминали выше, подорликъ довольно обыкновененъ и гнѣздится въ лѣсной полосѣ Ардатовскаго уѣзда. Не рѣдокъ онъ также на Сурѣ.

Во всякое время жизни орелъ этотъ привязанъ къ лѣсу и, не упуская, подобно беркуту, добычи и на открытыхъ пространствахъ, въ то же время чаще ловитъ ее въ лѣсу [1]).

[1]) Вотъ при какихъ условіяхъ пришлось мнѣ видѣть преслѣдованіе подорликомъ тетерева. Въ началѣ августа 1899 года незадолго до заката солнца я проѣзжалъ верхомъ лиственнымъ (дубовымъ) лѣсомъ, на границѣ мелкой поруби и довольно высокаго и чрезвычайно частаго молодого дубняка, которымъ богата мѣстами лѣсистая долина Алатыря. Почти изъ-подъ ногъ моей лошади изъ мелочей взлетѣлъ косачъ, который, однако, не полетѣлъ прочь, а немедленно бросился въ сторону и скрылся въ листвѣ молодого дубка. Мнѣ слышно было, какъ тяжелая птица захлопала крыльями, садясь на одинъ изъ нижнихъ сучьевъ вблизи земли.

Я не успѣлъ еще сообразить, въ чемъ дѣло, и почему осторожная птица

Этому отчасти способствуютъ и самый складъ и способности этого орла, болѣе легкаго и ловкаго, чѣмъ беркутъ. Полетъ его быстрѣе, и онъ чаще машетъ на лету крыльями, чѣмъ беркутъ, отличаясь еще нѣсколько въ воздухѣ своей фигурой и манерой держать голову, такъ что опытный глазъ отличитъ этихъ двухъ орловъ на большомъ разстояніи.

Изъ біологическихъ чертъ, характерныхъ для этого орла, необходимо отмѣтить, что онъ очень охотно и часто кричитъ. Его звонкій, характерный и пріятный для уха клекотъ приходится слышать въ лѣсу въ различное время лѣта—и тогда, когда старые орлы держатся у гнѣзда, и осенью, когда уже разобьются молодые. Особенно часто перекликаются старики съ молодыми, когда выводокъ держится еще вмѣстѣ. Иногда приходится видѣть—это случается и позднимъ лѣтомъ—какъ подорликъ, сидя на деревѣ, кричитъ въ теченіе долгаго времени повидимому безо всякой цѣли, только для собственнаго развлеченія. Онъ издаетъ при этомъ нѣсколько криковъ, быстро слѣдующихъ другъ за другомъ, и потомъ замолкаетъ, чтобы черезъ нѣсколько мгновеній снова начать кричать. Молчаливый беркутъ, какъ кажется, никогда не дѣлаетъ ничего подобнаго.

рѣшилась сѣсть на дерево въ шести шагахъ разстоянія отъ человѣка, какъ надъ моей головой, не выше 3—4 аршинъ, прошумѣлъ орелъ, который бросился за тетеревомъ. Громадная птица, однако, запуталась въ густыхъ вѣтвяхъ дуба и тяжело опустилась на вѣтви, въ половинѣ дерева, выше тетерева. Я остановилъ лошадь, чтобы видѣть, что будетъ дальше. Тетерева мнѣ не было видно въ чащѣ нижнихъ вѣтвей, орелъ же былъ весь на виду, видный въ просвѣтъ дерева. Онъ сидѣлъ, смотря внизъ, видимо готовый броситься на добычу, и не обращалъ на меня ни малѣйшаго вниманія, хотя я былъ на разстояніи трехъ-четырехъ саженъ отъ дерева. Послѣ двухъ-трехъ минутъ ожиданія я сошелъ лошади и подошелъ вплотную къ дубку. Орелъ улетѣлъ, тетерева же я не нашелъ ни на деревѣ, ни подъ нимъ. Вѣроятно, улучивъ моментъ, онъ спрыгнулъ на землю (именно, спрыгнулъ, такъ какъ обычнаго шума „слета“ не было слышно) и, пользуясь закрывавшимъ его подсѣдомъ кустовъ и покровомъ буйныхъ травъ, разрастающихся мѣстами на жирной почвѣ сырыхъ дубовыхъ лѣсовъ, убѣжалъ по землѣ...

Б. Житковъ.

Другою чертой, отличающей замѣтно подорлика отъ беркута, является то обстоятельство, что выводки держатся лѣтомъ вмѣстѣ въ теченіе болѣе продолжительнаго времени и держатся какъ бы тѣснѣе, такъ что старыя птицы обыкновенно находятся въ непосредственной близости молодыхъ птицъ, садясь на сосѣднее дерево или даже на то самое, на которомъ сидитъ птенецъ. Такія семьи — обыкновенно состоящія изъ 4 птицъ—послѣ вылета птенцовъ изъ гнѣзда странствуютъ по окрестностямъ, иногда отлетая на довольно значительное разстояніе отъ мѣста гнѣздовья въ поискахъ за пищей, въ особенности за падалью, до которой эти орлы, кажется, еще бо́льшіе охотники, чѣмъ беркутъ.

Въ лѣсистой долинѣ Алатыря подорлики въ общемъ малочисленнѣе, чѣмъ беркуты. Въ степныхъ районахъ изученной нами мѣстности мы лично этого вида не встрѣчали.

Circaëtus gallicus Gm.

Circaëtos gallicus Gm. М. А. Мензбиръ. Птицы Россіи, II. стр. 169.

С. А. Бутурлину доставленъ одинъ экземпляръ змѣеяда (♀, убитая 17/IV) изъ долины Суры (окрестности Промзина). Одинъ разъ пришлось намъ наблюдать, по всему вѣроятію, этотъ видъ въ долинѣ р. Алатыря; но птица не была добыта. Несомнѣнно, что змѣеядъ въ Симбирской губерніи встрѣчается далеко не часто.

Buteo vulpinus Licht.

Buteo vulgaris Bechst. Эверсманъ. Ест. ист. Оренб. кр., III. стр. 43. *Buteo vulgaris* Bechst. М. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 37. *Buteo vulpinus* Licht. Мензбиръ. Орнит. геогр., I, стр. 353. *Buteo vulpinus*. Рузскій. Орнит. набл. въ Симб. губ., стр. 4, 8, 11. *Buteo vulpinus* Licht. Мензбиръ. Пт. Россіи, II, стр. 189.

По численности своей во всѣхъ сколько-нибудь подходящихъ для его гнѣздовья мѣстахъ сарычъ въ Симбирской гу-

берніи можетъ поспорить развѣ только съ нѣкоторыми породами луней, въ частности съ камышевымъ лунемъ. И въ лѣсной полосѣ—гдѣ обычнымъ мѣстомъ гнѣзднванья его служатъ свѣтлые смѣшанные лѣса—и въ небольшихъ лиственныхъ рощахъ степей сѣверной и западной половины губерніи онъ одинаково многочисленъ. Онъ не избѣгаетъ также ни чистаго сосноваго бора, гдѣ, однако, встрѣчается гораздо рѣже, ни темныхъ дубовыхъ лѣсовъ лѣвобережья Алатыря, ни даже рѣчныхъ уремъ. Послѣ подъема на крылья молодыхъ (вылетающихъ иногда изъ гнѣздъ уже въ самомъ началѣ іюля) сарычи въ особенно большомъ числѣ появляются на поемныхъ лугахъ по теченію Суры и Алатыря, окаймленныхъ лѣсными пространствами, служащими удобными мѣстами для вывода молодыхъ. Поймы даютъ сарычамъ обильную и разнообразную пищу въ видѣ мышей, ящерицъ, лягушекъ и насѣкомыхъ. Обычнымъ мѣстомъ отдыха и кочевокъ для сарычей въ лугахъ служатъ стога сѣна.

Въ области рѣчныхъ луговъ сарычи охотятся уже поодиночкѣ. Не разбившіеся еще выводки держатся въ лѣсныхъ опушкахъ, ближайшихъ къ гнѣзду, или въ окрестностяхъ большихъ лѣсныхъ полянъ. Здѣсь въ періодъ гнѣздовья и позже, когда уже летаютъ молодые, особенно часто приходится слышать характерный крикъ сарыча. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ птица кричитъ въ воздухѣ во время полета или въ моментъ взлета съ дерева, гораздо рѣже—сидя на деревѣ. Часто въ ясные лѣтніе дни голосъ сарыча доносится съ громадной вышины, изъ-подъ облаковъ, гдѣ, не шевеля крыльями, носятся широкими кругами иногда 5—6 сарычей вмѣстѣ.

Вблизи гнѣзда или птенцовъ взрослые сарычи часто преслѣдуютъ пролетающихъ хищныхъ птицъ и воронъ, стараясь отогнать ихъ прочь, и въ частности всегда нападаютъ на орловъ.

По оттѣнку окраски и силѣ примѣси рыжаго цвѣта въ

опереніи Симбирскіе сарычи варьируютъ такъ же, какъ и всюду. Молодыя птицы всегда окрашены нѣсколько темнѣе.

Archibuteo pallidus Menzb.

Archibuteo pallidus Menzb. Птицы Россіи. II, стр. 180.

Канюки замѣчены были въ Курмышскомъ и Ардатовскомъ уѣздахъ въ довольно большомъ числѣ осенью 1902 и 1903 годовъ. Два экземпляра, убитые въ началѣ сентября въ Курмышскомъ уѣздѣ Д. П. Филатовымъ и доставленные намъ, оказались типичными сибирскими канюками.

Accipiter nisus. L

Astur nisus L. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 49. *Astur nisus L.* М. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 45. *Accipiter nisus* Pall. Мензбиръ. Орнит. геогр., I, стр. 447. *Astur nisus.* Рузскій. Орнит. набл. въ Симб. г., стр. 4, 14. *Accipiter nisus* L. Мензбиръ. Пт. Россіи, II, стр. 198.

Перепелятникъ распространенъ и въ лѣсныхъ и въ степныхъ частяхъ губерніи, хотя нигдѣ не встрѣчается въ очень большомъ количествѣ. Этотъ хищникъ такъ же охотно посѣщаетъ поселенія человѣка, какъ и болѣе крупный родственникъ его—*Astur palumbarius*, нападая, однако, преимущественно на мелкихъ пѣвчихъ птицъ.

Около двухъ-трехъ десятковъ лѣтъ тому назадъ въ степныхъ татарскихъ селахъ Курмышскаго и Сергачскаго уѣздовъ была очень распространена охота съ выношенными перепелятниками на перепеловъ, которыхъ травили здѣсь ястребами въ такомъ количествѣ, что птицъ засаливали на зиму; охотились такъ и въ другихъ частяхъ губерніи, напр. въ селѣ Уржумскѣ Симбирскаго уѣзда. Для охоты этой—для подъема перепела, котораго травили выношеннымъ ястребомъ—дрессировались простыя дворняжки. Теперь этотъ промыселъ совершенно прекратился, главнымъ образомъ вслѣдствіе чрез-

вычайнаго сокращенія количества перепеловъ. Нигдѣ нельзя уже найти выпошеннаго ястреба.

Несомнѣнно, что значительно большая часть перепелятниковъ покидаютъ зимою тѣ мѣстности, о которыхъ мы говоримъ. Зимою перепелятникъ въ Симбирской губерніи принадлежитъ во всякомъ случаѣ къ числу большихъ рѣдкостей.

Astur palumbarius L.

Astur palumbarius L. Эверсманнъ. Ест. истор. Оренб. кр., III, стр. 47. *Astur palumbarius* L. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 42. *Astur palumbarius*. Мензбиръ. Орнит. геогр. Евр. Россіи, I, стр. 432. *Astur palumbarius*. Рузскій. Орнит. набл. въ Симбир. г., стр. 4, 11, 14. *Astur palumbarius* L. Мензбиръ. Птицы Россіи, II, стр. 205.

Тетеревятникъ населяетъ безразлично и степной и лѣсной районы, гнѣздясь и въ сплошныхъ лѣсахъ долины Алатыря и Засурья и въ лиственныхъ рощахъ степныхъ полосъ Ардатовскаго и Курмышскаго уѣздовъ—вообще распространенъ повсемѣстно въ губерніи. Охотится этотъ хищникъ больше вблизи опушекъ, у жилья человѣка и по рѣчнымъ поймамъ, но гнѣздится иногда и въ глуши лѣса. Такъ однажды мы нашли гнѣздо его (изъ котораго спугнули высиживавшую самку) на старой ели, въ очень глухомъ мѣстѣ смѣшаннаго (главнымъ образомъ хвойнаго) лѣса, верстахъ въ четырехъ отъ опушки. Гнѣздо это было расположено немного выше средины дерева, у самаго ствола.

Къ способамъ охоты и добыванія добычи этого совершеннѣйшаго изъ нашихъ хищниковъ мы будемъ еще имѣть случай вернуться ниже. Теперь же замѣтимъ только, что *Astur palumbarius*—едва ли не вреднѣйшая изъ всѣхъ нашихъ хищныхъ птицъ. Въ особенности велики опустошенія, которыя онъ производитъ среди промысловыхъ птицъ.

Зимой, когда тетеревятнику несомнѣнно приходится иногда голодать, нападенія его дѣлаются особенно стремительными и отважными, и посѣщенія селеній болѣе частыми. Зимою,

впрочемъ, хищникъ этотъ въ Симбирской губерніи попадается несомнѣнно рѣже. Вѣроятно, часть птицъ на время холодовъ откочевываетъ къ югу.

Circus cyaneus L.

Circus cyancus L. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 68. *Circus cyaneus* L. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 50. *Strigiceps cyaneus* L. Мензбиръ. Орнит. геогр., I, стр. 453. *Circus cyaneus.* Рузскій. Орн. набл. въ Симб. г., стр. 9, 15. *Cyrcus cyaneus* L. Мензбиръ. Пт. Россіи, II, стр. 229.

Circus pygargus L.

Circus cineraceus Montagu. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 51. *Strigiceps cineraceus* Mont. Мензбиръ. Орнит. геогр. Европ. Россіи, I, стр. 462. *Circus cineraceus.* Рузскій. Орнит. набл. въ Симб. губ., стр. 13. *Circus cineraceus* Mont. Мензбиръ. Пт. Россіи, II, стр. 217.

Circus macrurus Gm.

Circus pallidus. Рузскій. Орнит. наблюд. въ Симб. губ., стр. 9, 15. *Circus macrurus* Gm. Мензбиръ. Пт. Россіи, II, стр. 224.

Полевой, луговой и степной луни встрѣчаются въ различныхъ частяхъ описываемой мѣстности. Но въ то время, какъ *C. cyaneus* и *C. pygargus*—въ особенности первый—всюду многочисленны, *C. macrurus* встрѣчается несравненно рѣже. Всѣ три вида являются по преимуществу формами открытыхъ степей и рѣчныхъ долинъ. Въ долинѣ Алатыря послѣ подъема молодыхъ на крылья *Circus cyaneus* встрѣчается въ значительно большемъ количествѣ, чѣмъ *Circus pygargus*, но гнѣздятся ли здѣсь полевые луни,—этого мы не можемъ сказать съ увѣренностью.

Начиная приблизительно съ первыхъ чиселъ августа количество полевыхъ и луговыхъ луней, охотящихся въ поляхъ и поймахъ Симбирской губерніи, очень сильно возрастаетъ, вѣроятно, отъ прибывающихъ съ сѣвера пролетныхъ экзем-

пляровъ, медленно двигающихся на югъ по богатымъ пищею мѣстамъ. Число луней являлось въ описываемыхъ мѣстахъ также необычнымъ въ годы, отмѣченные массовымъ размноженіемъ мышей и полевокъ, составляющихъ главнымъ образомъ пищу луней.

Circus aeruginosus L.

Circus aeruginosus L. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 67. *Circus rufus* Gm. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья. стр. 51. *Circus aeruginosus* L. Мензбиръ. Орнит. геогр., I, стр. 466. *Circus aeruginosus*. Рузскій. Орнит. набл. въ Симб. губ., стр. 13, 15. *Circus aeruginosus* L. Мензбиръ. Птицы Россіи, II, стр. 235.

Камышевый лунь въ Симбирской губерніи является однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ и многочисленныхъ видовъ хищниковъ, и можетъ поспорить въ этомъ отношеніи съ полевымъ лунемъ и сарычемъ. Непремѣннымъ условіемъ гнѣздованія его является близость воды, и во второй половинѣ лѣта молодыхъ птицъ приходится видѣть исключительно вблизи различныхъ водоемовъ—въ поймахъ большихъ рѣкъ и маленькихъ степныхъ рѣчекъ, у степныхъ прудовъ и озеръ и т. д.; но старыя птицы часто охотятся въ степяхъ очень далеко отъ воды, и ихъ приходится нерѣдко видѣть раздѣляющими охотничій районъ съ полевымъ лунемъ, кобчикомъ и пустельгой.

Въ выборѣ мѣстности для гнѣздовья камышевый лунь совсѣмъ не прихотливъ. Нужна только близость воды. Въ степяхъ Курмышскаго уѣзда онъ селится иногда въ оврагахъ по берегамъ маленькихъ ручьевъ, въ поймахъ небольшихъ степныхъ рѣчекъ, озеръ и т. д. Но все же луни эти болѣе многочисленны на гнѣздовьи въ долинахъ болѣе значительныхъ рѣкъ, гдѣ ихъ привлекаютъ въ особенности мокрые кочкарники, обильные крѣпями, топями и пространствами тростниковъ. Въ долинѣ Алатыря на такихъ мѣстахъ иногда гнѣздится по нѣскольку паръ камышевыхъ луней почти рядомъ.

Чаще всего гнѣзда помѣщаются въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ водою, обыкновенно въ гущѣ камышей, на повалившемся камышѣ или кочкѣ. Но иногда лунь выбираетъ и сухое мѣсто и помѣщаетъ гнѣздо подъ кустомъ или въ кусту. При наблюденіяхъ за размноженіемъ луней, наше вниманіе не разъ привлекали два обстоятельства: во-первыхъ, запозданіе кладокъ и вывода птенцовъ и, во-вторыхъ, очень замѣтно неравный возрастъ птенцовъ, находящихся въ гнѣздѣ. Въ долинѣ Алатыря намъ приходилось находить въ гнѣздахъ пуховыхъ птенцовъ послѣ двадцатаго іюля, когда болота полны уже самостоятельно охотящимися молодыми лунями. Въ гнѣздѣ, найденномъ на берегу озера въ поймѣ Алатыря 10-го іюля 1898 года, одинъ изъ двухъ еще пуховыхъ снѣжно-бѣлыхъ птенцовъ превосходилъ другого почти въ полтора раза ростомъ и начиналъ уже обрастать перьями, между тѣмъ какъ другой не имѣлъ и признаковъ пробивающихся перьевъ. При такой разницѣ въ ростѣ одинъ изъ птенцовъ долженъ былъ покинуть гнѣздо раньше другого.

Во время воспитанія птенцовъ и самецъ и самка находятся при гнѣздѣ. Въ то же время въ первую половину лѣта приходится нерѣдко видѣть старыхъ свѣтлокрылыхъ самцовъ въ открытыхъ хлѣбныхъ поляхъ далеко отъ воды. Вѣроятно, извѣстный процентъ самцовъ не спаривается и въ теченіе всего лѣта ведетъ бродячую жизнь. Послѣ подъема на крылья молодыхъ число камышевыхъ луней въ рѣчныхъ долинахъ—особенно въ поймахъ болѣе значительныхъ рѣкъ—въ иные годы прямо бросается въ глаза. Птицы охотятся въ теченіе всего дня и даже иногда послѣ заката солнца надъ болотами, озерами и лугами. Мѣстомъ отдыха служитъ ровный лугъ, кочка или стогъ сѣна. На деревья же лунь садится чрезвычайно рѣдко. Ночевать птицы эти предпочитаютъ въ зарослях тростника или въ куртинахъ камышей или рогозовъ (*Typha*, *Scirpus*) по краямъ озеръ.

Камышевый лунь нападаетъ на всѣхъ птицъ, которыхъ можетъ одолѣть, и въ частности очень вредитъ дичи.

Закончивъ камышевымъ лунемъ систематическій списокъ дневныхъ хищниковъ Симбирской губерніи, мы, прежде чѣмъ переходить къ группѣ *Striges*, считаемъ небезъинтереснымъ изложить нѣкоторыя изъ своихъ наблюденій, касающихся питанія дневныхъ хищниковъ и способовъ и манеры преслѣдованія и добыванія ими добычи, что стоитъ въ тѣсной связи со многими біологическими условіями ихъ жизни и организаціи и въ частности въ значительной мѣрѣ съ развитіемъ способности полета, которою отдѣльныя группы хищниковъ различаются довольно значительно. Мы не будемъ останавливаться при этомъ на такихъ формахъ (какъ напр. скопа и балобанъ), съ которыми наше знакомство носитъ слишкомъ отрывочный и случайный характеръ, а будемъ говорить лишь о болѣе обыкновенныхъ у насъ формахъ, изложивъ наши наблюденія, касающіяся соколовъ, осоѣдовъ, коршуновъ, орловъ, сарычей, ястребовъ и луней, и результаты вскрытій нѣкоторыхъ представителей этихъ группъ.

Изъ соколовъ мы остановимся на чеглокѣ (*F. subbuteo*), кобчикѣ (*E. vespertinus*) и пустельгѣ (*T. tinnunculus*)—формахъ, изъ которыхъ двѣ послѣднія въ общемъ очень близки другъ къ другу по своимъ повадкамъ, манерѣ полета и преслѣдованія добычи. Наиболѣе совершеннымъ хищникомъ изъ перечисленныхъ формъ является несомнѣнно чеглокъ. Не пропуская случая поймать крупное прямокрылое насѣкомое, онъ въ то же время главнымъ образомъ преслѣдуетъ пѣвчихъ птицъ, а также и болѣе крупныхъ пернатыхъ, въ частности очень охотно перепеловъ. Для ловли перепеловъ чеглокъ прибѣгаетъ часто къ очень остроумному и смѣлому пріему, о которомъ говорилъ уже Науманъ: онъ чуть не по цѣлымъ часамъ виситъ иногда надъ охотничьей собакой, карауля взлетающихъ птицъ и проявляя полное равнодушіе къ близости охотника. Смѣлость его при этомъ такъ значительна,

что, какъ мы могли убѣдиться личными наблюденіями, онъ иногда преслѣдуетъ и хватаетъ легко раненаго, летящаго еще перепела немедленно послѣ выстрѣла, даннаго охотникомъ, находящимся въ 3—4 десяткахъ шаговъ отъ птицы. Съ тою же цѣлью ловли взлетающихъ птицъ чеглокъ иногда подолгу преслѣдуетъ ѣдущій полями экипажъ. Взлетѣвшій перепелъ, который заблаговременно замѣтилъ кинувшагося за нимъ чеглока, обыкновенно бросается на землю и отказывается взлетѣть еще разъ, а иногда и двинуться съ мѣста. Пишущему эти строки приходилось два раза брать руками перепеловъ изъ-подъ чеглока. Ловкость этого сокола при ловлѣ чрезвычайно велика—онъ ловитъ успѣшно самыхъ быстрыхъ и увертливыхъ воробьиныхъ птицъ. Травитъ онъ обыкновенно птицу въ угонъ, нагнавши, хватаетъ за спину и, нѣсколько лишь сбавивъ быстроту полета, несетъ до укромнаго мѣста.

Гораздо рѣже—пожалуй лишь въ видѣ исключенія—нападаютъ на пѣвчихъ птицъ кобчикъ и пустельга, которыя, какъ кажется, вовсе не ловятъ птицъ въ воздухѣ. Главнѣйшею пищей этихъ полезныхъ птицъ являются представители семейства *Muridae* и насѣкомыя, главнымъ образомъ виды саранчевыхъ и кузнечиковыхъ. Намъ кажется страннымъ, что Науманъ, повидимому, склоненъ думать, что *Erythropus vespertinus* лишь въ исключительныхъ случаяхъ ловитъ мелкихъ грызуновъ [1]). Неоднократныя вскрытія убѣдили насъ въ томъ, что мыши и полевки въ нашихъ краяхъ являются очень обыкновенною пищей для кобчиковъ. Мы находили неоднократно остатки грызуновъ также въ гнѣздахъ кобчиковъ. По нашимъ наблюденіямъ, кобчики особенно часто охотятся за мышами весною и въ первую половину лѣта; во-вторую

[1]) „Diese (Nahrung) scheint bloss in Insekten..... zu bestehen.....: Ich glaube, dass er da, wo er brütet, auch Junge aus den Nestern kleiner Vögel holt; auch ist sehr wahrscheinlich, dass er sich zuweilen ein Mäuschen fängt. Doch das sind nur Vermutungen". (Naumann. Naturg. d. Vögel Mitteleuropas (Fr. E. Köhler), B. V. p. 131).

же половину лѣта, особенно если стоитъ сушь, они преслѣдуютъ главнымъ образомъ прыгающихъ прямокрылыхъ, которыхъ количество въ поляхъ и степяхъ къ этому времени значительно возрастаетъ. Остатки жуковъ также часто находятся въ желудкахъ *E. vespertinus*.

Пустельга преслѣдуетъ мышей еще энергичнѣе кобчика и охотится вообще крайне неутомимо. Формѣ этой свойственна извѣстная, принадлежащая лишь очень немногимъ хищникамъ, привычка при выглядываніи добычи останавливаться на одномъ мѣстѣ въ воздухѣ, поддерживая свое тѣло учащенными ударами крыльевъ [1]). При этомъ птица не держится вполнѣ горизонтально, а нѣсколько свѣшиваетъ внизъ заднюю часть туловища съ сильно распущеннымъ хвостомъ, такъ что ударъ крыла направленъ не прямо внизъ, а и нѣсколько впередъ. При этомъ, сравнительно съ нормальнымъ полетомъ, удары крыльевъ значительно учащаются, что является необходимымъ, какъ потому, что птица, парализуя на время увлекающую ее впередъ инерцію, содѣйствующую полету, должна затрачивать больше силъ для поддержанія своего туловища въ воздухѣ, такъ и потому, что при движеніи по одному направленію, безъ перемѣщенія туловища птицы, крылья при повторныхъ ударахъ встрѣчаютъ воздушные слои, взволнованные и выведенные изъ равновѣсія прежними ударами, причемъ невыгодно для птицы измѣняются условія сопротивленія тѣхъ массъ воздуха, на которыя опираются рулевыя и маховыя перья.

Значительныя усилія, которыя должна затрачивать птица, чтобы поддерживать себя въ такомъ положеніи въ воздухѣ, не позволяютъ такому „полету на мѣстѣ“ быть продолжительнымъ. Обыкновенно птица трясется лишь нѣсколько секундъ (это происходитъ всегда невысоко надъ землею), и

[1]) Отъ этой привычки произошло названіе „трясучка“, придаваемое пустельгѣ мѣстами охотниками. То же самое при выслѣживаніи добычи продѣлываютъ, кромѣ хищныхъ птицъ, и нѣкоторыя крачки (*Sterna*).

если она убѣдилась, что добыча, которая привлекла ея вниманіе, дѣйствительно находится подъ ней, она падаетъ внизъ, повидимому, свободно отдаваясь силѣ тяжести, сложивъ крылья и когтями внизъ, не наклоняя при этомъ туловища косо головой внизъ, какъ дѣлаютъ это многія хищныя птицы, бросаясь сверху на добычу.

Чтобы не возвращаться больше къ этому вопросу, мы замѣтимъ здѣсь же, что кромѣ пустельги и кобчика, который, хотя и гораздо рѣже, также подкарауливаетъ свою добычу, останавливаясь въ воздухѣ, мы изрѣдка наблюдали тотъ же полетъ у обыкновеннаго сарыча (*Buteo vulpinus*). Этой болѣе тяжелой птицѣ остановка въ воздухѣ стоитъ, повидимому, еще большаго труда. Сарычъ сильнѣе опускаетъ при этомъ внизъ заднюю часть туловища, и самая остановка бываетъ обыкновенно короче, чѣмъ у пустельги. Не вполнѣ вертикальное направленіе линіи удара крыла (т.-е. не строго горизонтальное положеніе его плоскости) благопріятно въ данномъ случаѣ въ смыслѣ лучшей утилизаціи условій сопротивленія воздуха, что ясно изъ теоретическихъ данныхъ и опытовъ, приводимыхъ Мареемъ для объясненія условій полета при подъемѣ птицы съ земли [1]).

Луни (*Circus*), хорошіе мышеловы, которымъ способность

[1]) Marey. *Le vol des oiseaux.* Paris. 1890. Chap. XVI „Résistance et mouvements de l'air pendant l'abaissement de l'aile" § 153—156, pp. 248—256. У H. Strasser'a (*Ueber den Flug der Vögel. Jenaische Zeitschrift*, B. XIX, 1886) подъ рубрикой „Die Gesetze des Luftwiderstandes" (p. 213) читаемъ: „Marey suchte experimentell nachzuweisen, dass bei längere Zeit dauernder Bewegung einer Fläche in annähernd derselben Richtung der Widerstand wieder kleiner wird trotz gleichbleibender Geschwindigkeit, weil mehr und mehr die ganze umgebende Luft in eine strömende Bewegung im Sinne der Bewegung der Fläche versetzt wird. Er glaubt, dass hierauf der Unterschied in der Anstrengung des Flügelschlages beim Beginn des Fluges, bei noch geringer Horizontalgeschwindigkeit.... beruhe.... ...Doch würden Marey's Versuche mit künstlichen Flügeln beweisen, dass wirklich das von ihm beleuchtete Verhältniss eine bedeutsame Rolle spielt, vorausgesetzt, dass die Sagittalprofile der Flügel in diesen Versuchen stets genau horisontal orientirt waren".

къ такому удобному пріему высматриванія добычи на землѣ была бы, несомнѣнно, въ высшей степени полезной, никогда не останавливаются описаннымъ образомъ въ воздухѣ, несмотря на стройность своего туловища, легкость и плавность полета. Вѣроятно, имъ до извѣстной степени мѣшаютъ въ этомъ отношеніи ихъ очень удлиненныя крылья [1]). Если лунь, низко проносясь надъ лугомъ и жнивой, нѣсколько минуетъ добычу или не успѣетъ разсмотрѣть ее, онъ просто круто поворачиваетъ въ воздухѣ, описывая родъ спирали, и быстро падаетъ на подозрительное мѣсто.

О способѣ полета безъ наличности поступательнаго движенія (*стаціонарнаго полета*, какъ онъ могъ бы быть названъ) мы не находимъ указаній ни у Marey (l. c.), ни въ обширной работѣ H. Strasser'a (l. c.). Между тѣмъ, по нашему мнѣнію, изученіе этого полета, свойственнаго главнымъ образомъ нѣкоторымъ хищникамъ и крачкамъ, имѣетъ значительный теоретическій интересъ при обсужденіи условій сопротивленія воздуха при движеніи крыльевъ, съ одной стороны, и роли инерціи поступательнаго движенія, съ другой стороны. Какъ кажется, только при этомъ способѣ полета исключается инерція движенія впередъ, которая входитъ, какъ одна изъ дѣйствующихъ силъ, и при горизонтальномъ нормальномъ полетѣ, и при такъ наз. пассивномъ (парящемъ) полетѣ, и при подъемѣ птицъ съ земли. Ближайшимъ къ этой формѣ полета является почти аналогичный по существу брачный полетъ жаворонковъ, при которомъ птица поднимается вертикально вверхъ съ помощью направленныхъ внизъ (или почти внизъ) ударовъ крыльями.

Относительно осоѣдовъ, коршуповъ и сарычей мы можемъ сдѣлать лишь немногія замѣчанія. У двухъ вскрытыхъ нами

---

[1]) У Strasser'a тамъ же (p. 213): „Man darf allerdings nicht unberücksichtigt lassen, dass bei fast stationarem Fluge auch der dorsale Widerstand am Flügel erheblich grösser ist". Это „дорзальное сопротивленіе" должно, конечно, сильно возрастать съ увеличеніемъ крыла.

экземпляровъ *Pernis apivorus*, убитыхъ въ іюлѣ, желудокъ былъ наполненъ остатками шершней (*Vespa crabro*) и болѣе мелкихъ видовъ осъ. Наблюдая часто на свободѣ коршуновъ (*Milvus korschun*), мы имѣли не разъ случай замѣчать ихъ привязанность къ падали и ту быстроту, съ которой они являются (обыкновенно одновременно съ воронами) на трупъ павшаго и вывезеннаго въ поле животнаго. Птицы наѣдаются при этомъ такъ, что часами отдыхаютъ въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія отъ падали и съ трудомъ поднимаются на воздухъ. Въ то же время черный коршунъ, посѣщая поселенія человѣка, очень часто нападаетъ на молодую домашнюю птицу; иногда хищники эти нападаютъ даже на взрослыхъ куръ.

Не останавливаясь на хорошо изученныхъ вообще условіяхъ питанія сарычей (*Buteo vulpinus*), играющихъ значительную роль въ хозяйствѣ человѣка въ качествѣ очень полезныхъ и важныхъ, по многочисленности своей, истребителей мелкихъ грызуновъ и насѣкомыхъ, остановимся лишь вкратцѣ на слѣдующемъ наблюденіи, сдѣланномъ нами въ Ардатовскомъ уѣздѣ. Въ августѣ 1899 года, во время сѣва ржи, въ долинѣ Алатыря появились въ довольно значительномъ количествѣ (хотя одиночно) крупныя саранчевыя (*Pachytilus sp.* и *Caloptenus*), перелетавшія по пашнямъ, жнивамъ и поемнымъ лугамъ. На озимомъ полѣ, гдѣ какъ разъ засѣвали рожь, окруженномъ съ трехъ сторонъ чернолѣсьемъ, въ которомъ держалось довольно сарычей, одинъ изъ авторовъ этой работы въ теченіе нѣсколькихъ дней видѣлъ систематическую охоту сарычей за появившейся саранчей. Птицы пѣшкомъ въ припрыжку гонялись по пашнѣ за прыгавшими и летавшими насѣкомыми, взлетали на мгновеніе, когда въ этомъ была нужда, садились опять и продолжали работу дальше. На смѣну наѣвшихся птицъ, садившихся отдыхать на столбы, плетни или просто на землю, являлись новыя. Работа продолжалась нѣсколько дней, и едва ли будетъ значительнымъ

преувеличеніемъ, если принять, что на вспахапномъ участкѣ въ сто десятинъ была уничтожена вся появившаяся саранча. Намъ кажется, что приводимый нами случай не требуетъ дальнѣйшихъ комментаріевъ относительно сельско-хозяйственнаго значенія сарычей, которые истребляютъ къ тому же множество мышей.

Говоря выше объ обоихъ орлахъ, приведенныхъ нами въ качествѣ обыкновенныхъ въ Симбирской губерніи птицъ, мы упомянули, что и беркутъ (*A. chrysaetus*), и крикунъ (*A. clanga*) охотно садятся на падаль. Такъ же, какъ и коршуна, они иногда наѣдаются при этомъ такъ, что почти теряютъ способность къ полету. Изъ живой добычи птицы и млекопитающія (между прочимъ очень часто зайцы) попадаютъ почти исключительно въ когти вполнѣ взрослыхъ и опытныхъ птицъ; птицы же вывода этого года въ теченіе лѣта и осени ловятъ главнымъ образомъ насѣкомыхъ (*Orthoptera saltatoria*) и лягушекъ, рѣже ящерицъ. Только этихъ животныхъ нашли мы при трехъ вскрытіяхъ молодыхъ орловъ. Старые орлы не брезгаютъ ничѣмъ и въ то же время отваживаются нападать на самыхъ крупныхъ и сильныхъ изъ нашихъ птицъ. Пишущій эти строки видѣлъ однажды (въ долинѣ Алатыря), какъ беркутъ бросился сверху на пролетавшую невысоко надъ землею стайку журавлей. Орелъ былъ на довольно значительной вышинѣ (вѣроятно, не менѣе 60—80 саженъ) и бросился на птицъ по почти вертикальной линіи, головой внизъ и приложивъ крылья къ туловищу. Заблаговременно замѣтившіе его маневръ журавли (ихъ было 7—8) тоже совершенно вертикально, сложивъ крылья, упали на землю и стояли тѣсно, поднявъ головы къ верху. Но въ разсчеты орла, надѣявшагося ударить одну изъ птицъ въ воздухѣ, вѣроятно, не входило встрѣтиться на землѣ съ острыми клювами сильныхъ и смѣлыхъ птицъ. Въ десяткѣ саженъ отъ земли онъ распустилъ хвостъ и крылья и крутой дугой взлетѣлъ снова кверху.

Переходя къ встрѣчающимся у насъ ястребамъ, мы должны прежде всего замѣтить, что эти совершеннѣйшіе съ біологической точки зрѣнія хищники уже по своему полету, равно какъ по способамъ преслѣдованія и добыванія добычи, довольно замѣтно отличаются отъ другихъ хищныхъ птицъ.

Длинный хвостъ и короткіе крылья придаютъ ястребамъ довольно оригинальный видъ. Эти же короткія крылья заставляютъ ястребовъ во время полета очень быстро махать ими. Лишь очень рѣдко ястреба (особенно рѣдко *A. palumbarius*) парятъ на значительной высотѣ, не двигая крыльями. И во всякомъ случаѣ такой полетъ бываетъ очень кратковременнымъ, и за краткимъ періодомъ паренья слѣдуютъ нѣсколько быстрыхъ ударовъ крыльями. Никогда ястреба по долгу не носятся при полной неподвижности крыльевъ на большой высотѣ, какъ орлы и сарычи, никогда не плаваютъ медленно надъ землей, какъ луни. Они ближе къ соколамъ по манерѣ полета и охоты, но и отъ нихъ отличаются сильно, проносясь обыкновенно быстро и низко надъ землей и пользуясь каждымъ прикрытіемъ, чтобы на открытыхъ мѣстахъ появиться по возможности неожиданно. Ястреба ловятъ въ угонъ, замѣняя недостающую имъ быстроту преслѣдованія неожиданностью нападенія. Вѣроятно, они не умѣютъ нападать снизу. По крайней мѣрѣ стаи голубей при нападеніи тетеревятника, когда обстоятельства этому благопріятствуютъ, спасаются, поднимаясь кверху, и хищникъ, если ему не удалось отбить и гнать низомъ одну изъ птицъ, никогда не преслѣдуетъ стаю въ вышину. При прямой погонѣ быстрота полета *A. palumbarius* приблизительно равна полету голубя и тетерева. Иногда онъ нагоняетъ этихъ птицъ, иногда нѣтъ. Въ нечастомъ лѣсу тетеревятникъ гонитъ птицу съ тою же страшною стремительностью, какъ и на открытомъ мѣстѣ, и обыкновенно, влетая при погонѣ въ опушку, на нѣсколько мгновеній прикладываетъ крылья и несется дальше одною силой инерціи, управляя направленіемъ полета движеніями

длиннаго хвоста. Случаи, когда тетеревятники, въ жару погони, влетали въ сараи и окна жилыхъ помѣщеній, общеизвѣстны, и намъ также приходилось слышать объ этомъ отъ очевидцевъ.

Мы не будемъ далѣе останавливаться на подробностяхъ преслѣдованія ястребами различныхъ птицъ, такъ какъ объ этомъ написано довольно, и сообщимъ лишь нѣкоторыя изъ личныхъ нашихъ наблюденій, кажущихся намъ достойными вниманія. Одному изъ авторовъ этой статьи удалось однажды два дня подъ рядъ наблюдать тетеревятника, который сидѣлъ на полѣнницѣ дровъ на срединѣ ея высоты и на сторонѣ, противоположной скотному двору, мимо котораго часто пролетали жившіе на немъ голуби. Ястребъ, поджидая голубей, выглядывалъ при этомъ изъ-за края полѣнницы, вытягивая шею, какъ внимательный охотникъ изъ засады. Другой случай, характеризующій неразборчивость ястреба въ выборѣ добычи, заключается въ слѣдующемъ: пишущій эти строки, во время охоты въ поемныхъ лугахъ долины Алатыря застрѣлилъ крупнаго тетеревятника, который взлетѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него изъ густой травы. На томъ мѣстѣ, гдѣ поднялся съ земли, бросивъ добычу, ястребъ оказался еще теплый трупъ стараго полевого луня съ отъѣденной головой. Вотъ еще случай, характеризующій слѣпую жадность нападающаго тетеревятника. Авторъ этихъ строкъ видѣлъ у одного изъ промышленниковъ Ардатовскаго уѣзда чучело, употреблявшееся для приманки тетеревовъ при такъ-называемой охотѣ „на чучела“, очень сильно разорванное когтями бросившагося на него тетеревятника. Охотникъ передавалъ, что ястребъ, стремительно бросившись на одно изъ чучелъ, стоявшее на высокомъ шестѣ такъ, что оно помѣщалось въ вѣтвяхъ березы, потащилъ его съ такой силой, что почти сорвалъ съ шеста, къ которому оно было привязано. Послѣдовавшій изъ шалаша выстрѣлъ убилъ на мѣстѣ хищника, который повисъ внизъ головой, такъ какъ когти

его были запущены глубоко въ чучело. Нужно замѣтить еще, что чучела, съ которыми охотятся на тетеревовъ промышленники на Алатырѣ, не имѣютъ ничего общаго съ тѣми сравнительно художественно сдѣланными изъ сукна фигурами тетеревовъ, которыя продаются для этой цѣли въ охотничьихъ магазинахъ. Это безобразные манекены, грубо сдѣланные изъ обрывковъ стараго чернаго кафтана и набитые соломой. Выставленные на шестахъ въ вершинахъ березъ, манекены эти только на большомъ разстояніи имѣютъ нѣкоторое сходство съ живыми сидящими на деревьяхъ тетеревами. Разсказанный случай произошелъ зимой, и ястребъ былъ, вѣроятно, сильно голоденъ.

Мы переходимъ теперь къ нѣкоторымъ наблюденіямъ, сдѣланнымъ главнымъ образомъ тоже надъ охотящими ястребами, которыя привели насъ къ заключенію, что, въ громадномъ по крайней мѣрѣ большинствѣ случаевъ, ловля птицъ и главнымъ образомъ возможность унести пойманную, довольно крупную иногда сравнительно съ размѣрами и силами хищника, птицу значительно облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что пойманныя ястребомъ птицы, вѣроятно, вслѣдствіе испытываемаго ими паническаго ужаса, впадаютъ въ особое каталептическое состояніе, дѣлающее иногда лишь очень легко раненую птицу совершенно пассивной и лишающее ее возможности какого бы то ни было сопротивленія. Всякому, кому приходилось видѣть вблизи процессъ ловли „въ угонъ“ какой-нибудь птицы ястребомъ или соколомъ, картина представляется въ такомъ видѣ. Птица прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы ускорить быстроту полета [1]) и уйти отъ когтей преслѣдователя. Но какъ только хищникъ настигнетъ ее и схватитъ когтями за спину, птица—кажется зрителю—мгновенно умираетъ. Голова, крылья и

[1]) Натуралистамъ, интересующимся предѣлами быстроты полета птицъ, слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, попробовать опредѣлить, хотя приблизительно, быстроту полета голубя, за которымъ гонится тетеревятникъ.

ноги ея повисаютъ, и все туловище совершенно пассивно виситъ въ когтяхъ хищника, который часто поэтому только и можетъ, хотя и съ видимымъ трудомъ, унести птицу съ того мѣста, гдѣ она поймана. А между тѣмъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ птица въ это время бываетъ легко ранена часто лишь поверхностно зацѣпившими ее когтями; и начни, напримѣръ, голубь биться въ это время въ когтяхъ ястреба и работать крыльями, хищникъ былъ бы принужденъ неминуемо опуститься на землю тамъ, гдѣ онъ поймалъ птицу, не въ силахъ будучи нести ее по воздуху. При нападеніяхъ соколовъ и ястребовъ на домашнюю птицу и голубей въ чертѣ селъ изъ трехъ пойманныхъ птицъ непремѣнно двѣ бывали бы отбиты при такихъ условіяхъ людьми или воронами. Тѣ случаи, когда намъ попадали случайно въ руки птицы, только что пойманныя хищниками, также подтверждаютъ вышеизложенное. Вотъ два такихъ случая, переданные здѣсь такъ, какъ они были нами въ свое время записаны.

„Въ концѣ августа 1895 года я охотился днемъ по жнивѣ близъ чернолѣсья у самаго края Сурской долины близъ села Болтаевки, повыше Промзина. Я поднялъ стайку куропатокъ штукъ въ 15 и не успѣлъ еще выстрѣлить, какъ сверху кинулся сапсанъ и потащилъ одну изъ куропатокъ. Она громко вскрикнула, но сейчасъ же замолкла и висѣла, какъ тряпка, въ когтяхъ у сокола. Отъ удивленія и неожиданности я не успѣлъ выстрѣлить, и соколъ шагахъ въ 150 отъ меня опустился въ колочекъ молодого дубняка и орѣшника (шаговъ въ 20 въ діаметрѣ), у склона холма. Я бросился туда бѣгомъ, но не успѣлъ сдѣлать въ кустахъ и нѣсколькихъ шаговъ, какъ услышалъ крикъ своего спутника: „онъ вылетѣлъ къ поймѣ“. Выскочивъ изъ кустовъ, я увидѣлъ сокола летящимъ шагахъ въ 100 отъ меня и шагахъ въ 60 надъ землей; въ когтяхъ его неподвижно тряпкой висѣла куропатка.

„Послѣ сдѣланнаго въ него выстрѣла, сапсанъ бросилъ куропатку, и она съ высоты 60 аршинъ, какъ камень, упала въ полынь и репейники, довольно широкой полосой росшіе у подножья холма. Я бѣгомъ бросился къ тому мѣсту, гдѣ она упала, но не успѣлъ еще добѣжать до нея, какъ птица поднялась шагахъ въ 15 отъ меня, какъ здоровая. Поднявшись она залетѣла за склонъ холма, и когда я вскарабкался наверхъ по крутому склону футовъ въ 30 вышины, то увидѣлъ снова ту же куропатку въ когтяхъ у того же сапсана (спутникъ мой видѣлъ всю сцену, не выпуская обѣихъ птицъ изъ глазъ). На этотъ разъ соколъ унесъ куропатку шаговъ за 400 въ пойму, и когда я спугнулъ его, и онъ бросилъ птицу, я поднялъ ее уже безъ головы и шеи, которыя были очень чисто и аккуратно отъѣдены; но на туловищѣ ея не оказалось никакихъ ранъ. Замѣчательно, что куропатка, совершенно живая и не раненая, въ когтяхъ у сокола висѣла совершенно безъ протеста и движеній, съ повиснувшей внизъ головой“.

Другое совершенно аналогичное наблюденіе сдѣлано надъ тетеревятникомъ и грачемъ въ Ардатовскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи. „Около средины дня въ іюлѣ мѣсяцѣ я проходилъ опушкой лѣса вблизи усадьбы. Рядомъ съ опушкой тянулся выгонъ, на которомъ обыкновенно держались грачи. И въ этотъ разъ много грачей ходило по лугу, часть же сидѣла на ольхахъ, березахъ и соснахъ въ опушкѣ. Пролетавшій надъ самыми вершинами лѣса тетеревятникъ бросился на одну изъ птицъ, которая при его приближеніи сорвалась съ дерева, схватилъ ее за спину и, не въ силахъ будучи удержать въ воздухѣ тяжелаго грача, который въ первый моментъ закричалъ и забился, точно съѣхалъ на немъ сверху наискось между деревьями на землю. Сцена произошла передъ моими глазами шагахъ въ 30, и голодный хищникъ позволилъ мнѣ подойти на 3 шага, прежде чѣмъ бросилъ добычу и взлетѣлъ. Все время, пока я подбѣгалъ къ нему,

онъ сидѣлъ на спинѣ неподвижно лежавшаго съ распростертыми крыльями и хвостомъ грача, повернувъ въ мою сторону голову. Я поднялъ грача, который лежалъ, какъ мертвый, и осмотрѣлъ его. На спинѣ его было лишь нѣсколько рваныхъ, совершенно поверхностныхъ ранъ отъ когтей ястреба. Черезъ нѣсколько времени грачъ у меня въ рукахъ пришелъ въ себя и улетѣлъ, какъ здоровый".

Не приводя здѣсь далѣе нѣсколькихъ мелкихъ, вполнѣ соотвѣтствующихъ всему вышеизложенному наблюденій, мы повторяемъ здѣсь, что наблюденія эти привели насъ къ заключенію, что въ большинствѣ случаевъ птицы, схваченныя хищникомъ, испытываютъ родъ гипноза или обморока (чего никогда или почти никогда не случается съ раненою выстрѣломъ птицею), позволяющихъ хищнику немедленно уносить добычу даже и въ томъ случаѣ, если онъ взялъ птицу, которую лишь съ большимъ трудомъ можетъ нести при условіи ея полной неподвижности.

Возвращаясь еще на нѣсколько словъ къ тетеревятнику, мы считаемъ небезъинтереснымъ отмѣтить то постоянное преслѣдованіе, которому подвергаютъ его вороны главнымъ образомъ въ то время, когда онъ собирается воспользоваться плодами удачной охоты. Когда ястребъ поймаетъ и унесетъ голубя, и это замѣтятъ нѣсколько воронъ, онѣ иногда начинаютъ преслѣдовать его по пятамъ, по десяти разъ перегоняя его съ мѣста на мѣсто. Когда хищникъ сидитъ на землѣ у пойманной птицы, вороны не рѣшаются нападать на него и, сидя въ разстояніи двухъ-трехъ саженъ, оглашаютъ воздухъ рѣзкими и очень характерными по оттѣнку звука криками. Но когда ястребъ, выведенный изъ терпѣнія, поднимается на воздухъ, держа въ когтяхъ добычу, чтобы перемѣнить мѣсто, вороны начинаютъ преслѣдовать его, часто нанося ему сильные удары клювами. Нерѣдко (особенно если поймана ворона же) онѣ отбиваютъ у ястреба только что пойманную имъ птицу.

Въ группѣ луней (*Circus*) три очень близкихъ другъ къ другу бѣлыхъ луня (*C. cyaneus*, *C. pygargus* и *C. macrurus*) несомнѣнно главное вниманіе удѣляютъ добыванію мышей, на что указываетъ и обычная манера ихъ охоты—плавный полетъ надъ самой поверхностью земли. Лишь рѣдко поднимаются эти птицы высоко въ воздухъ и при этомъ иногда носятся также кругами, парящимъ полетомъ. Намъ приходилось также наблюдать нападенія луней на сидящихъ на кустахъ или деревьяхъ воробьевъ, овсянокъ и др. мелкихъ воробьиныхъ. Случается, что лунь бросается при этомъ съ довольно значительной вышины, прикладывая крылья къ туловищу и головою внизъ; но это бываетъ рѣдко. При полетѣ надъ землею, онъ обыкновенно, увидѣвъ добычу, опускается на нее и схватываетъ ее когтями на землѣ. Промахнувшись при нападеніи, луни обыкновенно не преслѣдуютъ птицъ по воздуху: полетъ ихъ для этого недостаточно быстръ.

Сравнительно съ перечисленными лунями, камышевый лунь (*C. aeruginosus*)—врагъ гораздо болѣе опасный для пернатаго населенія рѣчныхъ долинъ. Не гнушаясь никакой добычей, онъ въ то же время нападаетъ и на болѣе крупныхъ птицъ, а такъ какъ гнѣзда его всегда устроены вблизи воды и чаще всего на кочкарныхъ болотахъ рѣчныхъ поймъ, то добычею его и дѣлаются очень часто водяныя и болотныя птицы. Нерѣдко приходилось намъ наблюдать случаи нападенія этого луня на дупелей и бекасовъ. Въ воздухѣ этотъ хищникъ также, повидимому, не преслѣдуетъ птицъ, которыхъ не успѣлъ схватить на землѣ или въ водѣ—въ камышахъ, гдѣ онъ часто промышляетъ.

Переходимъ теперь къ ночнымъ хищнымъ птицамъ.

Athene noctua Retz.

Strix noctua Retz. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 90. *Athene noctua* (Boie) Retz. М. Богдановъ. Пт. и зв. Пов., стр. 55. *Athene noctua*. М. Рузскій. Орнит. набл. въ Симб. губ., стр. 9. *Athene noctua* Scop. М. Мензбиръ. Пт. Росс., II, стр. 262.

Домовый сычъ въ Симбирской губерніи встрѣчается въ селеніяхъ и лѣсной, и степной полосы, но всюду не часто. Въ степяхъ Курмышскаго уѣзда онъ, кажется, болѣе обыкновененъ, нежели въ лѣсистой мѣстности по Алатырю. Мы имѣемъ также экземпляръ изъ долины Суры. М. Н. Богдановъ говоритъ, что на широтѣ Саратова сычъ этотъ зимуетъ. М. Д. Рузскій указываетъ (Мат. къ изуч. птицъ Казанской губ., стр. 165), что изъ Симбирской губерніи форма эта улетаетъ на зиму. Много лѣтъ тому назадъ одному изъ авторовъ этой работы случилось застрѣлить сыча глубокой зимой на гумнѣ деревни въ долинѣ Алатыря. Но мы не можемъ рѣшить теперь, не былъ ли это мохноногій сычъ (*Nyctale tengmalmi* Gm.), котораго позже намъ уже не приходилось встрѣчать въ описанной нами мѣстности. Мы замѣтимъ здѣсь же, что намъ не удалось найти въ Симбирской губерніи и воробьинаго сычика (*Glaucidium passerinum* L.), который встрѣчается здѣсь по словамъ Эверсманна и М. Д. Рузскаго (Орнит. набл., стр. 7).

Bubo bubo L.

Strix bubo L. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, 76. *Bubo maximus* Retz. М. Богдановъ. Птицы и зв. Поволжья, стр. 59. *Bubo ignavus*. М. Рузскій. Орнит. набл., стр. 4. *Bubo maximus* Ger. М. А. Мензбиръ. Пт. Росс., III, 269.

Во всѣхъ большихъ лѣсахъ Симбирской губерніи филинъ—обыкновенная птица. Въ хвойныхъ и смѣшанныхъ лѣсахъ долины Алатыря весною и осенью очень часто приходится слышать крикъ этой птицы. Еще многочисленнѣе филины въ

юго-западномъ углу Ардатовскаго уѣзда, въ лиственныхъ удѣльныхъ дачахъ близъ селъ Сырятина и Маресева. Здѣсь и болѣе обширные участки удѣльныхъ лѣсовъ, и небольшія частновладѣльческія рощи, расположенныя частью по холмистой грядѣ, вдоль которой проходитъ Московско-Казанская жел. дорога, изобилуютъ глухими оврагами, въ которыхъ и гнѣздятся филины. Въ лиственныхъ рощахъ степной полосы къ сѣверу отъ долины Алатыря филинъ встрѣчается гораздо рѣже, въ степныхъ же оврагахъ или балкахъ не встрѣченъ нами ни разу. Въ лѣсахъ долины Суры форма эта обыкновенна.

Крикъ филина связанъ со временемъ размноженія и раздается всего чаще и громче въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ. Обыкновенно филинъ начинаетъ кричать сейчасъ же послѣ захода солнца и замолкаетъ глубокой ночью. Но нерѣдко крикъ приходится слышать и до заката солнца. Съ наступленіемъ поздней весны филинъ замолкаетъ и начинаетъ снова кричать въ августѣ, вѣроятно, подъ вліяніемъ просыпающагося временно полового возбужденія. Среди лѣта или зимою намъ лично никогда не приходилось слышать крикъ филина.

Летая и охотясь обыкновенно въ сумерки и ночью, филинъ въ то же время вовсе не боится дневного свѣта. Вспугнутый днемъ, онъ совершенно свободно лавируетъ въ лѣсу. По своей охотѣ онъ и днемъ иногда вылетаетъ изъ чащи лѣса на поляны и опушки, садится иногда лѣтомъ на стога и т. под. Намъ извѣстенъ также случай, когда въ Ардатовскомъ уѣздѣ зимой среди дня филинъ былъ убитъ на только что схваченномъ имъ бѣлякѣ.

Восточно-русскій филинъ отличается очень замѣтно по своему гораздо болѣе свѣтлому цвѣту отъ типичнаго западноевропейскаго *Bubo bubo*. Въ то же время онъ довольно рѣзко отличенъ и отъ *B. bubo sibiricus* съ его бѣловатой окраской и отъ *B. bubo turcomanus* съ его ярко-охристымъ внѣшнимъ

краемъ плечевой птерилiи и окаймленными съ обоихъ краевъ охристымъ ушными пучками. Быть можетъ, восточно-русскій филинъ заслуживалъ бы выдѣленія въ особую географическую разновидность подъ названіемъ *B. bubo ruthenus*, связанную, конечно, переходами съ западными и сибирскими формами.

Зорьки (*Ephialtes scops* L.) мы не встрѣчали въ Симбирской губернiи. М. Д. Рузскій приводитъ этотъ видъ для долины Суры (Орнит. наблюденія, стр. 13).

Surnia ulula L.

Strix funerea Lath. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, 83. *Surnia nisoria* (Dum.) L. М. Н. Богдановъ. Пт. и зв. Пов., стр. 54. *Surnia ulula*. Рузскій. Орнит. набл., стр. 7. *Surnia ulula* L. Мензбиръ. Пт. Росс., II, 284.

Въ коллекцiи нашей есть экземпляръ ястребиной совы (♀), убитый 31/III близъ Промзина. Очень рѣдко попадается зимой въ лѣсахъ долины Алатыря. Въ другія времена года мы этого вида не встрѣчали.

Surnia nyctea L.

Strix nyctea L. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, 74. *Surnia nyctea* (Dum) L. Богдановъ. Пт. и зв. Пов., стр. 54. *Nyctea nivea* L. Мензбиръ. Пт. Росс., II, 307.

Полярная сова изрѣдка появляется зимой въ степной полосѣ Симбирской губернiи къ сѣверу отъ лѣсовъ долины Алатыря. Она всегда очень рѣдка, а въ нѣкоторые годы, какъ кажется, не прилетаетъ вовсе. Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ губернiи мы не видѣли этой птицы. Она появляется обыкновенно глубокой зимой и встрѣчается болѣе часто сѣвернѣе описаннаго края,—въ степной полосѣ Нижегородской губернiи до Волги (Сергачскій, Княгининскій, Васильсурскій уѣзды).

Syrnium aluco L.

Strix aluco L. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, 86. *Syrnium aluco* (Sav.) L. Богдановъ. Пт. и зв. Пов., стр. 55. *S. aluco.* Рузскій. Орнит. набл., стр. 4, 6, 11. *Syrnium aluco* L. Мензбиръ. Пт. Росс., II, 301.

Сѣрая неясыть довольно обыкновенна на всемъ пространствѣ описаннаго нами края и встрѣчается и въ глухихъ засурскихъ лѣсахъ, и въ долинѣ Алатыря, и въ степныхъ мѣстностяхъ губерніи, населяя здѣсь небольшія рощи и сады. Особенно часто приходилось намъ видѣть эту форму въ нѣсколькихъ старыхъ паркахъ Ардатовскаго и Курмышскаго уѣздовъ, изобилующихъ вѣковыми липовыми деревьями, въ дуплахъ которыхъ гнѣздятся совы.

Syrnium uralense Pall.

Strix uralensis Pall. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, 85. *Ptynx uralensis* (Bl.) Pall. *Syrnium uralense.* Рузскій. Орнит. набл., стр. 7. *Syrnium uralense* Pall. Мензбиръ. Пт. Росс., II, 297

Уральская неясыть довольно обыкновенна въ Сурскихъ лѣсахъ, гдѣ была найдена и М. Д. Рузскимъ, и откуда (изъ окрестностей Промзина) мы также имѣемъ 5 экземпляровъ (3 ♂♂ и 2 ♀♀). Экземпляры нашей коллекціи отличаются очень свѣтлымъ фономъ окраски, приближаясь въ этомъ отношеніи къ сибирскимъ особямъ. Въ смѣшанныхъ высокоствольныхъ лѣсахъ по Алатырю мы неоднократно встрѣчали эту сову и зимой, и лѣтомъ; она охотится и глубокой ночью, но, кажется, не очень боится дневного свѣта. Въ мартѣ и началѣ апрѣля, въ періодѣ начала гнѣздованія, приходится иногда видѣть пары этихъ совъ, пролетающихъ въ густыхъ вершинахъ сосенъ, и слышать—иногда уже тотчасъ послѣ заката солнца—ихъ глухой крикъ. Въ лѣсной полосѣ по Алатырю форма эта, впрочемъ, довольно рѣдка, въ районѣ же степей Ардатовскаго и Курмышскаго уѣздовъ, къ сѣверу отъ рѣки Алатыря, мы не встрѣчали ея вовсе.

Asio otus L.

Strix otus L. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. кр., III, стр. 79. *Aegolius otus* (K. et Bl.) L Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 58. *A. otus.* Рузскій. Орнит. набл., стр. 4, 6, 11. *Asio otus* L Мензбиръ. Пт. Росс., II, стр. 318.

Ушастая сова обыкновенна и по обширнымъ высокоствольнымъ лѣсамъ нашей мѣстности, и по островнымъ лиственнымъ лѣсамъ степной полосы. Видъ этотъ охотно держится вблизи жилищъ человѣка. Зимой намъ въ нашей мѣстности видѣть ушастой совы не случалось.

Asio accipitrinus Pall.

Strix brachyotus Lath. Эверсманнъ. Ест. ист. Оренб. края, III, стр. 81. *Brachyotus palustris* (Gould) Вр. Богдановъ. Пт. и зв. Поволжья, стр. 57. *Asio accipitrinus.* Рузскій. Орнит. набл., стр. 4. *Asio accipitrinus* Pall. Мензбиръ. Пт. Росс., II, 313.

Болотная сова, по всему вѣроятію, самая многочисленная и самая обыкновенная изъ всѣхъ нашихъ совъ. Впрочемъ, уже по характеру своей жизни, форма эта болѣе всѣхъ другихъ бросается въ глаза. Неприхотливая въ выборѣ мѣста для жизни и гнѣздованія и избѣгающая лишь глухихъ лѣсовъ, сова эта держится—мѣстами въ очень большомъ количествѣ—въ долинахъ рѣкъ, въ поляхъ, по балкамъ степей, а иногда и на большихъ лѣсныхъ полянахъ и открытыхъ порубахъ. Въ долинахъ болѣе значительныхъ рѣкъ—Суры, Алатыря и другихъ—форма эта особенно обыкновенна, гнѣздясь здѣсь на открытыхъ поемныхъ лугахъ, въ чертѣ рѣдкихъ зарослей тальниковъ или дубовой поросли, или по сухимъ, а иногда и потнымъ, кочкарникамъ по краямъ осоковыхъ болотъ. Въ сплошномъ морѣ хлѣбовъ степныхъ мѣстностей болотныя совы нерѣдко держатся на межникахъ, нераспаханныхъ балочкахъ, на луговинахъ близъ опушекъ рощъ и т. д. Обыкновенны онѣ также на участкахъ нераспаханныхъ степей.

Особенно многочисленны совы все же въ рѣчныхъ долинахъ, и здѣсь онѣ охотнѣе всего держатся въ чертѣ осоковыхъ болотъ, на площадяхъ кочкарниковъ, въ которыхъ скрываются такъ искусно, что и въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія ихъ невозможно замѣтить. Поэтому, конечно, сова—птица въ общемъ чуткая—подпускаетъ на болотѣ человѣка иногда на нѣсколько шаговъ. Вспугнутая, она перелетаетъ на нѣкоторое разстояніе и садится всегда на землю; иногда же поднимается даже среди дня, въ особенности ежели не видно солнца, на довольно большую высоту надъ землей и долго кружится въ воздухѣ. Болотная сова, несомнѣнно, хорошо видитъ и днемъ. Обыкновенно она вылетаетъ на охоту вскорѣ послѣ заката солнца и носится своимъ мягкимъ, неслышнымъ полетомъ невысоко надъ землей, преслѣдуя насѣкомыхъ и летучихъ мышей въ воздухѣ и мелкихъ грызуновъ на землѣ.

Зимой мы болотной совы въ Симбирской губерніи не встрѣчали. Въ числѣ экземпляровъ, присланныхъ С. А. Бутурлину изъ окрестностей Промзина, находится, однако, самка, убитая 29 октября.

AMNH LIBRARY
100063615